

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 8

Саратов, 2010

УДК 902 (470.4/.5) | 637/653 | (082)+929 Синецкин
ББК 63.4 (235.5) я43
А 87

А87 Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. /
Под ред. доц. В.А. Лопатина – Саратов.: ИЦ «Наука», 2010. Вып. 8. –
344 с.
ISBN 978-5-9999-0380-8

Кафедра историографии, региональной истории и археологии Саратовского государственного университета продолжает выпускать научный сборник Археология Восточно-Европейской степи. Очередной его выпуск посвящен 110-летию со дня рождения видного советского и российского исследователя Ивана Васильевича Синецкого. В сборнике представлены научные статьи авторов Санкт-Петербурга, Саратова, Энгельса, Балашова, Самары, Уральска по проблемам археологии бронзы – позднего средневековья, в которых рассматриваются вопросы периодизации и хронологии, хозяйства, социальной структуры древних обществ. Значительное внимание уделяется публикациям новейших материалов из раскопок на территории степной Евразии. Сборник рекомендуется специалистам – археологам, историкам, краеведам, музейным работникам и всем интересующимся древнейшей историей Нижнего Поволжья.

Редакционная коллегия

доц. В.А. Лопатин (отв. редактор),
доц. А.Б. Малышев (отв. секретарь),
доц. Н.М. Малов (зам. отв. редактора, научный координатор),
А.И. Жемков (технический редактор)
ст.науч.сотр. ИИМК РАН (С.-Петербург) В.С. Бочкарев,
проф. А.С. Скрипкин (Волгоградский государственный университет)

*Печатается по решению Ученого совета Института истории
и международных отношений
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
(издательский план 2010 года).*

УДК 902 (470.4/.5) | 637/653 | (082)+929 Синецкин
ББК 63.4 (235.5) я43

ISBN 978-5-9999-0380-8

© Саратовский государственный
университет, 2010
© Каргин Ю.Ю., Малов Н.М.
и др. авторы, 2010

Посвящается 110-летию со дня рождения
Ивана Васильевича Сеницына

Каргин Ю.Ю.

ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И.В. СИНИЦЫНА
(К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ).

Иван Васильевич Сеницын (1900–1972 гг.) – личность известная и в то же время неоднозначная. С его именем связан целый этап в развитии не только саратовского археологического центра, но и нижневолжской археологии в целом. Факты его биографии достаточно хорошо освещены в научной литературе и публицистике, однако информация об исследованных им археологических памятниках до настоящего времени не была обобщена. С одной стороны это связано с колоссальным объемом и широкой географией этих работ, с другой – с тем, что не все материалы были своевременно введены в научный оборот. По объему и значимости только научных публикаций в отечественных академических изданиях, творчество саратовского специалиста остается непревзойденным среди археологов региональных вузов. Тем не менее, нельзя забывать, что И.В. Сеницын зачастую проводил исследования без открытого листа¹ и не все находки своевременно сдавал в музейные фонды, поэтому не все эти материалы (и даже целые памятники) широко известны. В этой связи нами были собраны и систематизированы сведения о полевых археологических исследованиях И.В. Сеницына (табл. 1–5), а также составлена их карта (рис. 1). По архивным материалам и публикациям нами установлено, что И.В. Сеницын с 1930 по 1972 гг. проводил самостоятельные раскопки на 91 археологическом памятнике, среди которых 68 курганных могильников (всего раскопано 926 курганов), 7 грунтовых и дюнных могильников, 17 стоянок, поселений и городищ. Впервые публикуются редкие экспедиционные фотографии ученого из фондов Энгельсского краеведческого музея (рис. 5–8), а также фотографии из личных архивов Е.Н. Ардабачского (рис. 2, 4, 9), С.В. Ляхова (рис. 2) и Ю.Ю. Каргина (рис. 10).

В полевых исследованиях студент Саратовского университета И.В. Сеницын принимал участие с 1925 г. под руководством своего учителя П.С. Рыкова. С 1929 по 1949 гг. он являлся сотрудником СОМК. Став аспирантом по разделу археологии Нижневолжского института краеведения, в 1930 г. молодой специалист приступил к самостоятельным археологическим изысканиям (табл. 1). По поручению П.С. Рыкова в 1930 г. он обследовал левый

¹ Автор благодарит И.А. Сорокину за предоставленные сведения об открытых листах, выданных И.В. Сеницыну Институтом археологии (до 1957 г. – Институтом истории материальной культуры) АН СССР.

берег р. Кольшлей в Аткарском районе Саратовской области, где им были раскопаны 18 курганов в курганных группах Варьшаевка, Ершовка, Ершовка «А», Ершовка «Б», Верхний Кольшлей, Средний Кольшлей, а также проведены работы на поселении эпохи поздней бронзы Ершовка. Коллекции разновременных материалов опубликованы [Синицын, 1932а, 1932б; Гарустович и др., 1998] и хранятся в СОМК. В этом и следующем году в составе экспедиции Нижневолжского института краеведения под руководством П.С. Рыкова И.В. Синицын исследовал прибрежную часть Каспийского моря в пределах Приморского (современного Лаганского) района Калмыкии. По итогам разведок он опубликовал свою первую научную статью [Синицын, 1931]. Там же были исследованы несколько погребений раннего железного века из донных могильников Малиновский и Зензели².

С 1932 по 1937 гг. И.В. Синицын работал ученым секретарем, в летний период участвуя в экспедиции Нижневолжского института краеведения в Калмыкии. Самостоятельные раскопки он возобновил лишь после ареста своего учителя, летом 1937 года. Рыков был признан «врагом народа» заочно, в то время, когда его экспедиция проводила научные исследования в Калмыкии. В частности, И.В. Синицыным были изучены курганные группы Бхчин-Булук (в археологической литературе известный также как Бичкин-Булук) и Цаган-Эльсин на плато Хамур в окрестностях широко известного могильника «Три брата». Между тем, в научный оборот введены лишь наиболее яркие комплексы [Синицын, 1948, 1956г; Граков, 1958; Шрамко, Фомин, Солнцев, 1965; Шилтов, 1985]. В этом же году И.В. Синицын провел аварийно-спасательные раскопки 2-х курганов группы в зоне застройки г. Энгельса [Синицын, 1958г]. В низовьях р. Иловли им были исследованы 4 кургана в группе у ст. Иловлинская, а также 10 курганов в двух группах у хут. Авиловский. Задачей этих работ было изучение археологических памятников в нижнем и среднем течении Иловли и выявление их общности с памятниками Волго-Донской степной полосы, частично исследованной в 1930-е гг. Донской экспедицией под руководством М.И. Артамонова [Синицын, 1954б; Сергацков, 2000].

Конец 1930-х гг. – печальная страница в истории археологической науки. В ходе репрессий саратовская археологическая школа, имевшая статус нижневолжской, была почти полностью уничтожена. И.В. Синицын оставался здесь единственным археологом, и его главной задачей было сохранить научные традиции регионального научного центра. Став директором Нижневолжского института краеведения при СГУ, он в 1938–1939 гг. провел масштабные разведки по рекам Малый и Большой Иргиз и их притокам [Синицын, 1947в, 1949]. В Пугачевском районе им были исследованы курганные могильники у сел Максютово [Синицын, 1956г, 1958г; Гарустович и др., 1998] и Успенка [Синицын, 1956г], а также поселения эпохи поздней бронзы Максютово и Успенка [Синицын, 1949]. В Марксовском районе велись раскопки курганной группы Бородаевка (Боаро) [Максимов, 1956]. В 1941 г. уже вступивший в партию И.В. Синицын продолжил раскопки курганов у г. Энгельса, на этот раз попавших в зону разрушения автодорогой [Синицын, 1958г].

² Данные восстановлены по Инвентарной книге археологического отдела СОМК, Т. II.

Материалы бытовых памятников послужили основой для написания кандидатской диссертации, которую И.В. Сеницын в 1943 г. успешно защитил на совете исторического факультета ЛГУ, эвакуированного в Саратов. В 1944 он был утвержден в должности доцента и возглавил историко-филологический факультет СГУ.

С окончанием войны, после долгого перерыва, ученый возобновил полевые работы (табл. 3). В 1945 г. это были инициативные разведки по маршруту строительства газопровода «Сармосстрой» от с. Елшанки в зоне г. Саратова вдоль железной дороги, проходящей через Татищевский, Аткарский и Ртищевский районы, а также разведки на севере Саратовской области – в Духовницком и Хвалынском районах. В результате было выявлено множество курганных групп, а на верхней террасе р. Волги – поселения эпохи поздней бронзы [Сеницын, 1947а]. Во второй половине 1940-х гг. И.В. Сеницын проводил обследование Северо-Западного Прикаспия [Сеницын, 1960а] и Заволжья, а также раскопки в Сталинградском Правобережье и Западном Казахстане. В Балыклейском районе (современном Дубовском) Сталинградской области были исследованы 4 курганные группы у с. Горная Пролейка. Особенности представляют курганы «Царские могильницы» с каменной кладкой, относящиеся к раннему железному веку. Важные материалы по истории народов от неолита до позднего средневековья были получены в ходе разведок по берегам рек Большой и Малый Узень до места их впадения в систему Камыш-Самарских озер в Западноказахстанской области. В ходе плановых работ исследовано множество дюнных стоянок, проведены раскопки курганных могильников Джангалы, Курпе-Бай, Бек-Бике, Кара-Оба, поселения Сарайдин, а также могильников на дюнах Сары-Айдын и Раим. Особенно ценными представляются свидетельства о формировании на этих территориях раннесарматской, а затем и среднесарматской культур на основе взаимодействия местных и пришлых племен [Сеницын, 1950, 1951, 1952, 1956а, 1956б]. В 1950–1951 гг. разведочные раскопки проводились на Алексеевском городище в Саратовском районе, пешими маршрутами исследовались берега р. Терешки в Воскресенском районе, а также окрестности г. Вольска и противоположный берег р. Волги (Балаковский район). В окрестностях с. Маянки было обнаружено каменное половецкое изваяние, которое опубликовано [Гарустович и др., 1998. С. 226] и в настоящее время экспонируется в Вольском краеведческом музее.

Важное место в истории Нижневолжской археологии занимает шестилетняя деятельность (1951–1955 и 1957 гг.) Сталинградской археологической экспедиции ИИМК и ЛОИИМК АН СССР в зоне затопления будущего Сталинградского (Волгоградского) водохранилища и на трассе проектируемого канала Волга-Урал (табл. 2). Единственному на тот момент региональному нижеволжскому специалисту И.В. Сеницыну одному из первых удалось сформировать свой Заволжский отряд, благодаря поддержке выдающегося советского археолога А.В. Арциховского [Малов, 1999. С. 31]. За обозначенный срок, благодаря хорошей организации и финансированию, были выполнены колоссальные объемы работ в левобережье Волги и в Волго-Уралье в пределах Саратовской, Волгоградской и Западноказахстанской областей. За указанный срок проведены масштабные разведки, раскопано 273 кургана, тянувшихся

вдоль Волги и образующих несколько групп – Ровное, Скатовка, Краснополье (Прейс), Черебаево, Курнаевка, Потемкино, Бережновка-I и II, Новая Бережновка, Бережновка (южная и юго-западная группы), Молчановка-I, II и III, Молчановка (северо-восточная группа), Новая Молчановка, «Ямки» у с. Политотдельского, Осадная балка. Раскопки проводились также на поселениях эпохи поздней бронзы Кочетное, Скатовка, Бережновка-I и Бережновка-II. По трассе канала Волга-Урал исследовано 15 курганов в 4-х курганных группах – Ленинск, Боткуль, Сайхин и Калмыково. Все материалы были сданы в СОМК и своевременно опубликованы [Синицын И.В., 1953, 1954а, 1955, 1956а, 1956в, 1957, 1958в, 1959б, 1960б, 1961, 1966]. В работах отряда принимали участие: научный сотрудник СОМК и заместитель начальника отряда Е.К. Максимов, научный сотрудник Астраханского музея В.А. Филипченко, М.Д. Исхизов, В.С. Кальянов и др.

Важно отметить, что курганы раскапывались преимущественно вручную и лишь в исключительных случаях использовались землеройные машины, не всегда фиксировались особенности стратиграфии. Раскопки поселений осуществлялись в основном с помощью шурфов и траншей, что многократно снижало научную значимость полученных результатов. Тем не менее, почти все материалы раскопок были опубликованы в двухтомном академическом издании, до настоящего времени остающимся одним из основных источников по древней истории Нижнего Поволжья [Синицын, 1959б, 1960б].

В 1956 г. Синицыну удалось организовать разведки в зоне будущего затопления Саратовской ГЭС в Хвалынском районе³, однако в дальнейшем, не вполне ясным причинам, раскопок здесь вплоть до середины 1970-х гг. не проводилось. В отличие от предыдущих исследований И.В. Синицына, эти разведки не получили широкой огласки.

Параллельно с работами Заволжского отряда саратовский специалист сосредоточил свое внимание на изучении Иловлинского района Сталинградской области. В излучине Дона, в месте впадения в него р. Иловли, в 1953, 1958 и 1959 гг. он провел разведки, раскопал энеолитическую стоянку и курган раннего железного века у хут. Репин⁴, а также 3 поселения эпохи средней и поздней бронзы у хут. Задоно-Авилковский [Синицын, 1972; Еремин В.И., 1976]. Поселение Задоно-Авилковский-I находилось на энеолитическом грунтовом могильнике [Синицын, 1957; Малов, 2008; Малов, Наумов, 2009]. К сожалению, эти интересные материалы не были в полной мере опубликованы автором, большая их часть безвозвратно утрачена. В 1956 и 1958 гг. были проведены раскопки поселения эпохи поздней бронзы и двух курганных могильников с разновременными захоронениями у с. Осинов-Гай в Новорепинском (современном Ершовском) районе Саратовского Заволжья. И хотя все находки были сданы в СОМК, вплоть до настоящего времени опубликованы лишь поселенческие материалы [Синицын, 1969; Свод, 1993. С. 187; Лопатин, 2002].

Проведение полевых археологических исследований отнимало много времени, в связи с чем в 1954 г. И.В. Синицын был вынужден уйти с должности декана исторического факультета. С 1958 г. он перешел на кафедру истории

³ Архив ИА РАН. Ф. Р-1, Д. 1311.

⁴ Материалы кургана не опубликованы и находятся в фондах СОМК.

СССР досоветского периода (рис. 9), где и проработал до конца своей жизни. По инициативе И.В. Сеницына с этого года кафедра стала регулярно проводить Поволжскую археологическую практику студентов истфака, которые в дальнейшем были основной рабочей силой в экспедициях [Малов, 1999. С. 31].

В начале 1960-х гг. под руководством И.В. Сеницына, а затем и самостоятельно, исследованиями в Нижнем Поволжье занялись его молодые ученики – В.А. Фисенко, Ю.В. Деревягин и В.Г. Миронов. Самостоятельные работы с 1956 г. проводил и сотрудник СОМК Е.К. Максимов. Это сразу же выразилось в увеличении объема полевых исследований. Однако, лишь В.А. Фисенко, защитив кандидатскую диссертацию, смог остаться вместе с И.В. Сеницыным работать на кафедре истории СССР досоветского периода в СГУ.

В начале 1960-х гг. развернувшееся в Калмыкии строительство объектов народнохозяйственного значения потребовало серьезных усилий по спасению памятников археологии. И.В. Сеницын, как представитель единственной на тот момент археологической школы в Нижнем Поволжье, был приглашен по инициативе местного археолога У.Э. Эрдниева для совместных охранных исследований. Давний интерес к археологии Калмыкии, а также хорошее финансирование раскопок за счет строящихся организаций определили дальнейшую судьбу саратовского археолога. До самой смерти И.В. Сеницын по своим открытым листам (а впоследствии и без них) совместно с У.Э. Эрдниевым осуществлял здесь раскопки и умер во время полевого сезона в Элисте в 1972 г., завещав свою личную археологическую библиотеку КалмНИИЯЛИ [Очир-Горяева, 2008. С. 83] (табл. 5). Несомненно, он сыграл определяющую роль в формировании Калмыцкого археологического центра.

Поспешность новостроек, ограниченность времени пребывания преподавателя СГУ И.В. Сеницына в Калмыкии, а также сложные условия работ определили и характер полевых исследований. Изначально раскопки курганов здесь проводились на снос с помощью землеройной техники и силами студентов и сотрудников КалмГУ и СГУ. В команде с И.В. Сеницыным работали его ученики, а затем и сотрудники СГУ М.Д. Исхизов и В.А. Фисенко.

В 1961–1963 гг. были раскопаны курганные группы Лола-I, Лола-II и Архара в районе распахки полей под лесополосы, в 1964 г. – курганный могильник Элистинский-III на трассе новой железнодорожной ветки Элиста-Дивное. Полученные материалы имели важнейшее значение для формирования представления о культурно-генетических процессах и древней истории народов на территории Калмыкии. В КалмНИИЯЛИ в это время был налажен выпуск специализированных изданий по археологии, чему способствовала поддержка Саратовского университета. Почти все материалы этих новостроечных раскопок были опубликованы совместными усилиями И.В. Сеницына и У.Э. Эрдниева [Сеницын, Эрдниев, 1963, 1966, 1971; Клейн, 1976; Цуцкин, 1981; Эрдниев, 1982; Шишлина, 1989].

С 1965 по 1967 гг. проводились масштабные исследования в зоне планируемого затопления Чограйского водохранилища, сооружаемого в долине Восточного Маныча для орошения бесплодных земель юга Калмыкии и Северного Дагестана. Высокий темп охранно-спасательных работ был обусловлен концентрацией в этом районе огромного числа археологических памятников. Раскопки велись на протяженной цепи курганов, условно разделенной на не-

сколько групп – Маныч Левобережный-I/65, II/65, I/66, II/66 и III/66, Маныч Правобережный-65 и 67. Всего было раскопано 313 курганов. До 1991 г. фактически все материалы раскопок по археологическим отчетам и дневникам И.В. Синецины были опубликованы У.Э. Эрдниевым [Синецын, 1978; Он же, Эрдниев, 1979, 1981, 1982, 1985, 1987, 1991], находки были переданы в Калмыцкий республиканский краеведческий музей и СОМК, а наиболее интересные – в ГИМ⁵. Несколько иная ситуация сложилась в ходе инициативных исследований курганного могильника Кермен Толга юго-восточнее г. Элисты в 1968–1970 гг.: на его раскопки не запрашивался Открытый лист, отчет не составлен, хотя было раскопано 44 кургана [Эрдниев, 1982. С. 111]. Без открытого листа в 1972 г. велись также раскопки 21 кургана могильника Тачин Царанг⁶. Всего в Калмыцкой АССР с 1961 по 1972 г. под руководством саратовского археолога было раскопано 494 кургана (табл. 5).

В 1960-е гг. И.В. Синецын не прекращал исследования и на территории Саратовской области (табл. 4). В 1962 г. за большие заслуги в области археологии ВАК утвердила его в звании профессора без защиты докторской диссертации. Новые обязанности и многократно возросшие масштабы полевых археологических работ не позволяли И.В. Синецину своевременно готовить отчеты. Много времени отнимала и общественная деятельность на посту руководителя археологической секции Саратовского областного отделения ВООПИК, образованного в 1966 г. В это время И.В. Синецын ограничился несколькими лаконичными публикациями, уровень которых существенно уступал академическим требованиям и не давал исчерпывающего представления об археологических памятниках [Синецын, 1969; Синецын, Фисенко, 1970; Они же, 1972]. Профессор СГУ все реже запрашивал Открытый лист, фактически снимая с себя ответственность за качество проводимых работ. Аналогичной методикой полевых исследований придерживался и его ученик В.А. Фисенко. В это время раскопки велись на важнейших археологических памятниках в окрестностях Саратова – многослойном Алексеевском городище, Танавском городище и находившемся на нем грунтовом могильнике эпохи поздней бронзы, поселении Гуселка-II, курганных могильниках Долгий Буерак-I и II, Усть-Курдюм⁷. В Красноармейском районе проводились раскопки грунтового могильника на утесе Степана Разина, поселения и одиночного кургана у с. Белогорское, а также курганной группы Нижняя Банновка (табл. 4).

Известно, что работы на бытовых памятниках зачастую велись без поквадратной и послойной фиксации, хотя данная методика уже с начала 1950-х гг. активно применялась советскими археологами. Несмотря на высокие научные результаты работ археологов СГУ в этот период, значительное

⁵ Материалы раскопок были отражены лишь в археологических отчетах и полевых дневниках. Сам И.В. Синецын проанализировать и опубликовать эти материалы не успел. Публикуя материалы исследований в долине Восточного Маныча, Е.К. Максимов, а затем У.Э. Эрдниев, к сожалению, уделили минимум внимания планиграфии и месту расположения курганных групп. В связи с этим возникла путаница, которую попыталась разрешить Н.И. Шишлина, введя нумерацию по принципу № группы / год работ [Шишлина, 2007].

⁶ И.В. Синецын умер во время этих раскопок, поэтому завершал их У.Э. Эрдниев. Материалы не опубликованы.

⁷ Большая часть материалов не опубликована, данные о памятниках восстановлены, преимущественно, по Инвентарной книге археологического отдела СОМК, т. II.

количество накопленного материала осталось неопубликованным, либо было утрачено. После смерти И.В. Сеницына и В.А. Фисенко новым саратовским специалистам в своих научных публикациях все же удалось реанимировать значительную часть этих материалов. Этому способствовало привлечение отрывочных данных дневниковых записей и зарисовок, а также работа с музейными коллекциями [Максимов, Малов, Ким, 1991; Изотова, Малов, 1992; Они же, Слонов, 1993; Свод, 1993; Гарустович и др., 1998; Лопатин, 2002; Малов, Бугров, 2006; Малов, 2008].

Таким образом, с именем И.В. Сеницына связан целый этап в развитии Саратовской и Нижневолжской археологии – во многом неоднозначный, но, несомненно, важный. В 1960-е гг. в связи с масштабным народнохозяйственным строительством и освоением целинных земель многократно возросло антропогенное разрушение памятников археологии. Безвозвратно утрачены сотни объектов историко-культурного наследия, оказавшихся в зоне строительства Саратовской ГЭС и затопления водохранилища, в зоне интенсивной распашки, планировки участков под орошение и застройку, на трассах строящихся газопроводов, нефтепроводов, железных и автодорог. Реалии того времени не позволяли для разрешения этой ситуации расширять штат вузовских археологов. Государство пыталось компенсировать этот просчет усилением пропаганды историко-культурного наследия, а также увеличением инициативных работ районных учителей и краеведов. Несомненно, статус лидера нижневолжской археологии, заставлявший И.В. Сеницына проводить исследования на территории всего Нижнего Поволжья, лежал непомерным грузом на его плечах. В итоге активизация мелиоративного строительства в начале 1970-х гг. и связанная с ней возможность проведения хоздоговорных охранных исследований дали импульс развитию молодых научных центров в Самаре, Волгограде, Воронеже. В Саратове, где в это время некому было развивать это перспективное направление, появление новых возможностей совпало с периодом глубокого кризиса. Новый подъем начинается лишь к концу 1970-х гг., когда при НИЧ СГУ была создана Научно-исследовательская археологическая лаборатория.

В настоящее время в Саратовском университете существует мемориальная аудитория, посвященная имени неординарного специалиста – профессора, археолога И.В. Сеницына (рис. 10). Его научное наследие еще не в полной мере осмыслено, колоссальный объем накопленных археологических источников не позволил своевременно подвести итог важнейшему отрезку истории нижневолжской археологии. Однако материалы этих исследований наверняка еще помогут открыть множество неизвестных страниц истории духовной и материальной культуры народов Нижнего Поволжья.

Уточненный список научных работ И.В. Сеницына⁸:

1931

Сеницын И.В. Кремневые орудия с донных стоянок Калмыцкой области // ИНВИК. Саратов, 1931. Т. IV. С. 81–82.

1932

Сеницын И.В. Памятники бронзовой эпохи в районе Кольшлея // ИНВИК. Саратов, 1932а. Т. V. С. 17–27.

Сеницын И.В. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья (по раскопкам 1930) // Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932б. С. 56–75.

1933

Сеницын И.В. Древние памятники Приморского района Калмыцкой области // ИНВИК. Саратов, 1933. Т. VI. С. 89–102.

1936

Арзютов Н.К., Сеницын И.В., Сушицкий В.А. 25-летие научной, педагогической и общественной деятельности П.С. Рыкова // ИНВИК. Саратов, 1936. Т. VII. С. 5–8.

Сеницын И.В. Поздне-сарматские погребения Нижнего Поволжья // ИНВИК. Саратов, 1936. Т. VII. С. 71–85.

1943

Сеницын И.В. Поселения родового общества на территории Нижнего Поволжья. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1943.

1946

Сеницын И.В. К материалам по сарматской культуре на территории Поволжья [с прил.: «Дневник археологических раскопок, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1927 г.»] // СА, 1946. Т. VIII. С. 73–95.

1947

Сеницын И.В. Археологические работы в Саратовской области в 1945 г. // КСИИМК. 1947а. Т. XVII. С. 173–175.

Сеницын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // УЗ СГУ. Саратов, 1947б. Т. XVII. С. 3–134, 9 табл.

Сеницын И.В. Древние памятники в бассейне Иргица по раскопкам 1938–1939 гг. (предварительное сообщение) // УЗ СГУ. Саратов, 1947в. Т. XVII. С. 135–156.

Сеницын И.В. Изучение родового общества бронзовой эпохи на территории Нижнего Поволжья // Научная конференция 1946. Саратов, СГУ, 1947г. С. 33–38.

1948

Сеницын И.В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА, 1948. Т. X. С. 75–84.

1949

Сеницын И.В. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья // СА, 1949. Т. XI. С. 195–224.

⁸ Список работ И.В. Сеницына составлен Е.К. Максимовым и Н.М. Маловым [Максимов, Малов, 2000], уточнен Ю.Ю. Каргиным.

1950

Синицын И.В. Археологические памятники на реке Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан) // КСИИМК. 1950. Т. XXXII. С. 101–112.

1951

Синицын И.В. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. 1951. Т. XXXVI. С. 97–105.

1952

Синицын И.В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. 1952. Т. XLV. С. 62–73.

1953

Синицын И.В. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС // КСИИМК. 1953. № 50. С. 77–91.

1954

Крупнов Е.И., Синицын И.В. Древнее население Нижнего Поволжья // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., Государственное издательство научно-просветительной литературы, 1954. С. 67–94.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции // КСИИМК. 1954а. № 55. С. 77–94.

Синицын И.В. Археологические памятники в низовьях реки Иловли // УЗ СГУ. Саратов, СГУ, 1954б. Т. XXXIX. С. 218–253.

1955

Синицын И.В. Археологические исследования в 1954 году в зоне строительства Сталинградской ГЭС // НЕ СГУ за 1954 год / Отв. ред. Л.А. Дербов. Саратов, СГУ, 1955. С. 142–144.

1956

Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1956а. Т. 1. С. 87–139.

Синицын И.В. Археологические памятники у села Пролейки // УЗ СГУ / Под ред. Л.А. Дербова. Саратов, 1956б. Т. XLVII. С. 207–232.

Синицын И.В. Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции // КСИИМК. 1956в. № 63. С. 76–84.

Синицын И.В. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // Труды СОМК. Саратов, 1956г. Вып. 1. С. 22–64.

1957

Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем // КСИА АН УССР. 1957. Вып. 7. С. 32–35.

1958

Синицын И.В. Скифо-сарматские памятники Нижнего Поволжья // НЕ СГУ за 1955 год / Отв. ред. М.С. Персов. Саратов, 1958а. С. 118–119.

Синицын И.В. Памятники родового общества степей Заволжья // НЕ СГУ за 1955 год / Отв. ред. М.С. Персов. Саратов, 1958б. С. 120–121.

Синицын И.В. Археологические исследования в зоне затопления Сталинградской ГЭС в 1955 году // НЕ СГУ за 1955 год / Отв. ред. М.С. Персов. Саратов, 1958в. С. 121–124.

Синицын И.В. Памятники родового общества степей Заволжья // УЗ СГУ. Саратов, 1958 г. Т. XLVI. С. 278–309.

1959

Саратовский университет. 1909–1959 гг. Саратов, 1959. С. 103, 110, 111.

Синицын И.В. Итоги археологического изучения древней истории Нижнего Поволжья // УЗ СГУ / Под ред. Н.С. Рассказовой. Саратов, 1959а. Т. 68. С. 3–14.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // МИА СССР. № 60. Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I / Отв. ред. Е.И. Крупнов, М.: АН СССР, 1959б. С. 39–205.

1960

Синицын И.В. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия // Труды СОМК. Саратов, 1960а. Вып. III. С. 133–152.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА СССР. № 78. Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II / Отв. ред. Е.И. Крупнов и К.Ф. Смирнов. М., 1960б. С. 10–168.

1961

Синицын И.В. Ровненский курганный могильник // КСИА. 1961. № 84. С. 91–102.

1963

Синицын И.В., Эрдниева У.Э. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году. Труды КалмРКМ. Элиста, 1963. Вып. 1. 184 с.

1964

Степанов П.Д., Синицын И.В. Памяти П.С. Рыкова // СА. 1964. № 1. С. 126–130.

1966

Синицын И.В. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов, 1966. С. 3–93.

Синицын И.В., Эрдниева У.Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). Труды КалмНИИЯЛИ и КалмРКМ. Элиста, 1966. Вып. 2. 184 с.

1968

Синицын И.В. История Нижнего Поволжья с древнейших времен до XIV в.: Спец. курс // Методическое пособие по специальным дисциплинам СССР (досоветский период). Саратов, 1968а. С. 33–37.

Синицын И.В. Раскопки в долине Восточного Маныча // АО 1967 года. М., 1968б. С. 69–71.

Синицын И.В. Роль археологической практики студентов в подготовке учителя истории // Материалы VI-ой методической конференции университета. Саратов, 1968в. С. 46–47.

1969

Синицын И.В. Поселение Осинов-Гай в Заволжье // МИА СССР. № 169. Древности Восточной Европы // Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М., 1969. С. 196–207.

1970

Синицын И.В., Фисенко В.А. Раскопки на Утесе Степана Разина // АО 1969 года. М., 1970. С. 154–155.

1971

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Элистинский могильник (по раскопкам 1964 года). Труды КалмНИИЯЛИ и Калмыцкого РКМ. Элиста, 1971. Вып. 3. 144 с.

1972

Синицын И.В. Древние поселения в излучине Дона // Новое в археологии. М., 1972. С. 36–45.

Синицын И.В., Фисенко В.А. Поселение срубной культуры Гуселка-II в окрестностях Саратова // АМА / Отв. ред. В.Г. Борухович. Саратов, 1972. № 1. С. 12–28.

1978

Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маньча. Ч. 1–2. Саратов, 1978.

1979

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маньча // Археологические памятники Калмыцкой степи / Отв. ред. У.Э. Эрдниев. Элиста, 1979а. С. 25–54.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Трепанация черепа в древности // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КалмНИИ ИФЭ, 1979б. С. 73–74.

1981

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маньча // Археологические памятники Калмыцкой эпохи бронзы и средневековья / Отв. ред. У.Э. Эрдниев. Элиста, 1981. С. 29–66.

1982

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маньча // Памятники Калмыцкой каменного и бронзового веков / Отв. ред. У.Э. Эрдниев. Элиста, 1982. С. 59–92.

1985

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маньча // Древности Калмыцкой / Отв. ред. К.Н. Максимов. Элиста, 1985. С. 43–69.

1987

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маньча / Отв. ред. Е.В. Цуцкин. Элиста, 1987а. 173 с.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маньча // Археологические исследования Калмыцкой / Отв. ред. Е.В. Цуцкин. Элиста, 1987б. С. 83–113.

1991

Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Древности Восточного Маньча // Материалы по археологии Калмыцкой / Отв. ред. Е.В. Цуцкин. Элиста, 1991. С. 4–20.

Археологические отчеты И.В. Синицына:

Синицын И.В. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АНР в 1937 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, № 281.

Синицын И.В. Археологические раскопки в районе р. Иловли Сталинградской обл. в 1937 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, № 159.

Синицын И.В. Археологические работы, произведенные в Саратовской обл. и на территории АССРНП летом 1939 г. // Архив ИИМК РАН. Ф 1, № 15.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах, произведенных в Саратовской области летом 1945-го года // Архив СОМК. Оп. 1, Дело № 206; Архив ИА РАН. Р-1, № 9.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Нижнем Поволжье летом 1946 года // Архив ИА РАН. Р-1, № 47; Архив СОМК. Оп. 1, Дело № 223.

Синицын И.В. Отчет об археологических раскопках в Нижнем Поволжье летом 1947 года // Архив ИА РАН. Р-1, № 131; Архив СОМК. Оп. 1, Дело № 239.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах по берегам Большого и Малого Узеней в пределах Саратовской области и Западного Казахстана летом 1948 года // Архив ИА РАН. Р-1, № 240.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане в 1949 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 319.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Саратовской области и Западном Казахстане в 1950 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 433; Архив СОМК. Оп. 1, Дело № 280.

Синицын И.В. Отчет о работе Заволжского отряда Сталинградской экспедиции в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 550, 667; Архив ВОКМ, № 1.

Синицын И.В. Отчет о работе Заволжского отряда Сталинградской экспедиции в 1952 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 684, 685, 672.

Синицын И.В. Отчет об археологических исследованиях Заволжского отряда Сталинградской экспедиции в 1953 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 819; Архив СОМК. Оп. 1, Дело № 350.

Синицын И.В. Отчет об археологических исследованиях Заволжского отряда Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР в 1954 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 962; Архив ВОКМ № 2; Архив СОМК. Оп. 1, Дело № 1162.

Синицын И.В. Отчет об археологических исследованиях Заволжского отряда Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР за 1955 год // Архив ИА РАН. Р-1, № 1196; Архив СОМК. Оп. 1, Дело № 1163.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Саратовской области, произведенных в 1956 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 1311.

Синицын И.В. Отчет о работе Заволжского отряда Сталинградской экспедиции в 1957 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 1645, 1645а.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Нижнем Поволжье летом 1958 года // Архив ИА РАН. Р-1, № 1863.

Синицын И.В. Отчет об археологических раскопках на северо-западе Прикаспия в 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2262, 2262а.

Синицын И.В. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР в 1962-1963 гг. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2791, 2791а, 2791б.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах, произведенных на территории Калмыцкой АССР в 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3020, 3020а.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3321, 3321а-г.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Калмыкии в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 4223, 4223а-б.

Синицын И.В., Фисенко В.А. Отчет об археологических раскопках на утесе Степана Разина в 1969 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 4530, 4530а.

Статьи и научные работы о И.В. Синицыне⁹:

Рыков П.С. Актив Саратовского музея // Советский музей. 1937. № 2. С. 29–31.

Максимов Е.К. Археологические раскопки в Джангалинском районе // Приуральская правда. Уральск, 1947. 7 октября.

Белянкин В. Археолог Синицын // Сталинец. Саратов, 1949. 1 мая.

Максимов Е.К. Археологическая экспедиция в месте великой стройки // Коммунист. Саратов, 1951. 12 октября.

Максимов Е.К. Ровенские курганы // Коммунист. Саратов, 1958а. 29 июня.

Максимов Е.К. Археологическая экспедиция в Новорепинском районе // Коммунист. Саратов, 1958б. 19 июля.

Рязанова Е. Ученый энтузиаст // Коммунист. Саратов, 1959. 4 октября. С. 3.

Чествование ученого // Коммунист. Саратов, 1960. 31 мая.

Дербов Л.А. Неутомимый исследователь (к 60-летию со дня рождения И.В. Синицына) // Ленинский путь. Саратов, 1960. 28 мая.

Крылова Л. Так рождается интерес к науке // Ленинский путь. Саратов, 1961. 11 ноября.

Исхизов М.Д. Загадки древних курганов. Саратов, 1961.

Максимов Е.К. Археологическая экспедиция на Танавское городище // Коммунист. Саратов, 1962. 9 сентября.

Пинчук Б. Иду в бронзовый век // В краю легенд и сказок. Элиста: 1969. С. 7–21.

К 70-летию Ивана Васильевича Синицына // АМА / Отв. ред. В.Г. Борухович. Саратов, 1972. № 1. С. 5–11.

Синицын И.В. (некролог) // Коммунист. Саратов, 1972. 15 августа.

И.В. Синицын (некролог) // Ленинский путь. Саратов, 1972. 15 сентября.

Раздольский А. Именем ученого // Коммунист. Саратов, 1972. 14 ноября.

Синицын И.В. Некролог // СА. 1973. № 2. С. 323–324.

Косенков О. Жизнь, отданная науке // Ленинский путь. Саратов, 1981. 12 января.

Эрдниева У.Э. Археологические памятники южных Ергеней: Памяти профессора И.В. Синицына посвящается. Элиста, 1982. 153 с.

Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983.

Цуцкин Е.В. Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии / Отв. ред. К.Н. Максимов. Элиста, 1985. С. 3–22.

⁹ Список статей и научных работ о И.В. Синицыне составлен Е.К. Максимовым и Н.М. Маловым (Максимов, Малов, 2000), уточнен Ю.Ю. Каргиным.

Максимов Е.К., Миронов В.Г. Полевые исследования Саратовского университета в 1945–1984 гг. как продолжение рыковских традиций // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1. С. 11–24.

Малов Н.М. Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: История и современность. Матер. науч. конф. посвящ. 200-летию Саратовской губернии. Саратов. 18–19 сент. 1997 года / Отв. ред. В.А. Динес. Саратов, 1999. С. 22–36.

Малов Н.М. Археологическая наука в Саратовском университете // Университет в региональном пространстве. Доклады научн. конф. Саратов, 2000.

Максимов Е.К., Малов Н.М. Профессор Иван Васильевич Сеницын – археолог XX века // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Матер. международ. археол. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына, 7–12 мая 2000 г. Саратов-Энгельс, 2000. С. 9–19.

Железчиков Б.Ф. И.В. Сеницын – исследователь памятников Западного Казахстана // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Матер. международ. археол. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына, 7–12 мая 2000 г. Саратов-Энгельс, 2000. С. 19–21.

Шугом Л. Он поднимал пласты тысячелетий // Саратов. 2000. 4 марта.

Гракова Н.Г., Крянева Е.Е. Иван Васильевич Сеницын (1900–1972) // Из истории Саратовского краеведения. Саратов, 2001. Вып. 2. С. 5–6.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002. 136 с.

Максимов Е.К. Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Труды СОМК. Саратов, 1956. Вып. I. С. 65–85.

Малов Н.М. Изучение и использование археологического наследия Энгельсского района // Сообщения ЭКМ. Проблемы культурологии и региональной истории. Саратов, 2004. Вып. 6. С. 67–75.

Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940): организационное становление, развитие и репрессии // АВЕС. Саратов, 2006. Вып. 4. С. 4–28.

Очир-Горяева М.А. Археологические раскопки на территории Республики Калмыкии: история и итоги // НАВ. Волгоград, 2008. Вып. 9. С. 76–97.

Каргин Ю.Ю. Деятельность государственных учреждений по охране, изучению, использованию археологического наследия на новостройках Нижнего Поволжья с 1945 по 1991 гг. Дисс. ... канд. ист. наук 07.00.02. Саратов, 2009. 481 с.

Сухорукова Е.П. Сеницын Иван Васильевич // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 237.

Публикации и упоминания материалов раскопок И.В. Сеницына:

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые памятники Поволжья (конца IX–XV века). Уфа, 1998. 200 с.

Граков Б.Н. Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР // СА. 1958. № 4. С. 4–5.

Дремов И.И. О планиграфии и стратиграфии погребений конца средней–начала поздней бронзы степного Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Матер. междунаро. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. П.Д. Рау (1897–1997). Саратов, 1997. Ч. 1. С. 61–69.

Дремов И.И. Смена и преемственность культурных традиций на рубеже средней и поздней бронзы в степном Поволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Матер. междунаро. научн. конф., посвящен. 100-летию со дня рожд. П.Д. Рау. Саратов, 1997. Ч. 2. С. 57–79.

Еремин В.И. Неолитические стоянки Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976. С. 19–20.

Изотова М.А., Малов Н.М. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // АВЕС. Саратов, 1992. Вып. 3. С. 96–115.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Саратов, 1993. С. 110–136.

Качалова Н.К. Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 58–60.

Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Куйбышев, 1985. С. 28–59.

Клейн Л.С. Ямные и катакомбные погребения Калмыкии. Культурная детерминация и восстановление социальных структур // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976. С. 27–30.

Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк, 2005. С. 73–142.

Крылова Л.П., Миронов В.Г. Танавское городище по раскопкам 1960–1962 гг. // Сб. тез. докл. на IX Всесоюзн. археол. студ. конф. М., 1963. С. 19–20.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002. 136 с.

Максимов Е.К., Малов Н.М., Ким, М.Г. Белогорские курганы // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 71–88.

Малов Н.М. Конструктивные особенности псалии из Краснополя // СА. 1983. № 4. С. 204–209.

Малов Н.М., Бугров Д.Г. «Алексеевский», «гусельский» и «нижне-семеновский» костяные псалии из Татарстана и Саратовского Поволжья // АВЕС. Саратов, 2006. Вып. 4. С. 141–149.

Малов Н.М. Задно-Авиловский энеолитический могильник (по материалам раскопок И.В. Синицына) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 3–15.

Малов Н.М., Наумов И.Н. Задно-Авиловский // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 93.

Свод археологических источников. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов, 1993. Вып. 1–10, Т. 1.

Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. 396 с.

Скрипкин А.С. О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990. С. 105–117.

Цуцкин Е.В. Архаринский «скипетр» как свидетельство разложения первобытнообщинного строя на территории Нижнего Поволжья // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. 208 с.

Шилов В.П. Курган 6 урочища Бичкин-Булак и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // СА. 1985. № 2. С. 17–33.

Шишлина Н.И. Погребение эпохи бронзы с глиняной маской из Калмыкии // СА. 1989. № 3. С. 231–236.

Шишлина Н.И. О северокавказско-катакомбных погребениях Калмыкии // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2002. Вып. 2. С. 81–100.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). Труды ГИМ. М., 2007. Вып. 165. 400 с.

Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. Первая находка изделия из метеоритного железа в Восточной Европе // СА. 1965. № 4. С. 199–202.

Эрдниева У.Э. Археологические памятники южных Ергеней. Памяти профессора И.В. Сеницына посвящается. Элиста, 1982. 153 с.

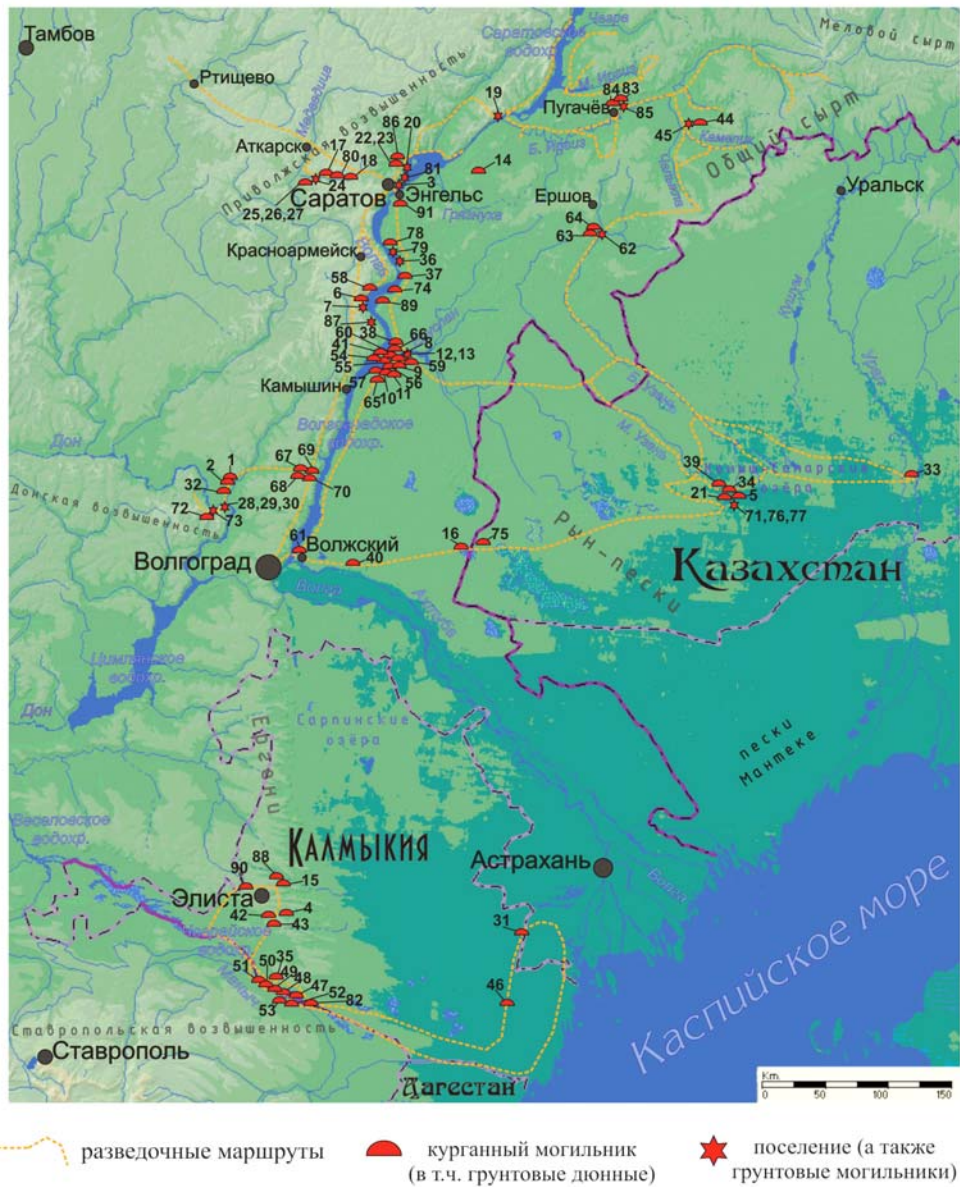

Рис. 1. География археологических исследований саратовского археолога И.В. Синицына (1930–1972 гг.).

1. к.м. Авиловский-I	47. к.м. Маныч Левобережный-I/65
2. к.м. Авиловский-II	48. к.м. Маныч Левобережный-II/65
3. гор. Алексеевка	49. к.м. Маныч Левобережный-I/66
4. к.м. Архара	50. к.м. Маныч Левобережный-II/66
5. к.м. Бек-Бике	51. к.м. Маныч Левобережный-III/66
6. к. Белогорское	52. к.м. Маныч Правобережный-65
7. пос. Белогорское	53. к.м. Маныч Правобережный-67
8. к.м. Бережновка-I	54. к.м. Молчановка
9. к.м. Бережновка-II	55. к.м. Молчановка-II
10. к.м. Бережновка Ю	56. к.м. Молчановка-III (Молчановка ЮВ)
11. к.м. Бережновка ЮЗ	57. к.м. Молчановка СВ
12. пос. Бережновка	58. к.м. Нижняя Банновка
13. пос. Бережновка-II	59. к.м. Новая Бережновка
14. к.м. Бородаевка (Боаро)	60. к.м. Новая Молчановка
15. к.м. Бхчин-Булук	61. к.м. Осадная Балка
16. к.м. Боткуль	62. пос. Осинов-Гай
17. к.м. Варыпаевка	63. к.м. Осинов-Гай-I
18. к.м. Верхний Кольшлей	64. к.м. Осинов-Гай-II
19. гор. Вольское («Попово блюдечко»)	65. к.м. Политотдельское «Ямки»
20. пос. Гуселка-II	66. к.м. Потемкино
21. к.м. Джангалы	67. к.м. Пролейки-I («Царские могильницы»)
22. к.м. Долгий Буерак-I	68. к.м. Пролейки-II (Берендеевская дорога)
23. к.м. Долгий Буерак-II	69. к.м. Пролейки-III (Ларин пруд)
24. пос. Ершовка	70. к.м. Пролейки-IV («Красные камни»)
25. к.м. Ершовка	71. гр.м. Раим
26. к.м. Ершовка «А»	72. к.м. Репин хутор
27. к.м. Ершовка «Б»	73. ст. Репин хутор
28. пос./гр.м. Задоно-Авиловский-I	74. к.м. Ровное
29. пос. Задоно-Авиловский-II	75. к.м. Сайхин
30. пос. Задоно-Авиловский-III	76. пос. Сарайдин
31. мог. Зензели	77. гр.м. Сары-Айдын
32. к.м. Иловлинская	78. к.м. Скатовка
33. к.м. Калмыково	79. пос. Скатовка
34. к.м. Кара-Оба	80. к.м. Средний Кольшлей
35. к.м. Кермен Толга	81. гор./гр.м. Танавское
36. пос. Кочетное	82. к.м. Тачин Царанг
37. к.м. Краснополье (Прейс)	83. к.м. Успенка-I
38. к.м. Курнаевка	84. к.м. Успенка-II
39. к.м. Курпе-Бай	85. пос. Успенка
40. к.м. Ленинск	86. к.м. Усть-Курдюм
41. к. «Лесной кордон»	87. гр.м. Утес Степана Разина
42. к.м. Лола	88. к.м. Цаган-Эльсин
43. к.м. Лола-II	89. к.м. Черобаево
44. к.м. Максютово	90. к.м. Элистинский-III
45. пос. Максютово	91. к.м. Энгельский
46. мог. Малиновский	

Рис. 2. Сотрудники археологической экспедиции НВИК и рабочие землекопы.
Конец 1920-х гг. Во втором ряду: П.С. Рыков (третий слева),
И.В. Сеницын (третий справа), Н.К. Арзютов (первый справа).
Фото из личного архива Е.Н. Ардабацкого.

Рис. 3. И.В. Сеницын, Е.К. Максимов и П.Д. Степанов в составе Заволжского отряда
Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР. Фото из личного архива С.В. Ляхова.

Рис. 4. И.В. Синицын на раскопках Танавского городища в Саратовском районе. 1961 год. Фото из личного архива Е.Н. Ардабацкого.

Рис. 5. В.А. Фисенко, И.В. Синицын, У.Э. Эрдниев и М.Д. Исхизов на раскопках курганной группы Лола в Калмыкии. 1961 год. Фото из фондов ЭКМ.

Рис. 6. И.В. Сеницын на раскопках курганов в Калмыкии.
Начало 1960-х гг. Фото из фондов ЭКМ.

Рис. 7. В.А. Фисенко, И.В. Сеницын и У.Э. Эрдниев расчищают остатки
катакомбной повозки. Калмыкия, 1962 год. Фото из фондов ЭКМ.

Рис. 8. И.В. Сеницын, В.А. Фисенко и М.Д. Исхизов на отдыхе. Калмыкия. Фото из фондов ЭКМ.

Рис. 9. И.В. Сеницын и сотрудники кафедры истории СССР досоветского периода СГУ. Фото из личного архива Е.Н. Ардабацкого.

Рис. 10. Открытие мемориальной аудитории им. И.В. Сеницына в XI корпусе СГУ (ауд. 406)
19 сентября 2007 г. Фото Ю.Ю. Каргина.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Малов Н.М., Сергеева О.В.

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ, ВОЛГО-ДОНСКОГО И ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Средний бронзовый век (СБВ) Нижнего Поволжья включая прилегающие территории Заволжья, Волго-Донского, Волго-Уральского междуречья и Северного Прикаспия представлен не только погребальными, но и бытовыми памятниками. Однако, в отличие от погребений, нижеволжские поселения СБВ еще не стали предметом специального монографического или диссертационного исследования. С целью устранения образовавшейся диспропорции мы непосредственно изучили и проанализировали имеющиеся музейные коллекции, публикации и отчеты исследователей, содержащие материалы поселений СБВ, накопленные за 100 лет их исследования (таблица 1; рис. 4). Анализ данного банка информации позволяет рассмотреть историографию и историю изучения поселений СБВ Нижнего Поволжья, а также подвести определенные итоги их систематизации. Это и является основной целью данной статьи, где будут рассмотрены бытовые памятники, в основном расположенные на территории Астраханской, Волгоградской и Саратовской областей России или юго - восточной Европы.

Сейчас СБВ Циркумпонтийской металлургической провинции, куда входят полтавкинская и катакомбные культуры, предпочтительнее датировать в пределах от XXVIII до XX-XIX вв. до н. э. [Черных и др., 2000. С. 7, 29]. В нашей статье анализируются материалы поселений археологических культур СБВ, распространенных в это же время и в Нижнем Поволжье. Что касается ямной историко - культурной области, то она относится к раннему бронзовому веку (РБВ). Памятники срубной культурно-исторической области (покровская, срубная, хвалынская валиковой керамики) Нижнего Поволжья существовали в позднем бронзовом веке (ПБВ).

Используя ретроспективный метод, в историографии и истории изучения бытовых памятников СБВ следует выделить несколько этапов. *Первый этап: конец XIX - начало XX вв. до 1917 г.* Начало изучения поселений бронзового века, в том числе и с керамикой СБВ, было положено археологами-краеведами Саратовской губернской ученой архивной комиссии (СУАК).

Они впервые начали исследовать на севере региона поселения бронзового века, на которых иногда была представлена и керамика СБВ [Малов, 1985. С. 225–226; Малов, Филипченко, 1995. С. 52; Малов, 2007а. С. 47].

Первые краткие сведения об этих поселениях можно почерпнуть из работ XIX – начала XX вв. перечисленных в библиографическом указателе трудов СУАК [Хованский, 1895. С. 89–105; 1896. С. 89–105; Соколов, 1910. С. 145–152]. Здесь указаны заметки, в которых говорится об открытии древних поселений близ сел Даниловка, Усовка, Елань и др., сохранившиеся в СОМК коллекции, которых содержат и керамику СБВ. Археологи СУАК не только обратили свое внимание на уже известные памятники, но открывали и новые объекты.

Среди памятников, обследованных в начале XX в. Б.В. Зайковским, керамика СБВ обнаружена на городищах, селищах и дюнных стоянках ряда уездов Саратовской губернии: Камышинского (Балберочный овраг, Терновское городище, Утес Степана Разина, Даниловские поселения), Балашовского (Рассказань) и Аткарского (Елань) [Зайковский, 1909; 1913а С. 52–55, рис. 2; Малов, 1985. С. 225–226; Малов, Филипченко, 1995. С. 52–53, рис. 1; Малов, Сергеева, 2004].

В 1909 г. А.Н. Минх собрал на песчаной возвышенности южнее Верхней Красавки у Аткарска «обломки посуды желтой и темно-серой глины самого первобытного производства» [Минх, 1909]. Основная масса керамики с дюнной стоянки принадлежит ПБВ, но среди них выделяется два венчика от баночных сосудов, относящихся к предшествующему времени [Малов, 2007. С. 50, № 50]. Один из венчиков СБВ украшен тремя наклепными треугольниками в сечении валиками.

Члены СУАК осуществляли преимущественно археологические разведки, в ходе которых собирали керамику и иногда закладывали шурфы. Крупных раскопок поселений эпохи бронзы, за редким исключением, они не проводили. В этом плане следует отметить показательные раскопки в урочище «Мартышкино» под руководством действительного члена СУАК А.А. Спицына, в ходе которых найдена катакомбная посуда [Малов, 1985. С. 225–226]. Профессор специально приезжал для этого в Саратов [Онезорге, 1916. С. 34–38; Малов, 1999. 24–25; 2007. С. 35, 63–64]. Кроме того в конце августа 1911 г. С.А. Щеглов с «Группой учеников-любителей исследования Саратовского края» провел шурфовку на Ахматском городище, открытом еще в 1904 г. Здесь также была встречена лепная керамика катакомбной культуры [Щеглов, 1912. С. 91, рис 6, 7; Малов, 1985. С. 225–226; Малов, Филипченко, 1995. С. 52–55, рис. 1; 2, 23]. Раскопки на селище «Мартышкино» производились и позже [Онезорге, 1916].

Выделяются своей масштабностью раскопки поселений бронзового века, осуществленные хвалынскими археологами СУАК М.А. Радищевым и В.Ф. Ореховым. Судя по отчетам и публикациям, В.Ф. Орехов тщательно фиксировал и описывал находки из своих раскопок. Отчеты и материалы, сохранившиеся в Хвалынском музее краеведения и ИИМК РАН, позволяют заключить, что отдельные фрагменты керамики СБВ встречены на селище у с. Старая Яблоновка в Липовом Долу. Оно раскапывалось М.А. Радищевым [Радищев, 1914, 1915; Малов, Сергеева, 2004. С. 77–78; Малов, 2005. С. 5–7, № 3].

Археологическая деятельность СУАК в Заволжье носила ограниченный характер, т. к. административно эта территория относилась к Самарской губернии. Поэтому в поле зрения саратовских краеведов попали поселения расположенные лишь непосредственно на левом берегу Волги и на ее притоках (Саратовка, Б. Караман). В 1912–1913 гг. на дюнной стоянке «Прапорский бугор», расположенной близ устья р. Саратовки на окраине Покровска (г. Энгельс), Ф.Д. Охлябининым и С.А. Щегловым обнаружены черепки СБВ. Керамика этого же времени найдена П.Н. Шишкиным и Б.Ф. Федоровым на дюнах р. Б. Караман около с. Тонкошуровка. Встречена она и на поселении близ станции на р. Березовка.

Среди срубной керамики этих поселений есть катакомбные черепки с «шнуровым, елочным и валиковым» орнаментом [Малов, 1985. С. 225–226; Лопатин, 1989. С. 138; Он же, 2002. С. 105, рис. 2; Памятники срубной культуры, 1993. Табл. 46, 1, 47, 5, 49, 28–31]. Тогда же обследуется городище «Попово блюдечко» в г. Вольске и несколько других стоянок с керамикой вольского типа [Степанов, 1956. С. 5–6; Малов и др., 2009. С. 19–20]. Тем самым археологи СУАК положили начало изучению памятников вольского культурного типа.

Всего членами СУАК открыто на севере Нижнего Поволжья более 15 бытовых памятников с единичными фрагментами керамики СБВ в бассейнах рек Волга, Хопер и Медведица. Поэтому информативный потенциал добытых тогда материалов был существенно ограничен. Бытовую и погребальную керамику, относимую сейчас к СБВ, тогда не отчленили от другой посуды эпохи палеометаллов. В определенной степени это объясняется тем, что в Нижнем Поволжье были открыты единичные погребения СБВ, а В.А. Городцов только еще выделил катакомбную культуру.

Кроме того многие ведущие отечественные исследователи отрицали существование бронзового века в южнорусских степях. Что касается терминов «ямная, катакомбная, срубная и хвалынская культуры», то археологами СУАК они не использовались. К тому же по мнению профессора Городцова смена катакомбных могил срубными фиксировалась лишь в донецко-бахмутском районе и не наблюдалась на остальной территории юга России [Городцов, 1910. С. 153, 270]. Археологи СУАК ориентировались преимущественно на работы А.А. Спицына. Поэтому они и относили эти памятники в основном к неолиту, старшему или среднему медному веку, а иногда одновременно к медному и бронзовому векам [Малов, 2008. С. 34–36]. Тем не менее, благодаря усилиям археологов-краеведов СУАК, было положено начало сбору материала и находок с поселений СБВ в Нижнем Поволжье, которые сейчас хранятся в ряде музеев краеведения Саратовской области.

Второй этап: 1918–1940 гг. Интенсивным выявлением и раскопками памятников археологии на более высоком научном уровне начали заниматься специалисты историко-филологического и педагогического факультетов, Нижневолжского института краеведения СГУ [Малов, 1999. С. 26–30]. Это положительно сказалось на изучении поселенческих памятников. В итоге полевых исследований археологов СГУ, возглавляемых Ф.В. Баллодом и П.С. Рыковым, обнаружен целый ряд новых селищ и городищ, а также исследовались уже известные памятники.

На некоторых из них осуществлены значительные раскопки и закладывались шурфы. Обследовались и памятники вольского культурного типа. В 1927 г. В.Ф. Орехов заложил шурф на городище «Попово блюдечко» [Малов и др., С. 21]. Как правило, большинство исследованных тогда поселений (Н.-Красавское селище, Алексеевское, Танавское, Терновское городища и др.) были многослойными. Поэтому иногда они содержали керамику не только катакомбной, но и других культур.

Ф.В. Баллод, публикуя археологический профиль от г. Саратова до с. Добринки по данным на 15 сентября 1921 г., впервые выделил памятники катакомбной культуры на севере Нижнего Поволжья. К катакомбной культуре он отнес Покровский и Царицынский курганы, отдельные находки плоских бронзовых тесел («кельтов»), а также керамику с поселений Рудня, Даниловка, Камышин, Ураковка, Шишкин бугор, Антиповка, Балыклей, станица Александровская, Терновское городище [Баллод, 1923. С. 125, рис. 38; Малов, 2007а. С. 48–49]. В последующем А.П. Круглов и Г.В. Подгаецкий [Качалова, 2000. С. 34], а не Б.А. Латынин, как ошибочно полагают некоторые коллеги [Очир-Гиряева, 2002. С. 88], подтвердили, что на ряде бытовых памятников Нижнего Поволжья есть керамика катакомбной культуры. Среди них упомянуты материалы раскопок Ф.В. Баллода с Терновского городища и других поселений, которые исследователи отнесли к рубежу I–II или началу II стадии своей периодизации [Круглов, Подгаецкий, 1935. С. 103].

Своеобразие керамики саратовских стоянок медного века, относимых сейчас к СБВ, подметил и А.А. Спицын. Профессор рассматривал ее как наиболее древнюю местную «трипольскую земледельческую культуру», а более поздние поселения отнес к «саратовской культуре» [Спицын, 1923. С. 32–35]. П.С. Рыков первоначально был солидарен с В.А. Городцовым, поэтому отрицал наличие здесь «ярко выраженной катакомбной культуры», хотя не исключал присутствие «катакомбников» в курганах близ Покровска и Царицына [Рыков, 1925. С. 48–49]. Затем в 1927 г. исследователь впервые выделяет погребения СБВ в новую культурно-хронологическую стадию «А» хвалынской культуры, совмещавшую черты ямной и катакомбной культур [Рыков, 1927. С. 77–101; Мерперт, 1974. С. 19; Малов, 1986. С. 21–23, рис. 1]. Относительно этой стадии П.С. Рыков позже справедливо подметил, что ее было бы «более верным не включать в Хвалынскую, но связать с ямной» [Рыков, 1931. С. 31].

В 1927 г. В.А. Городцов кратко изложил представления о культурах бронзового века или «палеометаллической эпохи», распространенных в СССР и на территории южнорусских степей. Четыре культуры Нижнего Поволжья впервые отнесены к эпохам РБВ – ямная, СБВ – катакомбная, ПБВ – срубная и ранней поры неометаллической – хвалынская [Городцов, 1927. С. 610–626]. Этой схеме периодизации придерживаются и современные исследователи. Что касается ареалов их распространения, то по В.А. Городцову носители ямной культуры жили в обширной области от р. Урала до р. Днепра. Границы скотоводческой катакомбной культуры намечались приблизительно по линии – от Одессы на Дербент, Астрахань и Орел.

П.Д. Рау впервые ввел в научный оборот термин «полтавкинская ступень» («Poltavker Stufe»), куда включил уже выделенные П.С. Рыковым в стадию «А» и новые погребения, переименовав эту стадию в полтавкинскую

[Качалова, 1965. С. 3; Качалова, 1967. С. 14–15; Мерперт, 1974. С. 19–21; Мельник, 1982. С. 21–22]. Кроме того П.Д. Рау указал на проникновение элементов катакомбной культуры не только в Правобережье, но и за Волгу, полагая, что полтавкинская ступень одновременна донецким «катакомбникам» [Малов, 1997. С. 10–12].

П.С. Рыков и П.Д. Рау впервые отметили не только близость погребений стадии «А» и полтавкинских – с катакомбными, но и полагали, что они испытали сильное воздействие донецкой катакомбной культуры [Качалова, 1968. С. 9]. Вычленив погребения стадии «А» и полтавкинскую ступень, П.С. Рыков и П.Д. Рау положили начало процессу выделения полтавкинской и других культур катакомбной эпохи в Нижнем Поволжье. Кроме того, исследователи впервые поставили вопрос о соотношении ямных и ямно-полтавкинских памятников с древностями катакомбной культурно-исторической области.

Многие из этих проблем также были отражены в не сохранившейся монографической работе Б.А. Латынина «Родовое общество эпохи бронзы степной и лесостепной полосы Восточной Европы», где автор включил полтавкинские памятники в катакомбную культуру, рассматривая их как ее локальный вариант [Качалова, 1968. С. 9; Она же, 2000. С. 34–35]. В начале 1930-х годов Б.А. Латынин уточнил границы распространения памятников катакомбной культуры и выделил 7 вариантов с краткой характеристикой [Фисенко, 1967. С. 7].

В 1930-е годы советские археологи активно реконструируют хозяйство скотоводческих обществ эпохи бронзы Восточной Европы. А.П. Круглов и Г.В. Подгаецкий полагали, что население второй стадии или катакомбной эпохи вело оседлый образ жизни на дюнах около рек, занимаясь не только скотоводством, но также охотой, рыболовством и земледелием [Очир-Горяева, 2002. С. 88–89]. Члены специальной научной бригады ГАИМК назвали вторую стадию (катакомбные, срубные и алакульские древности) развития скотоводства пастушеской, поскольку кроме мелкого были одомашнены крупный рогатый скот и лошадь, а также накопился опыт ведения примитивного мясного скотоводства [Шилов, 1975. С. 72].

В этой связи следует напомнить об основных итогах, к которым пришел П.С. Рыков в результате непосредственного исследования памятников среднего бронзового века региона, поскольку, начиная с послевоенного времени, историографы зачастую их игнорируют. В середине 1930-х годов П.С. Рыков придерживался своей терминологии, не переименовывая стадию «А» в «полтавкинскую ступень». Вероятно для этого у исследователя были определенные основания. Мнение П.С. Рыкова относительно погребений стадии «А» и катакомбной культуры изменялось, поскольку открывались новые памятники.

В итоговых очерках П.С. Рыков впервые сделал ряд очень интересных выводов, уточнил характеристику и ареалы катакомбных памятников и захоронений стадии «А». Профессор первым наметил и стал выделять три культурно-типологические группы погребений СБВ в Нижнем Поволжье. Кроме ранней стадии «А» условной хвалынской культуры были еще две катакомбных – одна на юге (Калмыкия), а другая на севере Волго-Донского междуречья до Сталинграда – Камышина [Рыков, 1936. С. 24–30]. В результате после-

дующих исследований существование этих культурных групп подтвердилось только во второй половине XX в.

Таким образом, П.С. Рыков первым выделил три культурных группы памятников СБВ и существенно расширил ареал распространения нижне-волжских катакомбных погребений. С юга на север он достигал параллели между Сталинградом и Камышином, на западе – уходил в донские степи, а на востоке – не продвигался далее узкой полосы левобережья Волги [Рыков, 1936. С. 24]. При этом катакомбные погребения Калмыкии считались более древними и синхронными со стадией «А», чем более поздние катакомбные захоронения второй группы на севере Нижнего Поволжья [Рыков, 1936. С. 30]. Кроме того допускалось, что вдоль левобережной полосы Волги распространялся катакомбный инвентарь, но не сами погребения [Рыков, 1936. С. 24].

Погребения стадии «А» рассматривались как переходные от древнеямных к срубно-хвалынским стадии «В» [Рыков, 1936. С. 30]. По общепринятой тогда хронологии П.С. Рыков отнес древние катакомбные погребения и могилы стадии «А» ко времени 2500–1600 гг. до н. э. [Рыков, 1936. С. 31–32]. Профессор привлекал при моделировании процессов культурогенеза СБВ бытовые памятники Нижнего Поволжья, полагая, что катакомбное население селилось на дюнах близ воды, как в Приморском р-не Калмыкии или на левом берегу Астраханского течения Волги. В ограниченных размерах допускалось существование мотыжного земледелия, поэтому позднее катакомбное общество этих южных регионов было не кочевническим, а пастушеско-земледельческим [Рыков, 1936. С. 32].

Таким образом, саратовские профессора Ф.В. Баллюд и П.С. Рыков, основываясь в своих работах на периодизации В.А. Городцова, впервые стали дифференцировать нижневолжские памятники эпохи бронзы по таким культурам, как ямная, катакомбная, срубная и хвалынская [Малов, 2007а. С. 48–50]. При анализе и систематизации памятников катакомбной эпохи они также привлекали материалы поселений. В годы Великой Отечественной войны полевые археологические исследования в Нижнем Поволжье не проводились.

Третий этап: 1945–1964 гг. охватывает послевоенные годы до обоснования выделения полтавкинской культуры. Поселения эпохи средней бронзы продолжали исследоваться, но раскапывались редко. И.В. Сеницын несколько лет проводил работы в низовьях Узеней или Узенско-Чижинской системе разлива бессточных рек Волго-Уральского междуречья, в результате которых в Западном Казахстане обследовал ряд дюнных стоянок (Джангала, Н. Казанка, Сары-Айдин и др.). На стоянке Джангала [Сеницын, 1952. С. 64, рис. 26, 2] и других дюнных поселениях встречены немногочисленные фрагменты керамики полтавкинской культуры [Кузнецов, 1989. С. 27, 65, табл. 9].

Кроме того, И.В. Сеницын, а позже П.Д. Степанов с Е.К. Максимовым, обследовали Вольское городище «Попово блюдечко» [Степанов, 1956]. П.Д. Степанов впервые отметил своеобразие этой культурной группы керамики и отнес ее к неолиту. П.Д. Степанов впервые поставил вопрос о выделении памятников вольского культурного типа [Малов и др., 2009. С. 21].

В 1957 г. В.Д. Белецкий зафиксировал 130 пунктов около Досанга и более чем 50 у Исекея, а также около Нового Караузeka на песчаных барханах полупустыни северо-восточнее Астрахани. Некоторые из них являлись скопле-

нием поселений и стоянок с остатками культурных слоев энеолита – бронзового века, содержали ямную и полтавкинскую керамику [Мерперт, 1974. С. 100, 112–113].

Схему периодизации П.С. Рыкова в послевоенные годы исследователи чаще всего не могли широко использовать в публикациях, поскольку профессора репрессировали в 1937 г., а реабилитировали посмертно только в 1956 г. [Малов, 2010. С. 721–733]. Поэтому, придерживаясь терминологии П.Д. Рау, погребения стадии «А» схемы П.С. Рыкова стали называть полтавкинскими и полностью включать в эту культурную группу. Тогда же катакомбную культуру относили к самому началу бронзового века степной полосы Евразии, а полтавкинские памятники рассматривали как «раннесрубные» [Малов, 2008. С. 40].

Включение всех стадий хвалынской культуры в состав срубной «привело к тому, что единство групп памятников, объединяемых ранее термином хвалынская культура, было преувеличено» [Мельник, 1982. С. 21]. Более того, некоторые исследователи, продолжавшие развивать концепцию П.С. Рыкова о формировании стадии «В» хвалынской культуры на основе стадии «А», отстаивали гипотезу, согласно которой происхождение срубной культуры связывалось исключительно с полтавкинскими погребениями [Мельник, 1978. С. 56–57; Он же, 1982. С. 21–25].

Археологи, которые склонялись к схеме П.С. Рыкова, отказались от термина «хвалынская культура». Они переименовывают памятники, ранее относившиеся к этой культуре, сначала в срубно-хвалынские (И.В. Синицын), а затем в срубные (И.В. Синицын, Н.Я. Мерперт) [Мельник, 1982. С. 21]. При этом одни археологи (И.В. Синицын, В.П. Шилов, Н.Я. Мерперт) считали, что полтавкинские древности представляют собой начальный или ранний этап срубной культуры, другие (О.А. Кривцова-Гракова, Т.Б. Попова, К.Ф. Смирнов, Б.А. Латынин) – рассматривали как самостоятельную полтавкинскую культуру [Смирнов, 1959. С. 311; Качалова, 1967. С. 14–15].

Вопрос о критериях культурного и территориального размежевания между полтавкинскими и катакомбными памятниками был вновь поставлен после работ Сталинградской экспедиции, в результате которых в степном левобережье Волги открыли новые полтавкинские и катакомбные погребения, в том числе и с деформированными черепами.

В ходе дискуссии, развернувшейся на пленуме ИИМК в конце апреля 1955 г., исследователи сошлись в следующих мнениях. 1) Бесспорна генетическая связь полтавкинской группы с ямной культурой Нижнего Поволжья. 2) На этом этапе развития древнее население Нижнего Поволжья испытало воздействие катакомбной культуры. 3) В это время складываются некоторые существенные черты срубной культуры [Смирнов, 1959. С. 311].

И.В. Синицын небезосновательно заключил, «что в степях Заволжья племена, оставившие тип катакомбных погребений, существовали одновременно с племенами раннего этапа срубной культуры» [Синицын, 1954. С. 82]. Профессор полагал, что катакомбное население проникало в заволжские степи «в виде отдельных, по-видимому небольших групп» и здесь параллельно с полтавкинскими (раннесрубными по И.В. Синицыну) существовала самостоятельная катакомбная культура [Синицын, 1960. С. 153–154].

К.Ф. Смирнов признавал, что катакомбное воздействие на древнее население Заволжья прослеживается в керамике и в погребальном обряде (южная ориентировка, ступеньки, катакомбы, деформированные черепа). Вместе с тем, по мнению археолога катакомбная культура не получила здесь своего дальнейшего развития [Смирнов, 1959. С. 310]. В.П. Шилов также рассматривал появление деформированных черепов, как свидетельство связей и проникновения на территорию Нижнего Поволжья племен катакомбной культуры из Астраханско-Маньчжских степей. Однако подчеркивалось, что вопрос о связях так называемой полтавкинской и катакомбной культур требует специального исследования [Шилов, 1959. С. 415–416]. Археолог обосновал важное заключение о том, что степные пастбища Нижнего Поволжья начали осваиваться в эпоху ямной культуры, а в последующем развитом бронзовом веке (полтавкинская культура) здесь уже существовали два разных скотоводческих уклада – оседлый и кочевой [Шилов, 1964. С. 86–102].

Некоторые исследователи справедливо подчеркивали близость полтавкинских древностей к катакомбным. Так например А.Я. Брюсов считал их особой разновидностью катакомбных. Т.Б. Попова считала, что они испытали сильное воздействие северокавказских культур, а Л.С. Клейн объединил в одну культурную провинцию с катакомбными [Качалова, 1968. С. 9]. В.А. Фисенко привел ряд аргументов, подтверждающих мирные взаимоотношения местного ямного и полтавкинского «населения» с катакомбниками, проникшими из северо-западного Прикаспия в бассейны Иловли, Медведицы, Еруслана и на север Волгоградской области [Фисенко, 1964. С. 184–185]. Был сделан важный вывод об одновременном существовании в северных районах Волгоградской области племен полтавкинской (по В.А. Фисенко «раннесрубной») и катакомбной культур [Фисенко, 1964. С. 185]. Рассматривая историю металлургии Восточной Европы энеолита и ранней бронзы, Е.Н. Черных определил, что по своему составу металл ямной, катакомбной и полтавкинской культур представлен «мышьяковистой» и «чистой» медью, но в пределах этих групп не обнаружилось никаких типологических различий [Черных, 1963. С. 12].

В целом мнения исследователей относительно хронологии и роли полтавкинских древностей в процессах культурогенеза оставались весьма противоречивыми. Типологические отличия полтавкинских погребений от поздняямных и катакомбных не были формализованными, что порождало существенные противоречия при их интерпретации. Что касается поселенческих памятников, то они практически не использовались специалистами при рассмотрении проблем культурогенеза эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья.

Четвертый этап: 1965–1983 гг. В Волго-Уральском междуречье и Заволжье открыто немного новых бытовых памятников. В ходе систематического обследования бассейна Узеней Ю.В. Деревягин обнаружил на двух селищах Алтата-3 и Алтата-18, помимо срубной, также керамику средней бронзы [Памятники..., 1993. С. 188–189; Юдин, 2003. С. 129]. В 1971 г. Е.К. Максимов собрал на дюнах близ с. Дубовое, на границе Саратовской и Куйбышевской областей, фрагментированную керамику полтавкинской и катакомбной культур, связав ее с разрушенными захоронениями [Максимов, 1979. С. 110].

Автор сделал заключение о весьма далеком проникновении в Заволжье отдельных групп катакомбных племен [Максимов, 1979. С. 111, рис. 1, 8–15].

В северном Прикаспии А.Н. Мелентьев открыл в 1967 г. на Рын-Песках между барханными песками около 10 поселений неолита, энеолита и эпохи бронзы. В керамике некоторых памятников было «заметно влияние катакомбной культуры» [Мелентьев, 1968. С. 112]. Интерпретируя эти и другие находки В.П. Шилов подчеркнул, что в Нижнем Поволжье отсутствуют ямные и полтавкинские поселения с долговременной оседлостью, но зарегистрировано свыше 200 временных донных стоянок, напоминающих стойбища скотоводов [Шилов, 1975. С. 66–67].

В конце 1970 – начале 1980-х гг. Волго-Уральская экспедиция ИА АН СССР под руководством Л.Л. Галкина выявила в Северном и Северо-Восточном Прикаспии значительное количество разновременных археологических памятников на барханных выдувах. Около станции Досанг Астраханской области Л.Л. Галкиным и В.В. Плаховым встречены венчики от трех полтавкинских или ямно-полтавкинских сосудов [Галкин, 1982. С. 136–138, рис. 1, 4, 6, 8]. К СБВ также следует отнести два фрагмента керамики подобранных на песках Тайсойган в Гурьевской области [Галкин, 1982. С. 140, рис. 3, 4, 8].

В 1979 г. экспедиция Куйбышевского пединститута под руководством И.Б. Васильева приступила к обследованию донных стоянок в окрестностях Сероглазово-Досанг Астраханской области [Васильев, 1980. С. 130–131]. По мнению И.Б. Васильева в Северном Прикаспии были выявлены «многочисленные материалы полтавкинского и катакомбного типов» [Васильев, 1981. С. 126–127]. П.С. Дубягин, Ф.Д. Чикризов и В.А. Чумаченко за многие годы собрали материалы на прикаспийских стоянках Астраханской области. С некоторых из них (Кошелака, Тау-тюбе) происходит коллекция керамики «прикаспийской полтавкинской культуры» и фрагменты катакомбной группы Предкавказья [Дубягин и др., 1982. С. 111–116, рис. 14–16].

Наиболее активно изучаются поселения СБВ в правобережье Нижнего Поволжья и Волго-Донском междуречье. В.А. Мамонтов обследовал в зоне строительства Цимлянского водохранилища селище «Ложки» и «Пятиморскую стоянку» с разновременным материалом, в том числе и катакомбной культуры [Мамонтов, 1991]. Выпускник истфака СГУ Г.Н. Шендаков исследует Терновское городище. На памятнике был собран подъемный материал, зачищены выходы мощного культурного слоя и заложен небольшой раскоп [Шендаков, 1968. С. 123–124; Малов, Филипченко, 1994. С. 52; Гуренко и др., 2001. С. 401]. Найденная керамика СБВ орнаментирована отпечатками шнура, зубчатым штампом и «личиночными» вдавлениями. Здесь впервые на бытовом памятнике Нижнего Поволжья встречено основание курильницы на четырех ножках. Поэтому у Г.Н. Шендакова было достаточно оснований для отнесения городища к числу памятников катакомбной культуры [Шендаков, 1968. С. 123].

Кроме того, Г.Н. Шендаков открыл поселение на мысовом берегу Волги близ оврага «Песчаный», южнее с. Сестренки в Камышинском р-не. Здесь найдена керамика с налепными валиками и отпечатками шнура СБВ. Это также позволило автору заключить, что «поселение принадлежало, видимо, племе-

нам, культура которых близка катакомбной, но с элементами срубной культуры» [Шендаков, 1968. С. 123–124].

В 1960-е годы в результате крупных и многолетних полевых исследований экспедиций истфака СГУ под руководством И.В. Сеницына и В.А. Фисенко практически полностью раскопаны два городища – Танавское и «Утес Степана Разина» [Сеницын, Фисенко, 1970. С. 154]. На Танавском городище, раскапывавшемся с 1960 по 1965 гг., встречены фрагменты керамики полтавkinской и катакомбной культур. К сожалению отчеты об этих раскопках отсутствуют в архиве ИА РАН [Изотова, Малов, 1992. С. 96–99; Максимов, Малов, 2000. С. 15].

За период с 1968 по начало 1970-х гг. И.В. Сеницын и В.А. Фисенко вскрыли основную площадь городища «Утес Степана Разина». В архивах ИА РАН и ГАСО хранятся полевые дневники И.В. Сеницына и некоторые отчеты о его раскопках [Фисенко, 1968; Он же, 1969; Сеницын, Фисенко, 1970. С. 154–155; Максимов, Малов, 2000. С. 15]. К сожалению многочисленная коллекция из этих раскопок практически не сохранилась¹. В культурном слое обнаружили значительную серию вольской, полтавkinской и катакомбной керамики, в том числе и среднедонской катакомбной культуры с многоваликовой орнаментацией, обломки каменных топоров [Пряхин, 1982. С. 75; Малов, 1985. С. 225–226; Мамонтов, 1985. С. 10; Малов, Филипченко, 1995. С. 52–55, рис. 1–3]. В результате исследований И.В. Сеницына, Т.А. Хлебниковой и других археологов пополнялась коллекция керамики СБВ с Алексеевского городища [Юдин, 2000. С. 75].

В 1975 г. Н.М. Малов начинает многолетние исследования на Хлопковском городище около с. Березняки Воскресенского р-на. Здесь будет изучена значительная площадь культурного слоя, содержащего также керамику вольской, полтавkinской, среднедонской и волго-уральской культур СБВ. Первоначально здесь располагался энеолитический могильник, затем перекрытый культурным слоем поселения, на котором жизнедеятельность продолжалась с СБВ до позднего средневековья [Малов, 1979. С. 186]. Поскольку на городище вольская керамика часто находилась совместно с полтавkinской и «многоваликовой», то она была отнесена к полтавkinско-катакомбному времени [Малов, 1980. С. 153; Малов, 2008. С. 77–78].

Н.М. Малов почти полностью раскопал селище «Еланский ручей» у с. Мордовое Красноармейского р-на с мощным культурным слоем СБВ [Малов, 1981. С. 138–139; Он же, 1983. С. 159]. На этом относительно «чистом» катакомбном поселении впервые в Нижневолжском правобережье выявлены

¹ По словам уже ушедшей из жизни Н.Г. Андрес, работавшей тогда лаборанткой в СГУ на кафедре Истории СССР досоветского периода, эти коллекции хранились на истфаке под лестницей в подвальной комнате. После кончины И.В. Сеницына и В.А. Фисенко эта комната перешла к античным археологам истфака. При освобождении помещения тогда вывезли «как беспаспортные» на один из пустырей окраины города ящики с коллекциями, в том числе и с «Утеса Степана Разина». Достоверность этой информации о данной коллекции подтверждают многие преподаватели и научные сотрудники, работавшие и учившиеся тогда на истфаке, бывавшие в экспедициях на «Утесе Степана Разина», а также изучавшие ее коллеги [Пряхин, 1982. С. 87 сноски № 69]. Некоторые из вывозимых тогда находок поступили через М.Г. Кима на хранение в Вольский краеведческий музей. Что касается научного архива В.А. Фисенко, то он мог попасть через В.И. Еремина в Волгоград.

остатки небольшой части котлована от материкового жилища среднедонской катакомбной культуры с кострищем и ямой. Из слоя и сборов здесь также происходила керамика, аналогичная ямно-полтавкинско-катакомбной. Среди индивидуальных находок СБВ с «Еланского ручья» есть обломки каменных и медные изделия: нож, серп, рыболовный крючок, шило.

Экспедиции археологической лаборатории СГУ открывают новые бытовые памятники СБВ на р. Терешке, правом притоке Волги. Под руководством С.Ю. Монахова здесь выявлена значительная серия разновременных поселений бронзового века [Монахов, 1983. С. 164]. На некоторых из них обнаружена керамика СБВ [Малов, Филипченко, 1995. С. 53–55, рис. 1; 2]. В Воскресенском р-не около устья ручья у с. Усовка найдено несколько полтавкинских черепков [Малов, 1983. С. 159]. В 1982 г. на правом берегу р. Терешки около с. Новая Покровка Вольского р-на Н.М. Маловым открыто крупное селище «Старицкое», собрана выразительная коллекция керамики и абразивно-терочных инструментов полтавкинского времени [Кочерженко, Малов, 1984. С. 152; Малов, Филипченко, 1984. С. 53–55, рис. 1–3].

С середины 1970-х годов М.Г. Ким регулярно обследует Вольское городище «Попово блюдечко», а в 1981 г. раскапывает его остатки, что позволило существенно пополнить коллекцию керамики вольского типа [Малов и др., 2009. С. 19–43]. А.А. Хреков приступает к систематическим раскопкам многослойного городища на р. Хопер у с. Никольевка Балашовского р-на. Здесь в самом нижнем слое обнаружена значительная серия многоваликовой керамики поздней стадии среднедонской катакомбной культуры [Хреков, 1979. С. 84; Он же, 1980. С. 178; Он же, 1981. С. 157]. В 1978, 1979 и 1981 гг. Д.С. Худяков, а также студенты истфака СГУ А. Стеклов и П. Кашкалда, обнаружили на некоторых поселениях правого берега Волги (Сосновка, Мордовое, Дубовка, Золотое, Трубино) керамику СБВ [Малов и др., 1992].

Начало этапа связывается с диссертацией Н.К. Качаловой, в которой впервые обосновано выделение полтавкинской культуры Нижнего Поволжья на основе анализа погребальных комплексов [Качалова, 1965. С. 6; Она же, 1967. С. 14–22; Она же, 1967. С. 14–23]. Кроме того Н.К. Качалова впервые специально рассмотрела вопрос о связях полтавкинских племен с катакомбными и выделила 35 погребений с катакомбными чертами. В итоге был сделан вывод о том, что катакомбные группы проникали и оседали в степях эпизодически, начиная с самого начала существования полтавкинской культуры, но не смогли преодолеть рубеж Волги [Качалова, 1968. С. 9–13].

Н.К. Качалова справедливо заметила, что здесь фиксируется определенные компонент в виде керамики среднедонской катакомбной культуры. Именно этой культуре и отдавалось предпочтение на позднем этапе катакомбной инфильтрации в Нижнее Поволжье [Качалова, 1968. С. 13]. Вместе с тем отстаивался противоположный тезис, исключавший «возможность параллельного существования, в тот же период, на той же территории, катакомбных племен» [Качалова, 1968. С. 11].

В эти годы выявляется значительная серия новых поселений с материалами СБВ, преимущественно катакомбной культуры. На целом ряде бытовых памятников осуществлены достаточно крупные раскопные полевые иссле-

дования. Особое внимание уделяется изучению памятников вольского культурного типа.

В 1979 г. Н.М. Малов, на основе материалов более 20 поселений в основном с пограничья лесостепи – степи Среднего и Нижнего Поволжья, выделяет памятники с керамикой вольского типа в качестве самостоятельной культурной группы полтавкинско-катакомбного времени СБВ [Малов, 1979а. С. 82–83; Он же, 2007. С. 38; Он же, 2008. С. 77–78; Малов и др., 2009. С. 23–25]. В 1982 г. на II-ом Куйбышевском совещании по проблемам срубной культурно-исторической общности Н.М. Малов представил впоследствии не опубликованный доклад «Многоваликовая керамика на археологических памятниках Поволжья» [Васильев, Качалова, 1989. С. 127].

Н.М. Малов отнес значительную серию поселений правобережья Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья к многоваликовому этапу среднедонской катакомбной культуры, восточную границу которой распространил до Волги [Пярых, 1990. С. 117; Малов, 2008. С. 77]. А.Д. Пряхин также заключил, что восточная граница среднедонской катакомбной культуры достигала Волги [Пряхин, 1982. С. 75]. В результате систематизации нижеволжских погребений СБВ В.И. Мельник сделал вывод о том, что ямно-катакомбные погребения, сосредоточенные преимущественно в Волго-Донском междуречье, составляют восточную периферию катакомбной общности, а в Заволжье на ямной основе складываются полтавкинские памятники [Мельник, 1983. С. 27–29].

За окончание данного этапа принято выделение «полтавкинской историко-культурной общности». И.Б. Васильев выдвигает тезис, поддержанный и развитый Н.К. Качаловой, о существовании полтавкинской общности, включающей четыре культуры: средневолжскую, нижеволжскую, прикаспийскую и приуральскую [Васильев, 1979а. С. 24–56; Качалова, 1983. С. 4–19]. Н.К. Качалова впервые использовала немногочисленные стоянки и местонахождения Северного Прикаспия, открытые А.Н. Мелентьевым, при определении локальных различий «полтавкинской культурно-исторической общности» [Качалова, 1983. С. 4, 5, 15, табл. 1. 38–50, табл. 5]. Отмечалась различная степень сохранности их культурных слоев, а также то, что «ведущим типом памятников прикаспийской полтавкинской группы являются в настоящее время бытовые комплексы, но известны и погребальные» [Качалова, 1983. С. 14].

Пятый этап. 1984–2010 гг. Заволжье и Волго-Уральское междуречье. В 1985 г. Заволжский отряд экспедиции СГУ под руководством А.И. Юдина открыл и исследовал несколько селищ с культурными слоями катакомбной культуры на р. Торгун (бассейн р. Еруслан) в Паласовском р-не: хут. Крахмал, р. Водянка, Кумыска и др. [Юдин, 1987. С. 218; Ляхов и др., 1988. С. 181]. В последующем автор раскопок отнес материалы СБВ с «Кумыски» к местной катакомбной культуре [Юдин, 1999. С. 122–129].

На территории Северного Прикаспия и в низовьях Узеней куйбышевские археологи выделяют 35 полтавкинских стоянок и местонахождений, из которых три имели сохранившиеся остатки культурных слоев. Небольшие по площади стоянки были приурочены к барханам вдоль «соров». На них собраны фрагменты от двух, трех, максимум – десяти сосудов [Васильев,

Выборнов, 1986. С. 17–18; Васильев и др., 1986. С. 110; Иванов, Васильев, 1995. С. 154–156]. Памятники распределили по двум группам, соответствующим хронологическим этапам нижневолжской и средневолжской полтавкинских культур [Васильев и др., 1986. С. 116–117]. Кроме того, было собрано небольшое количество керамики близкой к вольской, катакомбной и «многоваликовой» [Васильев, Выборнов, 1986. С. 116, рис. 4, Б].

Активное освоение данного региона полтавкинскими племенами исследователи объясняли резким повышением увлажненности Каспийского бассейна [Васильев, Выборнов, 1986. С. 17]. На территории Рын-песков в этот период (4–3,5 тыс. л. н.) наблюдались степные семирамидные условия. Плотность населения составляла 0,4–1 чел./кв. км, а численность диких копытных и домашних животных достигала наибольших значений [Луковская и др., 1996. С. 41]. Однако малочисленность материала вызвала справедливые сомнения в успешном решении обозначенных проблем стратиграфии и палеодемографии данного региона [Шилов, 1991. С. 132]. В 1986 г. Ахтубинским отрядом археологической экспедиции СГУ под руководством С.В. Ляхова на высоком мысу в 5 км к западу от с. Харабали собрано большое количество керамики СБВ Нижнего Поволжья [Ляхов и др., 1988. С. 179].

Правобережье Волги и Волго-Донской междуречье. Характеризуя керамику со Старо-Яблоновского поселения, И.Б. Васильев и В.А. Непочатых находят ей наиболее близкие аналогии в полтавкинских памятниках. Орнамент нескольких сосудов, состоящий из отпечатков веревочки в различных композициях, характерен и для катакомбной керамики. По мнению исследователей это поселение – одно из свидетельств процесса оседания населения на землю в волжском Правобережье, начавшееся в полтавкинское время и не исключено, что под влиянием оседлых западных соседей – среднедонской катакомбной культуры [Васильев, Непочатых, 1997. С. 44–46].

Н.М. Малов продолжал исследовать Хлопковское городище, селище Сосновка-I и Сосновскую донную стоянку, содержащие керамику СБВ [Малов, 1987. С. 189; Ляхов и др., 1988. С. 180–181]. В 1991 г. И.И. Дремов открыл стоянку близ «Уракова бугра» в 30 км севернее г. Камышина, между селами Нижняя Добринка и Дубовка, где исследовал вдоль берега 76 кв. м. Некоторые из найденных в культурном слое фрагментов керамики, с «веревочной» орнаментацией, автор отнес к катакомбной культуре или ямно-катакомбному времени СБВ [Дремов, 2001. С. 125–129, рис. 2]. Среди керамики СБВ есть и многоваликовые фрагменты среднедонской катакомбной культуры [Дремов, 2001. С. 31, рис. 4, 1, 3, 8].

Многолетние раскопки (О.В. Кочерженко, 1992–93 гг.; А.И. Юдин, 1998, 2000 г.; В.В. Тихонов, 1999 г.; Ю.А. Зеленов, 2005–2006 гг.; А.Б. Малышев, 2006 г.) на Алексеевском городище позволили вскрыть значительную площадь и дополнили коллекцию вольской и катакомбной керамики памятника [Юдин, 2000. С. 76–78; Он же, 2001. С. 31, рис. 4; Малышев, С. 314, рис. 3].

В.А. Лопатин производит археологические исследования в урочище «Мартышкино», где собрана довольно большая и представительная серия керамики СБВ. Выделяются сосуды ямно-катакомбного времени, а также типичные для донецкой и среднедонской катакомбных культур [Лопатин, 1994. С. 84; Он же, 2003]. Несколько малоинформативных фрагментов керамики с

признаками катакомбной культуры обнаружены исследователем на селище у с. Нижняя Красавка близ Аткарска [Лопатин, 2008. С. 78–79].

Важную роль в систематизации погребальных памятников СБВ Нижнего Поволжья сыграло исследование В.И. Мельника, позволившее впервые обосновать гипотезу о выделении волго-донского или поволжского варианта (группы) донецко-волжской провинции катакомбной общности [Мельник, 1985. С. 14; Он же, 1989. С. 131–132]. Полтавкинские древности степного Поволжья археолог определил как культуру-дериват (отвод, отросток) ямно-полтавжинской генетической общности [Мельник, 1985. С. 12].

В 1985 г. определенные итоги многолетнего полевого изучения поселений СБВ северных районов Нижнего Поволжья кратко изложил Н.М. Малов [Малов, 1985. С. 225–226]. При этом отмечалось, что поселения и местонахождения с керамикой преимущественно катакомбной культуры расположены в основном в лесостепных правобережных районах и около поймы Волги. Констатировалось, что керамика СБВ происходит из культурных слоев городищ: Белогорского («Утес Степана Разина»), Терновского, Ахматского, Алексеевского, Хлопковского. Отмечено ее присутствие на селищах: Даниловском, Мартышкинском, Трубинском, «Еланский ручей», Буровском, Клюевском и др., а также на Вертуновской, Рассказанской, Орловской, Дубовской и Тонкошуровской дюнных стоянках.

Что касается керамики с многоваликовой орнаментацией, то она в основной своей массе отнесена к соответствующему этапу среднедонской катакомбной культуры. Поэтому был сделан вывод о том, что бабинская культура не имела распространения в Поволжье и прилегающих к нему районах, а восточная граница среднедонской катакомбной культуры доходила до Волги. Н.М. Малов также отметил присутствие многоваликово-среднедонских фрагментов на некоторых заволжских дюнах и селищах [Малов, 1985. С. 226]. Поскольку в степях Нижнего Заволжья и в правобережных районах известны поселения с ямной, полтавжинской и катакомбной керамикой, то характеристика полтавжинских древностей без их использования представляется не полной [Малов, 1990. С. 30].

Следует отметить работы В.И. Мамонтова, посвященные анализу погребальных памятников степной части Волго-Донского междуречья, среди которых выделялись и полтавжинские. Исследователь заключил, что ямные и катакомбные племена какое-то время здесь сосуществовали, а самыми ранними погребениями катакомбной культуры являются захоронения донецкого типа, за ними следуют среднедонские и предкавказские [Мамонтов, 1986. С. 7–10; Он же, 1986а. С. 40–45, рис. 2].

Поселенческие памятники СБВ Нижнего Поволжья стали активнее привлекать для характеристики полтавжинских древностей. Так, например, П.Ф. Кузнецов учел большинство Волго-Уральских стоянок с культурными слоями и скопления керамики [Кузнецов, 1989. С. 65]. Развивая концепцию В.И. Мельника о волго-донской катакомбной культуре, В.В. Филипченко предложил вести речь о лесостепной катакомбной провинции, куда включались и левобережные комплексы, расположенные в непосредственной близости от Волги [Филипченко, 1995. С. 74–76].

Н.М. Малов и В.В. Филипченко собрали и обобщили данные по поселенческим и погребальным материалам нижеволжского правобережья, содержащим катакомбную и полтавкинскую керамику [Малов, Филипченко, 1995. С. 52–62]. На основании анализа бытовых и погребальных памятников исследователи выделяют волго-донской локальный вариант катакомбной историко-культурной области, сложившийся главным образом на основе позднейших культурных традиций. Авторами был сделан вывод о том, что данная территория в СБВ являлась средой обитания волго-донских катакомбных, а не полтавкинских племен, и наличие долговременных поселений свидетельствовало о значительной степени их оседлости [Малов, Филипченко, 1995. С. 60–61].

А.И. Юдин обратил внимание на 11 заволжских поселений с керамикой СБВ, на ряде из которых были культурные слои СБВ. Это позволило заключить, что носители катакомбной культуры не эпизодически проникали в Заволжье, а составляли здесь основу населения «одной из периферийных культур катакомбного круга» [Юдин, 1997. С. 42–43; Он же, 2003. С. 130]. Н.К. Качалова пришла к выводу о том, что открытое в Нижнем Поволжье большое количество поселений СБВ, сосредоточенных в трех его частях (северной – до Еруслана, бассейне Узеней, Прикаспии), свидетельствуют о мирном взаимодействии катакомбного населения с полтавкинским [Качалова, 2000а. С. 221–222]. По мнению исследователя, в Заволжье они документировали кратковременные остановки на маршрутах передвижения к прикаспийским пастбищам.

Керамический комплекс СБВ Терновского городища отнесен волгоградскими археологами к развитому этапу и признан аналогичным материалам пойменных поселений среднедонской катакомбной культуры, хотя отдельные фрагменты соотносились с КМК [Гуренко и др., 2001. С. 401].

Рассмотрев катакомбные материалы СБВ некоторых городищ, А.С. Лапшин соотнес их с местной волго-донской и среднедонской катакомбными культурами, полагая, что сюда мигрировали носители последней [Лапшин, 2003. С. 256].

В настоящее время изучение погребальных и бытовых памятников СБВ Нижнего Поволжья дает достаточно оснований полагать, что здесь были распространены как минимум две автохтонные культуры: полтавкинская и волго-донская катакомбная. Помимо них здесь достаточно выразительно представлены древности вольского культурного типа, донецкой, среднедонской и маньчской (предкавказской) катакомбных культур. Не исключено, что волго-донская катакомбная культура сформировалась в результате взаимодействия донецкой и полтавкинской культурных традиций [Кияшко, 2002. С. 143; Он же, 2009. С. 110–111; Сухорукова, 2009. С. 51–52].

Заключение.

Всего нами учтено 106 (37 в Заволжье и 69 в Правобережье) бытовых памятников СБВ (рис. 1). Они неоднородны в культурном и хронологическом отношении, содержат полтавкинскую, вольскую и катакомбную (волго-донская, среднедонская, донецкая, маньчская) керамику. Поселения преимущественно занимают края высоких речных террас и старицы (78,3%). Из

них мысовое положение имеют 26,5%, на дюнах – 20,4% и одно (Новопривольное-IV) на краю второй надпойменной террасы.

Бытовые памятники представлены тремя типами: 1) городища; 2) селища и стоянки; 3) отдельные местонахождения и находки (табл. 1). Городища многослойные, имеющие в том числе и слой СБВ, вытянуты цепочкой вдоль правого берега Волги. Они занимают удобные мысовые участки, являющиеся хорошими естественными укреплениями. Только одно Никольевское городище расположено на р. Хопер. К селищам и стоянкам отнесены памятники, имеющие культурный слой, что позволяет говорить об оседлости оставившего их скотоводческого населения. Среди них как относительно однослойные (Еланский ручей, Сосновка-I, Старицкое и др.), так и многослойные (Алексеевское, Утес Степана Разина, Хлопковское, Терновское, Кумыска, Мартышкино и др.). Наиболее распространенным видом памятников являются отдельные местонахождения и находки, где в результате разведок или раскопок встречено небольшое количество фрагментов керамики катакомбной эпохи. Однако они являются «предварительным типом», т. к. при раскопках на них может выявиться культурный слой².

Бытовые памятники картированы согласно культурной принадлежности и хронологической позиции, встреченной на них керамики. К начальному этапу СБВ отнесены памятники с керамикой полтавкинской культуры, волго-донской катакомбной и вольского культурного типа. Поселения данного начального этапа с полтавкинской и катакомбной керамикой рассматриваются совместно ввиду их малочисленности и сложности дифференциации по форме фрагментированной посуды. Они составляют 23,5% от общего числа бытовых памятников. Как правило сосуды здесь с уступчиком, иногда подчеркнутым волнистым валиком, несколько утолщенный и скошенный внутрь срез венчика. На раннем этапе СБВ отмечена орнаментация зубчатым штампом, шагающей гребенкой, оттисками веревки и ногтевыми защипами.

При этом фрагментарный характер керамики и отсутствие других категорий датирующего инвентаря существенно усложняют культурную атрибуцию особенно ранних поселенческих материалов СБВ. Отдельные аналогии бытовой керамике раннего этапа СБВ можно найти в так называемых «ямно-катакомбных», «ямно-полтавкинских» и «катакомбно-полтавкинских» погребениях. Однако исследователи определяют ее культурную принадлежность, даже при наличии целых форм в захоронениях, весьма противоречиво.

Так, например, характеристика начального этапа СБВ по материалам погребений затруднительна из-за проблем с расчленением позднеямных и раннекатакомбных древностей [Кияшко, 2002. С. 129]. Даже погребальная керамика раннекатакомбного времени в Нижнем Поволжье практически не отличается от синхронной нижнедонской и предкавказской, поскольку имеет смешанные ямно-катакомбные признаки [Кияшко, 2007. С. 24]. Это замечание правомерно и для бытовой посуды СБВ. Вероятно ямно-катакомбная керамика может присутствовать на ряде правобережных поселений (Еланский ручей, Сосновка-I и др.). Что касается полтавкинской культуры, то время ее бы-

² Когда статья уже была сдана в печать, выяснилось, что в публикуемую сводку не вошло около 10 поселений и местонахождений.

тования также ограничивается рамками раннего этапа [Сухорукова, 2008а. С. 23]. К тому же исследования последних лет дают основания выделять в регионе нижеволжский и волго-донской варианты полтавкинской культуры, разделенные рекой Волгой [Сухорукова, 2008. С. 149].

Керамика начального этапа встречена в небольшом количестве на многослойных поселениях с культурными слоями (Хлопковское городище, Еланский ручей, Сосновка-I и др.). В Правобережье ранние поселения расположены в основном по берегу Волги и ее притоку Терешке. Здесь на раскапываемых долговременных поселениях найдены фрагменты нескольких хронологических периодов и культур. В Заволжье же они заходят далеко в степь, располагаясь в степной и полупустынной зонах. Процентное соотношение согласно двух берегов примерно одинаково (52% – ПБ; 48% – ЛБ).

К начальному этапу также отнесены памятники с керамикой ВКТ. Всего их семь (6,6% от общего числа; 22,5% от числа ранних), из которых пять находятся на правом берегу Волги. В том числе Вольское городище – единственный памятник с чистым культурным слоем и два в Заволжье. За редким исключением (Осиновский овраг на Б. Карамане и др.), они располагаются непосредственно в правобережье Волги.

Основное число поселений содержит материалы волго-донской катакомбной культуры. Культурные слои раскапывавшихся поселений содержат массовый остеологический материал, что свидетельствует о сугубо скотоводческом хозяйстве племен СБВ. Так, например, изучение костного комплекса домашних копытных селища Сосновка-I показывает, что тогда животноводство в волго-донской катакомбной культуре нижеволжского правобережья базировалось на содержании крупного и мелкого рогатого скота³. Предполагается, что к концу СБВ на территории волго-донского междуречья она была в основном ассимилирована пришлыми племенами среднедонской и маньчской катакомбных культур [Сухорукова, 2008].

Среднедонскую катакомбную керамику маркируют, прежде всего, валиковые и многоваликовые фрагменты. Их картирование показало, что они встречаются как в Правобережье, так и в Заволжье. Всего выявлено 42 таких памятника, что составило 39,6% от общего числа (из них 78,5% – ПБ; 21,4% – ЛБ). Они рассредоточены в степной зоне Нижнего Поволжья, с наибольшей плотностью на побережье Волги и близ ее поймы. В Прикаспии подобной керамики нет, поскольку среднедонские катакомбные племена сюда не проникали.

Присутствие «маньчских катакомбников» по поселенческим материалам проявляется менее всего и только в южных регионах, от пограничья степи - полупустыни и до пустыни включительно. Например, фрагменты маньчских реповидных сосудов найдены на пяти поселениях (4,7% от общего числа), из которых четыре расположены на правом берегу Волги и одна случайная находка в районе станции Досанг в Прикаспии.

Картирование типов по географическим зонам показало, что несмотря на различное количество их процентное соотношение примерно одинаково для всех природных зон. Вместе с тем значительный процент поселений (41,6%)

³ См. статью П.А. Косинцева и Н.М. Малова в данном выпуске АВЕС.

отмечен на р. Торгун в пограничье степи-полупустыни. Вероятно природная обстановка здесь в это время была благоприятной. Примерно равное процентное соотношение типов внутри отдельных географических зон. Несколько различные проценты для правого и левого берегов Волги в рамках степной зоны получены из-за отсутствия в Заволжье древних городищ в целом.

Основная масса бытовых памятников концентрируется в обширной степной зоне Нижнего Поволжья (71,6%) и Волго-Уральского междуречья, хорошо освоенной племенами СБВ с подвижными формами скотоводства. Все поселения (16,9%) самой плотно заселенной и наиболее благоприятной для оседлого проживания и хозяйственной деятельности зоны пограничья степи-лесостепи располагаются в северо-западном правобережье Волги и Волго-Донском междуречье. При этом не случайно, что именно здесь расположены долговременные бытовые памятники с самыми мощными культурными слоями и остатками постройки.

В зоне полупустыни Северного Прикаспия выявлены небольшие по размерам стоянки самых подвижных скотоводов СБВ, приуроченные к барханным грядам вдоль высохших озер-соров. На их кратковременность указывают не только небольшая площадь и тонкие слои, но и единичные фрагменты или отдельные находки катакомбно-полтавкинской и вольской керамики (11,3%). Вероятнее всего это временные стоянки-зимники около озерного и пойменного травостоя займищ. В целом население СБВ Нижнего Поволжья практиковало разные типы ведения скотоводческого хозяйства, что было обусловлено природно-климатической средой обитания.

Следует также отметить, что на поселениях СБВ Нижнего Поволжья в виде исключения иногда встречаются единичные кремневые или кварцитовые отщепы, сколы, пластины, наконечники стрел и др. Но такие находки обычно очень редки. По этому показателю бытовые памятники СБВ существенно отличаются, например, от нижневолжских поселений эпохи энеолита. Отсутствие отходов камнеобработки и обнаружение медных орудий (Старая Яблоновка, Еланский ручей, Кумыска и др.) свидетельствуют о значительном внедрении и повседневном использовании металлических изделий племенами СБВ Нижнего Поволжья.

Литература:

Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи (опыт художественно – археологического исследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). М., Пг., 1923.

Васильев И.Б. Работы на Волге // АО. 1979. М., 1980.

Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху средней и поздней бронзы: ямные и полтавкинские племена // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979а. Т. 230.

Васильев И.Б. Работы в Среднем и Нижнем Поволжье // АО. 1980. М., 1981.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.

- Васильев И.Б., Качалова Н.К.* О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья // СА. 1989. № 2.
- Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф.* Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.
- Васильев И.Б., Непочатых В.А.* Полтавкинское поселение у с. Ст. Яблонка Хвалынского района Саратовской области // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы междунар. науч. конф. Саратов, 1997.
- Галкин Л.Л.* Северный Прикаспий в древности // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Научн. труды КГПИ. Куйбышев. 1982. Т. 263.
- Городцов В.А.* Бытовая археология. Курс лекций. М., 1910.
- Городцов В.А.* Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М., Т. 7.
- Гуренко Л.В., Кияшко А.В., Шендаков Г.Н.* К вопросу о культурной принадлежности Терновского городища // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Тез. науч. конф. Самара, 2001.
- Дремел И.И.* Ураков бугор: материалы раннего мезолита, средней и финальной бронзы // Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Саратов. 2001. Вып. 4.
- Дубягин П.С., Чикризов Ф.Д., Чуринов В.А., Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Новые материалы неолита-бронзы из Северного Прикаспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Научн. труды КГПИ. Куйбышев. 1982. Т. 263.
- Зайковский Б.В.* Впечатления от поездки в Елань-Аткарскую // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25.
- Зайковский Б.В.* К открытию в Саратовской губернии стоянок и городищ медного века // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30.
- Зайковский Б.В.* Археологические разведки в окрестностях села Даниловки, Камышинского уезда Саратовской губернии // Труды СУАК. Саратов, 1913а. Вып. 30.
- Иванов И.В., Васильев И.Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.
- Изотова М.А., Малов Н.М.* Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // АВЕС. Саратов, 1992. Вып. 3.
- Качалова Н.К.* Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1965.
- Качалова Н.К.* О выделении полтавкинской культуры // КСИА. 1967. Вып. 112.
- Качалова Н.К.* О связях полтавкинских племен с катакомбными // АСГЭ. 1968. Вып. 10.
- Качалова Н.К.* О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
- Качалова Н.К.* Научный вклад Б.А. Латынина // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб. 2000.

Качалова Н.К. Полтавкинская проблема и «катакомбная эйфория» // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб. 2000а.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

Кияшко А.В. Полтавкинская керамическая традиция: соотношение специфических и эпохальных признаков // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тез. конф. Волгоград, 2007.

Кияшко А.В. Катакомбная культура // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009.

Кочерженко О.В., Малов Н.М. Работы Приволжской экспедиции // АО. 1982. М. 1984.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы (основные формы материального производства) // Известия ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 119

Кузнецов П.Ф. П.Д. Рау и современное состояние изучения памятников ранней-средней бронзы Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы междунар. науч. конф. Саратов, 1997.

Кузнецов П.Ф. Полтавкинская культурно-историческая общность: Препринт. Свердловск, Куйбышев. 1989.

Лапшин А.С. К вопросу о городищах эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6.

Лопатин В.А. Об одном из типов раннесрубных поселений Заволжья // АВЕС. 1989. Вып. 1.

Лопатин В.А. Охранные раскопки поселения в урочище Мартышкино // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Учебное пособие. Саратов. 2002.

Лопатин В.А. Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище «Мартышкино» (материалы эпохи поздней бронзы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Лопатин В.А. Поселение у с. Нижняя Красавка (по раскопкам 2007 года) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Луковская Т.С., Иванов И.В., Васильев И.Б. Методы оценки параметров экосистем, численности населения в различные археологические эпохи (на примере Рын-песков) // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии: Тез. докл. конф. Самара, 1996.

Ляхов С.В., Малов Н.М., Юдин А.И., Якубовский Г.Л. Работы Саратовского университета // АО. 1986. М., 1988.

Малов Н.М. Охранные работы в правобережных районах Саратовского Поволжья // АО. 1978. М., 1979.

Малов Н.М. О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. Донецк, 1979а.

Малов Н.М. Исследования памятников эпохи меди и бронзы в Саратовском Поволжье // АО. 1979. М., 1980.

Малов Н.М. Раскопки в Саратовском Поволжье // АО. 1980. М., 1981.

Малов Н.М. Работы в Саратовском Поволжье // АО. 1981. М., 1983.

Малов Н.М. Некоторые итоги изучения поселений эпохи бронзы северных районов Нижнего Поволжья // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции: «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку, 1985. Ч. 2.

Малов Н.М. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.

Малов Н.М. Раскопки поселений на Волге // АО. 1985. М., 1987.

Малов Н.М. Некоторые вопросы неолита-энеолита Нижнего Поволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Куйбышев, 1990.

Малов Н.М. Вклад Пауля Рау в изучение бронзового века степного Волго-Уралья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Матер. науч. конф. Саратов, 1997.

Малов Н.М. Поволжская региональная археология в Саратовском государственном университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999.

Малов Н.М. Литейные формы с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. 2007. Вып. 5.

Малов Н.М. Изучение и интерпретация материалов нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области в первой четверти XX века // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград, 12–15 ноября 2007 г. Тезисы докладов. Волгоград, 2007а.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов. 2008. Вып. 6.

Малов Н.М. Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.

Малов Н.М., Африканов Ю.А., Филипченко В.В., Четвериков С.И. Отчет о научно-исследовательской работе «Выявление, картографирование и паспортизация археологических памятников Красноармейского района Саратовской области» (заключительный) // Архив НИИАЛ СГУ. Саратов. 1992.

Малов Н.М., Сергеева О.В. Изучение поселений эпохи поздней бронзы археологами СУАК // Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Энгельс, 2004. Вып. 6.

Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г. Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного памятника // АВЕС. Саратов, 2009. Вып. 7.

- Малов Н.М., Филипченко В.В.* Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. СПб., 1995. № 4.
- Малышев А.Б.* Исследования Алексеевского городища в 2006 году // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Мамонтов В.И.* Племена эпохи бронзы степной части Волго-Донского междуречья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
- Мамонтов В.И.* Памятники эпохи бронзы Волго-Донского междуречья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986а.
- Мамонтов В.И.* Подъемный материал поселения Ложки // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Максимов Е.К.* Археологические разведки по реке Стерех // Древняя история Поволжья. Научн. тр. Куйб. гос. пед. ин-та. Куйбышев, 1979. Т. 230.
- Максимов Е.К., Малов Н.М.* Профессор Иван Васильевич Синицын – советский археолог XX века // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Матер. научн. конф. Саратов, 2000.
- Мельник В.И.* К вопросу о происхождении срубной культуры // КСИА. 1982. Вып. 169.
- Мельник В.И.* Погребения доно-волжского междуречья с сочетанием ямных и катакомбных черт и их соотношение с полтавкинскими памятниками // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1982.
- Мельник В.И.* Степное Поволжье в эпоху средней бронзы (преемственность и взаимодействие культур). М., 1985.
- Мельник В.И.* Восточная периферия катакомбной общности // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1.
- Минх А.Н.* Археологические находки и раскопки в Аткарском уезде Саратовской губернии // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25.
- Мелентьев А.Н.* Разведки в Волго-Уральском междуречье // АО. 1967. М., 1998.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Онезоре В.* Археологические разведки и раскопки в урочище «Мартышкино» Камышинского уезда // Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. 31.
- Очир-Гиряева М.А.* Скотоводы бронзового века Волго-Маньчских степей (история вопроса) // Вестник истории. Элиста. 2002. № 1.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье* // Археология России. САИ. Ответственный редактор Н.М. Малов. Саратов, 1993. Вып. В 1–10.
- Пряхин А.Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.
- Пярых Г.Г.* К дискуссии по происхождению срубной культуры // СА. 1990. № 1.
- Радищев М.А.* О раскопках в Хвалынском у. Саратовской губ. // Архив ИИМК РАН. 1914. Ф. 1. № 320.
- Радищев М.А.* О раскопках в Саратовской губернии, Хвалынском уезде // Архив ИИМК РАН. 1915. Ф. 1.
- Рыков П.С.* Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. // Уч. зап. СГУ. Саратов, 1925. Вып. 3. Т. 3.

- Рыков П.С.* К вопросу о культурах бронзового века в Нижнем Поволжье // Известия НВИК. 1927. Т. 2.
- Рыков П.С.* Археологическая экспедиция по Хопру // Сообщения Академии материальной культуры. 1931. № 8.
- Рыков П.С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов. 1936.
- Синицын И.В.* Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. М., 1952. Вып. XLV.
- Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции // КСИИМК. М., 1954. Вып. 55.
- Синицын И.В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. М., 1960. № 78.
- Синицын И.В., Фисенко В.А.* Раскопки на «Утесе Степана Разина» // АО. М., 1970. № 69.
- Смирнов К.Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. М., 1959. № 60.
- Спицын А.А.* Саратовские стоянки медного века // Тр. Об-ва ист., археол., этнограф. 1923. Вып. 31. Ч. 1.
- Соколов С.Д.* Источники и пособия для изучения Саратовского края. Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей и заметок, напечатанных вне Саратовского края. Издание второе, исправленное и значительно дополненное // Труды СУАК. Саратов, 1910. Вып. 26Б.
- Степанов П.Д.* Вольское городище // Труды СОМК. Саратов, 1956. Вып. 1.
- Сухорукова Е.П.* К вопросу о культурной специфике полтавкинских памятников волго-донских степей // Вестник СГСЭУ. 2008. № 2(21).
- Сухорукова Е.П.* Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (по материалам погребальных памятников) // Автореф... канд. ист. наук. СПб., 2008а.
- Сухорукова Е.П.* Волго-Донская культура // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009.
- Фисенко В.А.* Памятники катакомбной культуры у станции Петров Вал // СА. 1964. № 4.
- Фисенко В.А.* Племена катакомбной культуры северо-западного Прикаспия // Автореф... канд. ист. наук. СПб. 1967.
- Фисенко В.А.* Отчет об археологических раскопках на «Утесе Степана Разина» в 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 3660.
- Фисенко В.А.* Отчет об археологических раскопках на «Утесе Степана Разина» в 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. № 4530, 4530а.
- Хованский Н.Ф.* К библиографии Саратовского края // Труды СОМК. Саратов, 1895. Т. 4. Вып. 4.
- Хованский Н.Ф.* К библиографии Саратовского края // Труды СОМК. Саратов, 1896 (1895). Вып. 20 (XV).
- Хреков А.А.* К вопросу о культурах эпохи бронзы в Прихоперье // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. Донецк, 1979.
- Хреков А.А.* Исследования в бассейне р. Хопер // АО. 1979. М., 1980.

- Хреков А.А. Исследования на р. Хопер // АО. 1980. М., 1981.
- Черных Е.Н. К истории металлургии Восточной Европы в эпоху энеолита и ранней бронзы // Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1963.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.
- Щеглов С.А. Поездка на Ахматское городище // Труды СУАК. Саратов. 1912. Вып. 29.
- Шендаков Г.Н. Разведки в Волгоградской области // АО. 1967. М., 1968.
- Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. М., 1959. № 60.
- Шилов В.П. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // АСГЭ. Л., 1964. Вып. 6.
- Шилов В.П. О «полтавкинских» погребениях Южного Приуралья // СА. 1991. № 4.
- Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Юдин А.И. Поселения средней бронзы степного Заволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы междунар. науч. конф. Саратов, 1997.
- Юдин А.И. Многослойное поселение Кумыска на р. Торгун // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 1999. Вып. 3.
- Юдин А.И. Алексеевское городище в г. Саратове: Итоги и перспективы исследования // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11.
- Юдин А.И. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края // Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4.
- Юдин А.И. Катакомбные поселения эпохи средней бронзы в степном Заволжье // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6.

Таблица 1. Поселения среднего бронзового века в Нижнем Поволжье

Тип	Лесостепь	Степь			Полупустыня	Всего
		Правый берег	Левый берег	Всего		
Городища	11,1 %	17,6%	-	11,8%	-	11 (8,5%)
Селища-стоянки	27,7%	25,4%	28%	26,3%	41,6 %	30 (28,3%)
Отдельные находки	61,1%	56,8%	72%	61,8%	58,3%	65 (63,2%)
Всего	18 (16,9%)	51	25	76 (71,6%)	12 (11,3%)	106 (100%)

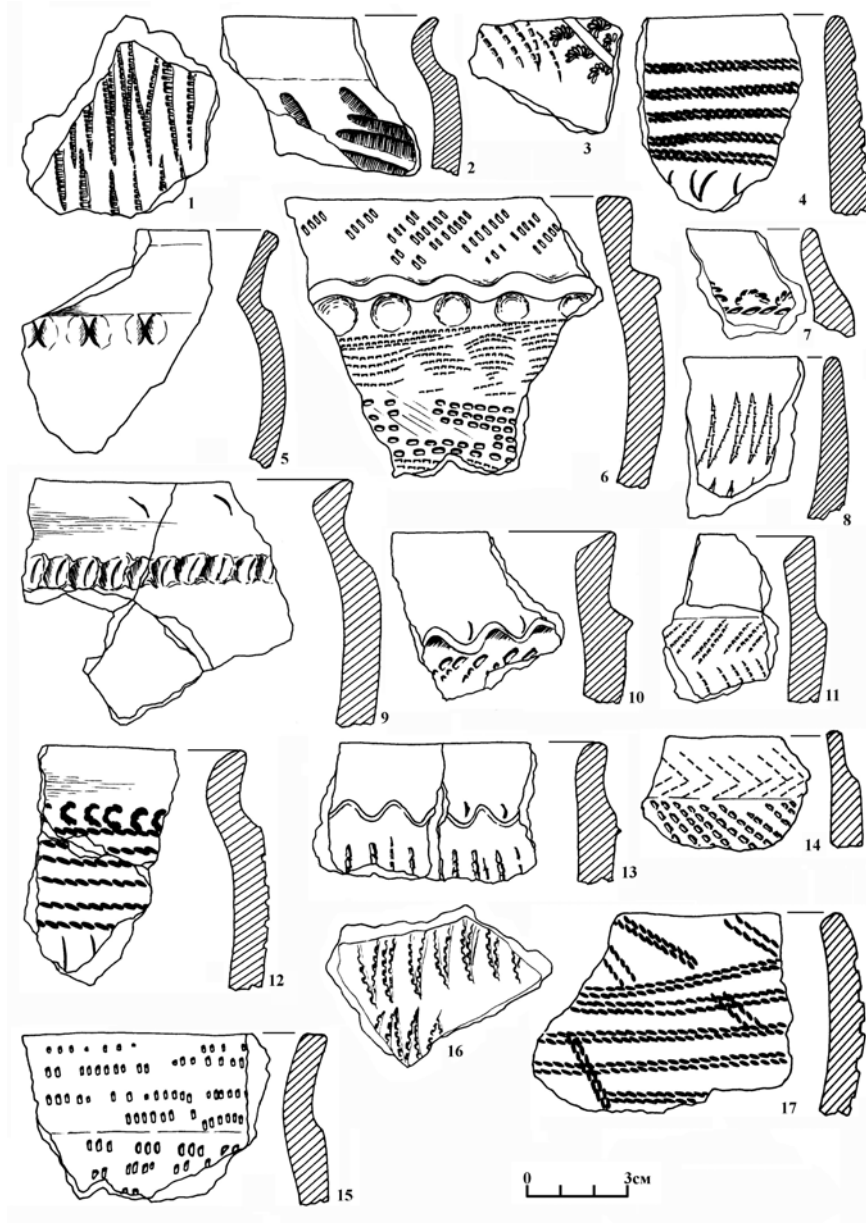

Рис. 1. Полтавкинская и раннекатакомбная керамика с поселений Нижнего Поволжья:
 1 - Кряжим V; 2 - Кряжим-VI; 3, 5 - Ст. Красавка-II; 4 - Мордово; 6, 15 - Сосновка-I;
 7, 16 - Мартышкино; 8 - Задоно-Авилловский-IV; 9, 11-13 - Кумыска; 14, 17 - Еланский ручей

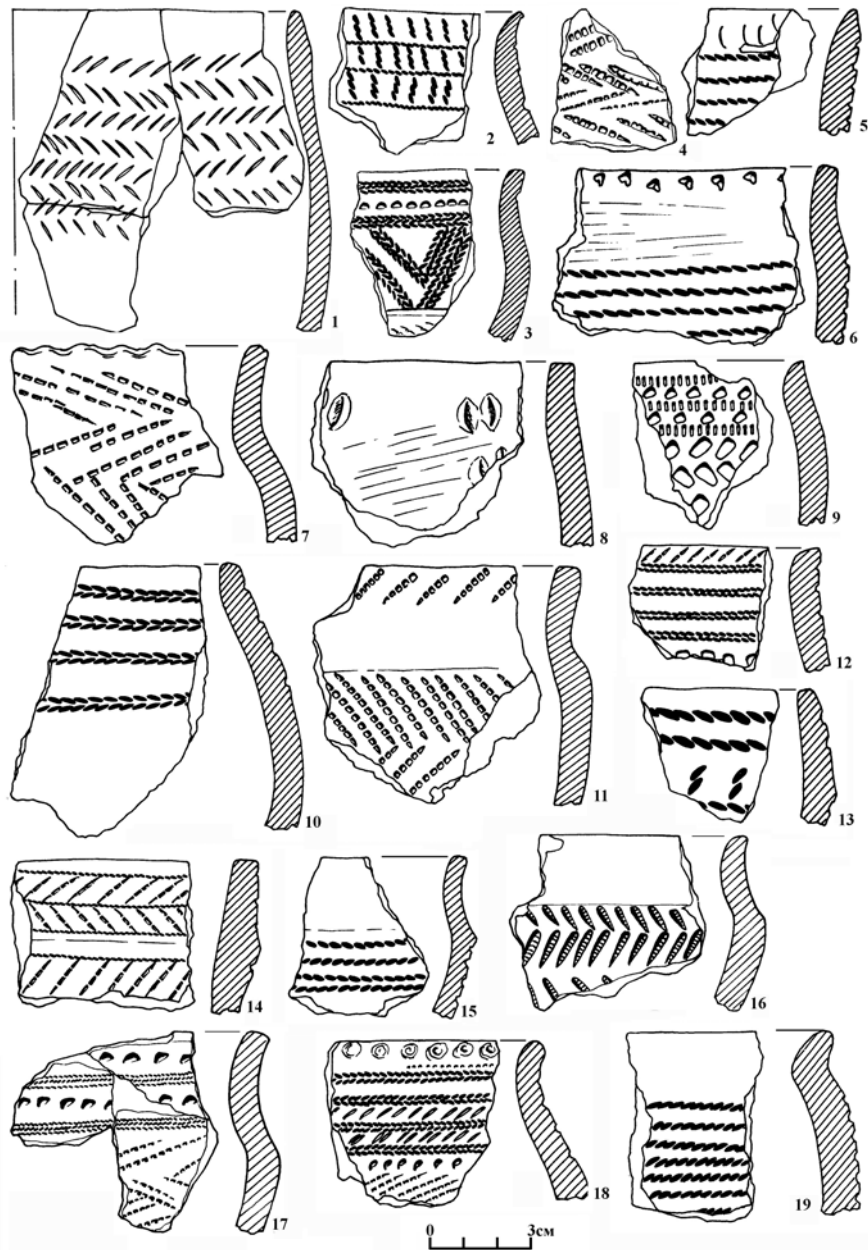

Рис. 2. Катакомбная керамика с поселений Нижнего Поволжья: 1 - Хлопковское гор.;
 2 - Кряжим VI; 3-4 - Танаевское гор.; 5-8 - Еланский ручей; 9-15 - Сосновка-I;
 16-18 - Мартышкино; 19 - Кумыска.

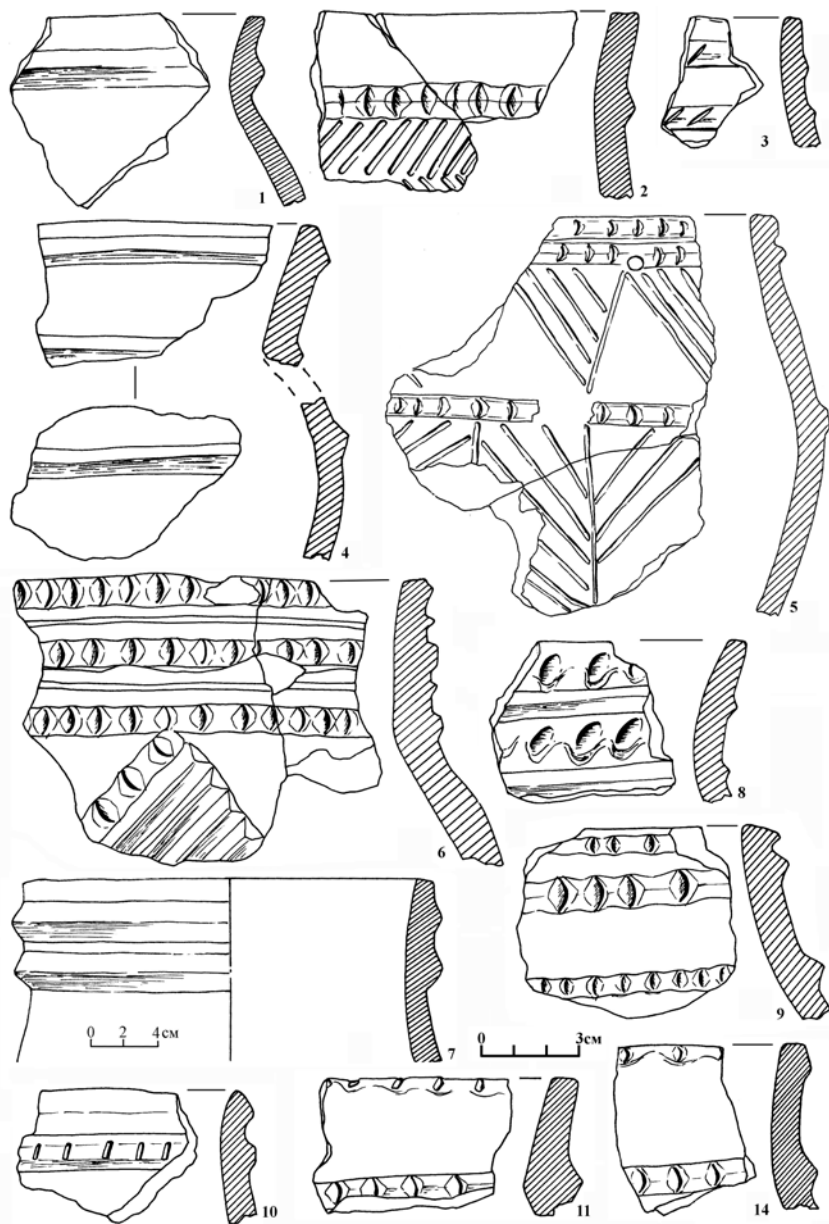

Рис. 3. Валиковая керамика среднедонской катакомбной культуры с поселений Нижнего Поволжья: 1 - Кряжим-VI; 2 - Буровка-V; 3 - Станция Красавка (дюны); 4 - Еланский ручей; 5 - Осиновский овраг; 6-7 - Утес Ст. Разина; 8 - Безымянка; 9 - Аряш; 10-12 - Андриановское гор

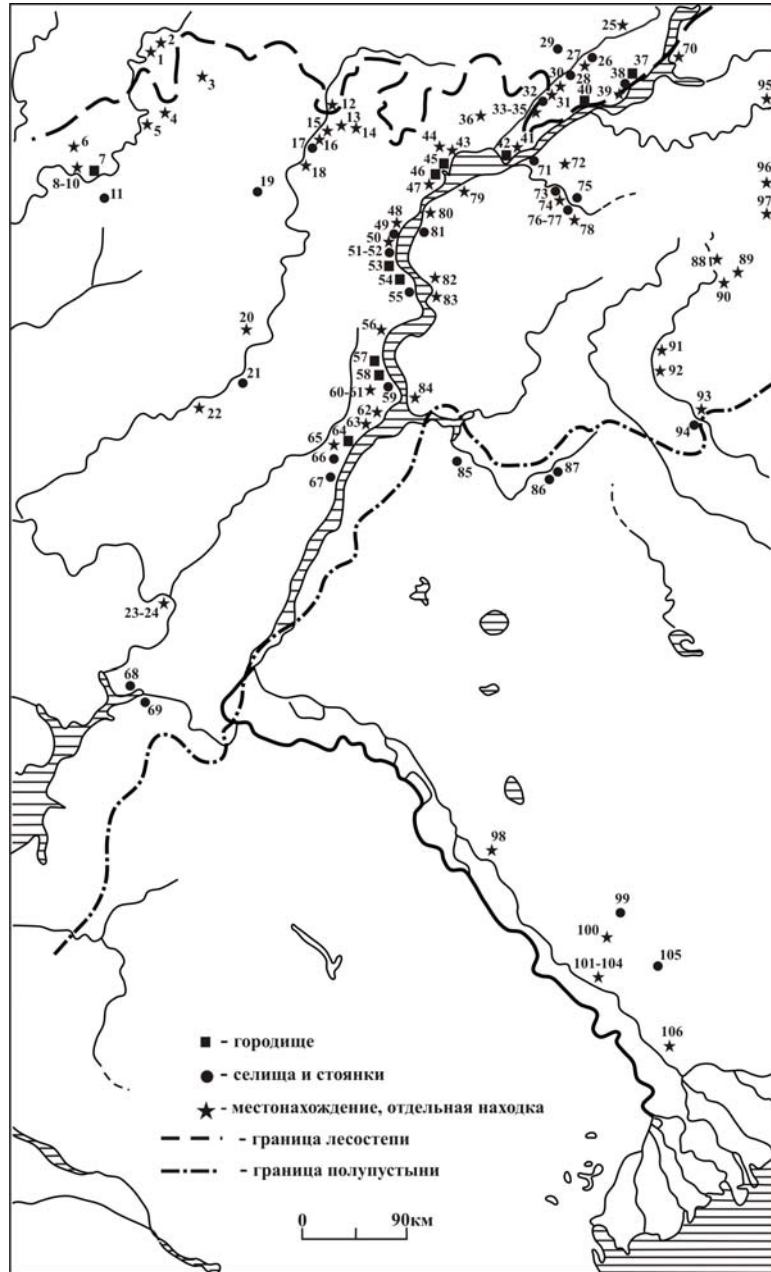

Рис. 4.

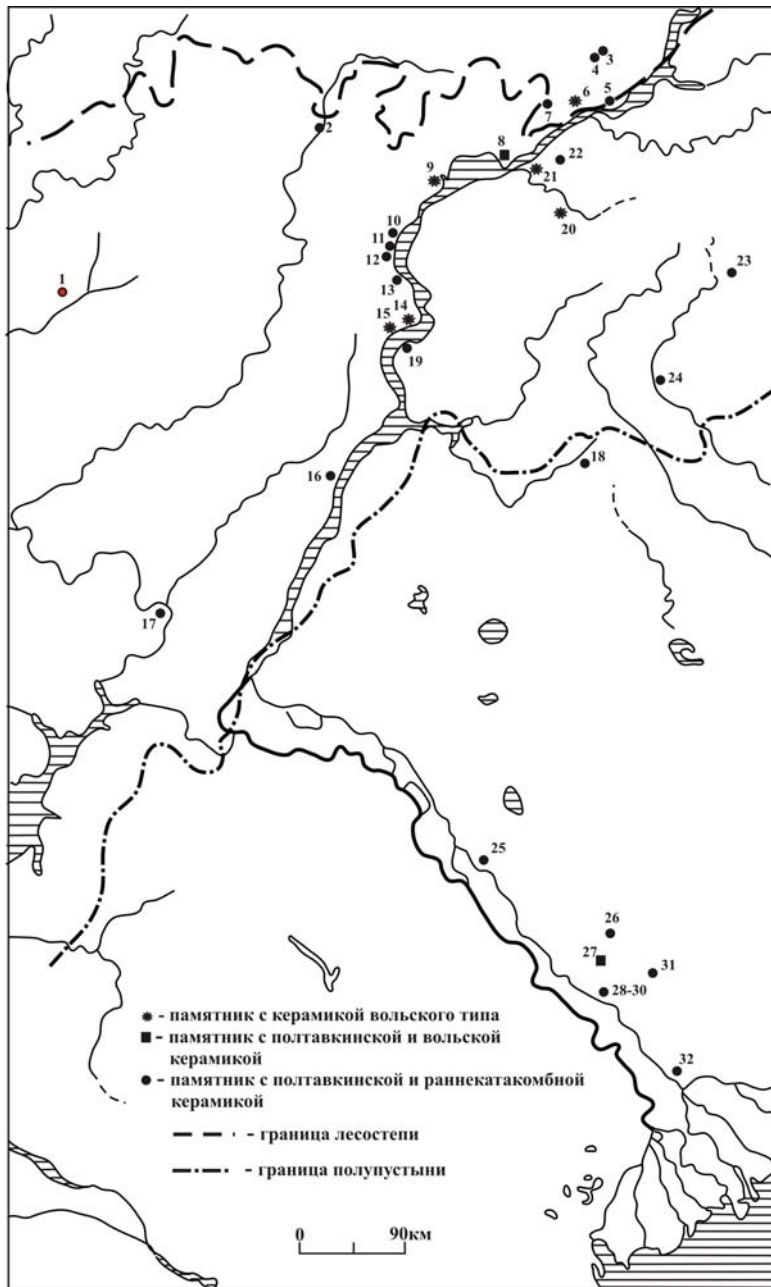

Рис. 5.

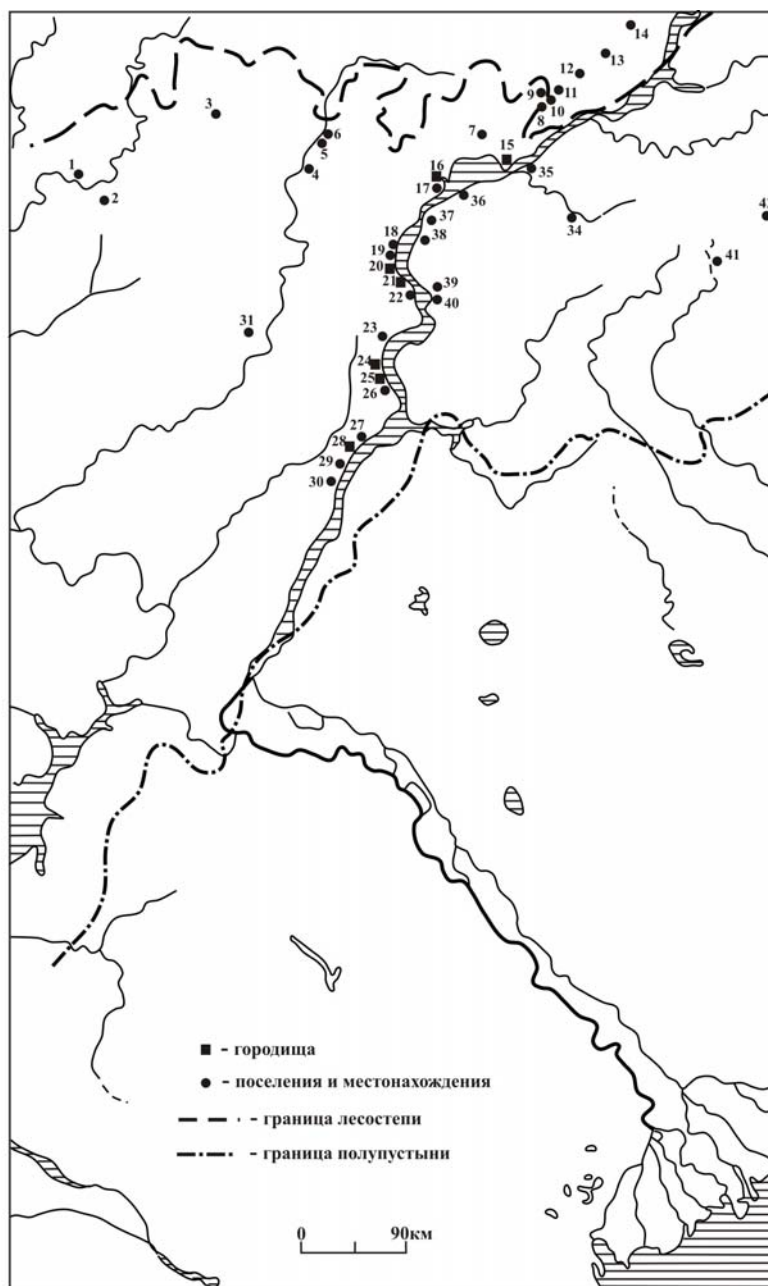

Рис. 6.

Рис. 4. Памятники эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья: 1 – Старый мост (Потьма 3); 2 – Аннино-Зыбино; 3 – Елань Аткарская; 4 – Нескучное; 5 – Красный Полуостров; 6 – Романовка; 7 – Никольевка; 8-10 – Алмазово-1-3; 11 – Рассказань; 12 – Красноармеец; 13 – Станция Красавка-2; 14 – Ершовка; 15 – Станция Красавка-1; 16 – Нижняя Красавка; 17 – Верхняя Красавка; 18 – Гайворон; 19 – Мал. Князевка; 20 – Рудня; 21 – Безымянка; 22 – Верхняя Липовка; 23-24 – Задано-Авилковский-1, 4; 25 – Хмельное-4; 26 – Кряжим-6; 27 – Кряжим-5; 28 – Клюевка-4; 29 – Старицкое; 30 – Сенная-2; 31 – Барановское-1; 32 – Куриловка; 33-35 – Буровка-2, 3, 5; 36 – Аряш; 37 – Хвальинское гор. 17; 38 – Старая Яблонка; 39 – Ивановка-3; 40 – Вольское гор.; 41 – Урочище «Кругли»; 42 – Хлопковское гор.; 43 – Пристанное; 44 – Гуселка-2; 45 – Танаевское гор. 46 – Алексеевское гор.; 47 – Саратовское-1; 48 – Печи; 49 – Еланский ручей; 50 – Мордово; 51-52 – Сосновка-1, Сосновские дюны; 53 – Сосновское гор.; 54 – Ахматское гор.; 55 – Мартышкино; 56 – Трубино; 57 – Андриановское (Лапки) гор.; 58 – Утес Ст. Разина; 59 – Даниловка-7; 60-61 – Даниловка, Даниловка-1; 62 – Нижняя Добринка; 63 – Ураков бугор; 64 – Терновское гор.; 65 – Терновка; 66 – Сестренки; 67 – Балберочный овраг; 68 – Ложки; 69 – Пятиморская; 70 Калач; 71 – Орловские дюны; 72 – Чапаевка-2; 73 – Осиновский овраг; 74 – Тонкошуровка-1; 75 – Поддурганное; 76-77 – Тонкошуровка-2, 3; 78 – Плотина; 79 – Прапорский бугор; 80 – Терновка; 81 – Березовка; 82 – Тарлык; 83 – Ново-Привольное-4; 84 – Красный Яр; 85 – хут. Крахмал; 86 – Кумыска; 87 – Пшеничное; 88 – Милорадовка-1; 89 – Алтата-3; 90 – Алтата-18; 91 – Куриловка-1; 92 – Подстанционное; 93 – Караульское; 94 – Передовое; 95 – Преображенка-1; 96 – Павловка; 97 – Старица; 98 – Михайловка; 99 – Кадыр-Гали; 100 – Караузек; 101-104 – Досанг; 105 – Конур-Кудук; 106 – Иссекей.

Рис. 5. Поселения начала эпохи средней бронзы на территории Нижнего Поволжья: 1 – Романовка; 2 – Ст. Красавка-2; 3 – Кряжим-VI; 4 – Кряжим-V; 5 – Старая Яблонка; 6 – Вельское городище; 7 – Барановка-1; 8 – Хлопковское гор.; 9 – Алексеевское гор.; 10 – Еланский ручей; 11 – Сосновка-I; 12 – Сосновские дюны; 13 – Мартышкино; 14 – Андриановское гор.; 15 – Утес Ст. Разина; 16 – Балберочный овраг; 17 – Задано-Авилковский-I; 18 – Кумыска; 19 – Красный Яр; 20 – Осиновский овраг; 21 – Орловские дюны; 22 – Чапаевка-2; 23 – Алтата-18; 24 – Подстанционное; 25 – Михайловка; 26 – Кадыр-Гали; 27 – Караузек; 28-30 – Досанг; 31 – Иссекей.

Рис. 6. Памятники средней бронзы с валиковой керамикой: 1 – Алмазово-1, 2; 2 – Рассказань; 3 – Елань-Аткарская; 4 – Гайворон; 5 – Верхняя Красавка; 6 – Ст. Красавка; 7 – Аряш; 8 – Буровка-2, 5; 9 – Куриловка; 10 – Барановка-1; 11 – Сенная-II; 12 – Клюевка-4; 13 – Кряжим-VI; 14 – Хмельное-IV; 15 – Хлопковское гор.; 16 – Алексеевское гор.; 17 – Саратовское; 18 – Еланский ручей; 19 – Сосновка-I, Сосновские дюны; 20 – Сосновское гор; 21 – Ахматское гор.; 22 – Мартышкино; 23 – Трубино; 24 – Андриановское гор.; 25 – Утес Ст. Разина; 26 – Даниловка-VII; 27 – Н. Добринка; 28 – Терновское гор.; 29 – Сестренки; 30 – Балберочный овраг; 31 – Рудня; 32 – Безымянка; 33 – Задано-Авилковский-I, IV; 34 – Осиновский овраг; 35 – Орловская дюна; 36 – Прапорский бугор; 37 – Терновка; 38 – Березовка; 39 – Тарлык; 40 – Новопривольное-4; 41 – Милорадовка-I; 42 – Старица.

Захариков А.П.

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ВЯЗОВКА В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2009 ГОДУ

Экспедицией «НП Южархеология» в декабре 2009 г. проводились аварийно-спасательные археологические раскопки курганного могильника Вязовка в Саратовском районе (Открытый лист № 1296 от 22.09.09 г).

Раскопки проводились с целью обеспечения сохранности объектов археологического наследия в полосе строящейся трассы ВЛ-500 кВ «Балаковская АЭС – ПС Курдюм». Непосредственно в зону строительства высоковольтной линии попадали 2 кургана из 4-х. Археологические раскопки проводились в сложных метеоусловиях декабря (температура воздуха от -5° до -20°C , снег).

Памятник находится в 1,8 км к югу от реки Вязовка (Старый Курдюм), в 2,38 км к юго-юго-востоку от села Свинцовка, и в 1,9 км от х. Готовацкий Саратовского района Саратовской области (рис. 1). Курганный могильник занимает участок старой, несколько лет назад заброшенной и задернованной пашни. Курганный могильник расположен на краю высокой коренной террасы, являющейся водоразделом реки Курдюм и ее притока реки Вязовка (Старый Курдюм). Через памятник в направлении ЮЗ-СВ проходит действующая ВЛ-500 кВ.

Место расположения курганного могильника примечательно по трем причинам: во первых - в северо-западной части Саратовского района проходит водораздел между Волжской и Донской речными системами (так, истоки реки Вязовка (Старый Курдюм) Волжской системы отделяет от верховьев реки Идолга Донской системы не более 8 км по прямой у сел Вязовка и Корсаковка); во вторых – с вершины кургана 1 очень хорошо просматривается линия горизонта, в радиусе 15 км и большие курганы (высотой более 2-х м) на окружающих водоразделах с юга, востока и севера (обзор в западном направлении закрыт лесопосадками), в том числе известный курганный могильник «Жареный Бугор»; в третьих – северная часть Саратовского района богата памятниками эпохи средней бронзы.

Памятник включает 4 курганные насыпи, три из которых подвергались многолетней распашке. На самом большом кургане установлен геодезический знак и отчетливо видна прямоугольная воронка грабительской ямы (возможно, яма выкопана при установке геодезического знака) размерами

10 x 12 м и глубиной около 1,5 м. Насыпь его опахивалась только по краям. К.Ю. Моржериным в 1987 году при производстве разведочных работ на пашне между курганами 1 и 2 был найден фрагмент сланцевого оселка с отверстием, а недалеко от кургана 4 – фрагмент стенки глиняного лепного сосуда эпохи бронзы [Моржерин, 1988].

Курганный могильник известен с 80-х годов XX века под названием «курганная группа к ЮВ от с. Свинцовка», тогда же отдельные курганные насыпи получили свою нумерацию. В 2005 году, в ходе обследования трассы проектируемой ВЛ-500 кВ «Балаковская АЭС – ПС Курдюм» курганный могильник был осмотрен отрядом ГУК НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области (Ю.А. Африканов – Открытый лист Формы 2 № 1016). По итогам обследования курганный могильник получил новое название «Вязовка», был составлен новый план памятника, включающий только два кургана из четырех, непосредственно попадающие в полосу проектируемого строительства. Курган 2 сохранил свой старый номер, а курган 3 получил номер 1. Именно документация обследования 2005 года стала основой для технического задания на производство охранных раскопок к/м Вязовка, куда включались курганы 1 и 2 по новой нумерации. Соответственно то же название памятника и та же нумерация курганов были включены в заявку на Открытый лист, который был получен именно с такой формулировкой. В данной публикации нумерация исследованных курганов соответствует выданному Открытому листу.

Курган 1 самый северный в группе (рис. 1). Привязки кургана 1 в системе GPS: N 51°44'27,6"; E 045°58'25,9". Высота кургана в рельефе 2,4 м, диаметр около 50 м, форма в плане округлая. Курган отчетливо выделялся в современном рельефе куполообразным всхолмлением, вокруг кургана слабо фиксировалась кольцевая так называемая «выборка». Для стратиграфических наблюдений были оставлены 5 бровок, ориентированных по линии «север-юг» (рис. 2). Расстояние между осями бровок 5 м.

Стратиграфия кургана 1 (рис. 2). Все слои довольно сильно нарушены норами.

1. Слой растительного покрова (дернина). Мощность слоя весьма условна, слой состоит практически только из корневой системы растительности.

2. Пахотный слой. Темно-серый почвенный слой старой пахоты. Мощность слоя от 15 до 24 см.

3. Насыпь кургана сложная, многокомпонентная. В ее составе выделены отдельные составляющие. Далее описание слоев насыпи дается снизу вверх.

3а. Темно-серый, равномерно перемешанный, слабогумусированный суглинок. Залегал непосредственно на погребенной почве (в фасах бровок имел обычно вид двух в большей или меньшей степени удаленных друг от друга «горбов»). Зафиксирован в обоих фасах центральной бровки, 1-й западной и 1-й восточной. Максимальная мощность -1,42 м на отметке 5,40 м в западном фасае 1-й восточной бровки.

3б. Темно-серый пятнистый, слабогумусированный суглинок с включениями палевого материкового суглинка. Во многих местах на фасах бровок отчетливо зафиксировано, что насыпь сложена из кусков дернины (вырезан-

ные на древней поверхности блоки, включающие дерн и часть материкового суглинка).

Основной слой сооружения насыпи прослеживается во всех 5-ти бровках. Залегал на погребенной почве, перекрывая слой 3а, выкид и «натоп». Максимальная мощность -2,10 м на отметке 0,50 м в западном фазе 1-й восточной бровки.

3в. Серый, пятнистый, слабогумусированный суглинок с включениями палевого материкового суглинка. Более светлый, чем слой 3б (больше материкового компонента). Нижняя граница его неровная и нечеткая, что говорит о непрерывности сооружения насыпи. Мощность этого слоя сильно варьирует, максимальная -0,80 м.

3г. Серый мешаный суглинок с вкраплениями материкового суглинка и карбонатами – высолами. Прослежен в виде наклонно залегающих линз на периферии основной насыпи. Налегает на слои 3б и 3в.

4. Сильно прогумусированный, темно-серый, черноватый суглинок – затек – выборка. Зафиксирован в виде линз в полах кургана, происхождение которых, вероятно, связано с процессами почвообразования, стимулированными стоком дождевых и паводковых вод с насыпи кургана.

5. Выкид материковый.

Прослежен в центральной, 1-й западной и 1-й восточной бровках. Состав: мешаный палевый материковый суглинок с легкой примесью темно-серого гумусированного суглинка. Зафиксировано специфическое залегание выкида как непосредственно на погребенной почве, так и с нахлестом на слой 3а.

Материковый выкид разбивается на 2 неравномерные части. Нижняя, менее мощная часть, более серая, в ней больше представлена переотложенная погребенная почва. Максимальная общая мощность выкида -0,96 м.

Кроме собственно выкида в обоих фасах центральной бровки на погребенной почве зафиксирован «натоп», состоящий из размазанного тонким слоем по верху погребенной почвы материкового выкида и белого органического тлена поверх него. Мощность «натопа» -0,5-1,5 см. На этом «натопе» под отметками Rц -0,45 м и 1,40 м в центральной бровке расчищены небольшие фрагменты дерева размерами 5-12 см и древесный тлен.

6. Погребенная почва. Темно-серый гумусированный суглинок, верхняя часть 1-3 см толщины более светлая, сизоватая. Погребенная почва отчетливо фиксировалась под всей насыпью кургана. Погребенная почва имеет некоторый уклон в северном направлении. Общая мощность погребенной почвы 8-20 см.

7. Материк.

Палевый (желто-серый) суглинок. Контакт с вышележащей погребенной почвой достаточно четкий.

Планиграфия кургана 1 (рис. 2). В кургане 1 зафиксировано одно основное, заглубленное в материк и единственное погребение 1. Оно располагалось в центре кургана, практически под Rц.

Вокруг погр. 1 зафиксирован материковый выкид (1-я и 2-я западные и 1-я и 2-я восточные траншеи) в виде разомкнутого кольца неправильной формы. К юго-западу от погр. 1, там, где выкид незамкнут (на площади 6 x 5 м), расчищен «натоп», состоящий из размазанного тонким слоем по вер-

ху погребенной почвы материкового выкида и белого органического тлена поверх него. По видимому, «натоп» маркирует ритуальную площадку, использовавшуюся при совершении погребального обряда. Поверх «натоп» и на выкиде к северо-востоку от погребения 1 расчищены остатки плах перекрытия и бежево-белесый органический тлен (циновки?).

Материковый выкид частично перекрыл кольцевой разомкнутый в юго-западном секторе вал (слой 3а) темно-серого, равномерно перемешанного, слабогумусированного суглинка, который фиксировался в 1-й и 2-й западных и 1-й и 2-й восточных траншеях.

Погребение 1 (основное и единственное в кургане).

Погребение с трех сторон было окружено материковым выкидом, на котором, как указывалось выше, были прослежены остатки плах перекрытия, продольно расположенные по отношению к погребальной яме.

Яма подпрямоугольной в плане формы размерами 4,20 x 3,40 м (рис. 3). Ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Глубина могильной ямы от Рц-511. Глубина могильной ямы от уровня погребенной почвы 2,50 м.

Заполнение ямы серое мешаное, включающее темно-серый комковатый гумусированный суглинок и на отдельных участках палевый материковый суглинок. В заполнении встречались крупные (до 1,2 м длиной) и мелкие фрагменты деревянных плах перекрытия, расположенных продольно по отношению к яме. Максимальная ширина плах 18 см, толщина 8–10 см. Отдельные редкие фрагменты плах обуглены.

Вдоль юго-западной и северо-западной стенок ямы и частично вдоль двух других стенок прослежены хорошо сохранившиеся остатки вертикально установленных досок, которыми были облицованы стенки ямы (5 досок по юго-западной стенке и как минимум 6 – по северо-западной). Максимально прослеженная ширина досок 45–50 см. Толщина 0,5–1,5 см. Максимально прослеженная длина досок 1,85 м.

Доски оформления стен могильной ямы устанавливались в зафиксированные на дне выбранные в материковом дне канавки. Ширина канавок от 3 до 15 см. Глубина канавок значительно варьирует, максимальная глубина 13 см. Остатки досок зафиксированы на некотором расстоянии от материковых стен могильной ямы. Расстояние составляет от 10 до 30 см. Пространство между материковыми стенками ямы и досками облицовки было заполнено сильно перемешанным рыхлым материковым суглинком и сильно пострадало от нор землеройных животных.

Размеры могильной ямы по дну: 3,55 x 2,95 м.

На дне могильной ямы зафиксированы хорошо сохранившиеся остатки деревянного (шпон?) покрытия пола, которое занимало все внутреннее пространство между канавками. Направление волокон продольно по отношению к яме. Толщина дерева не более 1 см.

В восточном углу ямы зафиксирована глиняная орнаментированная курительница (нах. 1). Внутри курительницы обнаружены древесные угли и нагар.

В центральной части могильной ямы прослежена слоеная пачка органических остатков в виде тлена различной сохранности и окраски размерами 1,80 x 1,10 м. Верхний уровень пачки составляет бежевый тлен с волокнистой

структурой (войлок?). Под ним слой белесого с коричневатым прослоем тлена от бересты/лыка.

Под пачкой тлена зафиксированы остатки скелета погребенного (череп во фрагментах, плечевая кость и кости ног). По сохранившимся *in situ* костям поза погребенного устанавливается как «скорченно на левом боку». Плечевая кость расположена вдоль «тела», ноги согнуты под прямым углом. Пятки подтянуты к тазобедренному суставу. Кости стопы свободно вытянуты.

Под скелетом прослежен белесый тлен от камышовой подстилки и ниже него – белесо-коричневатый тлен от бересты/лыка. На подстилке в 25 см к югу от черепа зафиксирован сильно корродированный бронзовый нож (нах. 2) и бронзовое стрекало/шило (нах. 3). Два мелких фрагмента глиняного лепного сосуда (нах. 4) обнаружены в заполнении ямы, возле плечевой кости.

В 54 см к юго-западу от черепа на подстилке зафиксировано неправильной в плане формы пятно красно-оранжеватой охры толщиной не более 2 мм и размерами 8 x 15 см.

К юго-западу от коленных суставов ног на дне ямы, покрытом деревянным настилом, зафиксированы отдельные мелкие древесные угольки.

Инвентарь.

Находка 1. Курильница глиняная (рис. 4, 1).

Диаметр чаши 16,5 см; глубина чаши 4,5 см; высота курильницы 10 см.

Ножка: ширина 7,6 см максимальная и 4 см минимальная.

Переход к ножке плавный, сама ножка прямая без заметного расширения в нижней опорной части, в плане имеет форму скругленной 4-х лучевой звезды. Черепок средней плотности, более плотный на чаше, неплотный на ножке, в изломе темно-серый. Темно-серая вся внутренняя поверхность курильницы. Внешняя поверхность песочно-бежевого цвета с серыми пятнами. В тесте слабая примесь песка.

Вся внешняя поверхность курильницы, включая ножку, покрыта «веревочным» орнаментом. Под срезом венчика косые оттиски и горизонтальные линии в два ряда. Ниже ряд крупных треугольников, сплошь заполненных косыми оттисками «веревочки». Аналогичные косые оттиски покрывают ножку. Курильница по своей форме и орнаменту со свисающими треугольниками принадлежит к поздним типам.

Находка 2. Нож бронзовый (рис. 4, 2).

Общая длина 9 см; ширина 2,4 см.

Сильно окислен. Клинок подтреугольный обоюдоострый, длиной 4,8 см, шириной 2,4 см. Черенок подпрямоугольный в сечении с раскованным окончанием. Длина черенка 4,2 см; ширина 0,9 см; толщина 0,2–0,3 см. Нож относится к 4-й группе по С.Н. Кореневскому [Кореневский, 1978. С. 33–48]. Ножи этого типа встречаются на обширной территории, в широком хронологическом диапазоне. Раскованный черенок ножа – поздний признак, на основании которого он может быть отнесен к финалу эпохи средней бронзы.

Находка 3. Стрекало/шило бронзовое (рис. 4, 3).

Длина 3,1 см; сечение квадратное 0,4 см.

Покрыто плотной патиной окислов.

Находка 4. Два фрагмента глиняного сосуда.

Поверхности серые, излом черно-серый, в тесте примесь песка и дресвы. Черепок средней плотности. Форма сосуда не восстанавливается.

По особенностям погребального обряда, типологии найденного инвентаря, можно сделать заключение, что погребение 1 и весь курган 1 были сооружены на финальной стадии эпохи средней бронзы. Схожее оформление стен и дна погребальной ямы деревом описывается Ю.Б. Полидовичем [Полидович, 1993. С. 36, 37, рис. 18, 19]. Погребение на востоке Украины – впускное в насыпь времени КМК, выкид его, при этом, лежит на погребенной почве.

Особенностью обрядовой деятельности, зафиксированной при раскопках кургана 1, являются одновременные действия по выкапыванию погребальной ямы (погр. 1) и началу сооружения насыпи кургана (кольцевой разомкнутый вал – слой 3а), в результате чего выкид из погребения 1 лег частично непосредственно на погребенную почву, а частью перекрыл слой 3а. Разрыв в кольцевом вале к юго-западу от погребения 1 был оставлен явно намеренно, с целью обеспечения беспрепятственного прохода погребальной процессии к могильной яме. Именно в этом месте, после совершения погребального ритуала и образовался «натоп», зафиксированный в бровках и в плане.

Курган 2 самый западный в группе (рис. 1). Располагался в 300 м к юго-западу от кургана 1. Привязки кургана 2 в системе GPS: N 51°44'15,9"; E 045°58'12,5". Высота кургана в рельефе 0,6 м, диаметр около 30 м, форма в плане округлая. Насыпь кургана в рельефе выражена менее четко, чем у кургана 1, т.к. преобразована интенсивной распашкой (рис. 93–96). Для стратиграфических наблюдений были оставлены 3 бровки, ориентированные по линии Север-Юг. Расстояние между осями бровок 5 м.

Стратиграфия кургана 2 (рис. 5).

1. Слой растительного покрова (дернина). Мощность слоя весьма условна, слой состоит практически только из корневой системы растительности.

2. Пахотный слой. Темно-серый почвенный слой старой пахоты. Мощность слоя от 18 до 25 см.

3. Насыпь кургана. Серый мешаный суглинок с включениями мергелевой крошки.

Фиксировалась во всех трех бровках. Максимальная мощность насыпи – 34 см под отметкой 3 мС в западном фасае центральной бровки. Насыпь легла на погребенную почву, перекрыв выкид из погребения 1. В насыпи довольно развитая норная сеть.

4. Выкид. Прослежен в обоих фасах центральной бровки. Выкид двухкомпонентный. Верхняя и более объемная часть представлена мешаным материковым суглинком с большим количеством мергелевой крошки. Нижняя часть прослежена в виде линзы протяженностью 2,20 м и состоит из блоков погребенной почвы серого пятнистого цвета. Общая мощность выкида 36 см. Верхняя часть выкида подрезана распашкой. Выкид лежал на погребенной почве.

5. Погребенная почва. Темно-серый гумусированный суглинок, имеет столбчатую структуру, клинья затечного гумуса иногда глубоко врезаются в материк. Мощность погребенной почвы 10–25 см.

6. Сильно прогумусированный темно-серый черноватый суглинок – затек/выборка. Зафиксирован в виде линз в северной и южной полах кургана, происхождение которых, вероятно, связано с процессами почвообразования, стимулированными стоком дождевых и паводковых вод с насыпи кургана. Лучше выражен в северной поле кургана.

7. Материк. Палевый (желтовато-серый) суглинок местами с включениями песка, мергелевой крошки, песчаникового щебня (преобразованная кровля коренных континентальных отложений). Оранжеватый оттенок материка придает ожелезнение.

Планиграфия кургана 2 (рис. 5).

В кургане 2, между Rц и Rз выявлено одно погребение (погр. 1), заглубленное в материк. К востоку от погр. 1, в 1-й западной и 1-й восточной траншеях и в центральной бровке расчищен выкид из погребения. В плане выкид имел форму неправильного полукруга, размерами 9,5 x 6 м. Примерный изначальный диаметр насыпи 25–27 м.

Погребение 1 (основное и единственное в кургане) (рис. 6).

Выявлено в 1-й западной траншее, при горизонтальной зачистке материка, по пятну заполнения могильной ямы, на глубине -75–80 от Rц.

Простая могильная яма прямоугольной формы была ориентирована по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Размеры ямы по верхнему уровню – 3,70 м x 2,70 м.

У западной, южной и восточной стенок могильной ямы зафиксированы остатки деревянных плах перекрытия. Два фрагмента плах у восточной стенки залежали горизонтально, на погребенной почве, поперек продольной оси ямы (размеры большего фрагмента 20 x 14 x 2 см). Пять фрагментов плах у западной стенки зафиксированы в наклонном положении, завалившись в яму, тоже поперек ее продольной оси (размеры самого большого фрагмента 20 x 12 x 2,5 см). Четыре фрагмента плах у южной стенки также завалились внутрь ямы, расположены они были вдоль продольной оси ямы (размеры самого большого фрагмента 28 x 8 x 3 см).

На западной и южной стенках могильной ямы и в ее юго-западном углу зафиксированы остатки циновки(?) в виде белого органического тлена волокнистой структуры. По-видимому, все четыре стенки могильной ямы были оформлены циновками, но на обрушенных северной и восточной стенках они не сохранились.

Яма пострадала в результате грабительского перекопа, особенно сильно в северной и западной своей части. Грабительский перекоп отличался по своему заполнению значительно большей плотностью (затечностью) и более темным цветом. Особенно четко отслеживался в северной половине погребальной ямы. В южной части заполнение могильной ямы отличалось меньшей плотностью и более светлым цветом (большим компонентом материкового суглинка) с кусками материка, мергелевой крошкой. Здесь же встречались отдельные мелкие фрагменты деревянных плах перекрытия.

В заполнении встречались отдельные кости человека (грудина, ключица, фрагменты ребер, позвонков, фрагмент бедренной кости), фрагменты лепного глиняного сосуда (нах. 1) и фрагмент бронзового предмета (нах. 3).

Дно ямы зафиксировано на глубине -202. Размеры ямы по дну 3,50 x 2,45 м. Дно, как и стенки ямы, сильно повреждено норами землеройных животных. В неповрежденном состоянии до нас дошла придонная часть погребения у его западной и южной стенки. На дне могильной ямы фрагментарно, но на широкой площади, прослежены органические тлены. Основным компонентом тлена белесого цвета, волокнистый. Достаточно отчетливо фиксировались переплетенные между собой продольные и поперечные волокна циновки.

В 90 см от южной стенки ямы в положении *in situ* прослежены кости ног от колен и ниже (большие и малые берцовые кости, коленная чашечка, кости левой и правой стопы). Расположение ног погребенного позволяет восстановить его первоначальное положение как «слабо скорченное на левом боку». Черепом скелет был ориентирован, по-видимому, на северо-северо-восток.

Под скелетом прослежены поперечно расположенные бежево-белесые (камышовые?) тлены грубоволокнистой структуры. Поверх зафиксированы остатки покрывала более тонкого плетения. Между подстилкой и покрывалом коричневатый тонкий прослой (кожа или кора). Общая мощность прослеженных тленов 1–2,5 см. В 50 см к западу от костей стоп прослежен небольшой (22 x 18 см) участок бежевого тлена тонковолокнистой структуры (войлок?), перекрывающий остатки подстилки. В 1,12 м к северу от него, на подстилке, обнаружен бронзовый нож (кинжал) с большим листовидным клинком, намечающимся перекрестием и ромбовидным черешком (нах. 2).

Инвентарь.

Находка 1. Нож (кинжал) бронзовый (рис. 4, 4).

С листовидным клинком, перехватом и намечающимся перекрестием. Имеет с одной стороны слабо выраженное продольное ребро. Общая длина 18,6 см. Листовидный клинок: длина 11 см, максимальная ширина 4 см. Ширина перехвата 2,9 см, ширина перекрестия 3,2 см. Длина черена 6 см. Минимальная ширина 1,5 см, максимальная ширина 1,8 см. Окончание черена ромбическое заостренное. Максимальная толщина кинжала 0,5 см. Относится к ножам так называемого «покровского» типа, встречающихся в погребениях начальной поры эпохи поздней бронзы [Мамонтов, 1981. Рис. 3, 15; Памятники..., 1993. Табл. 14, 18; Ткачев, 1998. Рис. 2, 1, 2; Лопатин, 2008. Рис. 3, 5].

Находка 2. Сосуд глиняный.

Сохранился фрагментарно (4 фрагмента). Реконструируется нижняя придонная часть сосуда высотой 9,6 см. Форма сосуда баночная(?), диаметр дна 12–13 см. Толщина стенок 0,9–1,1 см. Толщина дна 1,6 см. Черепок в изломе черно-серого цвета средней плотности. В тесте примесь песка и, возможно, дресвы. Внешняя и внутренняя поверхности светло-серые, с легкими расчесами.

Находка 3. Предмет бронзовый (фрагмент).

Обнаружен в сурчиной норе в юго-западной части могильной ямы, на глубине -130. Предмет неправильной формы, размерами 1,0 x 1,5 см. Из листового металла менее 0,1 см толщиной. Вероятно, фрагмент обкладки деревянного сосуда. Был сильно корродирован и рассыпался при фиксации.

По особенностям погребального обряда, типологии найденного инвентаря, можно сделать заключение, что погребение 1 и весь курган 2 были со-

оружены на ранней стадии эпохи поздней бронзы, в период формирования срубной культурно-исторической общности.

В курганном могильнике «Вязовка» были изучены курганы 1 и 2. Курган 1 был возведен над единственным погребением в насыпи, относящемся к финальной стадии эпохи средней бронзы. Обращает на себя внимание неординарное оформление могильной ямы деревом. Неординарный погребальный обряд и набор инвентаря определенно расширяют наши представления о переходном периоде от средней к поздней бронзе в Поволжье, где, в общих чертах, определена группа криволукских памятников финала бронзы [Литвиненко, 2004. С. 102–108; Мимоход, 2004. С. 108–114], однако целостная и разносторонняя картина культурной трансформации только складывается. Несомненный интерес вызывает зафиксированная при раскопках кургана 1 особенность обрядовой деятельности – одновременные действия по выкапыванию погребальной ямы (погр. 1) и началу сооружения насыпи кургана, что отразилось в оригинальном залегании выкида, и образование «натопа» на погребенной почве.

Курган 2 также был возведен над единственным погребением, относящимся к ранней стадии эпохи поздней бронзы, к периоду формирования срубной культурно-исторической общности.

В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что временной интервал между сооружением кургана 1 и кургана 2 курганного могильника Вязовка был небольшим, т. е. оба комплекса относятся к переходному этапу от средней к поздней бронзе. Исследование оставшихся курганов могильника Вязовка может подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Литература:

- Корневский С.Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. 1978. № 2.
- Литвиненко Р.А.* Восточная периферия бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тез. докл. Волгоград, 2004.
- Лопатин В.А.* Курган у Ивановского разъезда в Саратовском Правобережье // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Лопатин В.А., Якубовский Г.Л.* Усть-Курдюмский курганный могильник // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.
- Ляхов С.В.* Уникальное погребение средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка // Охрана и исследования памятников археологии Саратовской области в 1995 г. Саратов. 1996, Вып. 1.
- Мамонтов В.И.* О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья // СА. 1981. № 3.
- Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тез. докл. Волгоград, 2004.
- Монахов С.Ю.* Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. 1984, № 1.
- Моржерин К.Ю.* Отчет о разведках в бассейне р. Курдюм на севере Саратовского района. Саратов, 1988. Архив НИИАЛ СГУ.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Саратов, 1993. Вып. В1-10.

Поллидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах, 1993. № 2, Донецк.

Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. Вып. 2.

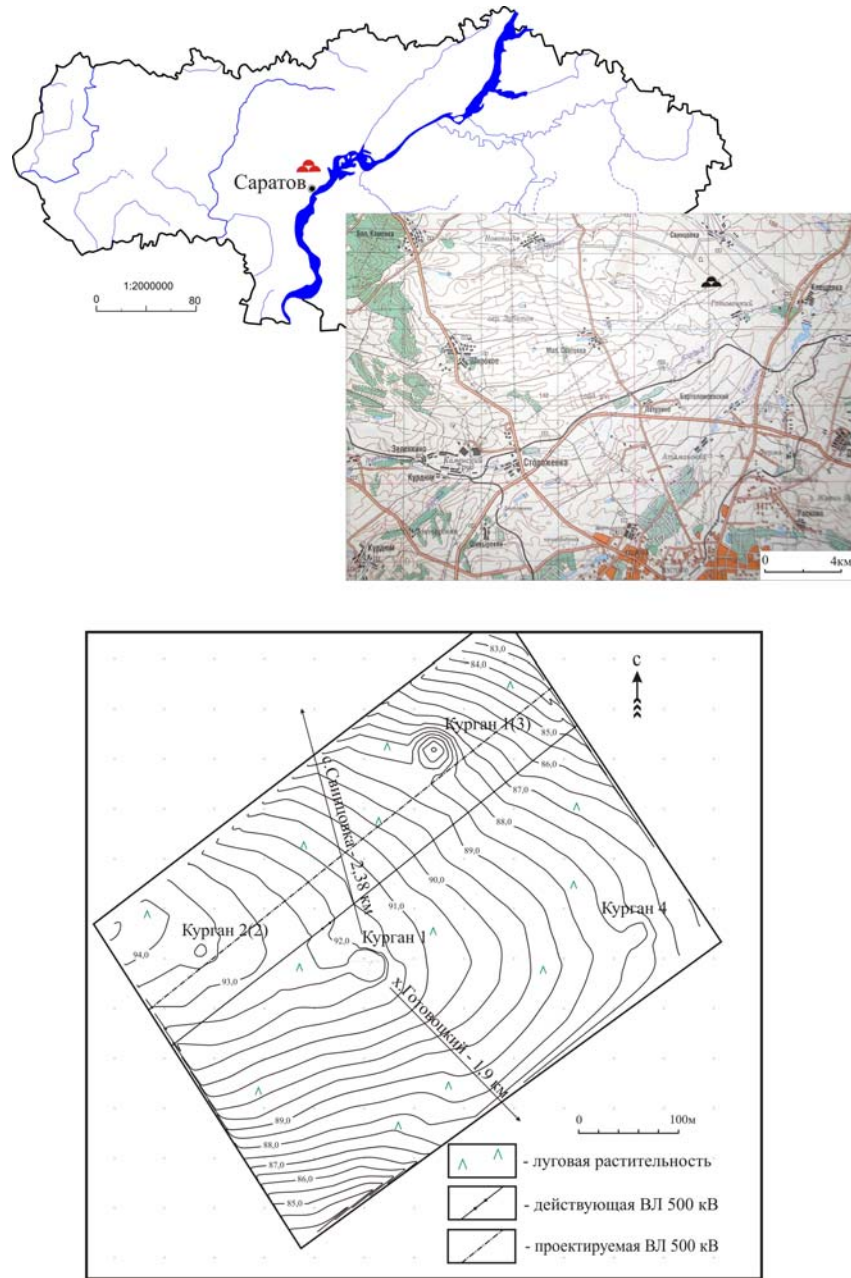

Рис. 1. К/м Вязовка. Местоположение на карте и топографический план.

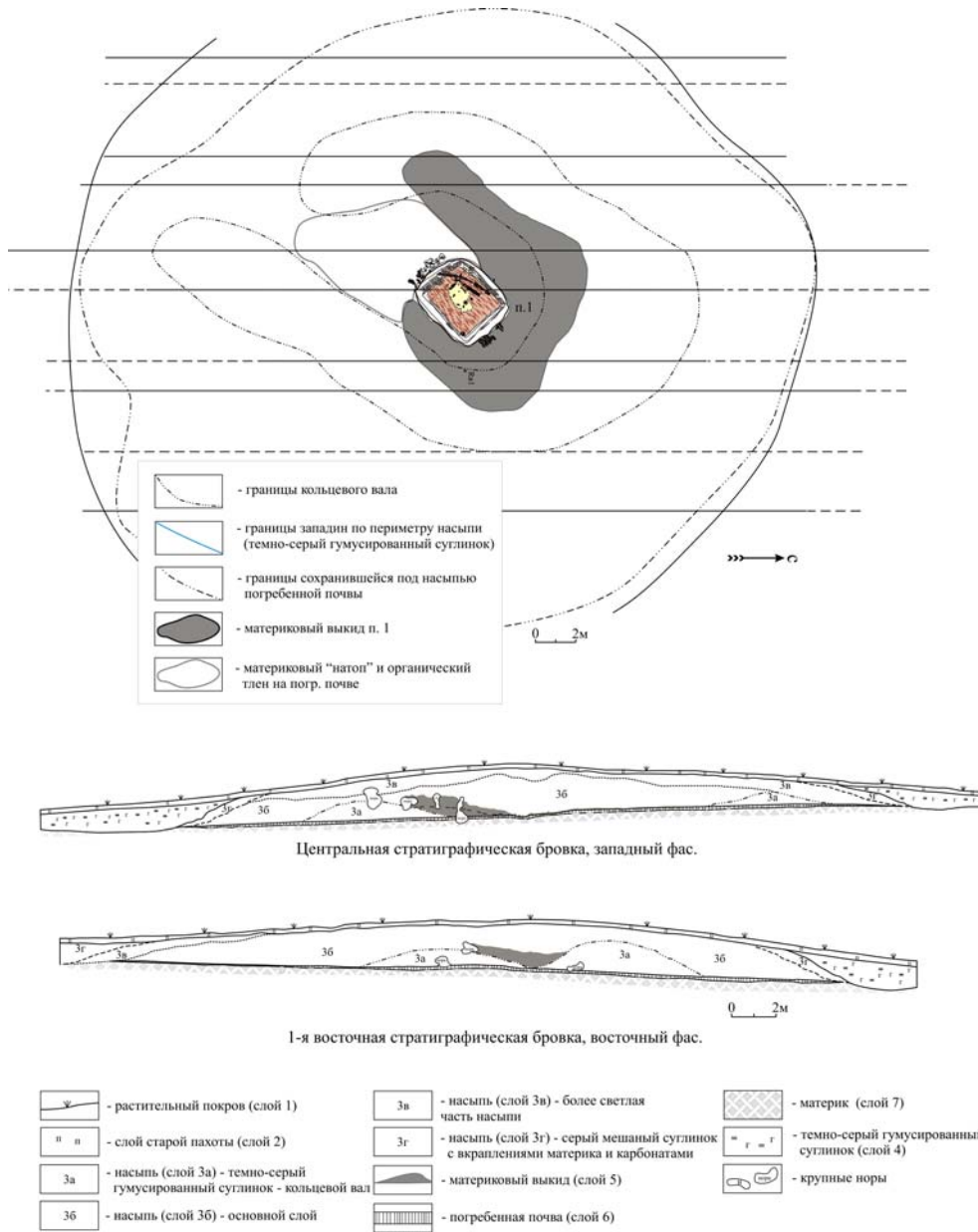

Рис. 2. К/м Вязовка. Курган 1. Общий план, разрезы.

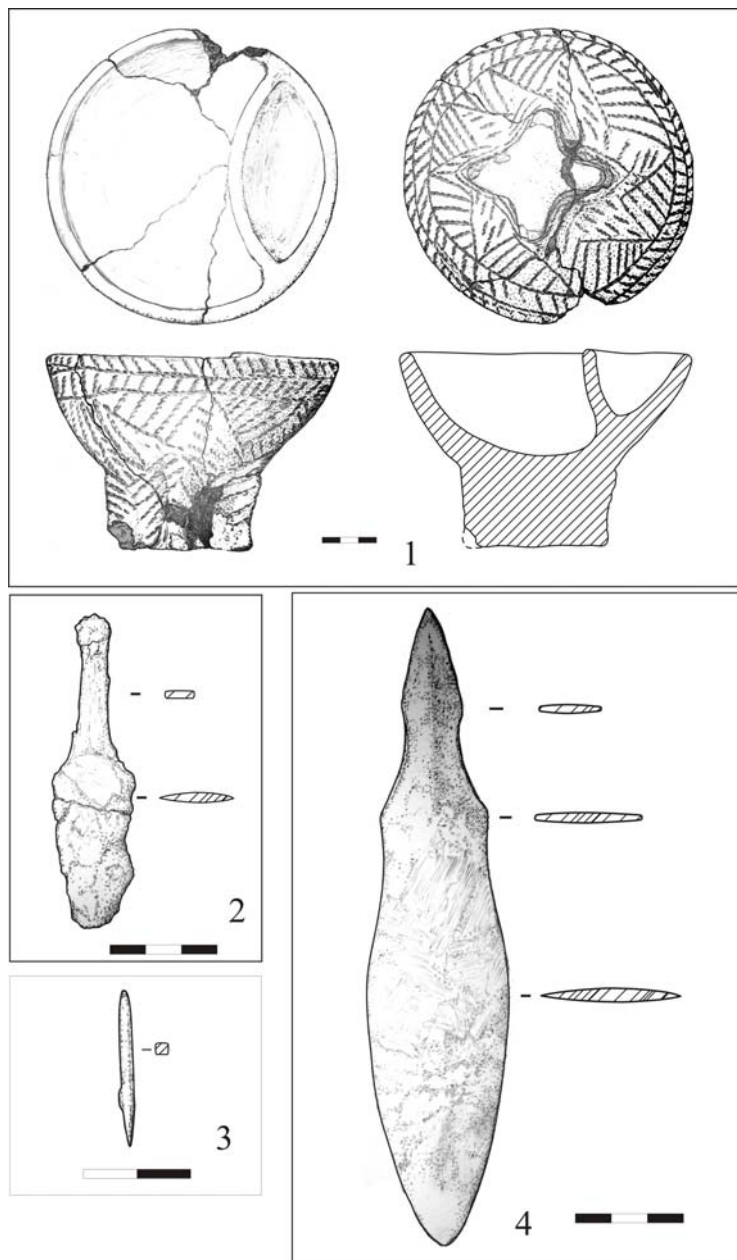

Рис. 4. К/м Вязовка. 1-3 - Курган 1, погр. 1; 4 - Курган 2, погр. 1.

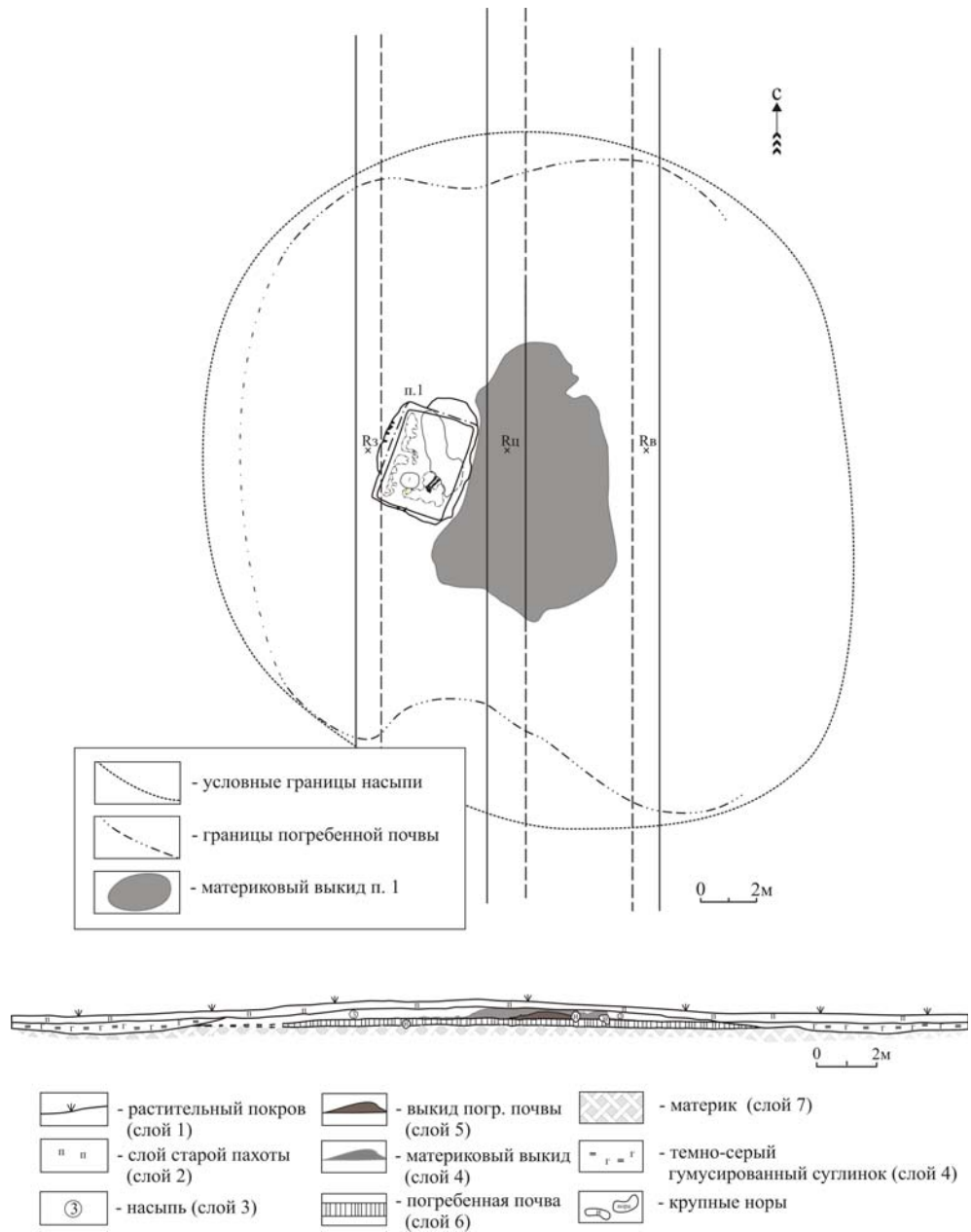

Рис. 5. К/м Вязовка. Курган 2. Общий план, разрез.

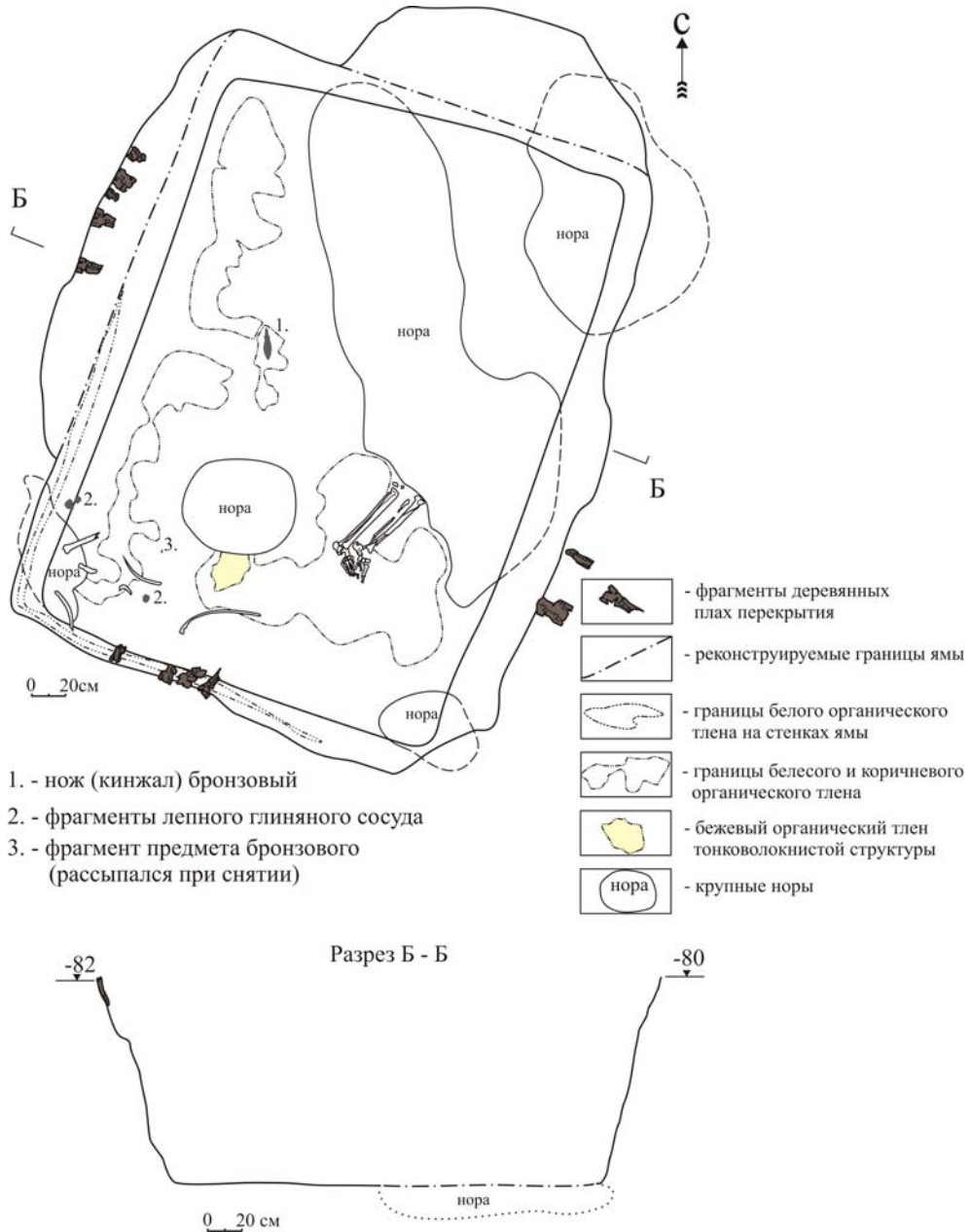

Рис. 6. К/м Вязовка. Курган 2, погр. 1. План, разрез.

Малов Н.М., Косинцев П.А.

СЕЛИЩЕ ВОЛГО-ДОНСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ СОСНОВКА-I ИЗ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ¹

Селище Сосновка-I расположено на самом краю нижней надпойменной и оползневой террасы правого берега Волги, в 300 м южнее окраины с. Сосновка Красноармейского р-на Саратовской области (51°11' с.ш. 45°47' в.д.), в 50 км вниз по течению Волги от г. Саратова [Малов, 1992; Малов, Филиппченко, 1995]. Волгоградское водохранилище разрушило большую и основную часть древнего поселения Сосновка-I. На этой же окраине села Н.М. Маловым обследовались еще три других разрушаемых поселения. Это дюнная стоянка катакомбной культуры, селища Сосновка-II хвалынской культуры валиковой керамики (ХКВК) и Сосновка-III городецкой культуры раннего железного века [Малов, 2007. С. 47; Миронов, 1989. С. 116 № 48(14)]. От селища ХКВК Сосновка-II сохранилась небольшая окраина, которая полностью раскопана в 1992–1993 гг. [Малов, 1993].

Территория Красноармейского района находится в степях Приволжской возвышенности юго-восточной части Саратовского Правобережья, граничит с Волгоградской областью на западе и юге, с востока омывается водами Волгоградского водохранилища [Воскресенский и др., 2002. С. 80]. Преобладают высоты 150–300 м, наивысшая точка 343 м находится в юго-западной части около границы с Волгоградской областью, низшая 15 м – урез Волгоградского водохранилища. Большая часть района находится в бассейне р. Дона. Современный климат здесь континентальный, леса водораздельного типа (дуб, ясень, осина, ветла), преобладают культурные ландшафты, сформировавшиеся на месте разнотравно-типчаково-ковыльных степей. Среди представителей животного мира есть: выхухоль, лось, кабан, байбак и др.

Сохранившаяся окраина археологического памятника Сосновка-I занимает край задернованной мысовой площадки берега Волги. Ее высота в обрыве, считая от поверхности бечевника, во время обследования в 1991 г. была от 1,5 до 2,3 м. Мыс ограничен с севера и юга лощинами. По северной лощине, занятой современным садом, протекает ручей, впадающий в Волгу.

¹ Работа выполнена по проекту РФФИ № 08-06-00380.

Поверхность селища задернована, имеет уклон к Волге, от коренного берега которой плавно повышается в напольную сторону. Экспедиция Саратовского госуниверситета под руководством Н.М. Малова раскопала около 120 кв. м сохранившейся части поселения Сосновка-I. Самыми массовыми находками в культурном слое селища были кости домашних животных. Среди них преобладали очень мелкие «неопределимые» обломки, которые фиксировались на планах раскопов, но для определения не брались.

Присутствие костей животных в культурном слое Сосновки-I закономерно, поскольку в археологических культурах среднего и позднего бронзового веков Нижнего Поволжья хозяйство базировалось на скотоводстве. По подсчетам В.П. Шилова материалов погребений энеолита и эпохи бронзы в составе стада, как в эпоху ямной культуры, так и во всех последующих культурах бронзового века, основным видом животных был мелкий рогатый скот [Шилов, 1975. С. 63–67]. Крупный рогатый скот и лошади представлены равномерно, за исключением памятников срубной культурно-исторической области, где их стало вдвое больше чем остальных: 25,21% и 11,34% соответственно [Шилов, 1975. С. 65].

Вместе с тем, к настоящему времени полностью отсутствуют опубликованные заключения определения костей животных с нижеволжских катакомбных и полтавкинских поселений. Основной целью данной статьи является частичное восполнение данного пробела в результате публикации, характеристики и анализа материалов раскопок и костного материала селища Сосновка-I.

Культурный слой и стратиграфия. Максимальная глубина раскопа и культурного слоя достигала 2,8 м в оползневой части и около обрыва берега, где концентрировались материалы эпохи средней бронзы. В южной и западной частях раскопа культурный слой имел гораздо меньшую мощность, содержал материалы ХКВК и практически сходил на нет.

Зафиксированная на памятнике стратиграфическая ситуация, обусловленная тем, что примыкающая к обрыву его часть затронута древним оползнем. К тому же площадка поселения эпохи бронзы, ранее являвшаяся окраиной бывшей немецкой деревни Шиллинг, была занята остатками старого сельского сада. Поэтому ямы от фруктовых деревьев частично потревожили верхнюю часть культурного слоя, где встречались черепки гончарной керамики XIX – начала XX вв. (рис. 1, 14, 18, 19).

За материк принята белая меловая глина с включениями мелового щебня. Над ней обычно располагался черный гумус, мощностью 40–45 см, также не содержащий археологических находок. Он уходил в нижнюю береговую толщу напластований и под воду, не везде фиксируясь. В СЗ части памятника мощность черного гумуса достигала 40–45 см. Иногда далее от берега и особенно в южной части раскопа его не было, выше материка сразу начинался культурный слой.

В результате оползня в части раскопа фиксировалась почти вертикальная материковая стенка высотой 15–75 см. Она проходила приблизительно по линии С-Ю. За ней располагалось корытообразное материковое углубление максимальной шириной около 3,5 и глубиной от современной поверхности до 280 см. Оно постепенной сужалось к югу раскопа, принимая облик древ-

ней промоины. Поэтому из-за древнего оползня в прибрежной части раскопа произошло резкое смещение, падение вниз всех стратиграфических пластов-горизонтов на 20–40 см при сохранении ранее сформировавшейся последовательности культурных напластований (рис. 6).

По все площади нижняя часть культурного слоя, выше черного гумуса, представляла собой светло-коричневый гумус мощностью от 10 до 125 см. Он в целом более мощный в оползневой части. В нем преобладала керамика эпохи средней бронзы. За ним располагалась самая верхняя часть культурного слоя в виде светло-серого гумуса с включениями мелкого опочного камня – гравия, связанная с материалами ХКВК. Мощность этой верхней части слоя на не оползневых участках 20–100 см. Дерн мощностью 15–25 см, по цвету и структуре идентичен светло-серому гумусу.

Раскопки на селище велись пластами по 20 см. Краткая информация об исследовании культурного слоя из раскопа I такова. Первый горизонт 0–20 представлял собой дерновый слой, содержавший преимущественно фрагменты стенок гончарной керамики с лощением. Во втором горизонте 20–40 (остатки дерна и светло-серый гумус) найдены в основном неорнаментированные стенки от сосудов финальной бронзы, а в квадрате 9 венчик от округлобокого сосуда ХКВК с валиком (рис. 1, 22).

Горизонт 40–60 из светло-серого гумуса слабо насыщен, в основном, мелкими костями животных и неорнаментированными стенками сосудов ХКВК. Одна боковина ХКВК с валиком (рис. 1, 24).

Горизонт 60–80 такой же структуры и цвета. Находки чаще встречались в СЗ части, в виде костей животных и керамики ХКВК преимущественно без орнамента. В кв. 8 – пряслице из стенки лепного сосуда (рис. 1, 23) и боковина ХКВК с валиком (рис. 1, 24).

Горизонт 80–100. Среди лепной керамики преобладали стенки без орнамента. Встречены экземпляры средней бронзы, орнаментированные гребенчатым штампом (рис. 1, 25, 27; 2, 2) и в кв. 10 воротничковый венчик ХКВК (рис. 2, 3).

Горизонт 100–120. В кв. 1–3 выбирались остатки культурного слоя из светло-серого гумуса и верхняя часть «стерильного» черного гумуса, поскольку уже фиксировался край оползня. Керамика ХКВК (рис. 2; 4; 5; 8; 11) происходила из прибрежного участка, куда рухнул сверху после паводка светло-серый гумус. В раскопе также представлена и керамика эпохи средней бронзы (рис. 2, 6, 7, 13, 14). С этой же эпохой связано небольшое и тонкое пятно красной охры в кв. 2, размером 1 x 1 см.

Горизонт 120–140. В кв. 4 выбирался слой на уступе оползня, где встречены преимущественно крупные кости животных и 3 фрагмента керамики, один из которых венчик эпохи средней бронзы (рис. 2, 15). Квадраты 6, 8–10 в основном насыщены мелкими костями животных. Орнаментированная керамика эпохи средней бронзы имела примесь ракушки (рис. 2, 16), а иногда и красной охры на внутренней стороне стенки (рис. 2, 17). В кв. 8 встречен кусок красного охристого камня и уголек.

Горизонт 140–160. Основная масса находок представлена мелкими костями животных и отдельными фрагментами керамики в заполнении уступа оползня и углубления в ЮВ части раскопа. В кв. 9 встречено скопление угля

на площади 10 x 15 см, два обломка песчаниковых абразивных или терочных плиток, а в кв. 10 кремневый пест. Керамика ХКВК (рис. 2, 18) происходила из переотложенных участков, рухнувших сверху. На не потревоженных участках обнаружена керамика среднего бронзового века (рис. 2, 21).

Горизонт 160–180. В кв. 4 выбирались остатки культурного слоя вдоль берегового обрыва и в заполнении оползня. В кв. 6 – песчаниковая терочная плитка, кв. 9, 10 – угольки. Массовый материал – мелкие кости животных и керамика концентрировались в ЮВ части раскопа – в заполнении материкового углубления оползня. Керамика представлена в основном фрагментами эпохи средней бронзы (рис. 2, 24, 25; рис. 3, 1, 2, 3–8).

Горизонт 180–200. Содержал находки только в кв. 8, 10, в прибрежной полосе, на дне материкового углубления оползня. Они в основном представлены костями животных и керамикой эпохи средней бронзы (рис. 3, 19–14). В кв. 10 встречен древесный уголек. Иногда кости домашних животных и керамика эпохи средней бронзы фиксировались в виде небольших скоплений (рис. 7, квадрат 8). Обнаружен фрагмент венчика от сосуда, обломок которого ранее встречался в более верхнем пласте (рис. 3, 2).

Таким образом, культурный слой по всей площади селища членится на два стратиграфических горизонта: нижний – гумус светло-коричневого и верхний светло-серого цвета. Эта же стратиграфия зафиксирована и в материковом оползне-углублении за материковой стенкой. Светло-коричневый гумус отложился в эпоху средней бронзы, содержит в основном керамику волго-донской катакомбной, а иногда и полтавкинской, культур. В верхней же части культурного слоя в виде светло-серого гумуса с гравием, сформировавшейся в эпоху финальной бронзы, встречается преимущественно керамика ХКВК.

Материалы среднего бронзового века. Судя по материалам из сборов и культурного слоя, основная часть культурного слоя селища содержала в подавляющем количестве керамику волго-донской катакомбной культуры эпохи средней бронзы. Кроме керамики этой и других культур эпохи средней бронзы, в нижних горизонтах культурного слоя встречены: каменные абразивные плитки, гладилки, ударные орудия, орудия из костей животных, древесные угли и пятна красной охры.

Основная часть волго-донской и полтавкинской керамики имеет примесь толченых раковин. В редких случаях кроме ракушки в тесто добавлялась красная охра. Но есть фрагменты керамики, содержащие только примесь шамота. Преобладают короткие венчики с высокими уступчатыми и ребристыми плечиками (рис. 1, 1, 2, 28; рис. 2, 6, 24, 25) и банки с «закрытым верхом» (рис. 2, 14, 15; рис. 3, 1, 10).

Орнаментальные сюжеты чаще всего представлены горизонтальной многорядной елочкой, расположенной в верхней и средней части тулова. Элементы орнамента: линзовидные и подтреугольные вдавления (рис. 1, 1; рис. 2, 10), «веревочка» или «шнур» (рис. 1, 9, 28; рис. 2, 14; рис. 3, 1, 8), шагающий штамп или мелкозубчатая гребенка (рис. 1, 25; рис. 3, 6, 10), иногда «защипы» (рис. 3, 10). Есть характерный для полтавкинской культуры фрагмент, орнаментированный волнистым «защипным» валиком (рис. 3, 10).

Керамика эпохи средней бронзы с примесью толченых раковин полностью отсутствует в горизонтах 0–20 и 20–40 см. Если учитывать только венчики и орнаментированные стенки то, следует констатировать, что находки керамики среднего бронзового века встречаются преимущественно в нижних горизонтах, до 220 см. включительно. В основном же они приурочены к горизонтам 80–100 см. (6 экз.), 100–120 см (11 экз.), 160–180 см (9 экз.), 180–200 см (4 экз.). Но и в других горизонтах (40–60, 60–80, 120–140, 200–220 см) обнаружено по 1–2 экз. венчиков и орнаментированных стенок от сосудов эпохи средней бронзы.

В.И. Мельник, выделивший по материалам погребений катакомбную поволжскую группу или доно-волжский катакомбный вариант, объединил его с донецкой катакомбной культурой в донецко-волжскую провинцию катакомбной общности [Мельник, 1985. С. 14]. Селища доно-волжского варианта катакомбной общности, распространенные в северном правобережье Нижнего Поволжья и около пограничья лесостепи – степи, указывают на то, что оставившее их скотоводческое население вело оседлый образ жизни [Малов, Филипченко, 1995. С. 51–62]. Сейчас такие памятники относят к волгодонской археологической культуре среднего периода бронзового века, датируя около середины III тыс. до н. э. [Сухорукова, 2009. С. 51–52]. Если же учитывать калиброванные даты для синхронного блока культур, то возраст волгодонской культуры окажется более древним.

Материалы хвалынской культуры валиковой керамики (ХКВК) финальной бронзы. На Сосновке-I посуда ХКВК с примесью шамота, а не толченых раковин, присутствует во всех горизонтах. Однако наибольшее ее количество (орнаментированные и венчики) встречено в горизонте 20–40 (10 экз.). По 4–5 ее экземпляров отмечено в горизонтах 40–60 и 100–120 см (оползневая часть). В нижних горизонтах (от 120 до 260 см) оползневой части она встречена в количестве 1–2 экземпляров. Горизонт 200–220 см посуды ХКВК не сохранил. С ХКВК связано несколько материковых ям в южной – не оползневой периферии, где керамика и культурный слой эпохи средней бронзы практически отсутствуют. Сосновская керамика ХКВК имеет характерные «воротничковые» венчики (рис. 1, 3; рис. 2, 3, 18, 22) и валики (рис. 1, 5, 22, 24; рис. 2, 8).

Хвалынская культура эпохи финальной бронзы впервые выделена и охарактеризована В.А. Городцовым на основе Сосново-Мазинского клада и каменной литейной формы с р. Самары [Городцов, 1927. С. 621–622]. Затем, в 1950-е годы территория распространения хвалынской культуры была очерчена для Поволжья и сопредельных регионов [Артамонов, Кривцова-Гракова, 1951]. Потом хвалынские памятники с валиковой керамикой и Сосново-Мазинский клад стали включать во второй поздний этап срубной культуры Поволжья [Кривцова-Гракова, 1955].

Сейчас их вполне обоснованно рассматривают как особое культурное явление финала позднего бронзового века и включают в восточную область культур валиковой керамики [Черных, 1983. С. 83–88, 92, рис. 1, б, рис. 5, рис. 9; Малов, 1987. С. 159–160; 1987а. С. 141–143]. В Нижнем Поволжье ХКВК датируется по калиброванным значениям XV–X вв. до н. э. и относится к числу поздних памятников срубной культурно-исторической области [Малов 1994. С. 8–13; Он

же, 2001. С. 199–202; Он же, 2007. С. 47]. При этом наиболее ранние, так называемые срубно-хвалынские поселения ХКВК определенное время сосуществуют с поздними комплексами классической срубной культуры.

Одним из оснований для определения абсолютного возраста более ранней срубно-хвалынской группы ХКВК служит дата, полученная в результате анализа древесного угля из ямы постройки селища Новая Покровка-I. Она равна 3210 ± 80 лет тому назад, cal BC 1531–1395 (1 сигма), 1675–1301 (2 сигма) [Малов, 2001. С. 199–202]. Что касается сосновской керамики ХКВК, то по своей форме и орнаментации она может быть отнесена к числу памятников второго периода (Кайбелы, Сады, Сосновка-II, хут. Веселый), или к более позднему времени. Для нижневолжских поселений второго и заключительного периодов ХКВК радиоуглеродных дат пока нет.

Характеристика костного комплекса. Костные остатки в процессе раскопок собирались по условным горизонтам мощностью 20 см. Цвет костей из всех горизонтов, кроме первого – желтый. В первом горизонте они имеют серовато-желтый цвет. Степень раздробленности во всех горизонтах одинаково высокая, целые кости, кроме группы «мелких» костей, единичны. Количество костных остатков в отдельных условных горизонтах колеблется от 200 до 300 экземпляров.

Соотношение остатков основных видов во всех горизонтах было одинаковым, доминировал крупный рогатый скот. Заметно меньше было мелкого рогатого скота и очень небольшое количество остатков костей лошади. Остальные виды встречались единично. Учитывая сравнительную малочисленность костных комплексов из отдельных горизонтов и в то же время их однородность, материал для анализа был сгруппирован в три выборки по горизонтам 0–100, 100–160 и 160–220 см (табл. 1). Дальнейший анализ проводится по этим объединенным выборкам.

Выше уже отмечалось, что в верхних горизонтах имеется примесь керамики ХКВК. В связи с этим возникает вопрос – насколько «чистым» является комплекс костных остатков? Установлено, что к концу эпохи бронзы на поселениях Восточной Европы происходит значительное увеличение количества остатков костей лошади [Антипина, 1997. С. 20–32]. Поэтому, если примесь костей «хвалынского» времени окажется сколько-нибудь существенной, то в верхнем горизонте доля костей лошади будет более высокой, чем в нижних.

Анализ соотношения остатков костей домашних копытных показывает, что он остается во всех горизонтах практически неизменным (табл.2), в том числе и доля лошади. В верхнем горизонте она составляет – 6%, в среднем и нижнем – по 5% (табл.3). Таким образом, примесь костей «хвалынского» времени составляет не более нескольких процентов и ею можно пренебречь.

Соотношение отделов скелета наиболее массовых видов домашних копытных, также практически не меняется по горизонтам. Различия соотношения отделов скелета у крупного рогатого скота по горизонтам не превышают 10% и, учитывая относительно небольшие объемы выборок, его можно считать во всех горизонтах одинаковым (табл. 2). Соотношение же отделов скелета мелкого рогатого скота меняются от горизонта более существенно. Заметно увеличение остатков черепа в нижнем горизонте среднего бронзового века по сравнению с верхним. Однако общая структура остатков не меняется.

Во всех горизонтах наиболее многочисленны трубчатые кости и череп, меньше позвонков и ребер и еще меньше дистальных частей конечностей (табл. 2). Учитывая относительно небольшие объемы выборок, можно считать соотношение отделов скелета мелкого рогатого скота во всех горизонтах так же одинаковым. Остатков костей лошади недостаточно для анализа.

Таким образом, анализ структуры костных комплексов показывает, что во всех горизонтах он одинаков. Учитывая одинаковую степень сохранности материала во всех горизонтах, одинаковое соотношение остатков костей домашних животных и соотношение отделов их скелетов можно считать, что кости из всех горизонтов представляют собой одну совокупность. Косвенным подтверждением этого являются находки во всех условных горизонтах своеобразных орудий – тушиков из лопаток мелкого рогатого скота (рис. 4). Рабочий край у них, вероятно, нижний. Судя по следам сработанности это орудия по обработке шкур – для волосогонки и мездрения.

Они встречаются в различных скотоводческих культурах эпохи палеометаллов степной Евразии. Такие костяные орудия из крупных лопаток животных представлены в степном Заволжье на Варфоломеевской неолитической стоянке (Килейников, Юдин, 1993. С. 63–86, рис. 1). Аналогичные орудия в большом количестве найдены на поселении елунинской культуры Березовая Лука в степном Приобье [Киришин, Малолетко, Тишкин, 2005. С. 206–208].

Анализ костного комплекса. Данные о составе костных комплексов с поселений волго-донской катакомбной культуры степного Поволжья до настоящего времени отсутствовали. Полученный на Сосновке-I материал позволяет впервые охарактеризовать животноводство, охоту и рыболовство населения этой культуры в степном Поволжье по материалам бытового, а не погребального памятника. Объем выборки для этого вполне репрезентативен (табл. 4)

В структуре костного комплекса поселения доминируют остатки крупного рогатого скота, треть составляют кости мелкого рогатого скота, 5% составляют кости лошади и по 1% – свинья и дикие животные (табл. 4). Очевидно, что основой животноводства на поселении было разведение крупного рогатого скота. По 40 нижним челюстям определен возраст забоя животных: 30 особей или 75% забито в возрасте старше 3 лет; 7 особей или 18% забито в возрасте 1,5–2,5 года и 3 особи (7%) – в возрасте моложе 1,5 лет. Этот состав указывает на выраженное молочное направление в скотоводстве.

Среди мелкого рогатого скота доминируют овцы, козы составляют около 5%. По 69 нижним челюстям определен возраст забоя: 42 особи (61%) забиты в возрасте старше 2 лет; 22 (32%) особи забиты в возрасте 1–2 года и 5 особей (7%) забиты в возрасте 3–12 месяцев. Это отражает мясо-шерстное направление овцеводства. Среди лошадей забивались особи всех возрастов, но количество материала недостаточно для какого-либо обоснованного заключения. Свиней содержали единицы особей, вероятно только для поддержания их существования на поселении и в экономике они не играли никакой роли. Охота и рыбная ловля тоже не играли сколько-нибудь заметной роли в экономике селища волго-донской катакомбной культуры Сосновка-I (табл. 4). Хотя они охотились на таких животных как: лось, косуля, кабан, волк, лисица, медведь, бобр и заяц, а в Волге ловили осетра и сома (Таблица 1).

Сравнение соотношения остатков домашних копытных из поселения Сосновка-I и из поселений катакомбной культуры из лесостепного Днепро-Донского междуречья [Журавлев, 2001; Пряхин, 1982] показывает их значительные различия – в последних в 3–4 раза меньше мелкого рогатого скота и заметно больше свиньи (табл. 4). Наиболее близкое соотношение домашних копытных на катакомбном поселении Ливенцовка в степной зоне Приазовья [Бибикина, 1963. С. 119–146], они практически совпадают (табл. 4). Примечательно что, в Сосновке-I и Ливенцовке близкая численность мелкого рогатого скота, а на других катакомбных поселениях его гораздо меньше.

По нашему мнению, объяснить такие значительные различия в соотношении остатков домашних копытных на катакомбных поселениях можно, прежде всего, различной природной средой. Условия степной зоны более благоприятны для разведения овец, чем свиней. Лесостепные регионы более подходят для развития свиноводства, чем степные. Поэтому на поселениях эпохи бронзы степной зоны в большем количестве содержали овец и в меньшем – свиней.

Сравнение состава костных остатков Сосновки-I с материалами поселений скотоводов начального периода Волго-Уральского очага культурогенеза эпохи поздней бронзы также дает своеобразную картину. На селищах лесостепной абашевской культуры Южного Приуралья в несколько раз больше свиньи и меньше мелкого рогатого скота [Косинцев, 2003. С. 126–146]. Значительно отличается поселение Сосновка-I и от поселений синташтинско-аркаимского типа Южного Зауралья. Например, на Аркаиме в 3 раза больше лошади и в 1,5 раза меньше мелкого рогатого скота, в нижних слоях Синташты значительно меньше крупного рогатого и больше мелкого рогатого скота [Косинцев, 2000. С. 17–44].

Среди других домашних животных на селище Сосновка-I присутствуют кости собаки (табл. 1). Они вряд ли являются остатками пищи, поскольку начиная с раннего бронзового века это древнейшее домашнее животное несло службу по охране и выпасу стад, охране поселений скотоводов и стойбищ кочевников. Поэтому собака присутствует в видовом составе животных на различных погребальных и бытовых памятниках ямной, катакомбной, срубной и хвалынской культур бронзового века Нижнего Поволжья. Особенно часто она отмечена на поселениях срубной культуры степного Заволжья и Волго-Уральского междуречья Успенка (р. Большой Иргиз), Максютново (р. Камелик) и Осинов-Гай (р. Большой Узень) [Синицын, 1947. С. 151; 1969. С. 205].

В связи с важными охранными функциями, выполняемыми собакой, у нижеволжских скотоводов эпохи палеометаллов – раннего железа сформировалось особое отношение к этому домашнему животному. Оно проявилось в погребальных обрядах и других культурах, бытовавших у древних скотоводческих племен Нижнего Поволжья. Поэтому кости и скелеты собак встречаются в нижеволжских погребениях ямной, катакомбной и срубной культур, а савромато-сарматы даже иногда хоронили их в специально изготовленных деревянных гробах [Шилов, С. 63–64]. Кости собаки встречены в насыпи сарматского кургана № 8 близ с. Политотдельское Волгоградской области [Смирнов, 1959. С. 256].

Отмечено аналогичное отношение к собаке и на нижеволжских памятниках срубной культурно-исторической области эпохи поздней бронзы. В тризне кургана 11 Быково-I были два обломка челюсти собаки, вероятно, связанные с основным погребением № 2 срубной культуры [Смирнов, 1960. С. 204]. На полу центрального углубления постройки № 2 (кв. 265) срубно-хвалынского селища Смеловка-I был помещен череп взрослой собаки, а под ним – кости от ее задних лап (стоп) [Малов, 1986. С. 139]. В Смеловке-I это, вероятно, могла быть одна из, так называемых, своеобразных строительных жертв, совершенная при возведении постройки № 2. Тем более что, здесь же – рядом с черепом собаки найдены фрагменты разбитой черепной крышки человека, аккуратно сложенные стопкой.

Анализ состава костных остатков из поселения катакомбной культуры Сосновка-I показал, что его население было животноводческим, занимавшимся разведением в основном крупного рогатого скота и в меньшей мере – мелкого рогатого. В скотоводстве было развито молочное направление. Состав стада, вероятно, определялся природным окружением, и он заметно отличался от состава стада у катакомбного населения лесостепных районов.

Таблица 1. Видовой состав костных остатков из поселения Сосновка-I

Виды	Горизонты, см.		
	0-100	-100-160	-160-220
Крупный рогатый скот	445/24	380/21	509/22
Мелкий рогатый скот, в том числе:	274/14	230/16	246/19
Овца	60/8	60/9	70/12
Коза	1/1	6/4	4/3
Лошадь	50/4	33/3	38/3
Свинья	8/2	9/2	6/2
Собака	6/2	0	3/1
Лось	4/1	1/1	0
Косуля сибирская	0	1/1	0
Кабан	2/1	3/1	2/1
Волк	0	3/2	1/1
Лисица	1/1	0	0
Медведь	1/1	0	0
Бобр	2/1	0	0
Заяц	1/1	0	0
Млекопитающие indet.	339	124	341
Сова	0	1/1	0

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Осетр	0	0	1
Сом	0	1	4
Моллюск <i>Unio</i>	0	1	0

Таблица 2. Соотношение по горизонтам (%) остатков домашних копытных и доля диких видов на поселении Сосновка-I

Виды	Горизонты, см.		
	0-100	-100-160	-160-220
Крупный рогатый скот	57	58	63
Мелкий рогатый скот	36	36	31
Лошадь	6	5	5
Свинья	1	1	1
Дикие	1	1	0,1
Всего костей, экз.	777	652	799

Таблица 3. Соотношение по горизонтам (%) отделов скелета домашних копытных на поселении Сосновка-I

Отделы скелета	Крупный рогатый скот			Мелкий рогатый скот			Лошадь
	0-100	-100-160	-160-220	0-100	-100-160	-160-220	0-200
Череп	22	18	27	17	18	34	12
Зубы	3	8	8	10	5	15	12
Позвонки, ребра	19	17	22	16	15	11	12
Трубчатые, лопатка, газ	24	22	22	40	45	30	21
Мелкие кости	10	5	6	2	3	1	12
Метаподии, фаланги	22	12	16	15	13	9	31
Всего костей, экз.	445	380	509	274	230	246	121

Таблица 4. Соотношение остатков домашних копытных и доля диких видов (%) на поселениях катакомбных культур

Виды	Поселения*						
	1	2	3	4	5	6	7
Крупный рогатый скот	60	90	76	76	77	79	57
Мелкий рогатый скот	34	5	11	10	6	20	37
Лошадь	5	2	8	10	11	1	6
Свинья	1	3	5	4	3	0,1	0
Дикие	1	0,1	0,1	1	3	0,4	0,5
Всего костей, экз.	2249	1580	2452	749	3044	4152	2092

* 1 - Сосновка-I; 2 - Борщево-IV; 3 - Алешкин ручей; 4 - Кайдашино; 5 - Серебрянское; 6 - Матвеев лес; 7 - Ливенцовка.

Литература:

Антипина Ек. Е. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // Российская археология. 1997, № 3.
 Артамонов М.И., Кривцова-Гракова О.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М., 1951. Т. 6.

- Бибикова В.И.* Из истории голоценовой фауны позвоночных в Восточной Европе // Природная обстановка и фауны прошлого. Киев, 1963. Вып. I.
- Воскресенский С.Г., Демин А.М., Купцова Ю.А., Уставщицкова С.В., Уставщиков В.В.* Административно-территориальное деление Саратовской губернии // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002.
- Городцов В.А.* Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М., 1927. Т. 7.
- Журавлев О.П.* Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья. Киев.: ИА НАНУ, 2001.
- Килейников В.В., Юдин А.И.* Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки // Археологические вести. Саратов, СГУ. 1993. Вып. 1.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А.* Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алтайской степи. Барнаул: Алтайский ГУ. 2005. Т. 1.
- Косинцев П.А.* Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея – заповедника Аркаим. Челябинск, 2000.
- Косинцев П.А.* Животноводство у населения Самарского Поволжья в эпоху поздней бронзы. Самара, 2003.
- Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. М., 1955. № 46.
- Малов Н.М.* Работы в Заволжье // АО. 1984. М., 1986.
- Малов Н.М.* Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье (по материалам поселений) // Задачи советской археологии. М., 1987.
- Малов Н.М.* Памятники хвалынской культуры валиковой керамики Поволжья и некоторые проблемы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Теория и методология археологии. Омск, 1987а.
- Малов Н.М.* Отчет об археологических раскопках и обследовании поселений между сс. Мордовое и Сосновка в Красноармейском районе Саратовской области в 1992 г. // Архивы ИА РАН и НИИАЛ СГУ.
- Малов Н.М.* Отчет об археологических исследованиях в Красноармейском и Хвалынском районах Саратовской области за 1993 год // Архивы ИА РАН и НИИАЛ СГУ.
- Малов Н.М.* Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1995.
- Малов Н.М.* Культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
- Малов Н.М.* Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. Саратов, 2007. Вып. 5.
- Малов Н.М., Филиппенко В.В.* Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. СПб., ИИМК РАН. 1995. № 4.

Мельник В.И. Степное Поволжье в эпоху средней бронзы (преемственность и взаимодействие культур). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва: ИА АН СССР, 1985.

Миронов В.Г. Очерк истории исследования городищ в Саратовском Поволжье в 1918–1977 годы (материалы к археологической карте Нижнего Поволжья) // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1.

Синицын И.В. Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938–1939 гг. (предварительное сообщение) // Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938–1939 гг. Отдельный оттиск из Ученых записок СГУ. Саратов, 1947. Т. XVII.

Синицын И.В. Поселение Осинов-Гай в Заволжье // Древности Восточной Европы. М., 1969.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. М., 1959. № 60.

Смирнов К.В. Быковские курганы // МИА. М., 1960. № 78.

Сухорукова Е.П. Волго-донская культура // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009.

Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. 1983.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.

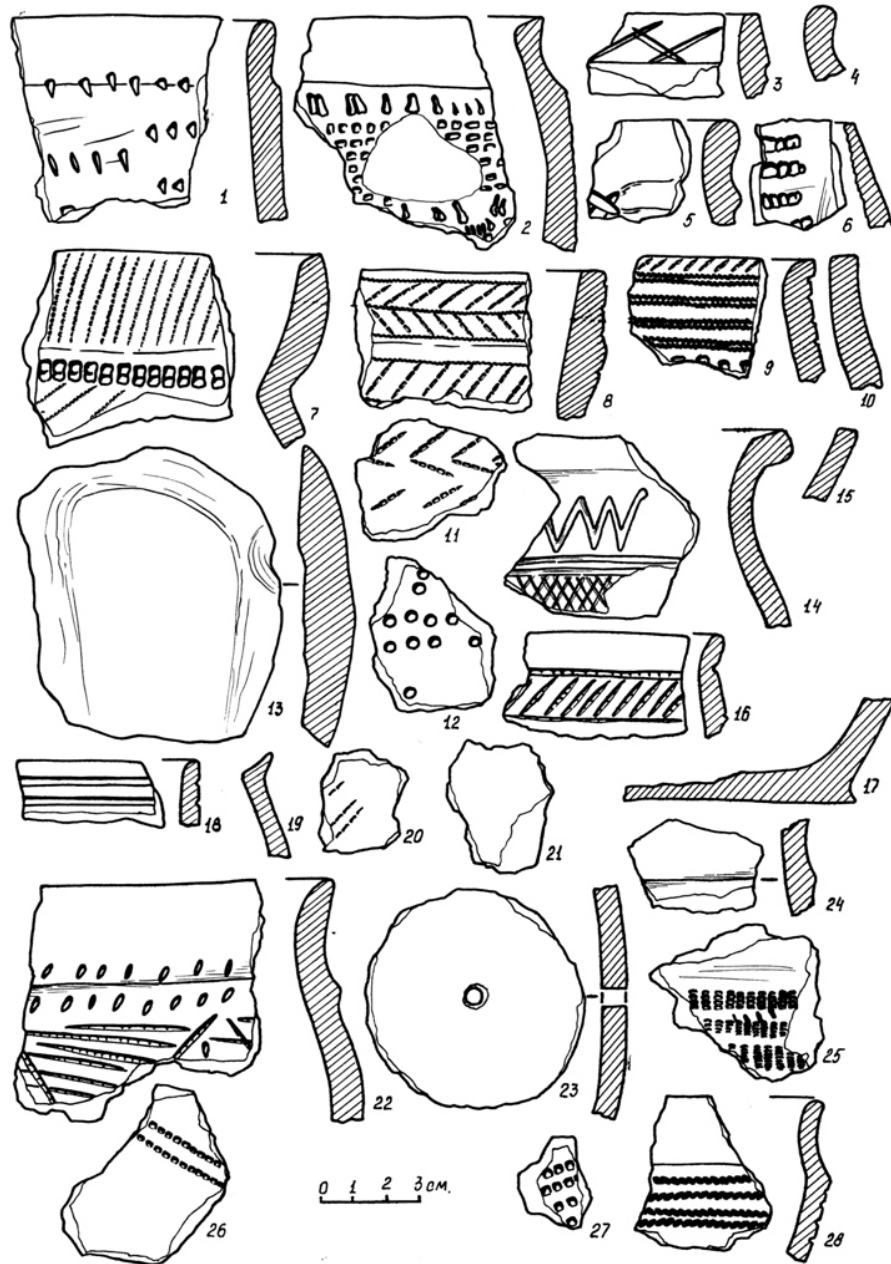

Рис. 1. Находки с селища Сосновка-I. Камень (13), остальное керамика.

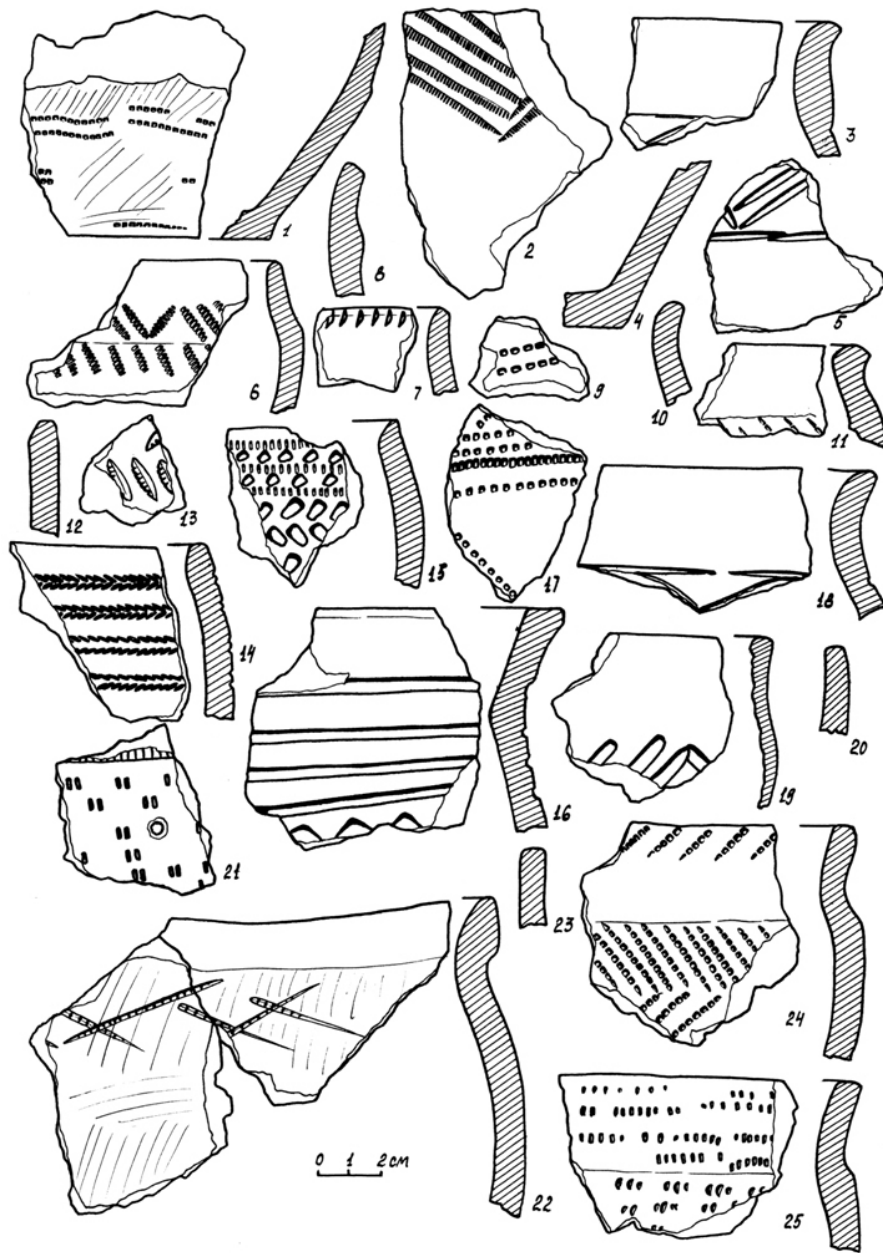

Рис. 2. Керамика селища Сосновка-I.

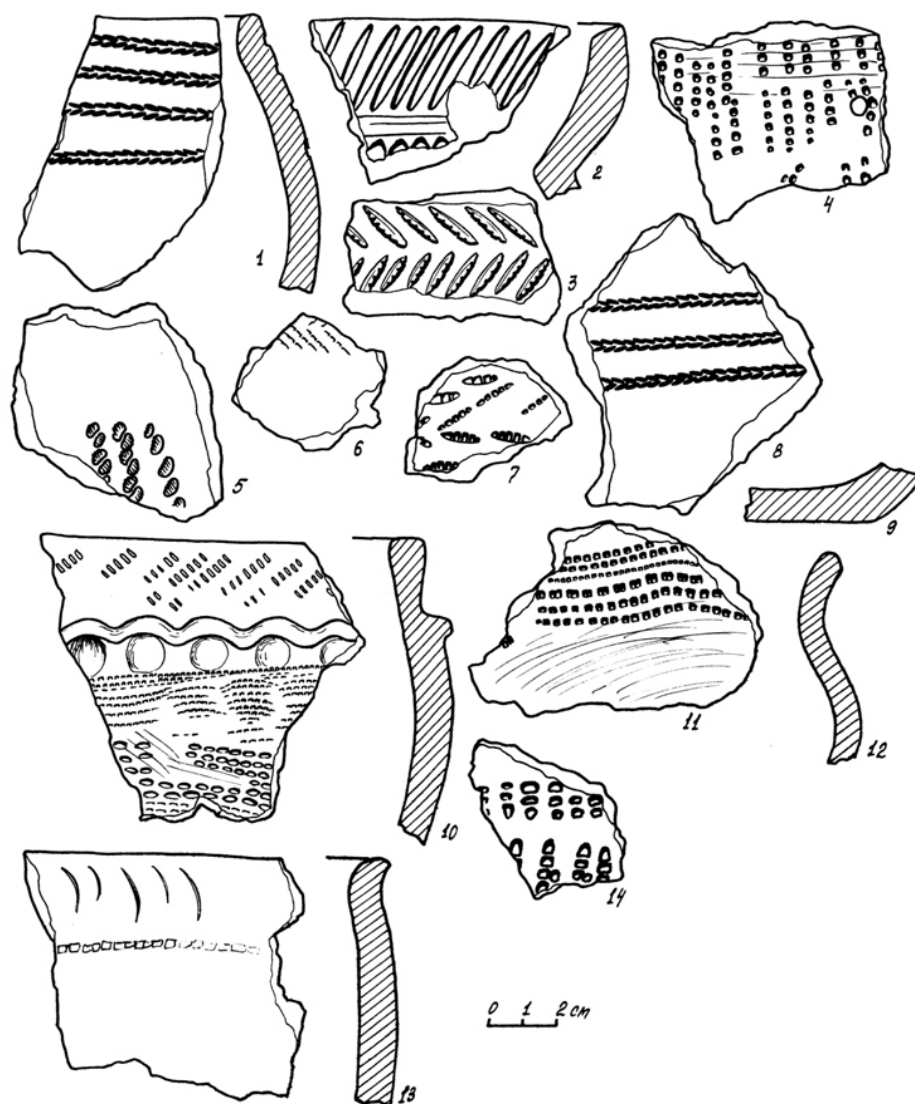

Рис. 3. Керамика селища Сосновка-I.

Рис. 4. Костяные тупики из культурного слоя селища Сосновка-I

Рис. 5. Череп собаки из постройки № 2 селища Смеловка-I

Рис. 6. Селище Сосновка-I. Северо-западный угол раскопа. Вид с юго-юго-востока

Рис. 7. Селище Сосновка-I. Рог крупного рогатого скота и керамика

*Мергалиев Р.С., Сингатулин Р.А.,
Юдин А.И.*

ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУРГАННОЙ ГРУППЕ КЫРЫК-ОБА
В 2008–2009 гг.

Курганы группы Кырык-Оба, отличающиеся своими размерами, находятся в Бурлинском районе Западно-Казахстанской области Республики Казахстан, в 80 км к востоку от г. Уральск, на краю водораздельного плато левого берега р. Караоба (левый приток р. Утва, бассейн р. Урал), в 9 км к северо-востоку от п. Караоба и на таком же расстоянии к северу от железнодорожной станции Ангаты. Группа включает три насыпи (рис. 1).

Насыпи диаметром от 90 до 150 м, высотой от 8 до 20 м на вершинах имеют глубокие воронки – следы древних ограблений. На насыпи наиболее крупного кургана 1 на отдельных его участках заметны следы каменного «панциря», который ранее покрывал поверхность погребального сооружения [Скифы..., 2007. С. 120].

Два самых крупных кургана с «батонами»¹ (кург. 1 и кург. 2), несомненно, являются не только экстраординарными усыпальницами предположительно раннего железного века, но и представляют собой единый погребальный комплекс. Расположены они строго по линии запад – восток. Батоны примыкают к ним с юга, почти по линии север-юг. В их расположении прослеживается определенная логика: меньший батон кургана 1 расположен к западу от оси кургана, а меньший батон кургана 2 находится к востоку от оси кургана, образуя таким образом зеркальную симметрию с курганом 1.

Не исключено, что и курган 3 имел такие же батоны, хотя из-за сильной распахки в настоящее время на поверхности нет никаких следов, которые могли бы указывать на их наличие.

Наиболее крупный курган 1 господствует над окружающей местностью. Практически мало затронутая антропогенной деятельностью территория древнего могильника в его естественном природном окружении представляет собой перспективный участок для создания здесь природного, историко-культурного заповедника.

¹ «Батонами» называются длинные узкие насыпи, сопровождающие курганы 1 и 2 и имеющие в поперечном размере форму, близкую к полусферической.

С целью подготовки курганной группы к музеефикации с 2003 года Западно-Казахстанским областным центром истории и археологии (ЗКОЦИА) совместно с рядом научных учреждений Республики Казахстан и Российской Федерации проводится комплекс работ по исследованию курганов Кырык-Обы с применением неразрушающих методов. В 2003 г. были проведены палеопочвенные и магнитные исследования кургана 1 и его малого батона под руководством д.б.н. В.А. Демкина (Институт ФХиБПП РАН). В 2008–2009 гг. в рамках программы «Культурное наследие» на 2007–2009 гг.² были проведены совместные исследования ЗКОЦИА и лаборатории информационных технологий Пединститута СГУ, в работе которых с российской стороны приняли участие д.и.н. А.И. Юдин и к.и.н. Р.А. Сингатулин. Руководителем работ с казахстанской стороны являлся н.с. ЗКОЦИА Мергалиев Р.А. В 2008 г. с использованием методов стереофотограмметрии были обследованы курганы с прилегающей территорией с целью создания виртуального облика объекта и расчета объемов перемещенного грунта при строительстве курганов, а также заложен шурф у подножья кургана 1. В 2009 году для уточнения методики сооружения насыпей были проведены раскопки на ограниченном участке батонов кургана 2 в сочетании с георадиолокацией. Полученные данные вместе с итогами палеопочвенных и палеомагнитных исследований 2003 года позволили конкретизировать ряд особенностей сооружения этого уникального памятника археологии.

Ниже приводится краткая характеристика комплекса работ и результаты исследований, проводившихся в 2008 и 2009 гг. Самый большой курган 1 имеет насыпь слегка овальную в плане диаметром около 150 м, с ориентировкой большей полуоси в северную сторону. Диаметр по внешнему ровику составляет 208 м. Ров имеет глубину от 1,4 до 2,2 м. Высота насыпи кургана относительно современного горизонта достигает 18,6 м. На вершине насыпи находится воронка диаметром 32,2 x 27,4 м по линии север-юг, со средней глубиной 6,2 м. Вершина насыпи сильно деформирована из-за грабительских раскопок. К моменту исследования на дне оплывшей воронки имелась свежая вертикальная шахта глубиной свыше 4 м. Стратиграфия стенок шахты показала, что на данном участке насыпь многослойна и состоит из пластов светлого суглинка (до 15 см толщиной), разделенных тонкими гумусированными горизонтальными и вертикальными прослойками (рис. 2).

Достаточно интересными являются уже упоминавшиеся батоны, имеющие зеркальную симметрию. Причем, один из батонов всегда меньше другого. Батоны располагаются параллельно друг к другу в направлении магнитного меридиана. Магнитный меридиан в большинстве случаев не совпадает с истинным (географическим) и образует угол, называемый магнитным склонением. Для района Кырык-Обы магнитный угол склонения составляет около 9°.

Космические мультиспектральные данные дистанционного зондирования (ДДЗ) сделали возможным определить точную площадь, с которой снимался гумусный горизонт для строительства насыпей. Общая площадь древних антропогенных нарушений фиксируемых сегодня в районе комплекса

² Постановление Правительства Республики Казахстан от 10 декабря 2007 года № 1203.

Кырык-Оба составляет 21,9 га. Нарушения представлены курганными насыпями, ровиком, парными «батонами» и срезанной почвой.

Для расчета объема перемещенного грунта курганных насыпей обычно пользуются стандартными формулами объема шарового сегмента:

$$V = \pi h(3a^2 + h^2)/6,$$

где a – радиус насыпи, h – высота насыпи.

Однако приведенная формула достаточно приблизительно отражает состояние геометрии кургана, которое не учитывает объемные формы наслоений, промоин, выбросов, деформации и пр. Более правильное отражение ситуации выражает классическая формула объема любого тела в виде:

$$V = \int_0^H S(h) dh U_t,$$

где H – высота, $S(h)$ – площадь сечения, проведенного параллельно основанию тела на высоте h от основания, U_t – коэффициент скважности грунта.

Произведенные расчеты показали, что объем насыпной части кургана 1 составляет около 110000 м³ (109780 м³). При средней плотности грунта 1,7 т/м³ вес кургана около 186626 т. Просчет формы кургана, объема выбросов, его дополнительных конструктивных элементов – ровиков, «усов», «батонов» и пр., составляет предмет отдельного исследования, которое может быть эффективно выполнено с помощью специального съемочного оборудования и программного обеспечения. В основе таких исследований лежат фотограмметрические данные, полученные путем фотофиксации исследуемого объекта с помощью метрических камер [Лобанов, 1984]. Ключевой особенностью фотограмметрических исследований является реализация стереорежима, позволяющего восстанавливать пространственную информацию о местности из стереопар (локальных, аэрофото, космических снимков). Стереосъемка позволяет наблюдать объект объемно и с высокой точностью определять пространственные соотношения между исследуемыми объектами, природной средой, восстанавливать пространственные формы его элементов. Полученные таким образом фотографии образуют стереопары для измерения параллакса, исходя из которого можно вычислить относительную высоту любого запечатленного объекта по формуле:

$$\frac{f \cdot b}{p} = L,$$

где f – фокусное расстояние линзы, b – расстояние между камерами (база или базис съемки), p – параллакс, L – расстояние от камер до объекта съемки.

Стереосъемка курганного комплекса Кырык-Оба в весенне-осенний период 2008 г. осуществлялась неметрическими цифровыми камерами SONY Cyber-shot DSC-F828 и Canon EOS 5D, с использованием механизма параллельного смещения. База стереосъемки менялась в зависимости от задач

исследований и размеров объектов (в среднем от 56 мм до 108 мм). В общей сложности было получено 1248 пар изображений, которые в дальнейшем использовались для просчета сцен съемки с помощью программного обеспечения ERDAS Stereo Analyst и Photomod (версии 4.4). Данные программы создают исходные трехмерные модели путем преобразования двухмерной информации, содержащейся в фотографиях (стереопарах), в точно рассчитанные трехмерные точки, линии и плоскости. Созданная трехмерная модель в дальнейшем экспортируется в формате DXF в трехмерные графические редакторы AutoCAD 3D Studio, 3D max Studio и после соответствующей обработки передаются в любую доступную ГИС-программу или специализированную базу данных. Просчет отдельных конструктивных элементов, формы, подсчет вывала земли и некоторые другие задачи позволяют подробно воссоздать конструкцию древних строений (рис. 3).

Съемка кургана 1 выполнялась камерой SONY Cyber-shot DSC-F828 с объективом Vario-Sonnar Carl Zeiss T* 7,1-51 (в эквиваленте для 35-миллиметрового фотоаппарата, максимальное $f = 200$ мм), а также цифровой камерой Canon EOS 5D. Калибровка цифровых камер и съемка осуществлена по рекомендациям МИИГАиК. Опорные точки измерены с помощью лазерной линейки с точностью 4 мм. Эти точки были расположены на контурах кургана. Расстояние между объектом съемки и камерой составляло около 30 м. Полученные данные вносились в цифровую фотограмметрическую систему Photomod, в которой реализован программный механизм обработки снимков, решающий следующие задачи: фототриангуляция, стереовекторизация и построение ортофото [Михайлов и др., 2002].

В таблице 1 приведены результаты фототриангуляции кургана 1 с применением указанных выше камер.

Таблица 1.

Наименование камеры	Остаточный параллакс (пикселях)	Отклонения на опорных точках (мм)			Отклонения на контрольных точках (мм)		
		mx,y	mz	mz/H	mx,y	mz	mz/H
SONY Cyber-shot DSC-F828	0,2 - 0,3	5	6	1/4500	10	9	1/3000
Canon EOS 5D	0,1 - 0,2	4	5	1/5000	9	8	1/3000

После построения цифровой модели кургана 1 были просчитаны объемы выбросов, наносов, деформации насыпи, ветровой эрозии и другие особенности кургана 1³. Результаты вычислений использовались при виртуальном «заполнении» объема грабительских ям, коррекции формы насыпи кургана. По опорным наклонным, с учетом объема выброса грунта, была вычислена изначальная высота кургана, которая составляла около 22 м. Кроме того, в компьютерной модели была учтена специфика покрытия кургана ка-

³ Помимо круговых фотограмметрических измерений, использовались данные палеопочвенных и магнитных исследований 2003 г. (Институт ФХиБПП РАН).

менным «панцирем», измерена альбеда каменного плитняка, что в конечном итоге отразилась в модели полной реконструкции кургана 1 (рис. 3, С).

Самую яркую особенность курганной группы Кырык-Оба составляют батоны памятника, которые не находят близких аналогий среди курганов степей Евразии. Результаты изучения магнитных аномалий малого (западного) батона кургана 1 в 2003 году показали сильную нарушенность древней поверхности с наличием перекопов с перемещением гумусового материала [Скифы..., 2007. С. 128–129]. Именно этот момент вызвал наибольший интерес в плане сопоставления с данными, получаемыми археологическим методом. То есть, представилось весьма интересным проведение археологических раскопок любого батона с целью установления способа их сооружения, времени, затраченного на такие большие объемы земляных работ, а также их соотнесение с собственно курганами в целях уточнения их взаимосвязанности и одновременности сооружения.

После исследований 2008 года было определено наличие многослойности насыпи на уровне 6 метров от современной вершины кургана 1. Центральная часть насыпи кургана 1 повреждена грабительской воронкой, но весьма сложно установить ее глубину. Не исключено, что недавний грабительский шурф (превышающий в глубину 4 м от дна старой грабительской воронки) разрезал слои заплыва предыдущего грабительского раскопа. В таком случае отмеченная в 2008 году слоистая структура насыпи с поперечными разрезами не является предполагаемыми остатками сырцовых кладки, а отражает сезонные затеки воронки. В любом случае этот вопрос может быть разрешен только при детальном археологическом исследовании хотя бы части насыпи, а не на визуальном осмотре итогов работы современных грабителей.

В полевом сезоне 2009 года перед нами стояла одна конкретная задача – узнать, как были сооружены батоны и постараться при этом не нарушить внешний облик курганного комплекса. Для этого было принято решение ограничиться минимально возможной по ширине траншеей и проложить ее поперек обоих батонов, а также использовать геофизические (неразрушающие) методы исследований (георадиолокация, электроразведка). Для данных исследований были определены батоны кургана 2.

Курган 2 является вторым по величине курганом в группе. Большой по размерам батон 1 или западный представляет из себя насыпь, полусферическую в поперечном сечении, длиной около 75 метров и шириной 24–26 метров. Высота батона от уровня современной дневной поверхности с западной стороны достигает 1,5 м и 2,6 м от дна рва. С восточной стороны от уровня дневной поверхности высота батона 1 составляет 2,6 м и от дна ровика между батоном тоже 2,6 м. С запада батон 1 отделен от napольной стороны рвом шириной до 16 м в северной части и 10–14 м – в южной.

Меньший батон 2 или восточный выражен слабее, максимальная высота составляет 0,54 м, если считать от дна рва между батоном, 1,25 м – от дна рва к востоку от батона и 0,87 м от уровня дневной поверхности с восточной стороны. Восточный батон сооружен параллельно западному и отделен от него рвом шириной 9–11 м. Длина вала составляет приблизительно 65 м, ширина достигает 11–13 м. С востока батон отделен от napольной стороны рвом шириной до 10 м. Оба батона окружены рвом по всему периметру. Ширина его

колеблется от 16 м вдоль длинных сторон до 2–5 м у торцов восточного батона (рис. 4).

Для исследования была определена северная треть батонов. Раскоп был заложен в 20 м к югу от северной подошвы батона 1 таким образом, чтобы получить поперечный разрез обоих батонов и рва между ними практически по линии запад-восток. Общая длина разреза составила 45 м при ширине 1 м.

Кроме того, при исследовании батонов был выполнен комплекс геофизических методов – георадиолокация и электроразведка на постоянном токе. Общая площадь локальной электроразведки составила 24 м². Георадарные обследования батонов показали сложную геологическую структуру, которая свидетельствует о сильной нарушенности древней поверхности и наличии перекопов. Особенно сильным перекопам подвергся малый батон, причем перекопами сравнительно небольших участков (1,5 x 1,5 м) в северной части насыпи. Характерным для малого батона явилась также повышенная трещиноватость насыпи по краям сооружения (особенно со стороны большого батона), которая из-за отражений радиоволн существенно затрудняла интерпретацию георадарных данных. На глубине 0,4–0,6 м от дневной поверхности, по данным геолокации, фиксируется структурная рыхлость грунта. Особенности данной структуры насыпного грунта связаны с физико-механическими свойствами мерзлого дисперсного грунта [Фролов, 1977]. Можно предположить, что на каком-то этапе для сооружения насыпи использовался смерзшийся грунт, и засыпка производилась при минусовой температуре. Геофизические свойства насыпных грунтов в пределах выявленных неоднородностей характеризуются фрагментарностью по всему объему насыпи батона, связанной с перепадами дневных температур, указывающих на проведение работ в период смены сезона, вероятно осенне-зимнего.

Параллельно в процессе раскопочных работ были выполнены георадарные обследования непосредственно на открытых участках раскопа. Выявлено аномальное электрическое сопротивление северной стенки (в нижней части траншеи) батона 1 и в дальнейшем, путем уточняющих перемещений электродов по микроплощадкам с шагом 0,1 м, была локализована область протяженностью 2,5 м, уходящая в глубь тела насыпи в северо-западном направлении (рис. 5).

Произведенный разрез батонов позволяет сделать несколько выводов относительно методики их сооружения. Судя по составу насыпи батона 1 он сооружался, как минимум, в три приема. Первоначальная насыпь (условная насыпь 1) состоит из гумусно-материковой смеси со значительным количеством гумуса, что придало ей более темный оттенок относительно вышележащей условной насыпи. Это позволяет предполагать, что основную массу грунта составила смесь гумуса и предматерикового грунта из окружающих рвов. Этой смесью был отсыпан первоначальный контур большого батона равномерной по всей площади высоты – в пределах 0,5 м. Возможно, получившаяся площадка была утрамбована, или между ее сооружением и отсыпкой второй насыпи прошло какое-то время, давшее возможность осесть насыпному грунту. Об этом свидетельствует очень хорошо выраженная граница между насыпью 1 и насыпью 2. Следует отметить, что в малом батоне первичная насыпь 1 отсутствует.

На втором этапе сооружения батонов вероятно уже использовалась гумусно-материковая смесь с преобладанием светлого материкового суглинка из внешних рвов и рва между батоном. На этом этапе было сформировано тело малого батона, а на платформе большого батона в центральной части по всей ее длине возведен вал шириной около 9 м и высотой (к настоящему времени) 1–1,1 м. Края вала от вершины плавно опускались и заканчивались на расстоянии 3–3,5 м от края платформы с восточной стороны и на расстоянии 4,5–5 м с западной стороны.

На завершающем этапе была отсыпана условная насыпь 3. Вероятно именно тогда со стороны малого батона был срезан материковый слой на глубину до 0,75 м. Судя по составу насыпи – светло-желтый материковый суглинок – для отсыпки завершающей части батона использовался только материковый суглинок из этой полосы, ширина которой составляет 3,5–5 м, а также со дна окружающих рвов. Разница же между верхней частью насыпи и склонами вполне возможно объясняется сильным иссушением верхней части насыпи, что привело к повышенной уплотненности материкового суглинка по гребню батона (рис. 6).

Аналогично был досыпан материковым суглинком и малый батон. Этот суглинок сохранился только с восточной, внешней стороны батона. Не исключена вероятность, что такая досыпка была над всей поверхностью малого батона, но, как уже говорилось, вполне вероятно, что какое-то время малый батон распаивался и его верхняя часть могла быть разрушена. О том, что батон 2 возможно какое-то время распаивался говорит и характерная волнистость нижнего слоя гумусного горизонта, обычно образующаяся при распашке (рис. 7).

Судя по четкой границе между насыпью 2 и насыпью 3 на большом и малом батонах между их сооружением также прошло какое-то время, но не очень значительное. В противном случае крутой восточный склон насыпи 2 в северной стенке раскопа, при сооружении которого даже была сделана выемка в платформе насыпи 1, успел бы ослыть.

Характерное повторяющееся расположение батонов относительно курганов 1 и 2 Кырык-Обы изначально не вызывают сомнений в их относительно одновременном с курганами сооружении или последующем, вскоре после возведения курганов. В этом плане интересно провести сравнение стратиграфии батонов кургана 2 с результатами шурфовки кургана 1 и данными стратиграфических колонок, полученных при бурении на малом батоне кургана 1.

По результатам шурфовки кургана 1 в 2003 году установлено, что этот курган был обложен светлыми известняковыми плитками. Данная каменная крепида из тонких песчаниковых плит покрывала всю поверхность насыпи кургана, и вполне возможно, что из-за этих плит в древности курган имел вид светло-серой, практически белой горы [Скифы..., 2007. С. 120]. На поверхности двух других курганов также встречены обломки песчаника, возможно они также были покрыты каменным панцирем.

Батоны кургана 2 Кырык-Обы первоначально также были покрыты светлым материковым суглинком и вместе с курганом (учитывая его обло-

женность каменными плитками) также должны были выделяться на фоне степного пейзажа.

Есть также и различия в технологии сооружения насыпи кургана 1 и батонов кургана 2.

Исследователи, проводившие палеопочвенные изыскания на кургане 1 отмечали, что верхняя граница погребенной почвы четко отделяется от курганной насыпи, а по всем стенкам разреза на поверхности погребенной почвы прослеживается тонкий (2–3 см) прослой темно-коричневого суглинка.

Предполагалось, что создатели памятника, «будучи знакомы с цветовой гаммой почвенных слоев региона, целенаправленно отбирали материал иллювиального горизонта солонцов, увлажняли его, и полученным «раствором» покрывали поверхность почвы на месте создания кургана [Там же. С. 123]. Под насыпями батонов кургана 2 данная прослойка отсутствует, а граница между насыпью 1 и погребенной почвой, как уже отмечалось, выражена очень четко. Никаких прослоек между погребенной почвой и условной насыпью 1 нет. Возможно, это объясняется меньшей сакральной значимостью «батонов» относительно курганов.

Кроме того, шурфовка кургана 1 в 2003 году показала, что при создании кургана строительный материал использовался хаотично, не было обнаружено никаких слоев досыпок или слоев, находившихся в экспонированном состоянии. Тогда как разрез батонов кургана 2 показал, что они (батонны) состоят из трех насыпей, возведение которых совершалось через некоторые определенные промежутки во времени или, по меньшей мере, для их сооружения целенаправленно выбирался грунт определенного состава и цвета. Это очень заметно в полученной стратиграфической колонке.

Три колонки грунта, взятые исследователями в 2003 году из малого батона кургана 1, а также детальная карта магнитных аномалий, показали сложную магнитную структуру, которая свидетельствует о сильной нарушенности древней поверхности и наличие перекопов. Представленные колонки практически полностью совпадают со стратиграфией, полученной на разрезе батонов кургана 2. Малый батон кургана 2 сильно видоизменен в результате антропогенной деятельности, а большой сохранился несравненно лучше. И именно его стратиграфия вполне соотносится со стратиграфией малого батона кургана 1.

Колонка, полученная на скважине 1 малого батона кургана 1, представлена в верхней части лессовидным суглинком серо-желтого цвета с вкраплениями солей и карбонатов в нижней части. В средней части насыпи батона отмечен суглинок темный, серо-желтый, без карбонатов. Нижнюю часть батона составляет суглинок серо-желтый с вкраплениями солей и карбонатов. В двух других скважинах колонки аналогичны: верхний и нижний слои состоят из серо-желтого суглинка, а средний слой всегда имеет более темный цвет [Скифы..., 2007. С. 123, рис. 9].

То есть, в данном случае во всех трех скважинах прослеживается та же самая закономерность, что и в большом батоне кургана 2: тело батона состоит из трех насыпей; верхняя часть батона насыпалась из материкового суглинка, который брался со дна окружающего рва. В результате сами курганы приобрели светлый цвет на фоне окружающей местности из-за обкладки их пес-

чаниковыми плитами, а батоны выделялись своим светло-желтым цветом благодаря материковой обмазке.

Таким образом, сделанный разрез на батонах кургана 2 Кырык-Обы позволил установить, что батоны сооружались в три приема, но с небольшим хронологическим разрывом, что подтвердилось и комплексом геофизических методов.

Литература:

Скифы Западного Казахстана / Под ред.: Сдыков М.Н., Демкин В.А., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. // Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии. Алматы, 2007. С. 120.

Лобанов А.Н. Фотограмметрия. М.: Недра, 1984.

Михайлов А.П., Чибуничев А.Г., Курков В.М., Пиатти Э.Д. Применение цифровых неметрических камер и лазерных сканеров для решения задач фотограмметрии. М., 2002.

Фролов А.Д. Электрические и упругие свойства криогенных пород. М., 1977.

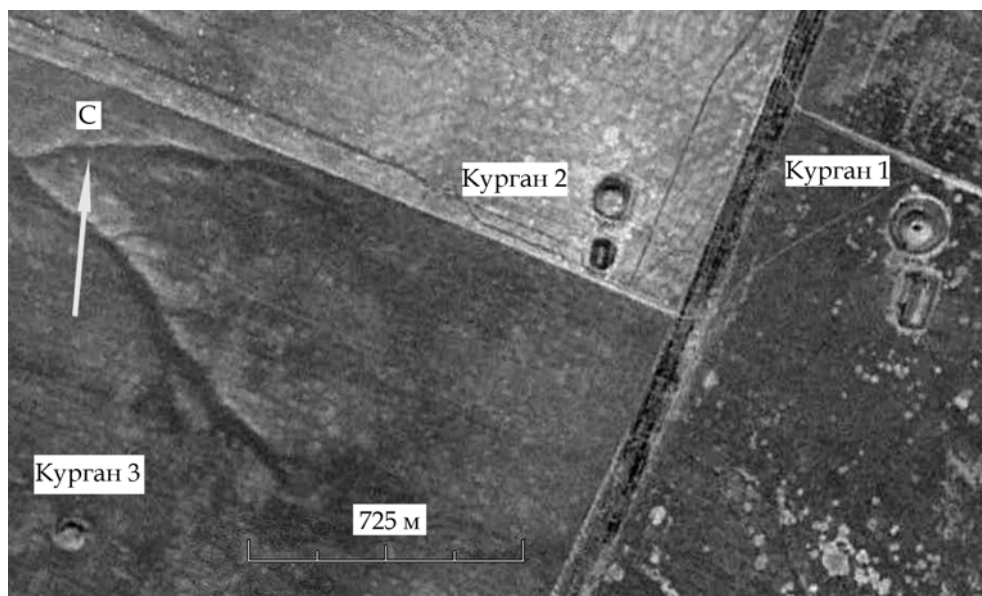

Рис. 1. Курганная группа Кырык-Оба в Бурлинском районе Западно-Казастанской области.

Рис. 2. Курганная группа Кырык-Оба.
Стратиграфия современного грабительского шурфа на кургане 1.

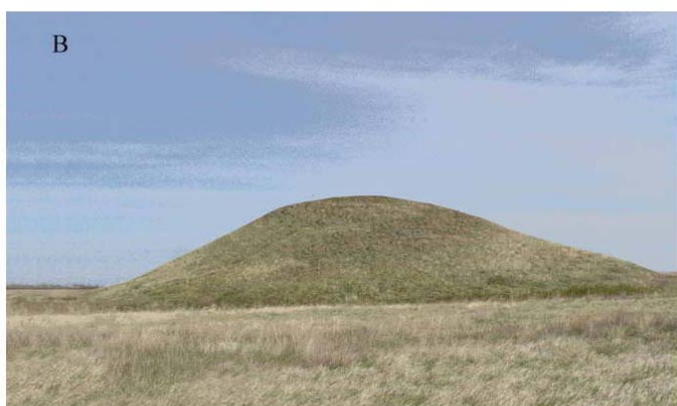

Рис. 3. Реконструкция внешнего вида кургана 1. А – современное состояние (высота – 18,6 м), В – реконструкция кургана (высота – 22 м), С – реконструкция кургана с каменным «панцирем».

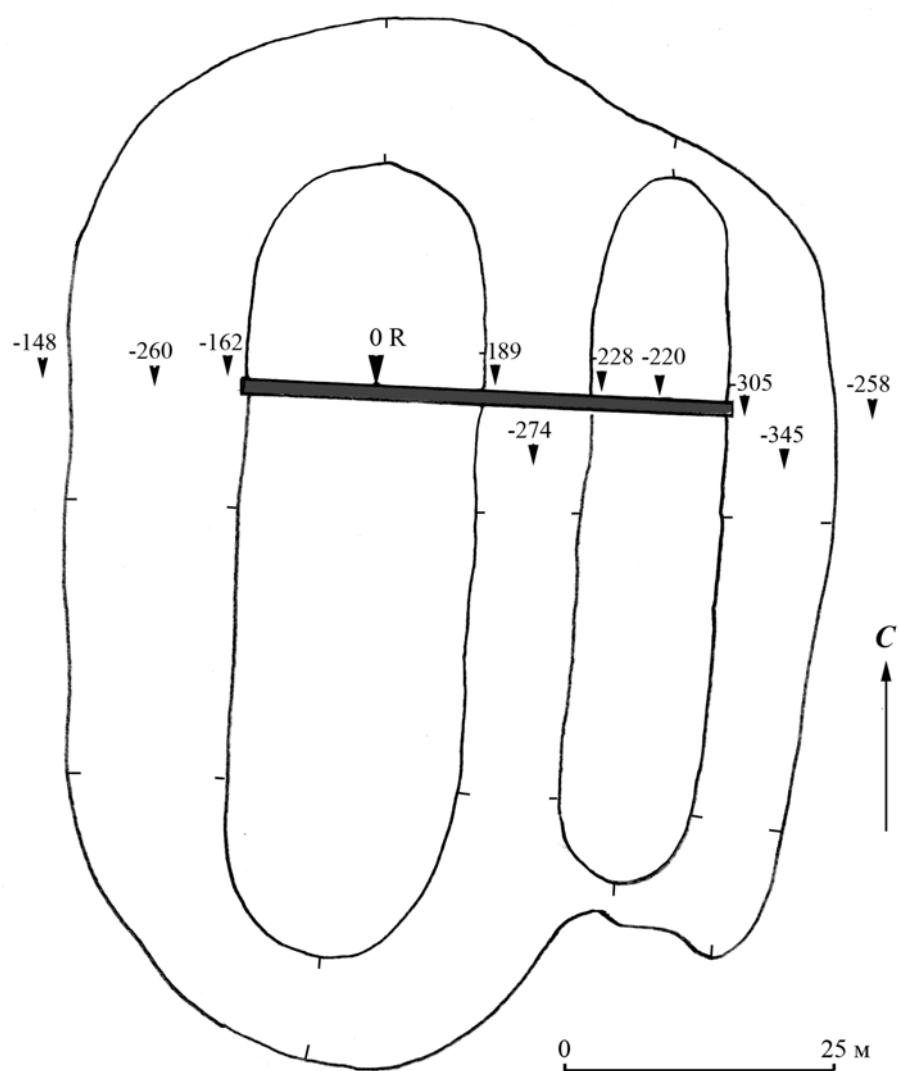

Рис. 4. План расположения поперечного разреза батонов кургана 2 Кырык-Обы.

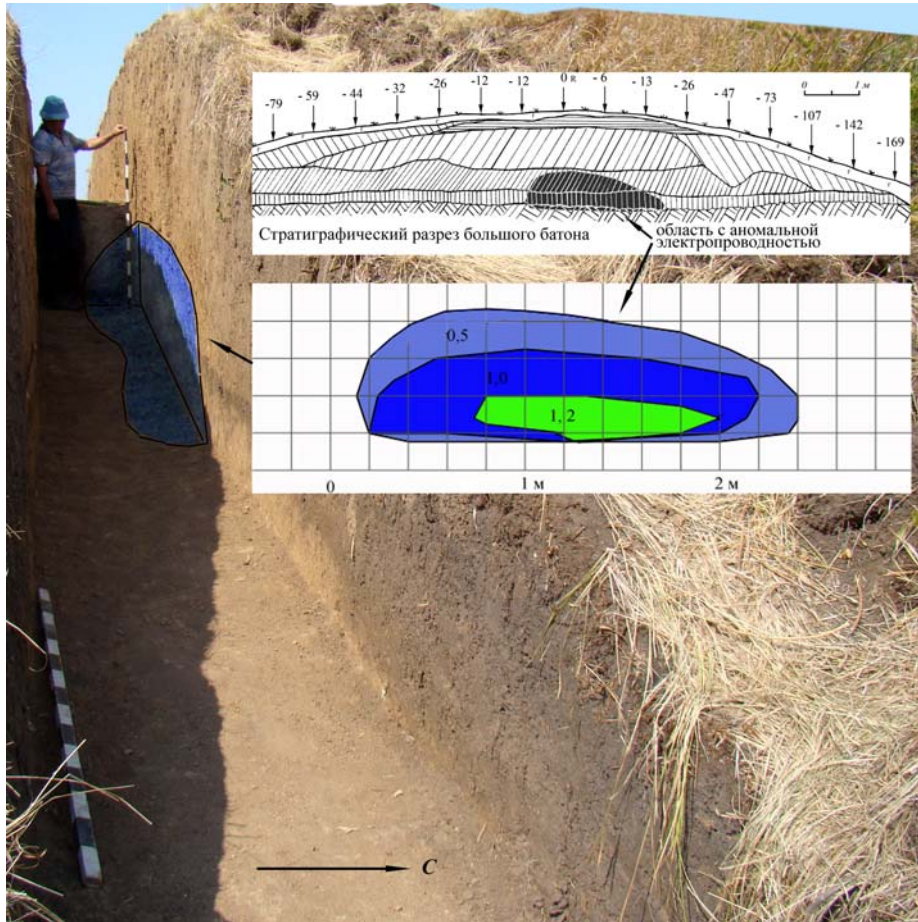

Рис. 5. Область аномального электрического поля в северной стенке большого батона кургана 2.

Рис. 6. Кырык-Оба, курган 2, разрез большого батона, вид с севера.

Рис. 7. Кырык-Оба, курган 2, разрез малого батона, вид с юга.

Лифанов Н.А.

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА
БОГОРОДСКОЕ-I В 2008 ГОДУ.

Курганный могильник Богородское-I был открыт В.А.Цибиним в 2004 г.¹ Памятник расположен в 3,75 км к юго-юго-востоку от ферм с. Богородское и в 1,1 км к северо-западу от железнодорожной линии «Кротовка - Серные Воды» на территории муниципального района Кинель-Черкасский Самарской области (рис.1, 1).

Насыпи курганов расположены на ровной площадке пахотного поля, на краю второй надпойменной террасы правого берега речки Копковка (правый приток р. Козловка). Могильник состоит из 5 курганов, вытянутых двумя цепочками с востока на запад (кк. 1 и 4) и с северо-запада на юго-восток (кк. 3, 2 и 5) (рис.1, 2). Все курганы, кроме № 2, на вершине которого находятся остатки пункта ГГС, подвергались ежегодной распашке. Современные размеры курганов приведены в таблице.

№ кургана	Диаметр (м)	Высота (м)
№1 ²	48	1
№2	30	1
№3	20	0,3
№4	28	0,5
№5	25	0,3

В сезоне 2008 г. были исследованы три кургана: № 1, № 3 и № 4.

Стратиграфия исследованных курганов идентична:

1) пахотный слой. Сильногумусированный рыхлый суглинок темно-коричневого цвета.

2) плотный серо-коричневый суглинок.

¹ Цибин В.А. Отчет об археологических разведках на территории Сергиевского, Кинельского, Кинель-Черкасского и Борского районов Самарской области в 2004 году в зонах проведения строительного-монтажных работ по Открытому листу № 131 (форма № 2) // Архив министерства культуры и молодежной политики Самарской области. - Самара, 2005.

² Размеры курганов №№ 1 и 3 даны по данным разведки 2004 г.

3) насыпь кургана. Рассыпчатый суглинок серо-коричневого цвета, более светлый и рыхлый по сравнению с предыдущим слоем. Пронизан норами землероев. Границы со слоем Б нечеткие. Представлял собой выпуклую линзу, сходящую на нет к полам кургана.

4) погребенная почва. Рассыпчатый суглинок светло-коричневого цвета, пронизанный норами землероев. По составу очень близок к слою Б, отличаюсь от него лишь большим содержанием вкраплений желтой глины. Подавляющее большинство погребений совершены на уровне верхней границы данного слоя.

5) материк. Сухой суглинок желто-коричневого цвета, пронизанный многочисленными норами землероев.

Насыпь *кургана № 1* (рис. 2) была почти полностью уничтожена траншеями нефтепровода. Профили удалось проследить лишь в ее северо-западной части. Размеры насыпи в древности приблизительно составляли 20–25 м в поперечнике и 50 см в высоту. В северной части насыпи кургана была сделана одна находка – ребро взрослой особи крупного рогатого скота³. Под насыпью было обнаружено 27 погребений, располагавшихся без какой-либо единой четкой системы.

Погребение № 1 (рис. 3, 1). Могильная яма выявлена на уровне погребенной почвы. Глубина ее от уровня фиксации составляла 50–55 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. На уровне фиксации яма была перекрыта деревянной конструкцией из досок и плах, расположенных как продольно, так и поперечно. Толщина досок составляла около 1 см, а плах – 8–13 см. На дне могильной ямы находилось компактное скопление перемешанных с грунтом кальцинированных костей взрослого человека⁴, мощностью до 6 см. Судя по отсутствию прокала и углей, обряд погребения в данном случае представлял собой кремацию на стороне.

Погребение № 2 (рис. 3, 2). Судя по положению сохранившихся костей скелета, погребенный новорожденный младенец был ориентирован на ССВ ($A=65^\circ$). Инвентарь составлял неорнаментированный керамический сосуд⁵ (форма не восстанавливается).

Погребение № 3 (рис. 3, 3). Судя по положению сохранившихся костей скелета, погребенный подросток (ок. 11 лет) был ориентирован на СЗ ($A=338^\circ$). В области таза располагались фрагменты двух керамических сосудов.

Сосуд № 1 – горшковидной формы. Диаметр устья – 14 см, диаметр днища – 7–8 см. Орнамент представляет собой короткие оттиски размером 1,5 см, выполненные орудием с неровной поверхностью. Вероятно использовался излом кости (рис. 4, 1).

Сосуд № 2 – неорнаментированный фрагмент придонной части с днищем. Диаметр днища – около 7 см (рис. 4, 2).

³ Osteологические определения н.с. археологической лаборатории ПГСГА Н.В. Росляковой.

⁴ Антропологические определения доцента ПГСГА, к.и.н. А.А. Хохлова.

⁵ Описание и технико-технологический анализ керамического материала из исследованных курганов были проведены н.с. археологической лаборатории ПГСГА Н.В. Ивановой.

Погребение № 4 (рис. 3, 4). Сохранность скелета неудовлетворительная, положение костяка ребенка (ок. 1,5 лет) достоверно неясно. Головой был ориентирован на СВ. Инвентарь в захоронении отсутствовал.

Погребение № 5 (рис. 3, 5) располагалось в северо-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне погребенной почвы. Глубина ее от уровня фиксации составляла 43 см. Стенки могильной ямы ровные, слегка пологие, дно плоское. Погребенный (муж.?, 15-17 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован головой на СВ ($A=43^\circ$). В районе кистей и предплечий располагались два керамических сосуда.

Сосуд № 1 – острорезный горшок, высотой 10 см. Максимальный диаметр тулова – 17 см, диаметр устья – 14 см, днища – 8 см. Орнамент на сосуде нанесен зубчатым штампом (рис. 4, 3).

Сосуд № 2 – горшковидной формы. Высота сосуда – 16,5 см, диаметр устья – 15,5 см, максимального расширения тулова – 17 см, днища – 9,5 см. Орнамент на сосуде нанесен зубчатым штампом (рис. 4, 4).

Погребение № 6 (рис. 3, 6) располагалось в северо-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена в погребенной почве. Глубина ее от уровня фиксации составляла 25 см. Стенки ямы ровные, отвесные, дно плоское. Погребенная (жен., 30-35 лет) захоронена скорченно на левом боку, была ориентирована головой на ССЗ ($A=344^\circ$). В районе теменной части черепа, кистей и предплечий рук располагались три керамических сосуда. Меж ребер были расчищены две пастовые бусины белого цвета (одна распалась при расчистке). Под черепом была обнаружена бронзовая с плохо сохранившейся позолотой подвеска плохой сохранности (форма не восстанавливается).

Пастовая бусина из погребения имеет круглую в плане и овальную в профиле форму. Диаметр бусины – 4 мм, толщина – 2 мм, диаметр отверстия – 1,5 мм. Подвеска, представленная четырьмя фрагментами, – округло-желобчатая в сечении, овальной в плане формы. Изготовлена из бронзы, ширина – 4 мм. Толщина бронзовой основы с золотым покрытием – 0,7 мм.

Сосуд № 1 – острорезный горшок. Высота – 10 см, диаметр устья – 12 см, диаметр максимального расширения тулова – 15 см, диаметр днища – 7,5 см. Орнамент на сосуде нанесен зубчатым штампом (рис. 4, 5).

Сосуд № 2 – неорнаментированный горшок высотой 19,5 см. Диаметр устья по внешнему краю 17,5 см, диаметр максимального расширения тулова 19 см, диаметр днища 10 см (рис. 4, 6).

Сосуд № 3 – неорнаментированная банка высотой 9 см. Диаметр устья около 12 см, днища – 8 см (рис. 4, 7).

Погребение № 7 (рис. 3, 8) располагалось в северо-западном секторе кургана. Погребение было совершено в насыпи кургана. Вероятно погребенный ребенок (1-1,5 года) лежал на левом боку в скорченном положении, был ориентирован головой на ССВ. В районе черепа располагался керамический сосуд.

У сосуда восстановлено тулово (без верхней части) и отдельно днище. Диаметр сохранившейся верхней части тулова около 15 см, днища – 9 см. По окружности внешней стороны днища полоса шириной 1 см образует небольшой поддон (рис. 4, 8).

Погребение № 8 (рис. 3, 7) располагалось в юго-восточном секторе кургана. Погребение было совершено в погребенной почве. Судя по положению костей,

погребенный (жен.?, 30–35 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован головой на С ($A=0^\circ$). Инвентарь в захоронении отсутствовал.

Погребение № 9 (рис. 3, 12) располагалось в северо-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне погребенной почвы. Глубина ее от уровня фиксации составляла, по меньшей мере, 63 см. Стенки ямы ровные, отвесные, дно плоское. Погребенный (муж.?, 45–55 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован головой на СВ ($A=53^\circ$). В районе черепа находился керамический сосуд.

Сосуд – горшок высотой 10,7 см. Диаметр устья – 12 см, максимального расширения – 13,5 см, днища – 8 см. Орнамент на сосуде нанесен зубчатым штампом (рис. 4, 9).

Погребение № 10 (рис. 3, 10) располагалось в северо-западном секторе кургана. Погребение было совершено в насыпи кургана. Видимо погребенный ребенок (ок. 1 года) лежал на левом боку в скорченном положении. Головой был ориентирован на СВ ($A\sim 40^\circ$). Инвентарь в захоронении отсутствовал.

Погребение № 11 (рис. 3, 14) располагалось в северо-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне материка. На уровне фиксации ямы над скелетом погребенного сохранились фрагменты древесного тлена (направление волокон – по продольной оси ямы). Глубина ямы от уровня фиксации составляла 12 см. Стенки ямы ровные, отвесные, дно плоское. Погребенный ребенок (7–8 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован головой на ССВ ($A=23^\circ$). В районе черепа погребенного находился керамический сосуд.

Сосуд – горшок высотой 8,2 см. Диаметр устья – 10,5 см, максимального расширения тулова – 12,5 см, днища – 6,8 см. Орнамент на сосуде нанесен зубчатым штампом (рис. 4, 10).

Погребение № 12 (рис. 3, 9) располагалось в северо-западном секторе кургана. Погребение было совершено на уровне погребенной почвы. Видимо, погребенный ребенок (6–7 лет) лежал на левом боку в скорченном положении. Головой был ориентирован на ССВ ($A=23^\circ$). Инвентарь в захоронении отсутствовал, однако в отвале рядом с погребением были собраны 8 мелких фрагментов бронзовой подвески в 1,5 оборота. Подвеска изготовлена из бронзы, ширина – от 5 до 3,4 мм. Толщина бронзовой основы – 0,5 мм.

Погребение № 13 (рис. 3, 13) располагалось в северо-восточном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне погребенной почвы. Глубина ее от уровня фиксации составляла 46 см. Стенки ямы наклонные, дно вогнутое. Погребенный (муж., 50–55 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован головой на ССВ ($A=16^\circ$). Между левым предплечьем и восточной стенкой могилы находился керамический сосуд.

Сосуд – горшок со слабовыраженным ребром. Высота сосуда – 14 см, диаметр устья – 15 см, днища – 8,5 см, максимального расширения – 16,5 см. Орнамент на сосуде нанесен зубчатым штампом (рис. 4 – 11).

Погребение № 14 (рис. 3, 11) располагалось в северо-западном секторе кургана, было совершено на уровне погребенной почвы. Погребенный ребенок (8–9 лет) лежал на левом боку в скорченном положении, был ориентирован на СВ ($A=40^\circ$). Инвентарь в захоронении отсутствовал.

Погребение № 15 (рис. 3, 17) располагалось в северо-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне материка. Глубина ее от уровня фиксации составляла 37 см. Стенки ямы слегка наклонные, дно плоское. Погребенный (муж., 35–40 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован головой на ССВ ($A=10^\circ$). В районе таза и ног погребенного как на дне могилы, так и выше его, в беспорядке находились кости младенца (позвонки, ребра, плечо, лопатка). У левого локтя находился керамический сосуд.

У горшковидного сосуда частично восстановлена верхняя часть. Днище сохранилось во фрагментах. Диаметр устья 12,5 см, максимального расширения тулова – 14,5 см. Орнамент на сосуде нанесен гладким штампом (рис. 4, 12).

Погребение № 16 (рис. 3, 15) располагалось в юго-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне материка. Глубина ее от уровня фиксации составляла 22 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Погребенный ребенок (8–9 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован на ССВ ($A=17^\circ$). Между предплечьями и восточной стенкой могилы находились два керамических сосуда.

Сосуд 1 – баночной формы, восстановлен частично, днище не сохранилось. Диаметр максимального расширения – 15 см, устья – 14 см. Орнамент на сосуде нанесен гладким штампом (рис. 4, 13).

Сосуд 2 – неорнаментированный горшок. Высота сосуда – 16,5 см, диаметр устья – 17 см, максимального расширения – 18 см, днища – 10 см (рис. 4, 14).

Погребение № 17 (рис. 3, 16) располагалось в юго-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне погребенной почвы. Глубина ее от уровня фиксации составляла 25 см. Стенки ямы отвесные, дно слегка вогнутое. В могиле находились два детских костяка. Оба погребенных захоронены скорченно на левом боку. Ориентировка обоих костяков головой на СЗ. Костяк 1 (ок. 5 лет): $A=333^\circ$. Костяк 2 (ок. 9 лет): $A=329^\circ$. Между черепами погребенных и северо-западной стенкой могилы находились фрагменты четырех керамических сосудов.

Сосуд 1 – представлен неорнаментированными фрагментами днища с придонной частью и одним фрагментом венчика. Толщина венчика 0,6–0,5 см. С внешней стороны днища сформирован направленный вертикально уступ (напоминает поддон) (рис. 4, 15).

Сосуд 2 – неорнаментированная банка. Высота сосуда – 7,5 см, диаметр устья – 9,6 см, днища – 8,2 см. Придонная часть имеет закраину (рис. 4, 16).

Сосуд 3 – неорнаментированная банка. Высота сосуда – 8,3 см, диаметр устья – около 11 см (рис. 4, 17).

Сосуд 4 – представлен частью днища с придонной частью и неорнаментированным фрагментом верхней части (рис. 4, 18).

Погребение № 18 (рис. 3, 18) располагалось в центральной части кургана. Могильная яма была выявлена на уровне материка. Большая часть могилы уничтожена траншеей «новой» трубы нефтепровода. Глубина ее от уровня фиксации составляла 6 см. Стенки ямы, видимо, были отвесными, дно – плоским. Поза погребенного (зрелый мужчина?) и его ориентировка достоверно не устанавливаются. Инвентарь в сохранившейся части могилы отсутствовал.

Вероятно, из данного погребения происходят фрагменты сосуда, обнаруженного в переотложенном слое траншеи нефтепровода. Сосуд представлен фрагментами неорнаментированной стенки и днища с придонной частью (рис. 4, 19).

Погребение № 19 (рис. 3, 19) располагалось в северо-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне материка. Глубина ее от уровня фиксации составляла 26 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Погребенный (муж., 30–40 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован головой на ССЗ ($A=349^\circ$). Между кистями рук и восточной стенкой могилы находился керамический сосуд.

Сосуд – неорнаментированный горшок, высотой 11,5 см. Диаметр устья – 12,5 см, максимального расширения тулова – 13,5 см, днища – 9 см (рис. 4, 20).

Погребение № 20 (рис. 3, 20) располагалось в северо-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне материка. Глубина ее от уровня фиксации составляла 31 см. Стенки ямы слегка наклонные, дно плоское. Погребенный (муж., 25–30 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован головой на ВСВ ($A=81^\circ$). Инвентарь в захоронении отсутствовал.

Погребение № 21 (рис. 3, 21) располагалось в центральной части кургана. Погребение было совершено в погребенной почве. Погребенный ребенок (ок. 6 лет) лежал на левом боку в скорченном положении, был ориентирован на ССЗ ($A=345^\circ$). Захоронение содержало два керамических сосуда (№№ 1 и 2). Два других сосуда (№№ 3 и 4) располагались к ЗЮЗ от погребенного, между ним и погребением № 22. Они также находились в слое погребенной почвы.

Сосуд 1 – неорнаментированный горшок. Диаметр устья – около 13,5 см, максимального расширения тулова – около 14,5 см, днища – 8 см (рис. 4, 21).

Сосуд 2 – горшок высотой 14 см. Диаметр устья – 14,5–15 см, максимального расширения – 15–16 см, днища – 9 см. Ниже венчика нанесены горизонтальные ряды оттисков гладкого штампа (рис. 4, 22).

Сосуд 3 – восстановлена верхняя часть горшковидного сосуда. Диаметр устья – 11 см, максимального расширения – 12 см. Орнамент на сосуде нанесен гладким штампом (рис. 4, 23).

Сосуд 4 – неорнаментированная банка. Высота – 8,5 см, диаметр устья 11,5 см, днища – 7,5 см (рис. 5, 1).

Погребение № 22 (рис. 3, 22) располагалось в юго-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне материка. Глубина ее от уровня фиксации составляла 39 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Погребенная (жен., 17–20 лет) захоронена скорченно на левом боку, была ориентирована головой на ССВ ($A=31^\circ$). Погребение содержало фрагменты четырех керамических сосудов.

Сосуд 1 – неорнаментированный горшок с вытянутым туловом высотой 19,5 см. Диаметр устья – 16,5 см, максимального расширения тулова – 19 см, днища – 11 см (рис. 5, 2).

Сосуд 2 – банка высотой 13 см. Диаметр устья – 13 см, максимального расширения тулова – 14–14,5 см, днища – 9 см. Орнамент на сосуде нанесен зубчатым штампом (рис. 5, 3).

Сосуд 3 – фрагмент орнаментированной придонной части сосуда. Орнамент на сосуде нанесен гладким штампом (рис. 5, 4).

Сосуд 4 – фрагмент венчика неорнаментированного слабопрофилированного сосуда. Судя по слою нагара, возможно, данный фрагмент представляет собой своеобразную «жаровню» (рис. 5, 5).

Погребение № 23 располагалось в юго-западном секторе кургана. Детское захоронение было совершено в насыпи кургана. Поза погребенного и его ориентировка не устанавливаются, инвентарь не зафиксирован.

Погребение № 24 (рис. 3, 23) располагалось в юго-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена в погребенной почве. Глубина ее от уровня фиксации составляла 12 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Погребенная (жен., 35–45 лет) захоронена скорченно на левом боку с завалом на спину, была ориентирована головой на СВ ($A=69^\circ$). Инвентарь представлен двумя неорнаментированными фрагментами (придонной части и днища) керамического сосуда.

Погребение № 25 (рис. 3, 24) располагалось в юго-западном секторе кургана. Детское погребение было совершено на уровне материка. Видимо, погребенный (9–15 мес.) лежал на левом боку в скорченном положении, был ориентирован на СВ ($A\sim 55^\circ$). Инвентарь в захоронении отсутствовал.

Погребение № 26 (рис. 3, 25) располагалось в юго-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне материка. Глубина ее от уровня фиксации составляла 15 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Погребенный ребенок (5–6 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован головой на СВ ($A=77^\circ$).

Вблизи лицевой части черепа находился неорнаментированный сосуд баночной формы, у которого частично восстановлены верхняя часть, и отдельно – днище с придонной частью. Диаметр устья – 12 см, днища – 7 см (рис. 5, 6).

Погребение № 27 (рис. 3, 26) располагалось в юго-западном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне материка. Глубина ее от уровня фиксации составляла 29 см. Стенки ямы слегка наклонные, дно плоское. Погребенный (муж., 25–35 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован головой на ССВ ($A=34^\circ$). Погребение содержало фрагменты трех керамических сосудов.

Сосуд 1 – неорнаментированная банка. Диаметр устья – 11–12 см, днища – 8,5 см (рис. 5, 7).

Сосуд 2 – фрагменты нижней части сосуда. Диаметр максимального расширения тулова – около 11 см, днища – 7 см. На линии максимального расширения тулова было сформировано внешнее ребро, но затем было немало заглажено. Орнамент на сосуде нанесен зубчатым штампом (рис. 5, 8).

Сосуд 3 – неорнаментированный горшок. Высота сосуда 16,5 см, диаметр устья – 18 см, максимального расширения – 18,7 см, днища – 9 см. (рис. 5, 9)

Насыпь **кургана № 3** (рис. 6, 1) была уничтожена траншеями нефтепровода полностью, профили ее зафиксировать не удалось. Во время снятия насыпи была сделана одна находка – развалы двух сосудов, вероятно, происходящих из разрушенного погребения.

Сосуд 1 – неорнаментированный горшок. Высота – 7 см, диаметр устья – 9,3 см, максимального расширения тулова – 10,3 см, днища – 6,5 см (рис. 6, 4).

Сосуд 2 – остросереберный горшок. Высота – около 9 см, диаметр устья – 10 см. Орнамент на сосуде нанесен зубчатым штампом (рис. 3, 5).

На площадке кургана № 3 было обнаружено 2 погребения.

Погребение № 1 (рис. 6, 2) располагалось к западу от приблизительно установленного по материалам съемки 2004 г. центра кургана. Могильная яма была выявлена на уровне материка. Глубина ее от уровня фиксации составляла 11 см. Стенки ямы, видимо были отвесными, дно плоское. Погребенный (муж., 30–40 лет) захоронен скорченно на левом боку с небольшим разворотом на спину, был ориентирован головой на ССВ ($A=13^\circ$). У черепа находился керамический сосуд.

Сосуд сильно фрагментирован. Удалось восстановить три относительно крупных фрагмента верхней части с орнаментом, нанесенным зубчатым штампом (рис. 6, 6).

Погребение № 2 (рис. 6, 3) к северу от приблизительно установленного по материалам съемки 2004 г. центра кургана. Могильная яма, частично срезанная траншеей трубы нефтепровода, была выявлена на уровне материка. Глубина от уровня фиксации составляла 12 см. Стенки ямы, видимо, были отвесными, дно плоское. Погребенный (муж., 30–40 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован на ССВ ($A=31^\circ$). В погребении находился керамический сосуд, вблизи правого предплечья человека лежали кости животного.

Сосуд из погребения – остросереберный горшок с поддоном. Высота сосуда 11 см, диаметр устья – 16,5 см, максимального расширения – 17,8 см, днища – 8 см. Орнамент на сосуде нанесен зубчатым штампом (рис. 6, 7).

Насыпь кургана № 4 (рис. 7) разрушению нефтепроводом не подверглась. Судя по профилям, в древности она имела овальную, близкую к фасолевидной форму. Размеры насыпи в поперечнике составляли 16,5 м по оси С–Ю и 22,5 м по оси В–З, высота – 55–65 см. В насыпи были сделаны две находки: X1 – кость крупного (вероятно – копытного) животного в центральной части кургана; X2 – крупный камень вблизи погребения № 3. Под насыпью было обнаружено 13 погребений, располагавшихся в южной и центральной частях кургана тремя рядами. Первый, ближайший к центру кургана, составляли погребения №№ 6 и 10; второй – погребения №№ 1, 4, 5, 11, третий, вдоль юго-восточной полы кургана – погребения №№ 2, 3, 7, 8, 12, 13.

Погребение № 1 (рис. 8, 1) располагалось в юго-западном секторе кургана. Погребение подростка было совершено в погребенной почве. Погребенный подросток (11–12 лет) лежал на левом боку в скорченном положении, был ориентирован на ССВ ($A=13^\circ$). Перед погребенным стояли два керамических сосуда.

Сосуд 1 – неорнаментированная банка высотой 11 см. Диаметр устья – около 15 см, максимального расширения тулова – 16 см, днища – 8,7 см (рис. 8, 13).

Сосуд 2 представлен разрозненными фрагментами венчика, днища и стенок. На внешней поверхности венчика частично сохранился орнамент в виде наклонных вправо оттисков гладкого штампа (рис. 8, 14).

Сосуд 3 представлен неорнаментированными фрагментами венчика и стенки (рис. 8, 15).

Погребение № 2 (рис. 8, 2) располагалось в южной части кургана. Погребение было совершено в насыпи кургана на уровне погребенной почвы. Погребенный ребенок (2-3 года) лежал на левом боку в скорченном положении, был ориентирован на В ($A=97^\circ$). Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 3 (рис. 8, 3) располагалось в насыпи в южной части кургана. Поза погребенного младенца (0-1 мес.) неясна, ориентировка, предположительно, СЗ. Около черепа стоял керамический сосуд. В погребении также обнаружен фрагмент зуба взрослой особи лошади.

Сосуд из погребения – горшок высотой 8,5 см. Диаметр устья 11 см, максимального расширения – 12 см, днища 7 см. Орнамент на сосуде нанесен зубчатым штампом (рис. 8, 16).

Погребение № 4 (рис. 8, 4) располагалось в юго-западном секторе кургана на уровне материка. Погребенный (муж., 20-22 года) лежал в скорченном на левом боку положении с завалом на грудь, был ориентирован на ССВ ($A=16^\circ$). Около правого локтя стояли два керамических сосуда.

Сосуд 1 – неорнаментированная банка высотой 8 см. Диаметр устья – около 10-11 см, днища – 9 см (рис. 8, 17).

У сосуда 2 реконструирована верхняя часть. Диаметр устья – 13,5 см, максимального расширения тулова – 14,5 см. Венчик орнаментирован зубчатым штампом (рис. 8, 18).

Погребение № 5 (рис. 8, 5) располагалось в юго-восточном секторе кургана на уровне материка. Погребенный подросток (11-12 лет) лежал в скорченном на левом боку положении, был ориентирован на СВ ($A=41^\circ$). Около рук погребенного стояли два керамических сосуда. На костях правого предплечья, напротив лицевой части черепа лежала кость животного (бабка).

Сосуд 1 представлен разрозненными неорнаментированными фрагментами. Диаметр днища 6,5-7 см (рис. 8, 19).

Сосуд 2 – неорнаментированная банка высотой 7,5 см. Диаметр устья – около 9,5 см, днища – 7,5 см (рис. 8, 20).

Погребение № 6 (рис. 8, 6) располагалось в восточной части кургана. Могильная яма была выявлена на уровне материка. Глубина ее от уровня фиксации составляла 9 см. Стенки ямы, видимо, были отвесными, дно плоское. Погребенный (муж., 35-40 лет) захоронен скорченно на левом боку, был ориентирован головой на ССЗ ($A=338^\circ$). У предплечий находились несколько неорнаментированных фрагментов венчика керамического сосуда (рис. 8 21).

Погребение № 7 (рис. 8, 7) располагалось в юго-восточном секторе кургана. Погребение было совершено на уровне материка. Погребенный ребенок (3-4 года) лежал на левом боку в скорченном положении, был ориентирован на СВ ($A=47^\circ$). Около костей предплечий находились фрагменты двух керамических сосудов.

Сосуд 1 – чашевидной формы высотой 7 см. Диаметры устья и днища – соответственно 9 см и 6 см. Орнамент на сосуде нанесен орудием, обмотанным шерстяным шнуром (рис. 8, 22).

Сосуд 2 представлен разрозненными фрагментами стенки и днища. Диаметр днища около 6,5 см. На внешней поверхности придонной части расположены два оттиска гладкого штампа линзовидной формы.

Погребение № 8 (рис. 8, 8) располагалось в юго-восточном секторе кургана. Погребение было совершено на уровне материка. Судя по положению костей ног, погребенная (жен., 25–30 лет) лежала на левом боку в скорченном положении, была ориентирована на СВ ($A \sim 45^\circ$). Около ног стоял керамический сосуд. На бедренных костях и к северу от них находились две фаланги лошади и две фаланги крупного рогатого скота (всего 4 взрослых особи).

Сосуд из погребения – горшок. Диаметр устья 13,5 см, максимального расширения тулова – 14,5 см, днища – 9 см. Орнамент на сосуде нанесен гладким штампом (рис. 8, 23).

Погребение № 9 располагалось в юго-восточном секторе кургана в погребенной почве. Захоронение ребенка (ок. 1 года) было снесено бульдозером. Поза погребенного и ориентировка не определяются. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 10 (рис. 8, 9) располагалось в западной части кургана. Могильная яма была выявлена на уровне материка. Глубина ее от уровня фиксации составляла 20 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Погребенный (муж., 35–45 лет) захоронен скорченно на левом боку с небольшим разворотом на спину, был ориентирован головой на СВ ($A=31^\circ$). Возможно, под головой находилась органическая подушка. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 11 (рис. 8, 10) располагалось в юго-восточном секторе кургана. Могильная яма была выявлена на уровне погребенной почвы. Глубина ее от уровня фиксации составляла 19 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Погребенный (муж., 20–25 лет) захоронен скорченно на спине с небольшим разворотом на левый бок, был ориентирован головой на ССВ ($A=10^\circ$). К востоку от черепа находилась бронзовая скоба. К востоку от левой плечевой кости – керамический сосуд.

Скоба из погребения – прямоугольной формы, имеет размеры 36,6 на 25,6 мм. Изготовлена из прямоугольного в сечении (5 x 2,5 мм) бронзового прутка. К концам прутка размеры его сечения уменьшаются до 3,3 x 1,7 мм. Концы прутка перекрещиваются (рис. 8, 26).

Сосуд из погребения – неорнаментированный горшок высотой 10,5 см. Диаметр устья – 9,5 см, максимального расширения – 11 см, днища – 7 см (рис. 8, 24).

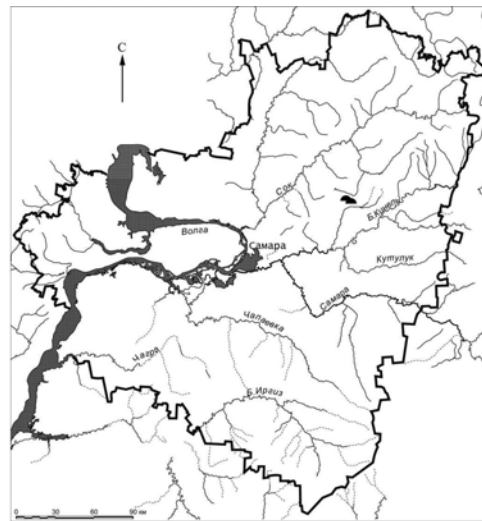
Погребение № 12 (рис. 8, 11) располагалось в юго-восточном секторе кургана. Сохранились лишь берцовые кости ног и стоп подростка (13–15 лет). Возможно погребенный был ориентирован головой на ССЗ. Погребальный инвентарь отсутствовал. Вероятно к данному погребению относятся найденные в отвале фрагменты сосуда.

Частично восстановлены тулово этого сосуда и придонная часть с дном. Диаметр днища 8,5–8,8 см. Орнамент на сосуде нанесен зубчатым штампом (рис. 8, 25).

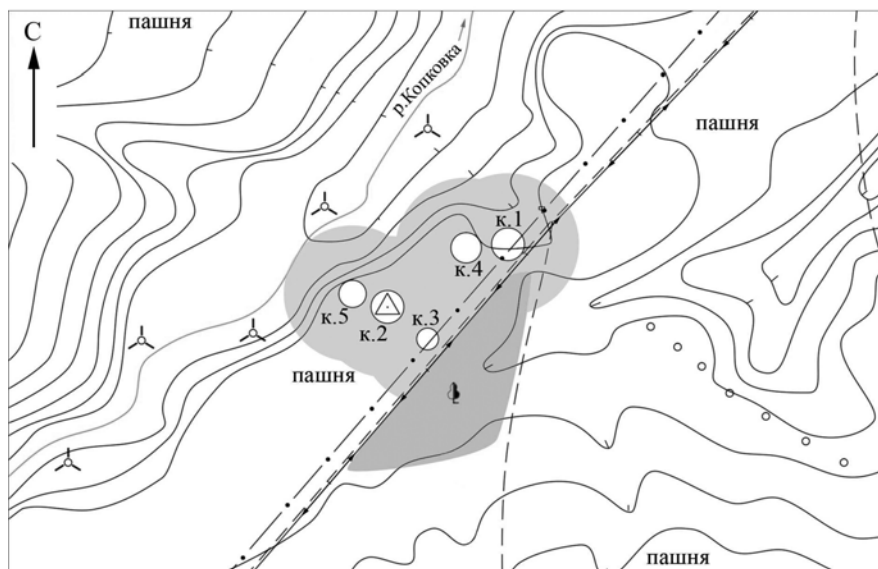
Погребение № 13 (рис. 8, 12) располагалось в юго-восточном секторе кургана. Погребение было совершено в погребенной почве. Погребенный ребе-

нок (3–4 года) лежал на левом боку в скорченном положении, был ориентирован головой на ССВ ($A=31^\circ$). Погребальный инвентарь отсутствовал.

Предварительный анализ материалов, полученных в ходе проведения археологических раскопок курганного могильника Богородское-I, позволяет предположительно отнести исследованные курганы к раннему этапу срубной археологической культуры.

Курганный могильник Богородское I 1

0 50 100 150 200 м
сечение горизонталей через 2,5 м
охранная зона памятника 2

Рис.1. Курганный могильник Богородское-I.
1 - местоположение памятника. 2 - план памятника.

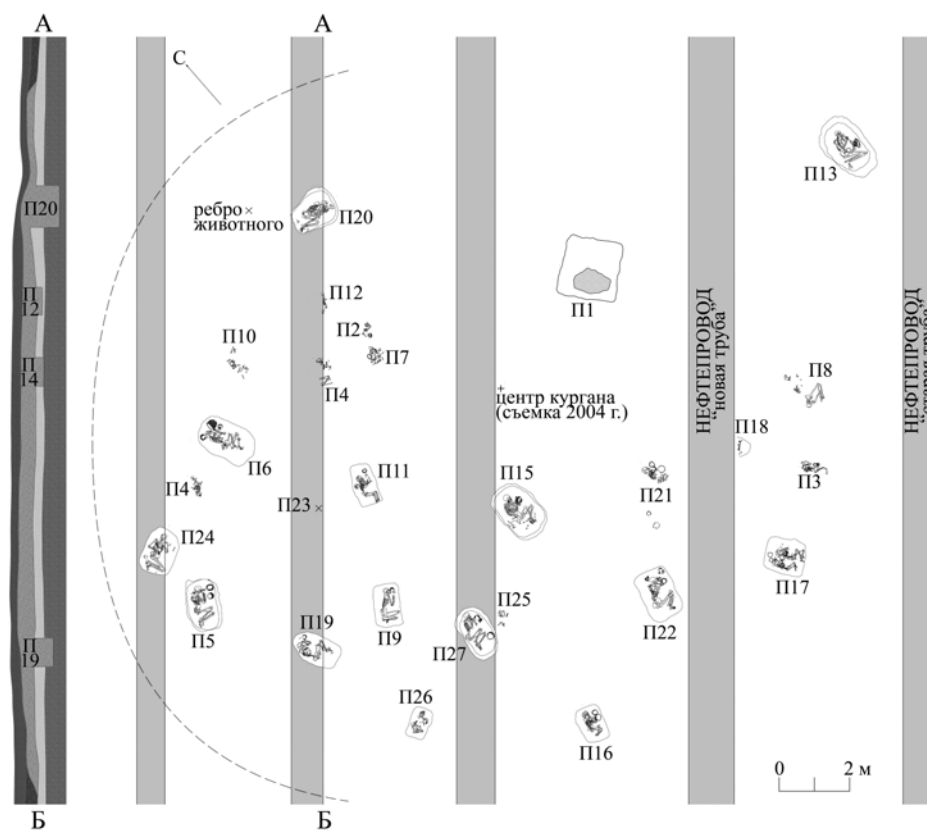

Рис. 2. Курганный могильник Богородское-I. Курган № 1

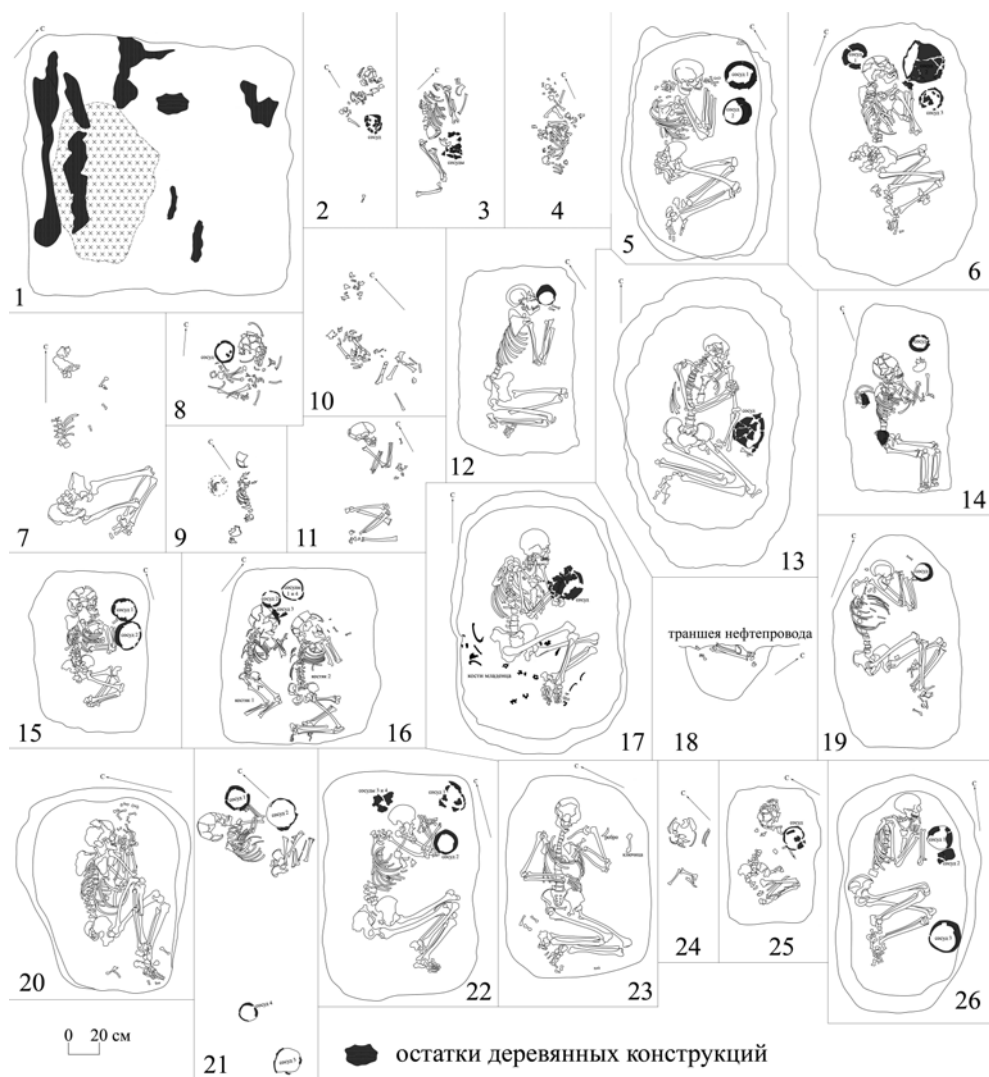

Рис. 3. Курганный могильник Богородское-I. Погребения кургана № 1.
 1 - № 1, 2 - № 2, 3 - № 3, 4 - № 4, 5 - № 5, 6 - № 6, 7 - № 8, 8 - № 6, 9 - № 12, 10 - № 10, 11 - № 14,
 12 - № 9, 13 - № 13, 14 - № 11, 15 - № 16, 16 - № 17, 17 - № 15, 18 - № 18, 19 - № 19, 20 - № 20,
 21 - № 21, 22 - № 22, 23 - № 24, 24 - № 25, 25 - № 26, 26 - № 27

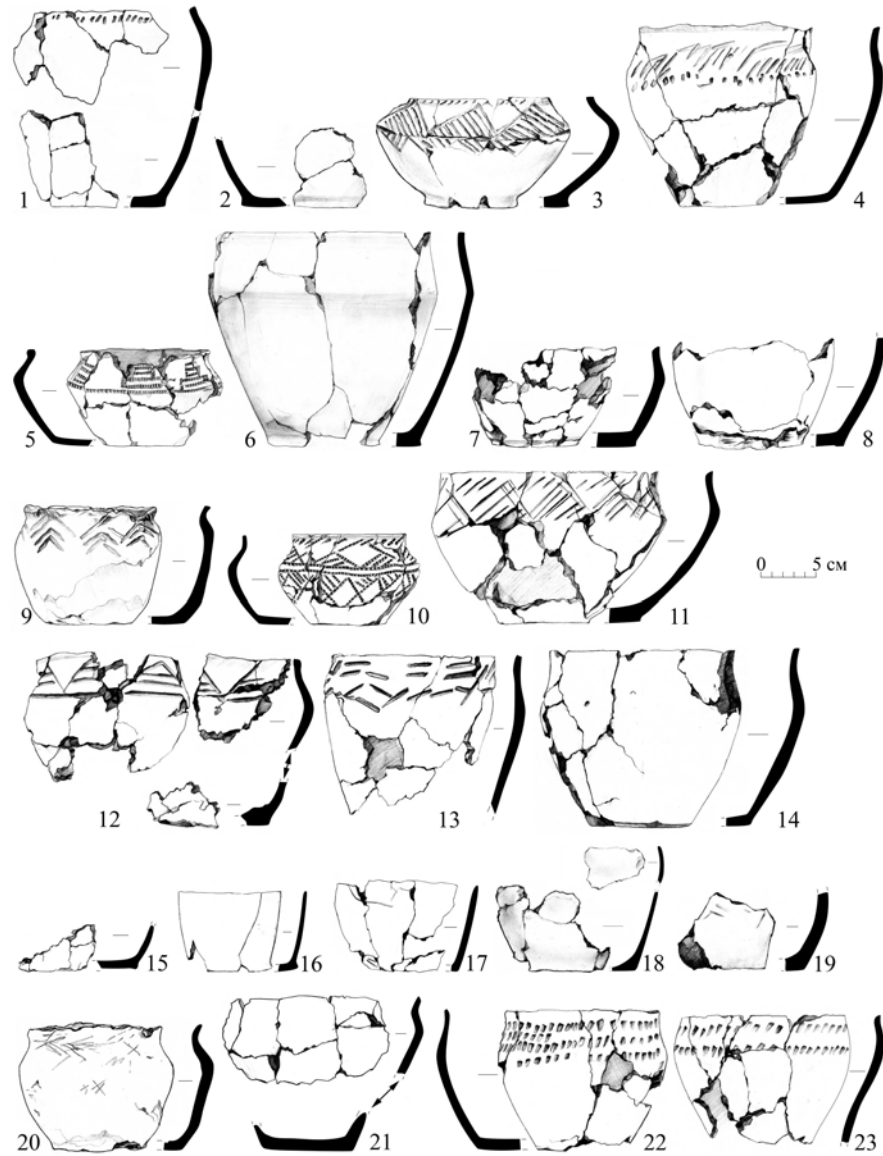

Рис. 4. Курганный могильник Богородское-I. Курган № 1. Инвентарь погребений.
 1 - п. 3, сосуд 1; 2 - п. 3, сосуд 2; 3 - п. 5, сосуд 1; 4 - п. 5, сосуд 2; 5 - п. 6, сосуд 1; 6 - п. 6, сосуд 2;
 7 - п. 6, сосуд 3; 8 - п. 7; 9 - п. 9; 10 - п. 11; 11 - п. 13; 12 - п. 15; 13 - п. 16, сосуд 1; 14 - п. 16, сосуд 2;
 15 - п. 17, сосуд 1; 16 - п. 17, сосуд 2; 17 - п. 17, сосуд 3; 18 - п. 17, сосуд 4; 19 - п. 18; 20 - п. 19;
 21 - п. 21, сосуд 1; 22 - п. 21, сосуд 2; 23 - п. 21, сосуд 3

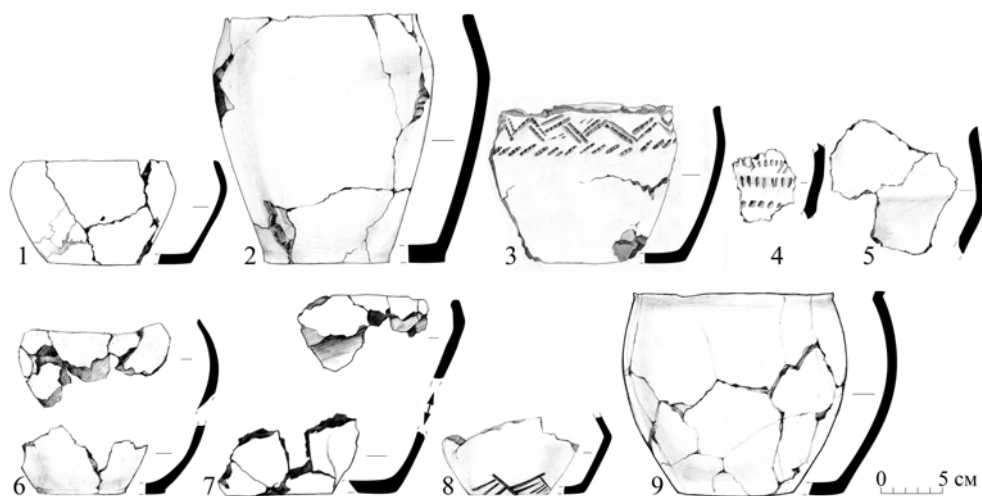

Рис. 5. Курганный могильник Богородское-I. Курган № 1. Инвентарь погребений.
1 - п. 21, сосуд 4; 2 - п. 22, сосуд 1; 3 - п. 22, сосуд 2; 4 - п. 22, сосуд 3; 5 - п. 22, сосуд 4; 6 - п. 26;
7 - п. 27, сосуд 1; 8 - п. 27, сосуд 2; 9 - п. 27, сосуд 3

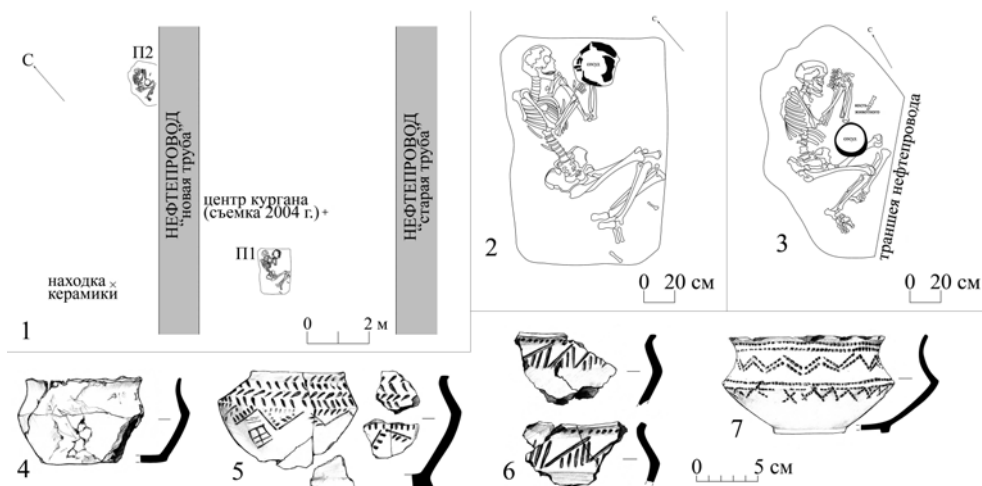

Рис. 6. Курганный могильник Богородское-I. Курган № 3.
1 - план исследованной площадки; 2, 6 - п. 1; 3, 7 - п. 2: 4 - находка сосудов, сосуд 1;
5 - находка сосудов, сосуд 2

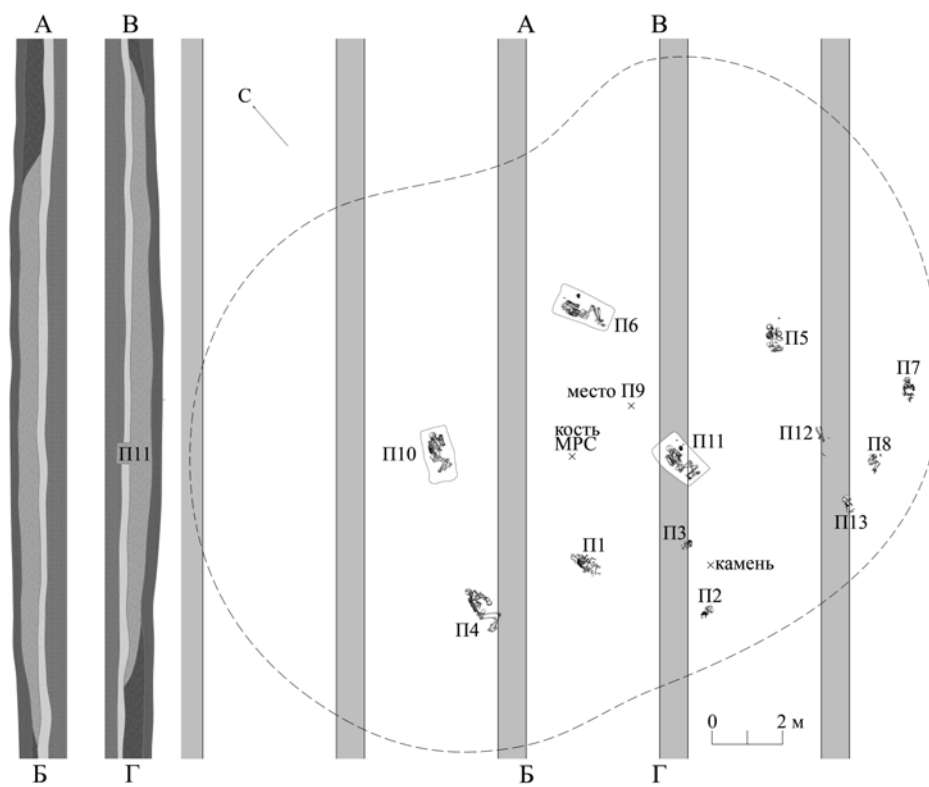

Рис. 7. Курганный могильник Богородское-1. Курган № 4

Рис. 8. Курганный могильник Богородское-I. Погребения кургана № 4.
 1 - п. 1; 2 - п. 2; 3 - п. 3; 4 - п. 4; 5 - п. 5; 6 - п. 6; 7 - п. 7; 8 - п. 8; 9 - п. 10; 10 - п. 11; 11 - п. 12;
 12 - п. 13; 13 - п. 1, сосуд 1; 14 - п. 1, сосуд 2; 15 - п. 1, сосуд 3; 16 - п. 3; 17 - п. 4, сосуд 1;
 18 - п. 4, сосуд 2; 19 - п. 5, сосуд 1; 20 - п. 5, сосуд 2; 21 - п. 6; 22 - п. 7, сосуд 1; 23 - п. 8;
 24, 26 - п. 11; 25 - п. 12

Лопатин В.А.

ПОКРОВСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС
ПОСЕЛЕНИЯ НИЖНЯЯ КРАСАВКА-II
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2007–2009 ГОДОВ)

В предлагаемой работе представлены материалы покровского культурного типа, полученные раскопками автора в течение трех полевых сезонов 2007–2009 годов на поселении начальной фазы эпохи поздней бронзы Нижняя Красавка-II. Поселение расположено на левом берегу р. Медведицы, в Аткарском районе Саратовской области, на высоком участке берега, ограниченном двумя глубокими древними балками (рис. 1). Подробно о топографии памятника и природно-географических условиях его расположения уже было изложено в первой публикации, где, кроме покровских материалов фигурировали также керамика и предметы срубной культуры, связанные с большой постройкой № 2 [Лопатин, 2008. С. 69–70].

Первые сведения о поселениях и курганах бронзового века в окрестностях Нижней Красавки были получены в 20–30-х годах XX века, когда здесь проводили разведки, сборы и ограниченные раскопки П.С. Рыков, Н.К. Арзютов и И.В. Силицын. П.С. Рыков одним из первых в Саратове начал развивать идеи В.А. Городцова по бронзовому веку Восточной Европы, используя, в частности, материалы Нижнего Поволжья. Поскольку В.А. Городцов был знаком с коллекциями саратовского и покровского музеев, поволжские археологи активно развивали контакты с центрами столицы и даже зарубежными специалистами, проводились совместные консультации, и взгляды на эпоху бронзы Нижнего Поволжья постепенно оформлялись в виде научной концепции. Но поначалу в общей массе полученных материалов специфика колоколовидной керамики с ракушечной примесью не получила специальных комментариев [Малов, 2007. С. 37–38].

В инвентарной книге Саратовского областного музея краеведения под № 1158 записана коллекция керамики, происходящая из раскопок Н.К. Арзютова и Н. Федорова 1928 года на первом Нижнекрасавском селище, расположенном между железнодорожным мостом и селом Нижняя Красавка. Указано, что этот памятник удален от станции Красавка на 1,5–2 км. Здесь же в 1929 г. Н.К. Арзютов собрал в осыпи берега фрагменты лепной посуды, кости животных и обнаружил двулезвийный нож с коротким черешком, кото-

рый, по определению Е.Н. Черныха, изготовлен из меди группы ВК и относится к срубному типу с перекрестьем, перехватом и продольным ребром на клинке [Малов, 2007. С. 50–51; Черных, 1970. С. 62–66, рис. 57, 18, 129, табл. I, шифр № 1776].

Весьма сомнительными представляются сведения о постройке земляночного типа с южным ступенчатым входом, якобы раскопанной на этом поселении. Ее размеры (3,6 x 2,65 м) явно не соответствуют традиционным типам жилищ бронзового века, которые известны в материалах Нижнего Поволжья и были несравнимо более крупными. Тем не менее, эти факты обсуждались в литературе [Круглов, Подгаецкий, 1935. С. 117–119] при сравнении нижнекрасавского строения с землянкой из Ершовки (такой же миниатюрной), раскопанной И.В. Сеницыным на Кольшлее [Сеницын, 1932. С. 17–29]. В 1936 г. Н.К. Арзютов даже составил реконструкцию древнего поселка близ Аткарска, отметив, что таких землянок здесь могло быть «не менее 10», а вся территория была окружена плетнем [Арзютов, 1936. С. 37, 43]. Дальнейшие исследования поселений бронзового века в Нижнем Поволжье не подтвердили подобные предположения по поводу сельской топографии. На всех известных памятниках (Максютово, Успенка, Быково, Преображенка, Смеловка-I и др.) выявлена типично хуторская застройка, соответствующая такому типу социума, как большесемейная община, с двумя-тремя котлованами больших полуземляночных сооружений [Лопатин, 2002. С. 90]. Такие же крупные, почти до 200 кв.м. площадью, сооружения строились и на Нижнекрасавском поселении.

В 1945 г. поселение Нижняя Красавка-I посетил И.В. Сеницын и собрал подъемный материал на разрушающихся участках берега, а в 1966 г. здесь побывал Ю.В. Деревягин, который неожиданно указал для памятника совершенно иные координаты (1 км к СВ от с. Нижняя Красавка и 3–4 км к югу от ж/д станции) [Малов, 2007. С. 51].

Возможно, частые посещения разрушающегося памятника у Нижней Красавки разными исследователями, разноречивые привязки поселения на местности, которые указываются в отрывочных сведениях, создали некоторую путаницу в идентификации многочисленных коллекций. Н.М. Малов различает два объекта, расположенные между селом и станцией с похожими названиями, – Нижняя Красавка-I и II. Второе поселение, по его данным, находится ближе к деревне, всего в 0,4 км. Это действительно так, если считать сельской околищей разросшийся дачный массив. Оно отмечено также Ю.В. Деревягиным, который развернул в 60-х гг. активный поиск новых памятников археологии в бассейне Медведицы и составил инструкции и карты древних памятников, адресованные в помощь кружкам юных краеведов [Деревягин, 1976. С. 128].

Открытие поселений бронзового века у Нижней Красавки не осталось незамеченным. По материалам, хранящимся в СОМК, а также разведок и сборов шестидесятых годов, нижнекрасавские комплексы были отнесены воронежским исследователем А.Д. Пряхиным к кругу памятников доново-волжской абашевской культуры [Пряхин, 1971. С. 103]. Для позднего этапа ее развития автор указывал реальные изменения, которые произошли в результате контакта абашевцев с ранними срубниками и выражались в формирова-

нии групп синкретичных (абашевско-срубных) памятников [Пряхин, 1976. С. 105, 119]. Смешанный характер керамической коллекции из Нижней Красавки позже был отмечен Н.М. Маловым, который выделил ее в группу памятников срубно-абашевского типа [Малов, 1986. С. 30].

Далее, по мере развития концепции культурной трансформации на рубеже средней и поздней бронзы и постоянной активизации исследовательского интереса к данной проблематике, особенно с постановкой проблемы формирования и развития Волго-Уральского очага культуригенеза [Бочкарев, 1991. С. 24–27; он же, 2010. С. 52–53], все большее число специалистов склоняется к мнению об особом характере срубно-абашевских комплексов, которые Н.М. Малов объединил в рамках покровской культуры [Малов, 1991. С. 50–53]. В данном контексте рассматриваются теперь и материалы поселения Нижняя Красавка-II, относимые к позднепокровскому периоду и началу развития срубной археологической культуры [Малов, 2007].

Известно, что в 1973 году доцент Саратовского государственного университета В.А. Фисенко проводил на поселении Нижняя Красавка-II раскопки методом закладки разнонаправленных траншей, в результате чего было вскрыто более 120 кв. м. Следы этих раскопок до сих пор заметны на внешней поверхности в виде длинных заплывших углублений шириной от 2 до 6 м и задернованных отвалов (рис. 1). Тяжелая болезнь В.А. Фисенко и его скоропостижная кончина тогда не позволили обработать и опубликовать материалы раскопок 1973 года. К сожалению, не известна судьба этих коллекций, не был составлен научный отчет, утрачена полевая документация. Вышедшая недавно в свет заметка В.И. Мельника, который был участником экспедиции В.А. Фисенко, вносит некоторую ясность в топографию памятников эпохи бронзы, расположенных близ Нижней Красавки, в порядок исследований и характер материалов, полученных раскопками того сезона. По своим студенческим записям и зарисовкам автор представил серию поселенческих и погребальных объектов, которые компактным скоплением сосредоточены между селом и железнодорожной станцией, а также подборку образцов керамики, где присутствуют покровские, срубные и бондарихинские экземпляры [Мельник, 2008. С. 234–244].

В апреле 1998 г. Д.А. Хоркин, методист Областного центра дополнительного образования, в присутствии автора данной статьи, вновь обследовал второе Нижнекрасавское поселение, отметил признаки разрушения памятника и собрал подъемный материал на осыпях северо-западной части террасы (более сотни фрагментов лепной керамики и кости животных). Тогда же, в обресе берега была зафиксирована «линза» заполнения котлована почти полностью разрушенной полуземляночной постройки.

В следующем 1999 году на этом месте был заложен небольшой раскоп площадью 30 кв. м. (рис. 2), выявлен невысокий борт земляночного котлована и пристенный участок постройки № 1. Сохранившаяся часть жилища была полностью исследована. Здесь не было ям от столбовых опор или углублений хозяйственного назначения, но в культурном слое и на дне котлована обнаружено большое количество керамики и костей животных, которые отмечены как длинное скопление у борта постройки, ориентированного параллельно обрыву берега с юго-запада на северо-восток. Фрагментированный керамиче-

ский комплекс представлял примерно 70 сосудов. Автором раскопок была составлена его подробная характеристика: отмечены технологические особенности (примеси толченой раковины, песка, шамота, дресвы, растительной органики), формы сосудов, где преобладали слабoproфилированные (60%) и баночные (40%), а колоколовидные покровские и срубные острореберные представлены единичными экземплярами, описаны традиционные для срубной культуры орнаменты (зубчатые и прочерченные зигзаги, кресты, линии, различные насечки и вдавления), подчеркнут костровой, восстановительный тип обжига [Сергеева, Хоркин, 2001. С. 90–92]. Глазомерный план памятника, составленный Д.А. Хоркиным в 1998 году, не совсем точен, но исследователь верно определил наличие здесь еще, как минимум, двух построек, что обусловило дальнейший интерес к продолжению раскопок.

С 2007 года исследования на поселении Нижняя Красавка-II ведутся каждый полевой сезон, а сведения о раскопках поступают в печать [Лопатин, 2008; он же, 2009a]. За три года раскопок вскрыто 942 кв. м. площади культурного слоя, полностью исследована большая полуземляночная постройка № 2, а также, в прошлом сезоне 2009 года, один из курганов расположенного неподалеку некрополя. В юго-западной части раскопа выявлена локальная концентрация покровского культурного слоя, перекрытого более поздними отложениями срубной культуры. По данным вертикальной стратиграфии это литологическая линза рыхлого грунта серого цвета, насыщенного золистыми фракциями. По направлению к южной балке, у самого ее края, толщина покровского слоя увеличивается до 1 м, а к северо-востоку он, напротив, полностью выклинивается уже через 8 м. Далее, по направлению к срубной постройке, наблюдается рассеянная дисперсия покровского материала, где он в микшированном состоянии залегает совместно с фрагментами срубных, бондарихинских и золотоордынских сосудов (рис. 2).

Только в юго-восточной части раскопа 2007 года были зафиксированы два наружных очага с каменными выкладками [Лопатин, 2008. С. 79], в одном из которых был обнаружен развал покровского сосуда (рис. 4, 7). Данная ситуация позволила определить локальное соотношение покровского и срубного культурно-хронологических горизонтов на этом участке памятника, было установлено, что позднепокровский горизонт перекрыт раннесрубным слем. Такое же соотношение подтверждается наблюдениями 2009 года на юго-западном участке, где, кроме того, отмечено детское срубное погребение с двумя сосудами, прорезавшее покровский пласт на склоне южной балки [Лопатин, 2010. Л. 51–52].

Покровский комплекс на поселении Нижняя Красавка-II отчетливо диагностируется керамикой колоколовидных форм (рис. 3–6; 7, 1, 4, 5, 7, 8). По примеси толченой раковины, или принадлежности к чистому покровскому слою, к нему же относятся некоторые баночные сосуды и фрагменты днищ (рис. 3, 9; 7, 2, 3, 6, 9, 11). Среди идентифицированных в культурном отношении керамических форм эпохи бронзы покровские сосуды составляют здесь около 20%, из них более половины орнаментированы. Арсенал технических элементов декора невелик, это оттиски зубчатого штампа, овальные, кашлевидные и клиновидные насечки, прочерченные линии. Композиционные решения декора в основном просты: горизонтальные ряды и линии, криво-

линейные сюжеты. Наиболее сложны орнаменты миниатюрной ритуальной посуды (рис. 6, 5, 6, 8, 9, 11), где сочетаются горизонтальные линии и зигзаги, есть «решетка», а также некоторых крупных форм, украшенных вертикальной «елочкой» (рис. 3, 11, 12).

В первой публикации Красавки, где также были представлены покровские материалы, отмечалось, что они наиболее близки и вероятно синхронны керамике поселений «Вишневое» и «Вихляный Овраг» [Дремов, 1992. С. 74–86; Лопатин, 2002. С. 117, рис. 14, 1–23], которые Н.М. Малов определяет как позднепокровские, отражающие процессы начавшейся трансформации покровской культуры и вызревания элементов срубного комплекса [Малов, 2007. С. 67].

Скорее всего, конечная динамика «покровска» в Красавке, действительно, стыкуется с начальной фазой срубной культуры, что заметно по нивелировке абашевских признаков в керамике. Но первые раскопки затронули участок рассеянной дисперсии покровских артефактов, и сами находки были здесь немногочисленны. Во втором сезоне 2008 года их было еще меньше, поскольку исследования шли в основном в пределах котлована срубной постройки. Работы 2009 года выявили покровско-срубную стратиграфию и дали наибольшее количество керамики покровского типа. Представляется, что первоначально покровский слой формировался именно в юго-западной части памятника, у склона балки, где его мощность достигает метровой толщины. Теперь можно предпринять предварительную систематизацию керамики и попытаться выявить наиболее ранние экземпляры сосудов, а также проследить сам процесс нивелировки и деформации покровских форм в направлении срубных показателей.

Группа наиболее ранних сосудов покровского типа (рис. 3) отражает сложности генетического характера. В генезисе «покровска» особенно выражен исходный абашевский компонент. В данном контексте в коллекции Красавки наиболее заметны экземпляры с высокими, сильно отогнутыми желобчатými или утолщенными венчиками, резко выделяющимся внутренним ребром и глубокими горизонтальными расчесами, покрывающими иногда как внешнюю поверхность всего тулова, так и внутреннюю, на венчике (рис. 3, 2–4, 6, 7, 14–16). Соотношения широтных параметров, где максимальным, как правило, является диаметр устья, вполне вписывается в критерии абашевских признаков, и этот показатель, как представляется, также может быть индикатором раннего «покровска». Некоторые варианты ранней керамики Красавки близки отдельным сосудам второй обрядовой группы Смельовского могильника, где имеются экземпляры с резко выделенным внутренним ребром, желобчатыми венцами и криволинейным орнаментом типов 1.1 и 1.3 [Лопатин, 2010. С. 228, рис. 32].

В ходе формирования покровского керамического комплекса среди элементов формообразования или в декоре на некоторое время возникали признаки культур, которые взаимодействовали или влияли как на исходный абашевский компонент, так и на развивающийся «покровск» в процессе его становления. Здесь наиболее примечателен и узнаваем орнаментальный элемент катакомбной культуры – вертикальная «елочка», выполненная зубчатым штампом (рис. 3, 11, 12). Такие сосуды известны в погребальных памят-

никах покровского типа и всегда рассматриваются в качестве наиболее ранних, например, в заволжской Терновке (4/11, 15 и 5/5), где отмечено такое же разреженное расположение «елочного» декора [Памятники..., 1993. С. 135, табл. 5], а также в могильнике Широкий Карамыш II (4/9 и тризна), где вместе с типичной покровской посудой зафиксированы синкретичные сосуды с «елочной» орнаментацией [Дремов и др., 2005. С. 32, рис. 8, 4; С. 35, рис. 11, 3]. Отчасти ранние позиции такого синкретизма подтверждаются абсолютной датой (XVIII в. до н. э.), полученной для Терновки [Малов, 2003. С. 196]. На одном смеловском сосуде покровского типа (1.2) елочный мотив в единой узкозональной композиции сочетается с элементами, как будто взятыми из арсенала орнаментации вольской керамики [Лопатин, 2010. С. 228, рис. 32].

В свое время, анализируя керамический комплекс Вольского городища «Попово Блюдечко», П.Д. Либеров пытался отнести наиболее ранние сосуды из нижнего слоя к абашевской культуре по таким критериям, как «вазообразный» профиль, внутреннее ребро, геометрический орнамент, ракушечная примесь [Либеров, 1964. С. 150–151]. Уже тогда большинство специалистов и раньше всех А.А. Формозов [Формозов, 1965. С. 95] не приняли аргументации П.Д. Либерова, посчитав ее неубедительной. В ходе осмысления феномена «вольска» первоначальная интерпретация П.Д. Степанова с отнесением памятника к неолитической эпохе [Степанов, 1956. С. 20–21] также подверглась критике, но всеми были отмечены устойчивые энеолитические реминисценции в технологии изготовления и орнаменте этой керамики. Согласно последним разработкам памятники данного типа предложено выделять в особую вольскую культуру и датировать полтавкинско-катакомбным временем [Малов и др., 2009. С. 30]. Подобную датировку предлагал и И.Б. Васильев, который собрал вольские комплексы на широкой территории от Среднего Поволжья до Южного Приуралья и назвал выборку вольско-лбищенской культурной группой [Васильев, 2003].

Памятники вольского (вольско-лбищенского) типа – это особая тема, которая заслуживает пристального внимания, поскольку она затрагивает проблему генезиса «покровска» [Малов, 1992. С. 14; Цимиданов, 2005. С. 75]. Известен уникальный комплекс из кургана рубежа эпох средней и поздней бронзы, исследованный на границе Советского и Энгельсского районов Саратовской области, где в двух синхронных детских захоронениях зафиксированы покровские сосуды с заметными признаками вольского формообразования [Дремов, Семенова, 1999]. Эта специфика проявляется в виде сложного, многочастного профиля. Подобный сосуд есть и в материалах уже упомянутого синкретичного комплекса из Широкого Карамыша [Дремов и др., 2005. С. 28, рис. 4, 4]. Кроме того, реминисценции «вольска» проявляются в узкозональных пышных декорах не только покровской, но и раннесрубной керамики, как правило, реберчатой.

Принципиальная позиция Н.М. Малова, возражающего против «вольско-лбищенской» трактовки этого культурного явления полтавкинско-катакомбного времени и настаивающего на сохранении эпонимной терминологии П.Д. Степанова, вполне объективна по ряду причин, среди которых для нас наиболее важно следующее обстоятельство. Даже поверхностный анализ всей вольско-лбищенской выборки И.Б. Васильева позволяет предпо-

лагать неодновременность этого материала [Васильев, 2003. С. 113–115, рис. 1–3]. Наиболее архаичен комплекс Вольского городища, в котором сохраняется значительное количество признаков энеолитического характера в орнаменте посуды [Малов и др., 2009. С. 35–40, рис. 2–7]. Лбищенская выборка отличается не столь массивными венчиками, формы сосудов здесь более близки образцам финальнокатакомбного и посткатакомбного (бабинского) типа. Коллекция керамики Царева Кургана может быть синхронна лбищенскому материалу, а найденные здесь бронзовые предметы отнесены В.С. Бочкаревым к покровскому типу изделий [Бочкарев, Кузнецов, 2003. С. 60–81; Бочкарев, 2010. С. 96]. Примечательно, что из всей кладовой серии этого памятника автор выделил одно изделие – топор колонтаевского типа, не вписывающийся в критерий «покровска» и возможно связанный с вольско-лбищенским комплексом керамики. Но данное обстоятельство может указывать на стык «вольска» с «покровском», поскольку время жизни такого орудия как топор было весьма продолжительным.

Материалы Алексеевского III могильника, не имеющие керамики и отнесенные к вольско-лбищенскому типу на основании находок металлических украшений, вместе с тем, по обряду погребений практически идентичны посткатакомбным криволукским и бабинским захоронениям. Это еще одна привязка к покровскому времени, поскольку получены устойчивые данные по сосуществованию и взаимодействию криволукской и покровской культурных групп на территории Нижнего Поволжья [Лопатин, 2010. С. 165].

Керамика Екатериновского поселения, отнесенная В.В. Ставицким к вольско-лбищенскому типу, также неоднородна. Здесь присутствуют сосуды, близкие классическому «вольску» [Ставицкий, 2004. С. 25, рис. 3, 1, 2; С. 27, рис. 5, 1]. Это крупные формы со сложными ломаными профилями и пышной узкозональной орнаментацией, такие же элементы характерны для керамики Попова Блюдечка. Но здесь же имеются более поздние экземпляры, аналогичные лбищенским, но, несомненно, демонстрирующие генетическую преемственность с вольской классикой. Пожалуй, следует согласиться с В.В. Ставицким по поводу многокомпонентности в культурогенезе «вольска» и признать отдельные иванобугорские и среднестоговские черты, наблюдаемые автором в керамике Екатериновки.

По-видимому, процесс развития вольского культурного типа был длительным и занимал промежуток времени с конца III тыс. до XVIII–XVII вв. до н. э., стыкуясь с периодом формирования «покровска» и оказывая на него существенное влияние. Но поскольку это так, то контакты «вольска» с «абашево» также были, скорее всего, неизбежны, их взаимодействие представляется как фрагмент многокомпонентного культурогенеза «покровска». Косвенно это может подтверждаться отмеченным И.Б. Васильевым совместным местонахождением вольской керамики и абашевских украшений на доне «Человечья Голова» [Васильев, 2003. С. 110], а также весьма не беспочвенным «заблуждением» П.Д. Либерова, пытавшегося выделить в керамике Попова Блюдечка абашевские сосуды. Симбиоз вольской и абашевской культур на определенном этапе мог породить синкретичные комплексы керамики. В Екатериновке есть крупные колоколовидные формы с вольской орнаментацией, как округлобокие, так и реберчатые [Ставицкий, 2004. С. 24, рис. 2, 5;

С. 26, рис. 4, 1; С. 27, рис. 5, 2–5, 11]. Рассуждения В.В. Ставицкого об одной из генетических (среднепоздноволжской) подоснов такого (колоколовидного) формообразования вполне приемлемы для рабочего анализа вариантов вольского генезиса, но в позднепоздноволжской выборке, приводимой автором в той же публикации, нет реберчатых сосудов. В вольской коллекции Попова Блюдечка колоколовидные формы редки, они характерны наиболее простыми типами закраин [Малов и др., 2009. С. 35, рис. 2, 1; С. 36, рис. 3, 13; С. 39, рис. 6, 1; С. 40, рис. 7, 8], но здесь есть и покровская керамика [Там же. С. 41, рис. 8, 7].

Возвращаясь к покровскому комплексу Нижней Красавки, отметим, что собственно вольские черты здесь выражены крайне слабо. Они присутствуют в характере формовки некоторых венцов в виде нависающего внутрь края устья (рис. 3, 1, 2), резкой скошенности края устья внутрь или наружу (рис. 5, 2; 6, 1), в одном очень редком орнаменте на керамической крышке в виде круглых вдавлений по прочерченным линиям (рис. 6, 12). Такие же вдавления по гребенчатым линиям есть в декоре вольского сосуда из Екатериновки [Ставицкий, 2004. С. 27, рис. 5, 11].

Очень редкий тип покровской керамики с внутренним ребром и валиком на слабом прогибе шейки с внешней стороны из Нижней Красавки (рис. 3, 13) можно комментировать двояко. С одной стороны, такая черта могла быть заимствована в ходе формирования от вольского вектора, поскольку валиковые и воротничковые утолщения встречаются на вольской и лбищенской посуде [Малов и др., 2009. С. 38, рис. 5, 6, 13; Васильев, 2003. С. 113, рис. 1, 14, 15, 18–21], а с другой стороны они могли появиться в ходе взаимодействия уже сформировавшегося «покровска» с бабинской культурой. Но второй вариант менее вероятен, поскольку многоваликовые сосуды украшены рельефными налестками подтреугольного сечения, заметно отличающимися от одиночных и сглаженных валиков, встречающихся в исключительных случаях на сосудах «покровска».

Наконец, последний тип наиболее ранних сосудов Нижней Красавки – крупная банка закрытой профилировки, украшенная многорядным зигзагом в технике прочерчивания (рис. 3, 1). Данный тип орнаментации – это надежный индикатор синташтинско-петровских контактов «покровска», возможно, еще на фазе становления, но также и в ходе развития. Находки сосудов с таким декором, который исполнен различными техническими приемами (прочерчивание, зубчатый штамп, линии насечек) в покровских погребениях или на поселениях нечасты. Как правило, они всегда являются репликантами, подражаниями южноуральской традиции. Отметим наиболее известный аналог в погребении 2 кургана 35 эпонимного Покровского могильника [Памятники..., 1993. С. 146, табл. 16, 13], а также в ранних комплексах погребений 31 и 37 второй (покровской) обрядовой группы Смеловского могильника [Лопатин, 2010. С. 204, рис. 8, 3, 12]. Связи волго-донского населения этой поры с Южным Зауральем, вероятно, были традиционными, поскольку в абашевских поселенческих комплексах Подонья подобная бытовая посуда также встречается. Типичная синташтинская банка с многорядным зигзагом есть, к примеру, в материалах поселения Капитаново-II [Пряхин и др., 2000. С. 10, рис. 5, 7].

Наиболее ярко выраженный стандарт покровского керамического комплекса Нижней Красавки – это колоколовидные сосуды с округленным туло-

вом, выделенным внутренним ребром, иногда с утолщенным венчиком или слабо вогнутым желобком на его внутренней стороне (рис. 4; 5). Самый яркий сосуд покровского типа – округлобокий колоколовидный горшок, у которого диаметры устья и максимального расширения тулова примерно равны. На внешней стороне венчика имеется небольшое утолщение типа воротничка, а на обратной стороне – внутреннее ребро. Сосуд богато украшен гребенчатыми зигзагами по венцу и пологому плечу, четыремя прочерченными линиями по шейке и двумя горизонтальными рядами овальных оттисков, обрамляющими сверху и снизу всю композицию (рис. 4, 9).

Пока нет нужды проводить дробную классификацию нижнекрасавской покровской керамики, поскольку раскопки еще не завершены, и выборка будет пополняться. Уже вполне очевидно, что эта посуда разнообразна, со множеством специфических признаков, унаследованных от культурных компонентов, слагавших покровский комплекс, и по-видимому системный ряд будет сложным и поливариантным. Гораздо целесообразнее пока наметить основные линии нивелировки покровских стандартов в раннесрубные формы. Здесь пока можно видеть некоторые тенденции сглаживания внутреннего ребра (рис. 4, 8; 5), сокращение высоты венчиков (рис. 5, 5–8), а также сочетание покровской орнаментации с типично срубной формой, как, например, криволинейный сюжет на слабопрофилированном сосуде (рис. 5, 11).

Весьма любопытна выборка реберчатых покровских сосудов, которые также имеют внутреннее ребро, а иногда и желобчатый изнутри венчик (рис. 6). Острореберные сосуды могут иметь крупные и средние размеры, особняком стоит группа миниатюрных экземпляров, в комплексе с которыми (в абашевских и покровских погребениях) часто встречаются крышки (рис. 6, 5, 6, 8, 9, 11, 12). К двум экземплярам ритуальных сосудиков, выявленных в Красавке в 2007 году (рис. 6, 9, 11), теперь добавились еще два фрагмента. Один украшен многорядным зигзагом, построенным из прочерченных линий (рис. 6, 5), а второй – зубчатым штампом, в виде узкозональных группировок косых отрезков и штрихованного зигзага (рис. 6, 8). Определенно, в комплексе с одним из таких миниатюрных сосудов когда-то находилась оригинальная керамическая крышка со сквозным, продавленным по сырой глине отверстием (рис. 6, 12). Выше уже было отмечено, что на крышке имеется не совсем обычный для декора поздней бронзы орнамент, находящий редкие аналоги в вольском комплексе.

Помимо уже упомянутой банки с синташтинским многорядным зигзагом, в покровском комплексе Нижней Красавки имеется еще целый ряд разнотипных баночных сосудов (рис. 7, 1–10). Здесь выделяются два миниатюрных экземпляра, один закрытой профилировки с точечными наколами (рис. 7, 5) и второй – открытая круглодонная чашечка с волнистой змеевидной линией на одной стороне под краем устья (рис. 7, 3). Весьма необычна также чашевидная банка с косыми оттисками короткого зубчатого штампа на обресе устья и разнонаправленными расчесами на внешней поверхности (рис. 7, 10). Есть два фрагмента от прямостенных банок крупных размеров (рис. 7, 6, 9). Остальные сосуды, отнесенные к группе баночных, близки горшкам с вертикальной профилировкой верхней части, но здесь важно отметить деталь, которая, имея абашевские истоки (слабовыраженное внутрен-

нее ребро, легкий желобок на внутренней поверхности венчика), несколько приближает их к слабопрофилированным вариантам (рис. 7, 1, 4, 5, 7). Возможно, это прообразы будущих срубных слабопрофилированных сосудов с вертикальным венчиком, к которым наиболее близок экземпляр с косыми клиновидными оттисками на покато плечике (рис. 7, 8).

Приведенный, весьма поверхностный, анализ покровской керамики Нижней Красавки демонстрирует наличие самых разнообразных типов, различающихся в классические колоколовидные округлобокие, колоколовидные реберчатые, баночные группы сосудов, где возможно выделение вариантов по соотношению широтных и вертикальных показателей, пропорций и размеров, степени орнаментированности. Необходима дробная систематизация керамического комплекса, где важно также проследить соответствия технологическим критериям состава глины, толщины венцов, стенок, днищ, поверхностной обработки. Только так возможно будет конкретизировать своеобразие покровской керамики, зафиксировать ее культурную целостность и, вместе с тем, вычленив элементы генетических компонентов, принимавших участие в сложении покровского феномена. Эту работу невозможно проделать на базе только одной коллекции, все выборки будут обладать собственной неповторимостью, но единый алгоритм анализа позволит сопоставить результаты и получить обобщенную картину.

Среди находок последнего сезона 2009 года присутствует компактная подборка предметов, свидетельствующих о местной металлообработке (рис. 7, 12–15; 8, 3; 9, 3–11). В разрозненном состоянии были зафиксированы три фрагмента массивной толстостенной глиняной плавильной чаши с округлым дном и слабо каннелированной внешней поверхностью (рис. 7, 12). На небольшом участке внутренней поверхности округлого днища заметны структурные изменения глины под воздействием высоких температурных перепадов в виде вертикальной сквозной кристаллизации толстой стенки. Графическая реконструкция чаши позволяет предположительно представить показатели формы и параметры. Посудина имела закрытую профилировку и округлые стенки толщиной до 1,8 см. Толщина днища 2,2 см. Диаметр устья приблизительно 17,2 см, максимальное расширение тулова 20 см, общая высота 13,6 см. Внешняя поверхность шершавая, светло-коричневая, на изломе темно-серая, с включениями песка и шамота.

Идентичные чаши с рельефной внешней поверхностью мне не известны, однако функционально аналогичная посуда, интерпретируемая в качестве плавильных емкостей, встречается в разнокультурных поселенческих комплексах, как правило, связанных с металлургией и металлообработкой. Округлодонная толстостенная чаша с защипами по всему тулову опубликована В.В. Ставицким в комплексе вольско-лбищенской керамики Екатериновского поселения на реке Суре [Ставицкий, 2004. С. 24, рис. 2, 2]. Серия оригинальных плавильных чаш на ножках-поддонах выявлена при раскопках поселения Тюбяк в Южном Приуралье, где исследован металлургический комплекс в постройке 1 [Горбунов, Горбунов, 2006. С. 119, рис. 2]. Не исключено, что некоторые емкости без поддонов, отнесенные авторами к разряду тиглей [Там же. С. 118, рис. 1, 4], также выполняли функции плавильных чаш, близких по морфологии нижнекрасавскому экземпляру.

В Красавке обнаружен также небольшой фрагмент глиняной литейной формы с частью глубокой ячейки (рис. 7, 13). Судя по толщине фрагмента и внушительной глубине ячейки можно предположить, что форма могла служить для отливки бронзового топора. Но это не более чем предположение, поскольку фрагмент слишком малоинформативен. Размеры обломка 4,9 x 2 см, высота – 2,6 см. На поверхности ячейки заметны следы каолиновой обмазки. Фактура довольно плотная, с примесью песка и шамота в глине.

Другой фрагмент литейной формы, отличающийся от предыдущего меньшей массивностью и толщиной, имеет небольшой участок ячейки для отливки плоского орудия типа тесла (рис. 7, 14). Обратная сторона этой створки формы имела несколько выпуклую поверхность. Толщина створки 1,7 см, размеры уцелевшего фрагмента 3,6 x 2,8 см, глубина ячейки 0,7 см. Фактура обломка плотная, в примеси заметны песок и шамот, внешняя поверхность серо-коричневая, на изломе глина темная.

Весьма интересен предмет, квалифицированный как фрагмент проушного вкладыша для отливки бронзового топора в двухстворчатой форме (рис. 7, 15). Это глиняный цилиндр овального сечения со следами каолиновой обмазки на внешней поверхности. Высота сохранившейся части 5,8 см, размеры сечения 3,5 x 2,7 см. Фактура плотная, с примесью песка и шамота.

Как кузнечные инструменты определены каменные изделия ударного (рис. 9, 3–6, 8) и абразивного действия (рис. 9, 7, 9–11). Кроме них выявлены и прочие предметы из камня и кости с различными функциональными назначениями, некоторые из них весьма оригинальны (рис. 8). Таков, к примеру, фрагмент костяного предмета шпательвидной формы (рис. 8, 9). Он представляет собой плоский, прямоугольный в сечении стержень, ошлифованный по всей поверхности, слегка зауженный в средней части. На одном краю и только с одной стороны заметны 9 поперечных нарезок. Длина предмета 8,5 см, ширина от 0,6 см в средней части до 1 см на месте излома, толщина стержня 2–3 мм. Возможно, он представляет собой рукоять ложечки.

Обнаружен загадочный каменный предмет, напоминающий фигурную головку лошади (рис. 8, 1). Получившая условное название «шахматный конь», фигурка была изготовлена из мелкозернистого песчаника методом выскабливания рельефных неровностей, обозначивших поверхности храпа, промежутки между нижней челюстью и выпяченной грудью, лоб и дуговидный загибок. Легким желобком обозначена пасть лошади, маленькой лункой намечена левая ноздря. На уровне шеи головка обломлена, и составить представление о недостающей части фигурки невозможно. Высота предмета 4 см, ширина 3 см, толщина 1,7 см.

Найдены два абразивных инструмента типа выпрямителя древков. Один с желобком диаметром около 2 см, что может соответствовать дротикам. Это обломок песчаника трапециевидной формы, одна сторона которого плоская, и также со следами сработанности, а на другой имеется характерный желобок (рис. 8, 5). Размеры инструмента 8,6 x 8 см, толщина 3,6 см. Глубина желобка 0,4 см. Второй – абразивное орудие брусковидной формы, которое также могло служить в качестве выпрямителя древков большого диаметра, до 4 см толщиной (рис. 8, 6). Размеры бруска 9,6 x 7,6 x 5 см. Глубина желобка 0,4 см. Другое абразивное орудие имело иные функции (рис. 8, 3). Это

фрагмент плоского оселка прямоугольной формы, предназначенного, вероятно для подправки металлических лезвий. Его особенность заключается в наличии узкого желобка на торцевой грани для заточки металлических и костяных острий типа игл или шильев.

Интересно также кварцитовое орудие типа сверла-развертки (рис. 8, 7). Предмет имеет каплевидную форму, обработан по всей поверхности пологой оббивкой и краевой ретушью. Рабочее острие выделено в виде слегка загнутого клюва. Высота сверла 6,3 см, ширина корпуса 4,8 см, толщина 2,2 см. Техника обработки каменных изделий из кварцита и кремня в Красавке весьма архаична, что наглядно подтверждается и другими находками – сечениями пластин с краевой ретушью (рис. 8, 13, 21), массивным скребком на отщепе (рис. 8, 12).

В коллекции представлен набор костяных орудий, изготовленных из пястных костей КРС (рис. 8, 15–17). В центре дорсальной поверхности каждого изделия, на диафизальном уровне фаланг просверлены сквозные отверстия (в одном случае несквозное) с развальцованными краями. Такие предметы квалифицированы как упоры для костяных проколов в кожевенном производстве. Одна из таких проколов также была зафиксирована в покровском слое (рис. 8, 8). Она изготовлена из кости МРС, хорошо заполирована по всей поверхности, но рабочее острие обломлено.

Особый интерес представляет фрагмент костяного предмета с отверстием и слабожелобчатым сечением (рис. 8, 11). Размеры уцелевшей части 6,2 x 2 см, толщина костяной пластины 0,8 см. Закругленная часть изделия была просверлена, края отверстия и самой пластины завальцованы. Диаметр сверлины 1 см. В средней части предмет имел плавное расширение, и наибольшая его ширина могла составлять 3,9 см. Аналоги таких изделий мне не известны.

Обнаружена серия костяных тупиков для мездрения сырых шкур. В большей степени они фрагментированы, но есть и целые экземпляры, которые залегали в покровском слое (рис. 8, 18, 19). Инструменты изготовлены из нижних челюстей лошади.

Своеобразна каменная фигурка – песчаниковая конкреция подтреугольной формы, условно напоминающая головку быка (рис. 8, 2). Фигурка заглажена по всей поверхности, в профиль отчетливо узнаваема выпуклость лба опущенной вниз головы, отростки опиленных рогов отходят в разные стороны от лобной части. Не исключено, что это вполне реальный тотемный предмет, символизирующий животное. Высота фигурки 7 см, ширина 8,8 см, толщина 3,2 см.

Игральная фишка, изготовлена из серого песчаника (рис. 8, 4). Она имеет оливковидную форму и прямоугольное сечение. Подобные костяные экземпляры присутствуют в мало понятных игровых наборах, которые изредка встречаются в погребениях катакомбной культуры. На некоторых присутствуют точки в разном количестве, а также геометрические знаки.

Полусферическое пряслице (рис. 8, 10) изготовлено из эпифиза бедренной кости молодой особи КРС (есть признаки незаросшей хрящевой прослойки). По-видимому, это бракованное изделие, поскольку просверленный канал для веретена заметно смещен относительно центра. Такие типы пряс-

лиц характерны для покровских и раннесрубных комплексов. Аналогичное орудие шерстопрядения известно в комплексе производственного помещения на Преображенском поселении [Лопатин, 2002. С. 112, рис. 9, 6].

Отметим также сломанную пластинчатую заготовку для костяной пряжки (рис. 8, 20). Плоские варианты поясных пряжек без бортиков с большим центральным и малыми боковыми отверстиями маркируют наиболее поздние погребения бабинской культуры [Литвиненко, 1998. С. 48-50, табл. XI, рис. 4]. А.Д. Пряхин фиксировал такие пряжки в комплексах доно-волжской абашевской культуры, например, в Кондрашкинском кургане в комплексе с дисковидным псалием староюрьевского типа [Пряхин и др., 1989. С. 17, рис. 5, 4]. Н.М. Малов отмечает типичность таких изделий для памятников покровского типа и относит их к особому варианту У-29 [Малов, 1992. С. 40, рис. 4, 18, 20-22; С. 43-44]. В.В. Рогудеев считает такие предметы нагрудными медальонами и приводит аналогии из ближневосточной иконографии [Рогудеев, 2004. С. 191-193, 201, рис. 3].

Небольшой фрагмент изделия из трубчатой кости с двумя косыми нарезками (рис. 8, 14) не поддается функциональной идентификации. Вероятно, он был частью какого-то желобчатого предмета, втулки или псалия, хотя известные целые экземпляры таких нарезок не имеют.

Изделий из бронзы в Нижней Красавке мало. В 2009 году была найдена бронзовая скрепа для починки треснувшей глиняной посуды (рис. 9, 1). Она представляет собой плоско раскованный стержень с зауженными концами длиной 9,7 см, шириной 0,5 см, толщиной 1,5 мм. Обычно такие скрепы изредка фиксируются на сосудах в очень престижных покровских захоронениях. Гораздо чаще они встречаются в синташтинско-петровских комплексах [Сотникова, 2008]. В ближайшем пространстве отметим такой элемент в погребении колесничего из курганного могильника Калмыцкая Гора (1/21), где сосуд с покровско-петровскими чертами был закреплен двумя бронзовыми скрепами [Лопатин, 2009б. С. 93, рис. 8, 4].

В покровском слое обнаружена редкая деталь конской упряжи – костяной дисковидный псалий бесшпипной конструкции с крупной треугольной планкой (рис. 9, 12). В основании планки при соединении с диском с обеих сторон выделены заостренные, направленные вниз шипы (правый шипик обломлен в древности). Толщина края планки уменьшена выборкой до 0,3 см, узким бордюром шириной 1 см, в котором просверлены пять одинаковых отверстий диаметром 0,4 см для крепления храпового ремня – одно на месте вершины треугольника и по два отверстия на боковых сторонах. Характер сверления цилиндрический. Расстояния от верхнего отверстия до средних противолежащих 3 см (на левой стороне) и 2,3 см (на правой стороне). Расстояния от средних отверстий до нижних равны (по 2 см). Расстояние от нижних отверстий до заострений шипов – 1,5 см (на левой стороне) и примерно 1,8 см (на правой стороне).

На краю диска, около правого шипа у основания планки имеется узкая несквозная лунка с костяным штифтом в виде усеченного конуса. Глубина лунки 0,9 см, длина штифта 1 см. Диаметр входного отверстия лунки 0,5 см, в глубине она суживается до 3 мм. Данная деталь очевидно служила для фикс-

сации нащечного ремня, который набрасывался петлей на основание планки и удерживался боковыми шиповидными выступами.

Диаметр диска псалия составляет 8,6 см, а максимальная толщина 1,6 см. Нижний край диска тоньше (всего 0,5 см). В центре имеется сквозное отверстие с прямым цилиндрическим каналом под ременные удила диаметром 0,8 см. На правом краю отверстия заметна характерная потертость, которая указывает на то, что это была левосторонняя деталь конской узды.

Высота треугольной планки от края диска 4,5 см. Ширина основания между окончаниями боковых шипов 7,3 см. Длина слегка выпуклых боковых сторон планки 7 см (левая) и 6,5 см (правая). Толщина планки относительно максимальной толщины диска заметно меньше (с обратной стороны была сделана выборка по всей плоскости треугольника). При соединении с диском она составляет 1,1 см, а в направлении к вершине треугольника уменьшается до 0,9 см. Это обстоятельство позволяет предполагать, что окончание храпового ремня подшивалось именно к нижней (обратной) плоскости треугольной планки. Причем ширина ремня должна была составлять не более 6 см, поскольку при этом свободно выступали боковые шипы, на которые набрасывалась петля нащечного ремешка. Расположение прошивных отверстий на боковых гранях планки в виде угла, обращенного вершиной в сторону натяжения, очевидно, значительно увеличивало прочность крепления храпового ремня, и надежность фиксации ременных удили в пределах диастемы (промежутка между коренным и передним отделами зубов лошади).

На внешней стороне диска имеется уникальный циркульно-гравированный орнамент. Разметка и организация композиции велась от центра костяной заготовки еще до сверления большого отверстия. В центральной части изображены две концентрические окружности диаметрами 2 см и 2,4 см, образующие круглое кольцо шириной 2 мм.

Разметка прочих деталей центральной композиции проведена с геометрическими погрешностями. Очевидно, мастер действовал по наитию и не совсем верно рассчитал расположение точек, от которых так же, циркулем, нарезаны полуокружности трехлучевой свастики. Точки образуют вершины треугольника повернутого вправо на 25 градусов. При этом треугольник не получился равносторонним (две стороны равны, по 3,2 см, а третья, правая – 3,5 см).

Каждая полуокружность-луч состоит из трех линий, которые начинаются от внутреннего края центрального кольца и завершаются стилизованными изображениями конских головок. Так же лаконично косторез наметил циркулем окружности головок с центральными точками-глазами и окружности поменьше, имитирующие ноздри. Вытянутые морды лошадок – это клиновидные пары линий, соединяющие окружности-головки и окружности-ноздри. Парамии гравированных маленьких треугольников на краях круто изогнутых загравков обозначены ушки лошадок.

Внешний край диска украшен двумя кольцами, между которыми выгравированы два ряда треугольников, обращенных вершинами навстречу. При этом образовался контурный бордюр в виде короткошагового зигзага – орнамент, типичный для костяных изделий эпохи поздней бронзы. Он чаще всего

присутствует именно на псалиях, как дисковидных, так и желобчатых. Общая ширина контурного бордюра вместе с кольцами 0,85 см.

Создается впечатление, что вначале на костяной заготовке (тазовая кость КРС или лошади) мастер циркулем выполнял разметку и нарезку орнамента, гравировку резцом, затем размечал контур планки, высверливал центральное отверстие под ременные удила и лунку под фиксацию нащечного ремешка костяным штифтом. Затем обрезал ненужные части заготовки, оконтуривая шлифовал края диска по линии внешнего кольца и края треугольной планки, оставляя их слегка выпуклыми. В последнюю очередь он делал выборку под толщину храпового ремня с обратной стороны псалия, после этого вытачивал на внешней стороне планки краевую выборку под прошву, и наконец, аккуратно, чтобы не повредить канал лунки, вырезал боковые шипы и сверлил пять малых отверстий на вершине и краях планки.

Псалий из Нижней Красавки представляет собой уникальнейший артефакт начальной фазы позднего бронзового века. Культурно и хронологически он связан с наблюдаемым здесь комплексом покровского типа, возможно поздним этапом его развития в ходе формирования ранней срубной культуры (приблизительно конец XVII–XVI вв. до н. э.). Конструктивные особенности псалия безусловно восходят к прообразам староюрьевского типа, что выражается в общей дисковидности формы, традиционном зигзагообразном бордюре, принципе фиксации в узде, но имеет типично покровскую специфику, а также индивидуальные особенности. С покровской группой псалиев Поволжья его сближает треугольная форма массивной планки и отсутствие бокового выреза под ремень, идущий на оголовье. В данном контексте здесь присутствует элемент, отмеченный А.Д. Пряхиным именно для нижневолжских псалиев (отверстие или лунка в щитке для фиксации нащечного ремня). Только это представляется не упрощением староюрьевского типа [Пряхин и др., 2001], а образованием симбиозного варианта, выработанного покровскими мастерами в результате контактов с синташтинско-петровскими племенами [Лопатин, 2009б. С. 75]. Разумеется, широкие контакты, как правило, порождают разнообразные, порой причудливые симбиозы, поэтому покровская группа (Сторожовка, Старицкое, Калмыцкая Гора, Идолга, Березовка, Золотая Гора, Нижняя Красавка) столь эклектична.

Бесшипность нижнекрасавского псалия, возможно, является показателем наиболее позднего варианта этого типа изделий в рамках покровских древностей. Похожие, но не идентичные нашему бесшипные псалии покровского типа с треугольными планками были обнаружены С.В. Ляховым в Сторожовке (2/2) в комплексе с керамикой позднепокровского облика [Ляхов, 2009. С. 144, рис. 9, 5, 6]. По своей внешней морфологии они кажутся, скорее, некими репликантами синташтинско-петровских роговых прообразов простых конструкций. С другой стороны, строгие псалии с шипами и бесшипные варианты могли сосуществовать, выполняя в упряжи одинаковые функции, но несколько различные задачи. Отсутствие шипов может не быть индикатором времени, поскольку более поздние желобчатые псалии ими как раз оснащены. Сторожовские и нижнекрасавский экземпляры имеют массивные (усиленные) треугольные планки, кроме того наш вариант имеет отверстия под прошву, расположенные совершенно иначе, чем у всех прочих псалиев, не в

линию на верхней границе диска, а углом, по краям планки. Все это указывает на стремление усилить натяжение именно храпового ремня, широкого и прочного. При такой особенности узды морда лошади, вероятно, была особенно надежно фиксирована, при этом не требовались шипы, как строгие средства стимуляции. Поэтому не исключено, что щадящие бесшипные псалии с мощным храповым ремнем могли использоваться в особых действиях по управлению лошадью, например, при тренинге.

Самая яркая индивидуальная особенность псалия из Нижней Красавки – это центральный сюжет декора свастического типа, где окончания трехлучевого элемента украшены стилизованными конскими головками. Не будет преувеличением сказать, что это первый случай сюжетно-реалистической трактовки солнечного символа на костяном изделии бронзового века степного Доно-Волго-Уралья. В сводной работе В.И. Беседина, где автор представил «микенские» орнаменты Восточной Европы, украшающие костяную фурнитуру, наборные рукояти, элементы упряжи и бронзовые бляхи ябалаклинского типа, солярно-астральная символика встречается нередко. Однако трехлучевой вариант на костяном дисковидном псалии впервые зафиксирован в Нижней Красавке. До сего момента были известны две металлические бляхи из шахтовых гробниц Микен и Каковатоса, а также часть костяного диска из Сепсе, где в стилизованной орнаментальной манере представлены криволинейные трехлучевые свастики [Беседин, 1999. С. 51, рис. 4, 3, 4, 12].

Примечательно, что все эти аналоги территориально далеки от Волго-Донья и относятся к балкано-дунайскому региону. Вместе с тем, представляется, что все свастические символы (трех, четырех, пяти, шести, семилучевые) объединены общей солярной темой. Обычно классической свастикой по традиции принято считать четырехчастный символ с ломаными под прямым углом лучами, трехлучевой вариант обычно не комментируется, а варианты с большим количеством плавно изогнутых коротких лучей (от пяти до семи) почему то получили в литературе обозначение, взятое из области механики («сегнерово колесо»), как, например, в случае с псалием староюрьевского типа из 4 погребения кургана Селезни-2 [Пряхин и др., 1998. С. 20–21, рис. 11, 5].

Все расставляет на свои места именно реалистическая трактовка сюжета из Нижней Красавки, где на концах лучей показаны три головки – имитация конских протом с гордо изогнутыми шеями. Удивительно, но в еще более реалистической манере эта свастическая тема подается много лет спустя на уздечных фаларах раннего железного века [Переводчикова, Фирсов, 2005. С. 396, рис. 2, 2; Засецкая, 2006. С. 99, 4, 5, 7, 12]. Известен и стилизованный свастический символ на бронзовом зеркальце-подвеске из позднесарматского комплекса [Кривошеев, 2005. С. 67, рис. 1-А, 1]. Этот образ чрезвычайно устойчив, предельно канонизирован, и вывод однозначен – любой тип свастики, геометрически закодированный в криволинейные или угловатые варианты, может рассматриваться как символика солнечной колесницы, где количество лучей, возможно, соответствует числу упряжных лошадей. Косвенные подтверждения данному предположению можно найти в гимнах Риг-

веды, где в колесничных упряжках многочисленных богов, в том числе и солнечных, фигурируют от двух до семи чудесных скакунов¹.

По каким-то причинам тройная упряжка в Ригведе менее всех прочих конкретно персонифицирована и выглядит, скорее, как условный мифопоэтический символ. К примеру, в «Жалобе певца» из десятой мандалы мы видим совершенно обезличенное действие, очень краткий фрагмент (очевидно утраченного мифа) с участием тройной упряжки:

«Чьи *три* буланные кобылицы при колеснице
Везут меня прямо к цели, ...» [РВ. X, 33. 5].

Косвенный намек на тройную упряжку содержится в гимне, посвященном Соме, который нередко, подобно Индре, разъезжает на паре буланных скакунов, но часто в его колесницу запрещено и большее количество коней, что выглядит как поэтический гротеск:

«Его запрягают, чтобы (он) двигался,
В *трехстинную* колесницу с тремя сиденьями
Силой поэтических творений семерых риши.»
[РВ. IX, 62. 17].

Крайне мифологизированный сюжет содержит солнечную субстанцию в гимне, адресованном Агни, где языки пламени внезапно преобразуются в фантастических коней, и здесь изначальные пределы мироздания, солнечная колесница, количество коней в которой не имеет значения, персонифицированный средний мир – предстают в некоем завершенном комплексе, в образе, абсолютно понятном его современникам:

«Кто ухватился за макушку двоих родителей,
(Того) они вложили в обряд как бушующее море солнца.
Во время его полета красноватые (языки пламени),
кончающиеся конями,
Родовались самим себе в лоне закона.»
[РВ. X, 8. 3].

Для нашего артефакта это наиболее близкий вариант текстового микросреза древнего нарратива, здесь условная эмблематика военного (колесничного) дела полнее всего соответствует праиндоиранской мировоззренческой парадигме эпохи поздней бронзы.

В исторических реалиях тройная упряжка имеет давнюю традицию, о чем косвенно может свидетельствовать, к примеру, роспись на месопотамском сосуде середины III тыс. до н. э. из Хафаджас [Рогудеев, 2008. С. 74, рис. 2, 1]. Свой мир (смертных) люди древних эпох стремились максимально приблизить к миру богов и предков. Не нарушая священных границ, они, тем не менее, наделяли «высших и всемогущих» собственной повседневной атрибутикой, вкладывая в эту узнаваемость особый смысл. Поэтому боги Ригведы и прочих текстов антропоморфны, а сопровождающие их животные и вещи морфологически ничем не отличаются от земных.

¹ Среди множества эпитетов (более 15), посвященных лошади в текстах Ригведы, встречаются и такие, где конь символизирует солнце (см.: Щетенко, 2008. С. 260).

* * *

Бронзовый вислобушный топор (рис. 9, 2) был передан в Аткарский краеведческий музей (филиал Саратовского областного музея краеведения) местным предпринимателем А.Г. Полковым в мае 2009 года. Он сообщил, что обнаружил этот предмет несколько лет тому назад в реке Медведице под обрывистым берегом Нижнекрасавского поселения, занимаясь дайвингом.

Вероятность случайности совпадения местонахождения топора и расположения поселения, безусловно, остается вполне весомой. Но и обратная возможность причастности этой замечательной находки к нашему памятнику, как предположение, не может не рассматриваться. Учитывая факты продолжительного разрушения культурного слоя в северо-западной части Нижнекрасавского поселения, в том числе и постройки № 1, а также бесспорного наличия здесь признаков металлообработки (шлаки, фрагменты литейных форм и тиглевой чаши, вкладыш под проушину для отливки топоров) уместно связывать бронзовый вислобушный топор, найденный в реке под обрывом, разрушающим культурный слой, с покровско-срубным комплексом.

Топор представляет собой прекрасно сохранившийся экземпляр, отлитый по высокой технологии позднего бронзового века в двусторчатой форме с использованием цилиндрического вкладыша овального сечения под проушину. Он покрыт благородной устойчивой патиной, поверхность мелкозернистая шершавая, на внешней стороне обуха имеются неглубокие каверны, связанные с несущественными погрешностями отливки. На продольной оси спинки слабо выступает литейный шов шириной 1,5–2 мм, на брюшке он полностью зашлифован. На нижнем краю проушины есть незначительное повреждение от удара острым и тяжелым предметом, отчего образовался отогнутый вверх шиповидный заусенец.

Морфологические и качественные характеристики топора полностью соответствуют показателям категории боевого вооружения. У него массивный удлинённый клин с расширяющимся, округло раскованным и заточенным лезвием, прямой горизонтальной спинкой и плавно вогнутым брюшком, прочные стенки проушины, слегка выступающий обух с коротким приотрешенным гребнем. Сечение клина в средней части округлое, с двускатной спинкой. Его высота составляет 3 см, ширина 2,7 см. Высота спинки относительно боковых поверхностей 0,8 см. Общая длина топора от лезвия до гребня обуха 17 см, ширина лезвия 5 см, длина клина 11 см, продольный размер обуха 6 см, поперечный 4,3 см. Со стороны спинки обушок скошен в сторону гребнеобразного затылка, поэтому высота передней стенки проушины составляет 7 см, а задней – 5,3 см. Выступающая часть вислого обуха относительно брюшка клина без учета плавного перехода равна 3 см. Толщина стенок проушины неодинакова. При рассмотрении в вертикальной проекции со стороны спинки правая стенка имеет толщину в 0,8 см, левая – 0,6 см, задняя стенка вместе с выступающим гребнем – 1,2 см. Нижняя часть обуха имеет плавное закругление-обвальцовку, что предусмотрено конструкцией литейной формы. Размеры верхнего края проушины 4,8 x 3,4 см, нижнего края – 4,3 x 2,9 см. Это означает, что насад деревянного топорика осуществлялся со

стороны спинки топора. Данный способ насада был наиболее эффективен и не требовал последующих многократных поправок расклина рукояти.

В ближайшем пространстве аналогичные бронзовые топоры (такие же случайные находки) были обнаружены в Подстепном и Краснополье (Preis) [Памятники., 1993. С. 160, табл. 30, 5, 15]. Морфологически наиболее близок нижнекрасавскому топору экземпляр из Подстепного, но окончательно это можно будет установить после соответствующего сравнения по параметрам и весовым показателям. В сводке Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых наиболее близок нашему топору экземпляр из Турбино, отнесенный авторами к типу Т-2 (грацильные, узкообушные, с дуговидным абрисом) [Черных, Кузьминых, 1989. С. 127, рис. 70, 1]. У него похожая расковка лезвия клина, но наш топор массивнее, особенно в обушной части, а спинка его более прямая. По всей вероятности, турбинский вариант появился раньше и связан с абашевской традицией, поскольку топоры с «узким вислым обухом» исследователи относят именно к абашевской культуре [Кузьмина, 2008. С. 50]. С другой стороны вполне вероятно, что абашевские вислообушные топоры вероятнее всего были прообразами более поздних производных вариантов покровского и раннесрубного типов. Топор, обнаруженный под берегом Нижнекрасавского поселения, скорее всего, не связан с покровским комплексом этого памятника. Его можно соотносить со следующим, раннесрубным культурно-хронологическим этапом, когда на высокой террасе была возведена большая постройка № 2, а в 300 м к северо-востоку от поселения заложен некрополь, позже перекрытый земляной насыпью первого кургана.

Литература:

- Арзютов Н.К.* О чем говорят курганы. Саратов, 1936.
- Беседин В.И.* «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1999. Вып. 13.
- Бочкарев В.С.* Социогенез и культурогенез в историческом аспекте // Материалы методологического семинара ИИМК РАН СССР. СПб, 1991.
- Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф.* Царев Курган. Каталог археологической коллекции // Древности Самарского края. Самара, 2003.
- Бочкарев В.С.* Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб, 2010.
- Бочкарев В.С.* Царевокурганская коллекция металлических изделий эпохи бронзы // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб, 2010.
- Васильев И.Б.* Вольск-Лбище - новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Горбунов В.С., Горбунов Ю.В.* Свидетельства металлургии и металлообработки на поселении Тюбьяк // Эпоха металла Восточной Европы (история исследования, публикации). Воронеж, 2006.

- Деревягин Ю.В.* Юному туристу-археологу // Изучай родной край и берегай его богатства. Саратов, 1976.
- Дремов И.И.* Вишневое – поселение покровского времени в Саратове // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.
- Дремов И.И., Семенова И.В.* Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.
- Дремов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В.* Курган у с. Широкий Карамыш с покровскими и катакомбными признаками // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.
- Засецкая И.П.* Два мотива в сарматском зверином стиле – свернувшийся по кругу хищник кошачьей породы и вписанная в круг фигура козла (I – начало II в. н. э.) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 8.
- Кривошеев М.В.* Комплексы позднесарматского времени могильника Старица // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 5.
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.В.* Родовое общество степей Восточной Европы. // Известия ГАИМК.М.; Л., 1935. Вып. 119.
- Кузьмина О.В.* К вопросу о неслучайности случайных находок бронзовых боевых топоров и наконечников копий абашевской культуры // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.
- Либеров П.Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.
- Литвиненко Р.А.* Динамика расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Ростов-на-Дону, 1998.
- Лопатин В.А.* Срубные поселения степного Волго-Уралья. Учебное пособие. Саратов, 2002.
- Лопатин В.А.* Поселение у с. Нижняя Красавка (по раскопкам 2007 года) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.
- Лопатин В.А.* Исследования поселения Нижняя Красавка в 2008 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009а. Вып. 9.
- Лопатин В.А.* Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2009б. Вып. 7.
- Лопатин В.А.* Отчет об археологических раскопках поселения и кургана эпохи поздней бронзы у с. Нижняя Красавка Аткарского района Саратовской области в 2009 году. Том 1. Саратов, 2010. Архив ИА РАН.
- Лопатин В.А.* Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.). Саратов, 2010.
- Ляхов С.В.* Курганный могильник к востоку от пос. Сторожовка // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX.
- Малов Н.М.* Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
- Малов Н.М.* О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991.

Малов Н.М. Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: тез. докл. науч. конф. Липецк, 1992. С. 130–132.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.

Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г. Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7.

Мельник В.И. Поселения эпохи бронзы у села Нижняя Красавка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Вып. В 1–10. Изд-во СГУ. Саратов, 1993.

Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б. К реконструкции убора коней из кургана Козел // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005.

Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. Воронеж, 1989.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж, 1998.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свицова Е.Б. Доно-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001.

Пряхин А.Д., Отрощенко В.В., Беседин В.И., Бровендер Ю.М. Поселение эпохи бронзы Капитаново-II. Археологические памятники донского бассейна. Воронеж, 2000. Вып. 4.

Ригведа. Мандалы I–X. Под ред. Т.Я. Елизаренковой. М., 1999.

Рогудеев В.В. Могильник Репный в системе связей посткатакомбного времени // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Ростов-на-Дону, 2004. Том I.

Рогудеев В.В. Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колесничества // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008.

Синицын И.В. Памятники бронзовой эпохи в районе Колышлея // Известия НВИК. Т. 5. Саратов, 1932.

Сергеева О.В., Хоркин Д.А. Охранные археологические исследования Саратовского областного центра дополнительного образования «Поиск» в 1998–2000 гг // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4.

Сотникова С.В. К вопросу о роли сосудов с бронзовыми скрепками в андроновском ритуале // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. I. М., 2008.

Ставицкий В.В. Екатериновское поселение бронзового века на р. Сура и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2004. Вып. VI.

Степанов П.Д. Вольское городище // Труды СОМК. Саратов, 1956. Вып. 1.

Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

Цимиданов В.В. Доно-Волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. М., 1970. № 170.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-гурбинский феномен). М., 1989.

Щетенко А.Я. Колесницы и повозки древней Индии // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008.

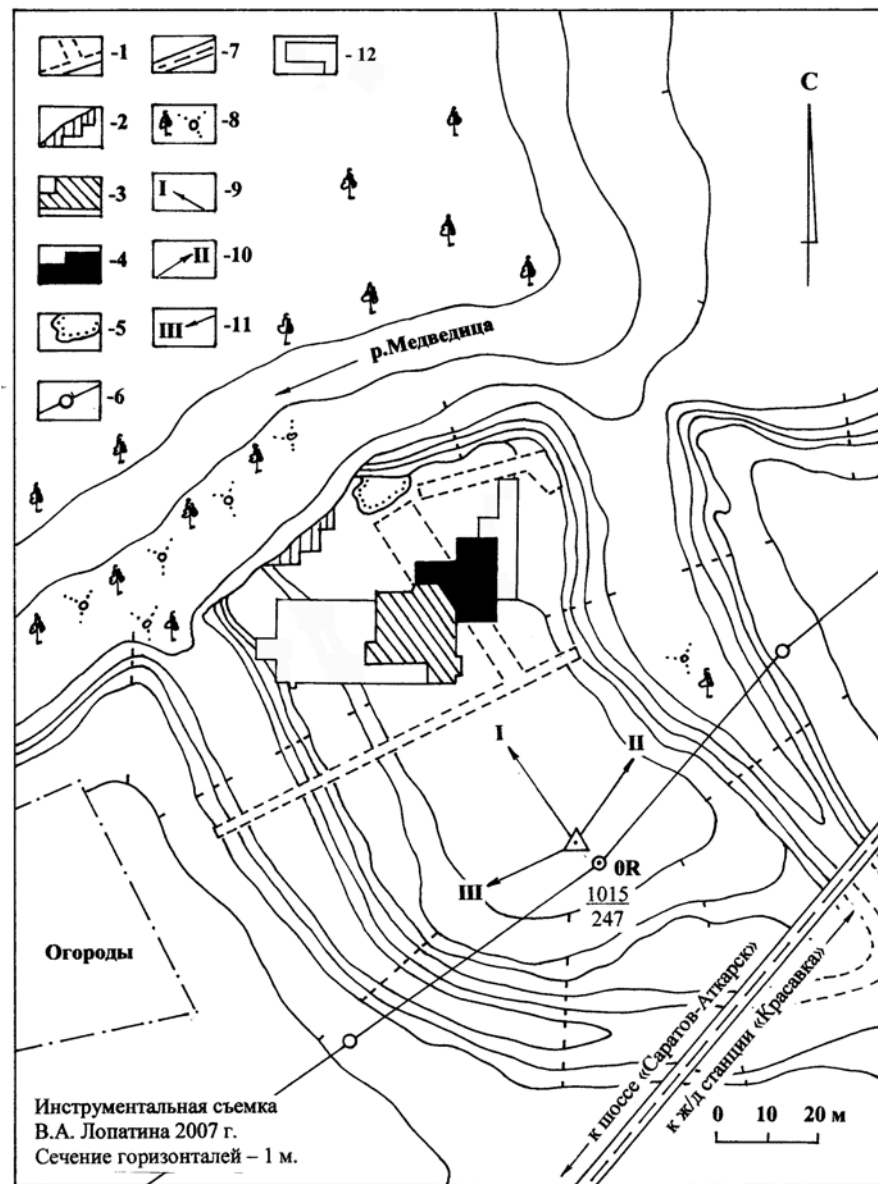

Рис. 1. План поселения у с. Нижняя Красавка: 1 - раскопы 1973 года (В.А. Фисенко); 2 - раскоп 1999 года (Д.А. Хоркин); 3, 4, 12 - раскопы 2007-2009 годов (В.А. Лопатин); 5 - котлован зенитной батареи (ВОВ); 6 - ЛЭП; 7 - грейдер; 8 - лес, кустарник; 9 - направление на г. Аткарск (4 км); 10 - направление на ж/д станцию Красавка (2 км); 11 - направление на с. Нижняя Красавка (1 км)

Рис. 2. Локализация покровского слоя на исследованном участке

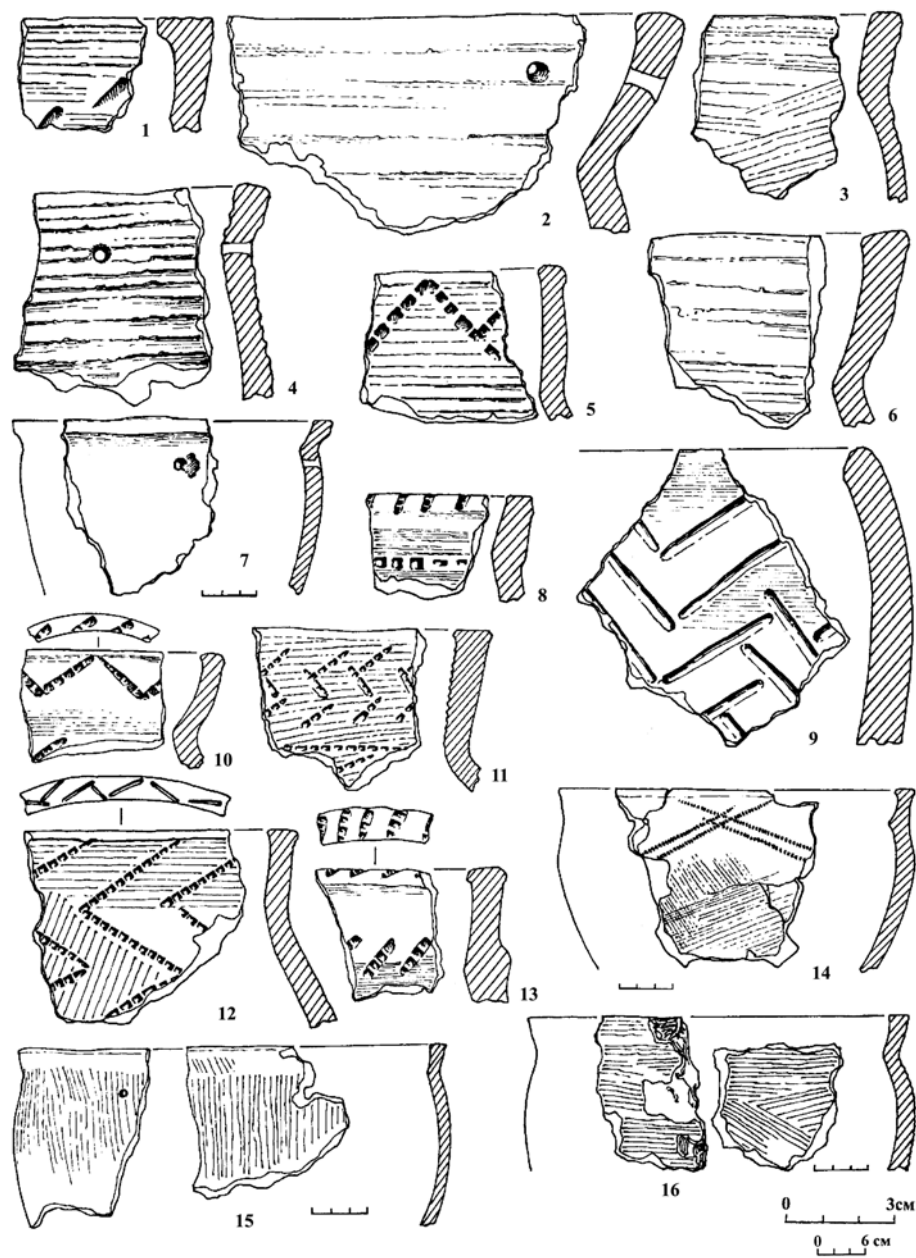

Рис. 3. Варианты наиболее ранних покровских сосудов

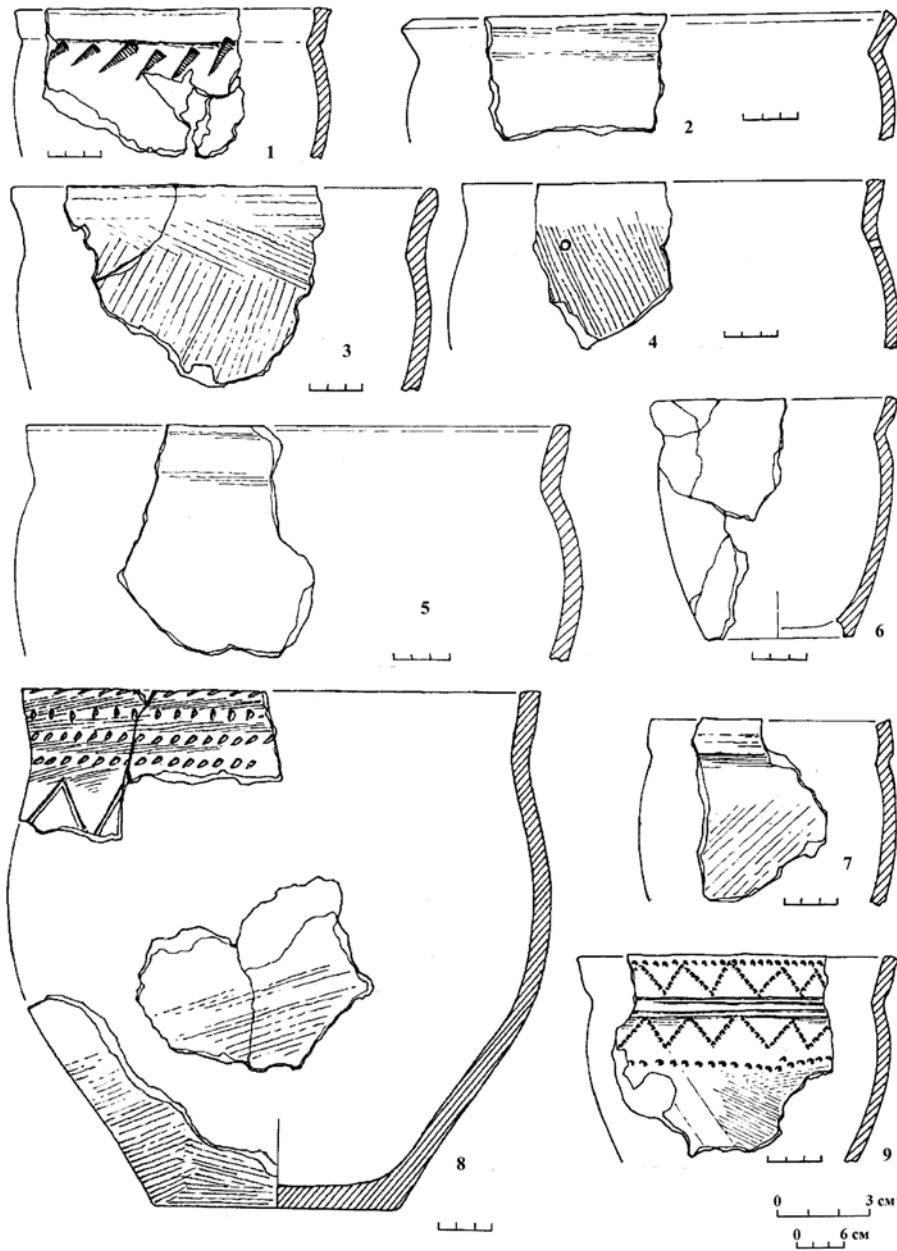

Рис. 4. Округлобокие покровские сосуды

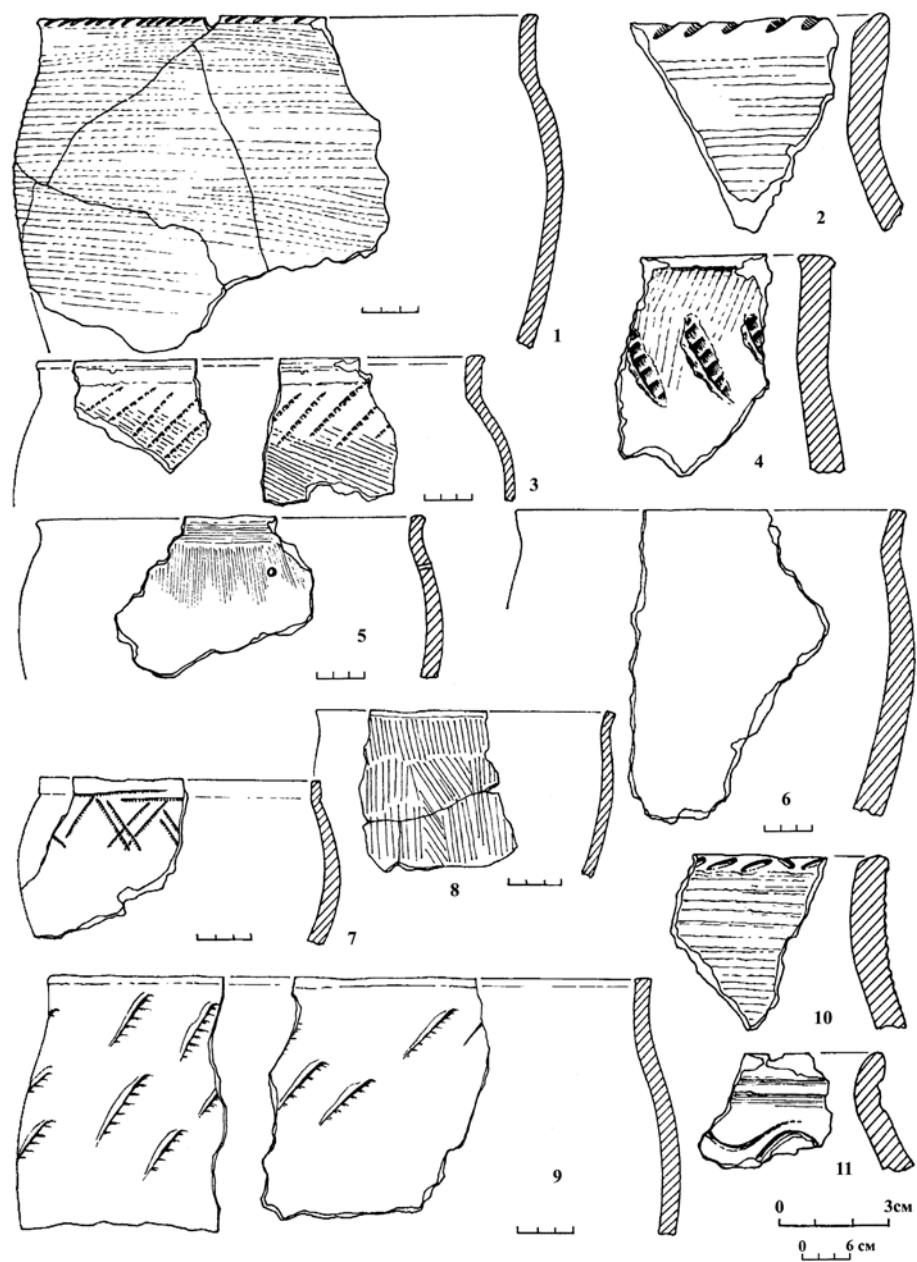

Рис. 5. Сосуды с нивелирующимися покровскими признаками

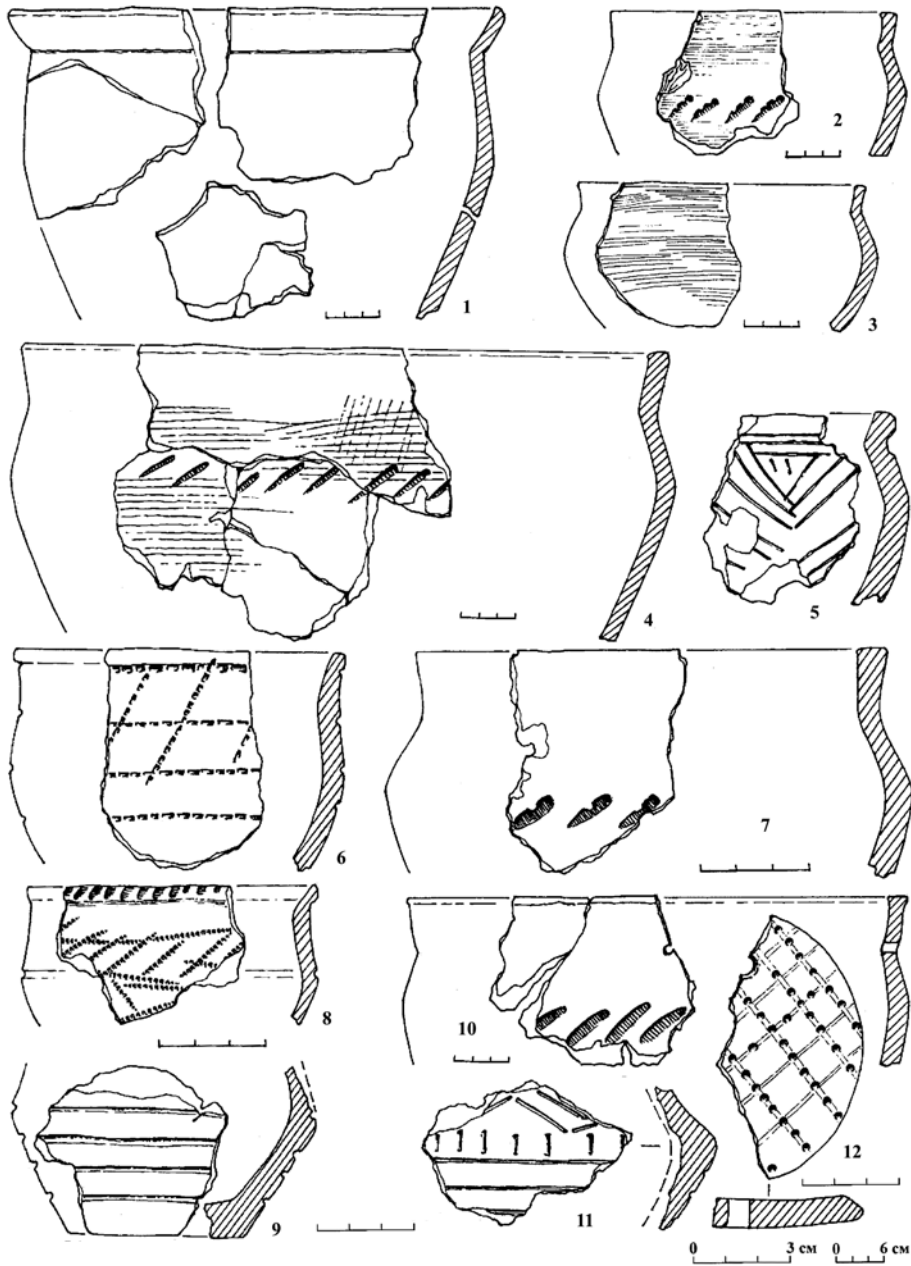

Рис. 6. Реберчатые покровские сосуды

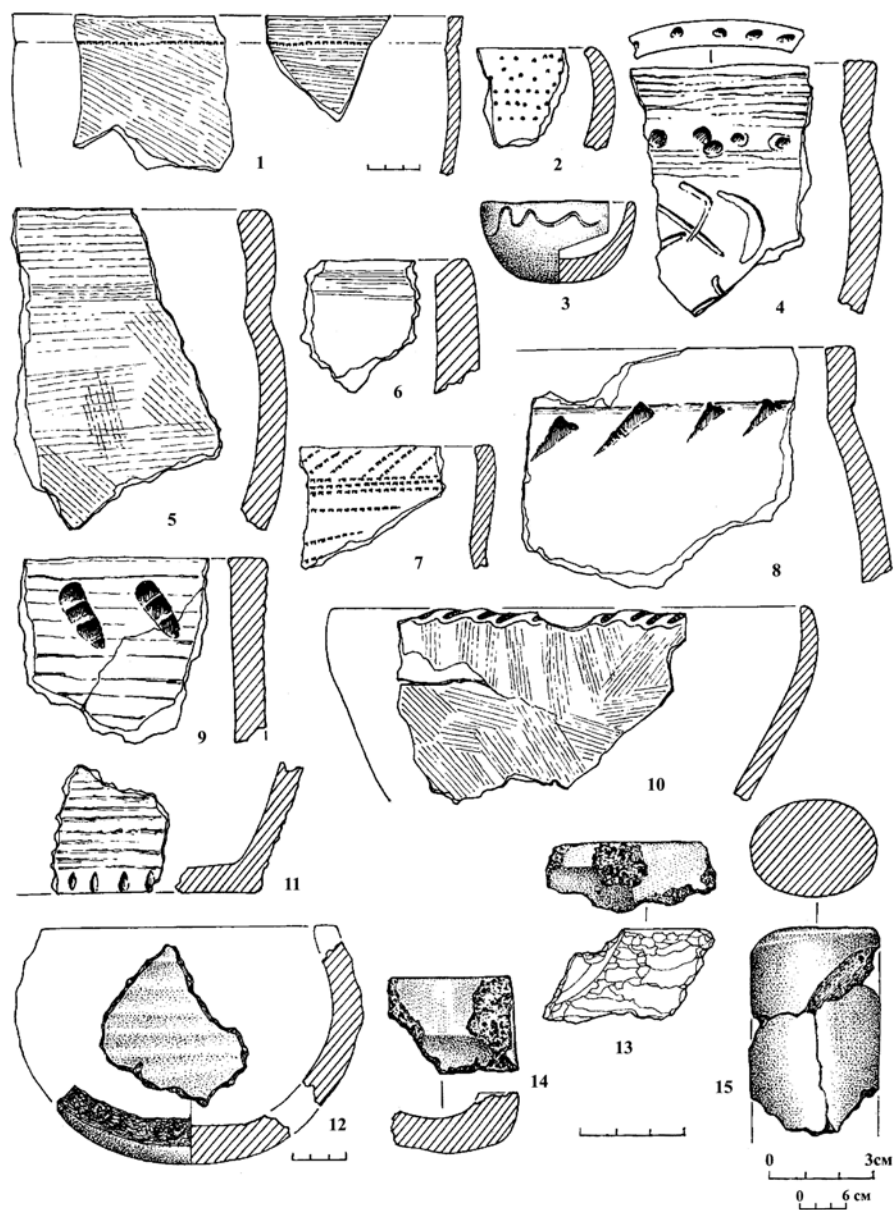

Рис. 7. Покровские материалы поселения Нижняя Красавка-II:
 1-11 - банкообразные сосуды; 12 - плавильная чаша; 13, 14 - фрагменты литейных форм;
 15 - вкладыш под проушину топора

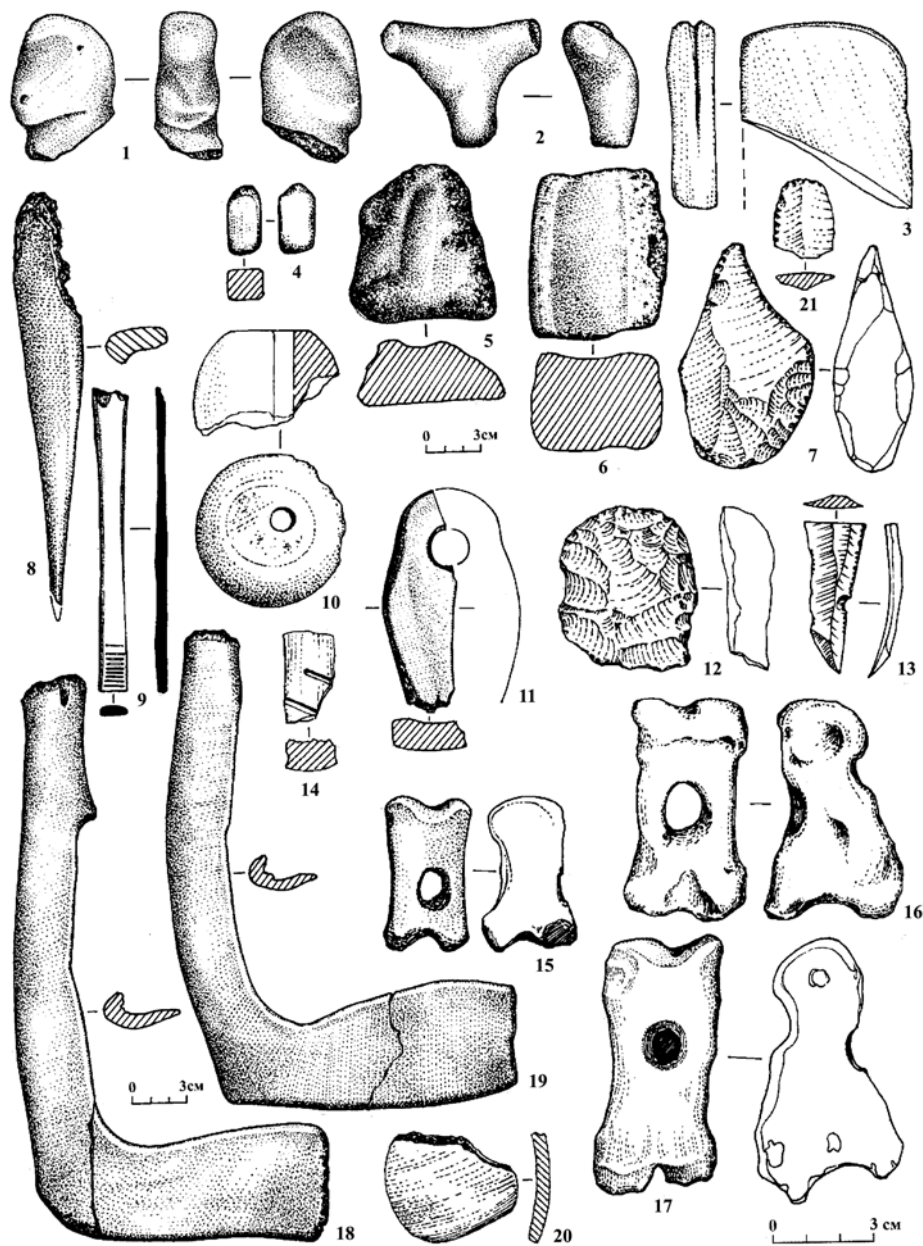

Рис. 8. Покровские материалы (вещевой инвентарь).
1-6 - песчаник; 7, 12, 21 - кварцит; 13 - кремний; остальное - кость

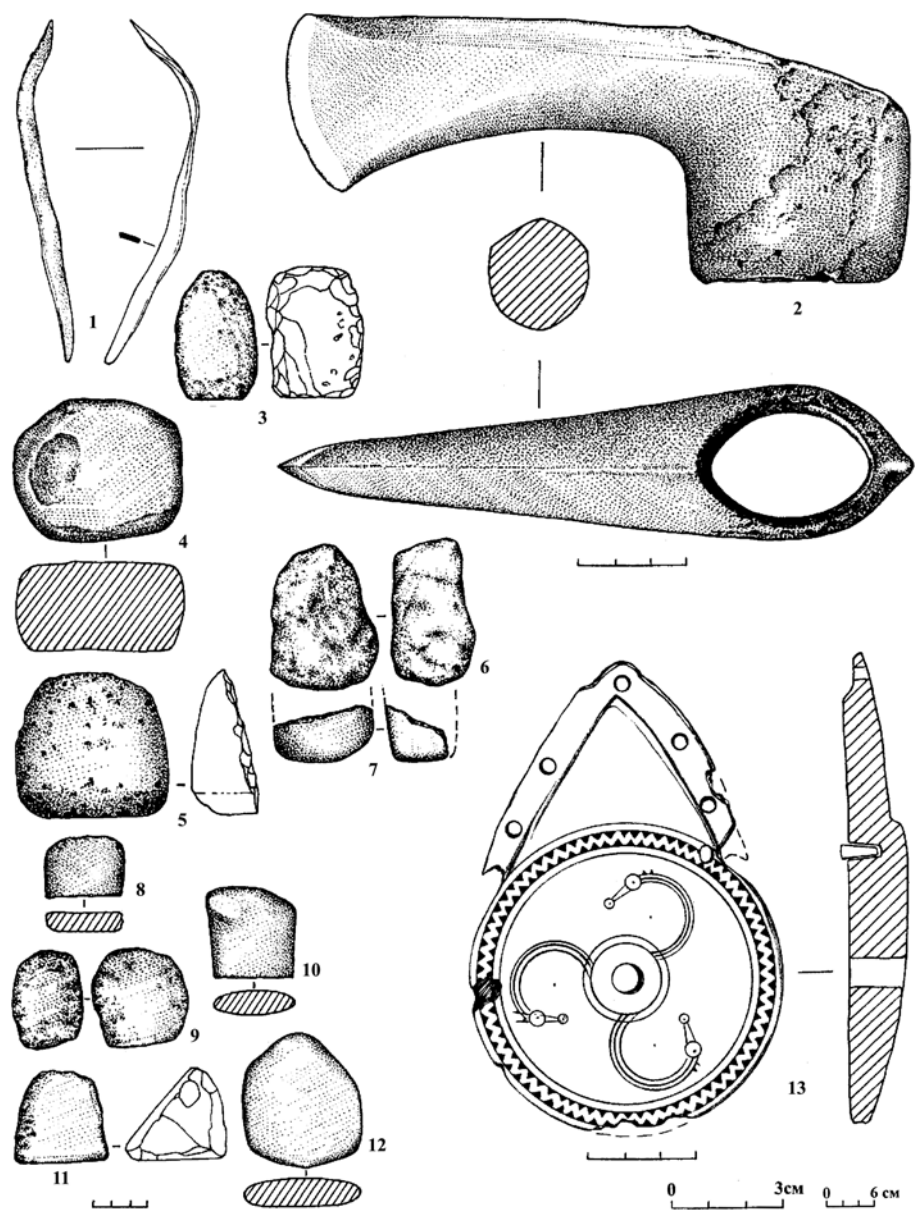

Рис. 9. Материалы поселения Нижняя Красавка-II:
 1 - скрепа; 2 - топор; 3-11 - кузнечные инструменты; 12 - псалий.
 1, 2 - бронза; 12 - кость; остальное - камень

Хреков А.А.

ПОСТЗАРУБИНЕЦКИЙ КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС РАСКАЗАНЬ-III В ПРИХОПЕРЬЕ

Для большинства довольно однообразных постзарубинецких культур Восточной Европы в первой половине I тыс. н. э. одним из источников по исследованию мировоззрения населения являются культовые объекты. Самым сложным является вопрос, какие памятники считать культовыми? Многие из них не имеют никаких внешних признаков, расположены за пределами синхронных им поселений, самым массовым материалом здесь являются черепки посуды и кости животных, иногда дополняемые обычными бытовыми вещами. То есть внешне культовые объекты не имеют определенно выраженной функциональной направленности и рассматриваются исследователями наряду с жилыми и хозяйственными сооружениями. Ямы с костями животных чаще всего считаются мусорными или погребями для хранения пищи [Русанова, 2002. С. 11]. В связи с этим при исследовании памятника не всегда выявляются все характерные особенности и его дальнейшая интерпретация. По сравнению с тем существенным значением, какое верование и обряды играли в жизни язычников, о культовых памятниках на территории постзарубинецкого населения практически мало что известно. Не последнюю роль в этом видимо сыграл кризис и распад зарубинецкой культуры, повлекший за собой не только массовые миграции, изменения в системе хозяйства, расселения, но и изменения (перестройку в новых условиях) в сфере мировоззрения.

Среди культовых объектов постзарубинецкого облика на территории лесостепного Прихоперья особое место занимает Рассказань-III, открытый автором в 1993 и исследованный в 1996–1997, 1999 гг. [Хреков, 1997. С. 40–55; Он же, 2001, С. 3–21].

Памятник расположен на дюнном всхолмлении, в широкой пойме левого берега реки Хопер, в 1,5 км к западу от с. Рассказань Балашовского района Саратовской области (рис. 1, А) Размеры дюны 200 x 140 м, высота склонов более трех метров. Поверхность хорошо задернована. С востока к дюне примыкает открытая пойменная поляна, в 100 м к северу находится сосновый лес, южный и западный склон выходят к берегу озера Рассказань.

Исследованная площадь к настоящему времени составляет 860 кв. м. Культовые напластования в пределах раскопа достигают 1,15 м. Основная

масса находок представлена комплексами неолита, бронзы, постзарубинецкого времени и раннего средневековья.

В публикации речь пойдет о материалах постзарубинецкого облика, представленных котлованами, приблизительно от 100 ям, лепной керамикой и, крайне редко, другими артефактами. Особенности почвы (промываемая супесь) позволили фиксировать очертания ям только на более светлом предматериковом слое и материке. Поэтому постзарубинецкая керамика, ранее отнесенная к культурному слою, вполне могла быть заполнением верхней части ям или концентрировалась вокруг них. Выборка постзарубинецких ям производилась как по характеру заполнения, так и по наличию грубой и лощеной керамики. Однако не исключено, что единичные фрагменты постзарубинецкой керамики в более ранних объектах могли оказаться случайно. Строгой закономерности в расположении ям не отмечено (рис. 1, Б), хотя известны случаи перекрывания (ямы 68–69; 70–71; 78–79; 81–82; 104–105). На вскрытой площади концентрация ям наблюдалась в центральной, западной и южной части раскопа. Все сведения о форме, размерах, конструкции, характере заполнения ям сведен в таблицу 1. Наиболее выразительные комплексы вынесены на рисунки 2–3.

При анализе размеров ям можно выделить приблизительно равные группы: ямы средних размеров (65 x 55 см; 87 x 85 см) и более крупные ямы (93 x 85 см; 135 x 130 см). Маленькие ямы (30 x 30 см; 45 x 44 см) – единичны. Глубина ям колеблется в пределах 5–80 см, однако большинство их углублено на 20–45 см.

По форме преобладают простые округлые и овальные в плане ямы, реже встречаются ямы подпрямоугольных очертаний, ямы с дополнительным углублением, ямы со ступенькой (рис. 2–3). Как правило, заполнение ям состоит из плотной темной супеси, в которой присутствуют остатки костра в виде золы и угля, мелкие кальцинированные косточки (от 1–2 до 47), фрагменты керамики от различных сосудов – иногда ошлакованные или повторно обожженные, кости животных и рыб. Часто угольки, зола, кости животных и рыб встречаются по всему заполнению, реже залегают на некотором определенном уровне (рис. 2–3) линзой или прослойкой. Более половины ям содержали только угольки, кости животных, рыб и фрагменты керамики. Некоторые ямы сверху были засыпаны чистым материковым песком (ямы 5, 31, 40). В двух случаях небольшие ямки (ямы 29, 60) были заполнены угольками и кальцинированными косточками.

Яма 29 (рис. 2, 13) в плане округлой формы, диаметром 30 см, глубиной в материке 7 см. Стенки чуть сужаются к плоскому дну. Заполнение – темная супесь с многочисленными включениями золы, угольков и мелких кальцинированных косточек (25). Концентрация косточек увеличивалась к центру ямки.

Яма 60 (рис. 2, 21) округлой формы, размером 45 x 44 см, глубиной в материке 5 см. Стенки вертикальные, дно плоское. Заполнение – темная супесь, многочисленные угольки и мелкие (35) кальцинированные косточки. Судя по заполнению, обе ямы представляют собой безурновые погребения постзарубинецкого круга. Явно ритуальный характер имели ямы № 2, 5, 9, 20, 37, 38, 40, 43, 46, 62, 64, 65, 81, 82, 86, 102, 104, 110, 118, 128, как впрочем, и другие. Приведем примеры наиболее ярких комплексов и характер их заполнения.

Яма 5 (рис. 2, 4) открылась округлым пятном чистого материкового песка мощностью до 40 см. В песке были встречены отдельные угольки и мелкие кальцинированные косточки. Далее на глубину до 60 см яма была забутована темной спекшейся супесью с включением угольков, кальцинированных косточек, мелких фрагментов грубой лепной керамики. На дне ямы находились нижние части двух сосудов (рис. 4, 1-5), один из которых стоял дном вверх. В районе сосудов отмечено скопление угольков.

Яма 9 (рис. 2, 6), заполнение – темная супесь. В верхней части заполнения находился бегунок жернова (рис. 18, 4), под которым обнаружены покрытые чешуей скелеты двух рыб. Ниже зафиксированы отдельные угольки, кальцинированные косточки, дно грубого сосуда и челюсть животного.

Яма 20 (рис. 2, 10). Длинными сторонами вытянута по линии северо-восток-юго-запад. Золисто угольное заполнение состояло из неполных развалов семи сосудов. Многие фрагменты сильно обожжены и ошлакованы. Среди сосудов встречены отдельные кальцинированные косточки, стенки лощеной керамики и пест (рис. 6, 1-8).

Яма 24 (рис. 2, 12). Длинными сторонами ориентирована по линии север-юг. Заполнение послойное: в верхней части выявлены остатки кострища диаметром около 50 см, мощностью до 10 см, ниже слоя темной супеси с коричневатым оттенком (35 см), ребра, зубы животных, фрагменты грубой и лощеной керамики (рис. 7, 1-6), далее до дна ямы заполнение состояло из сплошного слоя костей рыб и чешуи толщиной 15 см.

Яма 37 (рис. 3, 16). Заполнение неоднородно. На общем фоне темного заполнения ямы выделялось зольно-угольное пятно продолговатой формы с включениями фрагментов грубой и лощеной керамики. Наиболее крупные фрагменты от округлобочных горшковидных сосудов находились в центральной и западной части ямы. Помимо керамики комплекс дополняют 4 кальцинированные косточки и кварцитовый отщеп.

Яма 38 (рис. 3, 17). Заполнение послойное: верх – темная супесь мощностью до 20 см, кварцитовые отщепы, кальцинированная косточка, ниже фиксировалось дополнительное углубление подпрямоугольной формы, размером 92 x 80 см, впущенное в материк на 15 см и включавшее спекшийся зольно-угольный слой, 4 кальцинированные косточки, кости рыб, фрагменты грубой и лощеной керамики и миниатюрную стопку (рис. 8, 1-3).

Яма 40 (рис. 3, 18). Открылась округлым пятном желтого материкового песка, мощностью до 15 см, ниже отмечен зольно-угольный слой (15 см), в котором встречены кости животных, кальцинированная косточка и фрагменты грубых лепных сосудов, один из которых частично реконструирован (рис. 8, 6).

Яма 43. Овальной формы. Длинными сторонами ориентирована по линии и северо-запад – юго-восток. Заполнение – темная супесь, многочисленные скопления угольков, обожженные кости животных, фрагмент грубой и лощеной керамики, камень, шлак. В центре скопления (16 штук) кальцинированных косточек.

Яма 46 (рис. 3, 20). Длинными сторонами ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Заполнение неоднородное. На поверхности ямы, в северо-западной части, зафиксировано пятно коричневатозолистой супеси

размером 66 x 68 см, мощностью до 20 см, с многочисленными скоплениями угольков, золы, костей рыб, животных, отдельными кальцинированными косточками (6 штук) и фрагментами грубой керамики (рис. 9, 1-2). Отдельные фрагменты сильно обожжены. Заполнение основной массы состояло из темной супеси, отдельных угольков, фрагментов керамики и куска шлака с большим содержанием железа.

Яма 62 (рис. 3, 22). Заполнение послойное: верх – сплошной слой золы, угольков, отдельных комков глины мощностью 15 см, низ – вплоть до дна, более рыхлая темная супесь, кости животных, фрагменты грубой и лощеной керамики. На дне, в центре ямы, зафиксировано скопление золы 25-30 см, мощностью 7-8 см.

Яма 64 (рис. 3, 24). Заполнение – темная супесь, отдельные угольки, кости животных, фрагменты грубой и лощеной керамики, ручка сосуда (рис. 10, 2-10).

Яма 65 открылась овальным пятном темной супеси. Длинными сторонами яма ориентирована по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. В яме находились, аккуратно уложенные в естественном сочленении путовые кости (8 штук) лошади.

Яма 81 (рис. 3, 5). Длинными сторонами ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Заполнение послойное: верх – угольно-золистый слой, мощностью до 20 см, отдельные мелкие кальцинированные косточки (13 штук), обожженные и необожженные кости животных, развал сосуда (рис. 12, 1), фрагменты сосудов (рис. 12, 5-12), ручка сосуда с налепом (рис. 12, 4); низ открылся пятном 75 x 75 см, мощностью 39 см, заполненный сплошным слоем угольков, отдельными кальцинированными косточками (4 штуки), неполным развалом грубой (рис. 12, 2) и лощеной (рис. 12, 3) керамики, дно ямы заполнено до 10-12 см, сплошной массой рыбьих костей.

Яма 86. Овальной формы, длинными сторонами ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Заполнение – темная супесь. В верхней части заполнения находились аккуратно уложенные череп (лося), под ним скрещенные кости ног, угольки и мелкие кальцинированные косточки (7 штук). Ниже – отдельные скопления угольков, заготовка пряслица из стенки лощеного сосуда, фрагмент срубной и постзарубинецкой керамики.

Яма 104. (рис. 3, 11) частично перекрывалась ямой 105. Заполнение – темная супесь, в которой на разной глубине встречались угольно-золистые скопления, кости животных (ребра, челюсти, зубы), кости рыб, частично ошлакованные фрагменты грубой керамики, развал острореберного подлощенного мискообразного сосуда (рис. 15, 3).

Яма 105 (рис. 3, 12) частично перекрывала яму 104. Заполнение послойное: верх – плотный слой угольков, мощностью до 8 см, низ – темная супесь, отдельные угольки, кальцинированные косточки (3 штуки), фрагменты грубой керамики, кварцитовый отщеп, кости рыб, в том числе осетровых. В западной части ямы обнаружен развал грубого горшковидного сосуда (рис. 15, 1), под ним находился сломанный в древности железный нож (рис. 15, 2).

Яма 110 (рис. 3, 13). Заполнение послойное: верх на глубину до 9 см состоял из плотного слоя золы, угольков и отдельных фрагментов грубой кера-

мики, далее темная супесь мощностью до 17 см, небольшие скопления угольков, костей рыб и животных, кальцинированные косточки (5 штук), крупные фрагменты грубой (рис. 16, 3, 5–6, 8) и лощеной (рис. 16, 1, 7) керамики, обломок пряслища из стенки сосуда (рис. 16, 2) и каменный пест (рис. 16, 4). Дно ямы подстилалось слоем угольков и золы.

Яма 118 (рис. 3, 15). Заполнение послойное: верх – большое количество угля и золы мощностью 5–7 см, низ – темная супесь, отдельные угольки, комочки спекшегося песка, кости животных, фрагменты грубой и лощеной керамики (рис. 17, 4). Многие фрагменты ошлакованы.

Яма 128 (рис. 3, 17) с дополнительным ступенчатым углублением. Заполнение послойное: верх – на глубине до 20 см скопления угольков, костей животных и рыб (в том числе челюсть крупной щуки), фрагменты и развалы грубых горшковидных (рис. 19, 1–3), а также стенки лощеных сосудов. Кости животных обожжены. От начала ступеньки до дна ямы заполнение отличалось сплошным содержанием золы, угля и отдельных фрагментов грубой керамики.

Таким образом, устройство и характер заполнения большинства ям, видимо, позволяет отнести их к жертвенным, или особого вида культовым сооружениям. Об этом дополнительно свидетельствует большая скученность и количество ям, отсутствие жилых сооружений, практически закрытая озером и Хопром пойма, где расположен памятник.

Жертвенные ямы практиковались у многих языческих племен и народов с глубокой древности [Русанова, 2002]. Они встречаются как в комплексе с другими объектами, так и самостоятельно. Их общая особенность состоит в многообразном использовании и, в связи с этим, слоистом заполнении – слои жертвоприношений чередуются со стерильными прослойками засыпки. Для таких ям характерно наличие фрагментов керамики от разных сосудов, жертвенных вещей, костей животных и человека, применение огня. Некоторые исследователи рассматривают жертвенные ямы как отверстие в земле, вырытое для связи с подземным миром и для периодического принесения жертв хтоническим божествам.

Как у всех индоевропейских народов, верования постзарубинецкого населения Прихоперья были связаны с обожествлением сил природы, солнца, луны, огня, воды, магией плодородия, культом мертвых. Судя по историческим и этнографическим параллелям, огонь повсеместно использовался при священнодействиях, служил посредником между людьми и богами, ему – источнику тепла и жизни придавалось значение очищающей силы, уничтожающей на земле все вредное, защищающей от злых духов [Фрезер, 1986. С. 596]. Такой же магической силой обладали остатки костра, уголь и пепел [Иванова, 1983. С. 119]. Битье посуды тоже имело магическое значение и практиковалось при всевозможных случаях жизни – на свадьбах, при рождении ребенка, на похоронах. Общий смысл этого обряда состоял в том, чтобы способствовать переходу в другое состояние, возрождению, защите от злых сил [Свешников, Цивьян, 1979. С. 180–190]. Частой находкой в жертвенных ямах являются кости домашних животных, сохранение которых у многих народов мира считалось залогом их возрождения. Столь же распространено представление, что часть животного, особенно его голова, заменяет целое

[Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 195]. Очевидно магический смысл имело заполнение ямы 9 – бегунок ручного жернова, кости двух рыб в сочленении, челюсть животного, угольки, фрагменты керамики. Жернов мог символизировать связь с земледелием и плодородием, рыбы – влагу или водную стихию.

Особо следует отметить, что жертвенные ямы Рассказани и характер их заполнения находят параллели в погребальном обряде пшеворской и киевской культур.

Так в ямных погребения пшеворской культуры довольно широко был распространен обычай помещать в могилу сожжение, перемешанное с остатками костра и ритуально разбитыми в момент захоронения обломками глиняных сосудов. Большинство таких комплексов принадлежит к безинвентарным, лишь в очень немногих встречены железные ножи, шпилья, пряжки или глиняные пряслица. В.В. Седов подобные погребения в пшеворском ареале считает славянскими [Седов, 1994. С. 182–187].

Достаточно специфичен способ устройства захоронений киевской культуры, где подавляющее большинство безурновых погребений совершалось в округлых и овальных ямах. Инвентарь представлен обломками керамики часто от нескольких сосудов, иногда вторично обожженных и немногочисленными бытовыми вещами и украшениями. Кальцинированные кости, в незначительном количестве, помещены в ямы компактно или рассредоточено. Заполнение могло быть как однородным, так и стратифицированным (содержать в своем составе разные слои и прослойки). Зачастую в ямах фиксируются остатки погребального костра. Уголь и зола чаще всего встречаются по всей толщине заполнения или на каком-то определенном уровне. Тризновые остатки обычно представлены несожженными (реже пережженными) костями животных в видовом отношении тех же, что и на поселениях (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, в одном случае рыба [Обломский, 2007. С. 23–24; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 38–44]).

М.Б. Щукин предложил считать подобные комплексы не могильниками (местами захоронения человеческих останков), а «поминальниками», подчеркивая их связь с заупокойными культами [Щукин, 1990. С. 119–120]. Малое, как правило, количество кальцинированных костей, отсутствие жесткой системы их расположения, наличие в могильной яме остатков костра и тризны, свидетельствуют о том, что основным ритуалом препровождения умершего «в мир иной» считалось его сожжение на костре. В ямки на могильниках с кремациями помещались символические остатки костра. Поскольку последние могут находиться на разных уровнях заполнения вместе с остатками тризны, то по видимому, поминальное значение имел процесс забрасывания ям землей [Обломский, 2007. С. 24]. Для киевской культуры подобный ритуал является господствующим на территории, охватывающей Среднее и Верхнее Поднепровье, Подесенье, Днепровское левобережье, бассейн Северского Донца. Используя методику О.В. Петраускаса, киевские захоронения первой разновидности можно отнести к третьей модели обряда кремации, истоки которого появляются на некоторых зарубинецких могильниках Верхнего Поднепровья и Припятского Полесья (Чаплин, Семурядцы), хотя для большинства зарубинецких некрополей типичен другой способ захоронения [Петраускас, 1993. С. 109].

Не исключено, что часть «ямных» комплексов, исследованных в Рассказани, является «поминальниками-мемориалами», другая – жертвенниками, выполнявшими иные культовые функции – «святилище» [Хреков, 2008. С. 300–301].

Определенная направленность, связанная с земледельческим культом, отмечена и в ямах на окраине поселения Шапкино-II, на реке Вороне (приток Хопра). Заполнения ям состояло из золы, угольков, костей животных, мелких кальцинированных косточек, развалов сосудов и отдельных фрагментов керамики. Одна из ям была заполнена зернами пшеницы. В районе ям обнаружена нижняя половина корчаги, заполненная зольно-угольной массой и обугленным зерном пшеницы. Дно сосуда покоилось на подсыпке из золы и угольков [Хреков, 1999. С. 74–89]. Естественно, решение вопроса атрибуции подобных памятников требует целенаправленного исследования как на территории Прихоперья, так и сопредельных районов. Трудность заключается в «выделении» культовых объектов, которые, как отмечалось, не имеют определенно выраженной функциональной направленности и рассматриваются исследователями наряду с хозяйственными сооружениями (ямами, погребями). Заметим, что на позднезарубинецких и киевских поселениях на одно жилище приходится весьма значительное количество хозяйственных ям от 5–10, до 30–40 [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 35]. Возможно, часть ям (ямы со ступенькой) в Рассказани имела хозяйственное назначение.

Основой для определения культурно-хронологического статуса памятника Рассказань-III является керамика. Всего выявлено 2326 фрагментов и отдельные развалы сосудов. Подавляющая часть керамической коллекции представлена посудой, изготовленной ручным способом и отдельные развалы сосудов. По назначению она делится на кухонную (грубую) – 2019 фрагментов и столовую (лощеную) – 307 фрагментов. В ямах обнаружено 1029 фрагментов, в слое раскопа – 1297 фрагментов. Еще раз следует отметить, что постзарубинецкая керамика из культурного слоя при наложении планов, в основном концентрировалась над ямами и в районе ям.

Кухонная посуда сделана из грубого теста, в качестве примесей использовался крупный шамот и небольшая примесь песка. На некоторых фрагментах хорошо выявляется техника кольцевого налета из широких лент глины. Поверхность сосудов грубая, с выступающими зернами шамота, часто несет следы небрежного заглаживания пальцами или щепой, реже она более или менее заглаженная. Орнамент сравнительно редок. Обычно встречаются редкие косые насечки и вдавления по верхнему срезу венчика (рис. 5, 4–7; 11, 2; 15, 1; 21, 6, 9; 22, 2, 3; 24, 4, 14). Поверхностные вдавления чаще встречаются под венчиком (рис. 4, 2; 13, 1–3; 17, 1–2; 19, 1–2; 21, 1, 3, 5, 7). Практически вся груболепная посуда представлена горшкообразными формами различных размеров, которые в численном отношении составляют основу керамического комплекса. При анализе груболепных горшковидных сосудов нами учтено девять экземпляров, для которых реконструирован практически полный профиль, а также около 30 сосудов, восстановленных частично (от венчика до максимального расширения корпуса), что позволяет определить их принадлежность к тому или иному типу.

Горшковидные сосуды можно разделить на два класса по признаку ребристой или плавной профилировки корпуса. В комплексе, как правило, преобладают сосуды с плавным профилем (класс I), которые делятся на пять типов.

Тип 1, наиболее массовый, – сосуды средних размеров с расширением корпуса в верхней части с относительно суженной горловиной крутым или более покатым бочком (рис. 6, 1–7; 12, 1; 13, 1; 17, 1; 19, 1; 20, 1–3; 21, 1, 3, 5, 7).

Тип 2 – широкогорлые сосуды с максимальным расширением корпуса в верхней части, сравнительно высокой шейкой и узким дном. Представлен преимущественно корчагами (рис. 15, 1; 22, 1).

Тип 3 – горшки средних размеров с расширением корпуса в средней части с относительно суженной горловиной, раздутым или плавным профилем (рис. 5, 4; 8, 1; 12, 2).

Тип 4 – слабопрофилированные сосуды с едва выделенным прямым или чуть отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 1; 18, 6–7; 24, 4, 6–7, 14).

Тип 5 – банковидные сосуды с невыделенным прямым или загнутым внутрь краем (рис. 24, 1, 3, 5, 8, 13).

Класс II включает сосуды с ребристым перегибом корпуса, представлен незначительным количеством экземпляров и условно делится на три типа.

Тип 1 – корчаги с прогнутой линией профиля верхней части, широкой горловиной и узким дном (рис. 23, 1).

Тип 2 – горшки средних размеров с расширением корпуса в верхней части, сглаженным или приостренным ребром и отогнутым наружу венчиком (рис. 8, 6; 16, 3).

Тип 3 – биконические или цилиндрические горшки (рис. 6, 8).

Особую группу груболепной посуды составляют диски (рис. 4, 5; 17, 3; 18, 2; 24, 9–12), служившие вероятно крышками или лепешницами. Обычно края дисков закруглены или плоско срезаны. Подобные изделия были распространены среди керамики зарубинецкой культуры [Максимов, 1982. С. 20].

Сразу следует оговориться, что предложенная типология достаточно приближительна, так как основана на визуальном сопоставлении форм, а многие сосуды отличаются пропорциями или имеют признаки различных типов. В схему не вошли некоторые редкие формы, как, например миниатюрные сосудики, условно названные «стопками» (рис. 7, 11; 8, 2–3; 9, 2; 21, 4) с заглаженной поверхностью.

Лощеная (столовая) посуда представлена 307 фрагментами, что составляет 13,1% от всего керамического комплекса. Она изготовлена из хорошо промешанного теста, примеси очень мелкие, иногда в виде какой-то белой добавки. Поверхность тщательно заглажена, лощение черного, иногда серого или коричневатого цвета. Орнамент практически отсутствует. Лощеная посуда подразделяется на два класса: горшки и миски.

Среди горшковидных форм визуально определяются три типа.

Тип 1 – горшки с прогнутой линией профиля верхней части, слегка отогнутым наружу венчиком и узким дном (рис. 26, 1). Ребро расположено в верхней трети корпуса.

Тип 2 – горшки с более плавной профилировкой, отогнутым наружу венчиком и ребром в верхней части (рис. 27, 5).

Тип 3 – округлобокий сосуд с плавно отогнутым венчиком и максимальным расширением корпуса в верхней части. Представлен отдельными фрагментами, украшенными тонкими треугольными валиками и округлыми тычками (рис. 10, 5–9).

Миски можно разделить на четыре типа.

Тип 1 – широкооткрытые, с резким ребром в верхней части, с отогнутым наружу венчиком (рис. 15, 3).

Тип 2 – миски слегка закрытого вида, отогнутым наружу венчиком и резким или плавным ребром в средней части корпуса (рис. 5, 1; 11, 6; 12, 3; 19, 4; 27, 1).

Тип 3 – биконические миски с прямым или слегка наклонным во внутрь венчиком. Ребро расположено в верхней части сосуда (рис. 26, 4–5; 27, 3).

Тип 4 – достоверно представлен единственным фрагментом реберчатой миски с высоким вертикальным венчиком (рис. 26, 2).

Кроме выделенных типов лощеную посуду дополняют многочисленные фрагменты стенок (рис. 7, 6, 8; 8, 5; 17, 5; 23, 2; 26, 6; 28, 6–9), венчиков (рис. 5, 3; 9, 3–4; 27, 2, 4) и днищ (13, 2; 16, 7; 28, 10–15), полный профиль которых точно не реконструируется.

Своеобразие керамического комплекса Рассказань-III определяется довольно многочисленной группой лощенной керамики, что, собственно, продолжает традиции зарубинецкого времени, но прямой преемственности в формах сосудов не наблюдается. Особенно показательна в этом плане группа мисок типа 1–2. В литературе существует мнение о центральноевропейском происхождении подобных форм, конкретно в пшеворской культуре, где они появляются в конце позднего латена и максимально распространяются в раннеримское время [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 88–90, рис. 23]. Правда на рассказанских мисках отсутствует прорезной геометрический орнамент, столь характерный для пшеворских сосудов с зигзагообразным профилем. В Днепровском Левобережье такая керамика имеется на постзарубинецком поселении Картамышшево-II [Горюнова, 2004. С. 72, рис. 18, 4, 8], в меньшей степени на раннекиевском поселении Попово-Лежачи-4. [Обломский, 2003. С. 171, рис. 20, 4, 5, 7, 9] и Прихоперье [Хреков, 1995. С. 15, рис. 6, 1–2] на постзарубинецком поселении Шапкино-II. Однако, в коллекции Рассказани присутствует фрагментированный горшок, поверхность которого украшена зигзагом из тонких валиков, заполненных округлыми поверхностными вдавлениями (рис. 10, 5–9), обнаруженный в яме 64 вместе с груболепным сосудом и сероглиняными ручками от сосудов (рис. 10, 3–4). Точных аналогий в зарубинецкой и позднеримской (постзарубинецкой) керамике мы не обнаружили. Ближайшие прототипы известны в комплексах пшеворской культуры [Седов, 1994. С. 171, рис. 51, 5]. Во II в. н. э. и в позднеримское время на территории пшеворской культуры также появляются сосуды с горизонтальным валиком, известны они и по материалам Рассказани (рис. 26, 3; 28, 4–5). В настоящее время существует мнение, что памятники типа Рассказани – Шапкино-I-II появляются в бассейне р. Хопер, скорее всего в результате переселения в этот регион носителей древностей круга Картамышшево – Терновки [Обломский, Терпиловский, 2008. С. 259].

Особый интерес представляют фрагменты сероглиняной гончарной керамики от сосуда шаровидной формы (рис. 28, 1). Его стенки тонкие, подлощены, тулово украшено пояском из двух горизонтальных линий. По характеру теста, обжигу и фактуре поверхности этот сосуд напоминает черняховскую посуду. Материалы и объекты, синхронные черняховскому времени на памятнике Рассказань-III отсутствуют, поэтому, скорее всего, речь идет об импорте из причерноморской среды. На памятниках, близких рассазанским (Картамышшево-II, Терновка-2, Гочево-1, Попово-Лежачи-4, Шишино-5, Кулига и другие), помимо амфорной тары постоянно отмечалось присутствие гончарной посуды позднеантичного облика, в том числе красноглиняных и сероглиняных лощеных и нелощеных сосудов. При этом сероглиняную лощеную керамику определяли в качестве черняховской [Обломский, 1991. С. 48, 188, 195, 200], хотя большинство перечисленных памятников относится к предчерняховскому времени. На данный момент определенно установлено появление специфических сероглиняных гончарных форм в Причерноморском регионе, по крайней мере, на полтора столетия раньше, чем в черняховской культуре, начиная с конца I в. н. э. – до первых десятилетий III в. н. э. [Гудкова, 1999. С. 270]. Для определения источника подобной керамики во II – начале III в. н. э. есть еще несколько вариантов (Северокавказский, Прикубанский, Нижнедонской), но все они не связаны с черняховской культурой. Дополнительным подтверждением этому положению является ручка от сосуда темно-серого цвета с заглаженной и чуть подлощенной поверхностью (рис. 12, 4), обнаруженной в яме 81, вместе с груболепной и лощеной посудой (рис. 12, 1–3, 5–12). В основании ручки имеется налеп в виде поперечного валика. Аналогии такому способу декора довольно широко известны в материалах позднесарматского времени Волго-Донского междуречья [Сергацков, 2000. Рис. 77, 1] и на Северном Кавказе [Абрамова, 1987. С. 80, рис. 41, 15] в первые века нашей эры. Вероятно, проникновение сероглиняной керамики с характерной валиковой орнаментацией в Восточную Европу опережало формирование черняховской культуры [Горюнова, 2004. С. 47].

И наконец, следует отметить верхнюю часть красноглиняного гончарного кувшина с выделенным носиком – сливом (рис. 14, 5) из ямы 99 в комплексе с грубой и лощеной керамикой (рис. 14, 1–4). Сосуд имел утолщенный венчик средней высоты, горловину и раздутое тулово. Видимо, этот тип кувшинов изготавливался в ремесленных центрах Северного Причерноморья в рамках II–III вв. н. э.

Группу производственно-хозяйственного инвентаря составили изделия из глины, камня, бронзы и железа. Наиболее массовой находкой на памятнике являются плоские дисковидные пряслица (рис. 16, 2; 29, 1–3) и их заготовки (рис. 29, 4–5), вырезанные чаще всего из стенок лощеных сосудов. Подавляющее большинство дисковидных пряслиц происходит с поселений Попово-Лежачи-4, Шишино-5, а так же могильника Шишино-5, которые относятся к первому хронологическому этапу киевской культуры деснинского и сейминско-донецкого варианта. Позже на памятниках этого региона (второго этапа) они единичны. Это демонстрирует их связь с предшествующими позднезарубинецкими (постзарубинецкими) древностями [Обломский, Радюш, 2007.

С. 31]. Дополняет категорию глиняных изделий продолговатая трубка с отверстием в центре (обломок свистка?) и грибовидная «фишка» (рис. 29, 6–7).

Каменный инвентарь представлен зернотеркой, абразивами на кусках рваного мелкозернистого песчаника, пестами (рис. 6, 2; 16, 4) и бегунком ручного жернова (рис. 18, 4) из плотного известняка. Диаметр жернова около 35 см, толщина 6–6,5 см. Чуть в стороне от центра имеется подпрямоугольное отверстие размером 7 x 7 см. на рабочей поверхности хорошо заметны круговые борозды от вращения. Ротационные ручные мельницы появились в Северном Причерноморье, видимо, в конце эллинистического периода и широко распространились в римское время. На гетских памятниках Нижнего Подунавья и позднескифских городищах Нижнего Днепра они известны с I–II вв. н. э., но в быту варварского населения, жившего к северу от черноморских берегов, прочно укрепились только в конце раннеримского времени, вытеснив традиционные зернотерки [Магомедов, 1987. С. 65].

Подобные жернова, с овальным или квадратным отверстием на бегунке Р.С. Минасян относит к варианту А второй группы мельничных устройств, которые появляются в позднеримское время на территории Германии, Польши, Скандинавии и в ареале черняховской культуры [Минасян, 1978. С. 104–106]. На поселениях лесостепной зоны России они пока не обнаружены, за исключением крупного обломка из культурного слоя Борисоглебское-4 на Хопре [Обломский, Радюш, 2007. С. 33], но довольно часто встречаются на киевских памятниках периода черняховского влияния, расположенных на территории Украины [Магомедов, 1990. С. 162–163]. Такая постановка вопроса затрудняет решение проблемы о верхней хронологической границе памятника Рассказань-III до появления узко датированных материалов.

Изделия из бронзы представлены рыболовным крючком с глухим ушком и выделенным жалом (рис. 29, 8), куском изогнутого стержня (рис. 29, 9), согнутыми в верхней части, фрагментами тонких пластин (рис. 29, 10–11) и многовитковой прониэью (рис. 29, 12).

К предметам из железа относятся ножи с прямой (рис. 29, 13) и слегка изогнутой спинкой (рис. 15, 2), проколка (рис. 29, 14) и миниатюрный гвоздик (рис. 29, 15).

Единственное изделие из стекла представлено овальной бусиной с внутренней позолотой (рис. 29, 16), которая относится к типу 1, варианту Б по Е.М. Алексеевой и датируется I–IV вв. н. э. [Алексеева, 1978. С. 29–30]. М. Темпельманн-Манчинская относит эту категорию бус к типу 387 и датирует концом I – первыми десятилетиями III в. [Tempelmann-Maczynska, 1985. S. 64].

Таким образом, отсутствие узко датированных вещей (с учетом керамического комплекса) позволяет нам отнести Рассказань-III к пласту постзарубинецких и раннекиевских памятников, более осторожно – до момента становления черняховской культуры в Днепро-Донском междуречье.

Литература:

- Абрамова М.П.* Подкумский могильник. М. 1987.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, Г 1-12. М., 1978.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейские языки и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. М., 1984.
- Горюнова В.М.* Поселение Картамышево-II (постзарубинецкая эпоха на Верхнем Псле). Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. СПб., 2004.
- Гудкова А.В.* I-V вв. в северо-Западном Причерноморье. (Культура оседлого населения) // Stratum plus. СПб., Кишинев, Одесса. 1999. № 4.
- Иванова Ю.В.* Обрядовый огонь // Календарные обычаи и обряды зарубежной Европы. Т. 4. М., 1983.
- Магомедов Б.В.* Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.
- Магомедов Б.В.* Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора, оружия. В гл. этнокультурные процессы во второй четверти I тыс. н. э. на территории Восточной Европы // Славяне Юго-восточной Европы в предгосударственный период Киев, 1990.
- Максимов Е.В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982.
- Минасян Р.С.* Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тыс. н. э.) // СА. 1978. № 3.
- Обломский А.М.* Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V в. н. э. М., Сумы, 1991.
- Обломский А.М.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III - первая половина V в. н. э.). М., 2003.
- Обломский А.М.* Могильники и погребальный обряд // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III - начало V в. н. э.). М., 2007.
- Обломский А.М., Радюш О.А.* Вещевой комплекс // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III - начало V в. н. э.). М., 2007.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* о происхождении восточной ветви ранних славян (I-V вв. н. э.). Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II - М.: ИА РАН, 2008.
- Петраускас О.В.* История обряда кремации на территории Среднего Поднепровья в I тыс. н. э. Дисс.канд.истор.наук. Киев // Архив института археологии НАН Украины. 1993.
- Русанова И.П.* Истоки славянского язычества. Черновцы. 2002.
- Свешников Т.Я., Цивьян Т.В.* К функции посуды в восточнороманском фольклоре // Этническая история восточных романцев. М., 1979.
- Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994.

- Сергацков И.В.* Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С.* Памятники киевской культуры. Киев, 1992.
- Фрезер О.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1986.
- Хреков А.А.* Культовое место Шапкино-I и некоторые вопросы мировоззрения постзарубинцев Прихоперья в первые века нашей эры. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 г. Саратов, 1998. Вып. 3.
- Хреков А.А.* О соотношении постзарубинецких погребальных и культовых комплексов лесостепного Прихоперья. Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. Т. II М.: ИА РАН, 2008.
- Хреков А.А.* Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Шукин М.Б.* Раскопки у хутора Кулига в верховье Пела // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
- Tempelmann-Maczyńska M.* Die Perlen der roemischen Keiserzeit und fruehren Phas der Voelerwanderungszeit im mitteeuropaeischen Barbaricum Mainz. 1985.

РАСКАЗАНЬ-3. ПАРАМЕТРЫ И ХАРАКТЕР ЗАПОЛНЕНИЯ ЯМ

№ ям.	форма	размеры (см)	глубина в материке (см)	калье-косты	кости животных	кости рыб	керамика		уголь зола	прочий инвентарь	Характер заполнения
							грубая	дошеч			
1	Округлая	85×80	15	-	+	-	23	6	+	-	Темная сулесь, отдельные угольки, кости животных, фр. керамики
2	Прямоугольная	93×72	7	-	-	-	3	-	+	-	Золисто-угольная сулесь, фр. керамики
3	Овальная	125×103	25	7	+	-	11	-	+	-	Темная сулесь, угольки, кости жив., фр. керамики, калы. кост.
4	Округлая	68×60	25	2	+	-	2	2	+	-	Темная сулесь, угольки, кости жив, калы, кост. фр. керамики.
5	Округлая	87×85	60	12	-	-	16	-	+	-	Полойнос: верх – материковый песок, отд угольки, калы кост. Низ – темная сулесь, скопления угольков, калы кост, фр. керамики.
6	Округлая	135×130	15	3	-	-	3	1	+	-	Темная сулесь, отдельные угольки, калы, кости, фр. керамики.
7	Овальная с дополн. углубл.	130×115	60	5	+	-	9	-	+	-	Верх – темная сулесь, отд. угольки, кости животного, калы, кости, фр. керамики. На дне углубление заполненное коричневатой сулесью.
8	Округлая	82×80	20	47	-	-	-	развал	+	-	Темная сулесь с отд. угольками, калы, кости, фр. керамики.
9	Округлая	100×95	40	6	+	-	1	-	+	Жернов	Темная сулесь – в верхней части жернов, под ним скелеты 2 рыб, ниже фр. керамики, калы кости, угольки, кости животного.
10	Овальная с дополн. углубл	112×100	23	2	+	+	7	-	+	-	Верх – темная сулесь, угольки, кость жевотн, калы, косточки, фр керамики, на дне углубление с зольным наполнением, чешуя рыб, кости рыб, угольки фр. керамики.
11	Округлая	65×55	23	-	-	-	2	1	+	-	Темная сулесь, отдельные угольки, фр. керамики.
12	Округлая	93×85	14	-	-	-	5	-	+	-	Темная сулесь, отдельные угольки, фр. керамики.

№ ям.	форма	размеры (см)	глубина в материке (см)	калье-косты	кости животных	кости рыб	керамика		уголь зола	прочий инвентарь	Характер заполнения
							грубая	лощен			
13	Овальная	162×125	20	-	-	-	2	-	+	-	Темная супесь, отдельные угольки, фр. керамики, обгорелая плашка.
14	Овальная	95×80	25	-	+	-	4	1	+	Отщеп	Темная супесь, отдельные угольки, фр. керамики, кости животных, отщепы.
15	Овальная	78×55	25	4	+	-	Трасса л	2	+	Отщеп	Темная супесь, большое количество золы, угля, кости животных, отд. калы, кости, неполный развал, фр. лощеной керамики, отщеп.
16	Овальная	90×72	82	-	-	-	29	-	+	-	Темная супесь, отд. угольки, фр. керамики.
18	Округлая	100×90	78	-	+	-	2	-	-	-	Послойное – верх материковый песок, низ – темная супесь, фр. керамики.
19	Округлая	100×97	77	-	+	-	6	-	+	-	Темная супесь, отдельные угольки, кость животного, фр. керамики.
20	Овальная	90×60	26	6	-	-	Трасса л	1	+	Песк	Сплошное золяно-угольное заполнение, развалы семи сосудов, фр. лощеной стенки, калы, косточки и песк.
21	Овальная	90×70	44	-	-	-	2	-	+	-	Темная супесь, отд. угольки, фр. керамики.
22	Подпрямоугольная с лощеным углублением	82×48	10	3	-	-	7	3	+	-	Послойное: верх – темная спекшаяся углестая супесь, фр. керамики, калы, косточки, низ – лигза угольков.
23	Подпрямоугольная	100×85	20	-	-	-	12	3	+	-	Темная супесь, отдельные скопления золы, угля, фр. керамики.
24	Овальная	130×85	50	5	+	+	15	1	+	-	Послойное: верх – кострище, далее темная супесь, кости животных, фр. керамики, низ – сплошной слой чешуи и кости рыб
25	Подпрямоугольная	115×85	32	5	+	-	15	1	+	-	Темная супесь, отдельные угольки, кости животных, калы, косточки, фр. керамики.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

№ ям	форма	размеры (см)	глубина в материке	калье кости	кости животных	кости рыб	керамика		уголь зола	прочий инвентарь	Характер заполнения
							грубая	лицев			
26	Округлая	84×80	22	-	-	-	4	-	+	-	Послойное – верх – обожженная красноватая прослойка песка, низ – темная сулесь, угольки, фр. керамики.
27	Овальная	110×100	26	-	-	-	3	-	+	Отщеп	Темная сулесь, многочисленные угольки, фр. керамики.
28	Округлая	63×58	22	-	-	-	1	-	+	Отщеп	Темная сулесь, многочисленные отдельные угольки, фр. керамики.
29	Округлая	30×30	7	25	-	-	-	-	+	-	Темная сулесь с многочисленными включениями золы, угольков, мелких калыц, косточек.
30	Округлая с дополнительным углублением	77×73	26	-	-	-	1	-	+	Отщеп	Послойное: верх – темная сулесь, угольки, фр. керамики, отщеп, низ – плотный слой угольков.
31	Округлая	83×77	32	3	-	-	13	2	+	-	Послойное: верх – светлый песок, низ – темная сулесь, многочисленные скопления угольков, калыц, косточки, фр. керамики.
32	Овальная	116×98	27	5	-	-	2	-	+	Отщеп	Послойное: верх-низа светлого песка, низ – темная сулесь, отдельные угольки, калыц, косточки, фр. керамики.
34	Округлая	98×90	34	-	+	-	15	-	+	-	Послойное: верх – темная сулесь, скопления угольков, калыц, косточки, фр. керамики, низ – плотный слой угольков
35	Округлая с дополнительным углублением	87×78	40	4	-	-	6	-	+	-	Темная сулесь, угольки, калыц, косточки, фр. керамики.
36	Округлая с доп. углуб.	125×122	49	1	+	-	5	-	+	Камень отщеп	Послойное: верх – лигза светлого песка, низ – темная сулесь, фр. керамики, кость животного, отщеп, камень

№ ям	форма	размеры (см)	глубина в материке	кальце кости	кости животных	кости рыб	керамика		уголь зола	прочий инвентарь	Характер заполнения
							грубая	лощен			
37	Овальная	85×77	20	4	+	-	24	2	+	Отщеп	Неоднородное: на фоне темной супеси выделялась угольно-золотистая лигза с фрагментами керамики, калы, косточки, в темной супеси обнаружены фр. керамики, череп бобра.
38	Округлая с дополнительным углублением	110×105	35	5	+	+	34	1	+	Отщеп	Послойное: верх – темная супесь, отщепы, низ – слой спекшейся золы и угля, калы, косточки, фр. керамики, кости рыб.
39	Овальная	80×70	20	3	+	+	8	3	+	Шлак	Сильно спекшаяся зольно-угольная супесь, калы, косточки, фр. керамики, кости животных и рыб, кусочки шлака.
40	Округлая	85×71	30	1	+	-	35	-	+	-	Послойное: верх – светлый песок, низ – спекшаяся золисто-угольная супесь, кости животных, калы, косточки, фр. керамики.
41	Овальная	90×76	20	-	+	-	10	-	+	-	Темная супесь, отдельные скопления угольков, фр. керамики.
42	Округлая	60×60	20	-	-	-	1	-	+	-	Плотная коричневатая супесь, отдельные скопления угольков, фр. керамики
43	Овальная	100×85	29	16	+	-	20	1	+	Шлак, камень	Темная супесь, угольки, калы, косточки, кости животных шлак, камень
44	Округлая	114×105	38	3	-	-	5	-	+	Отщеп	Послойное: верх – темная супесь, низ – плотный слой угольков, калы, косточки, фр. керамики.
45	Округлая	105×90	34	-	+	-	7	-	+	-	Темная супесь, отдельные угольки, кости животного, фр. керамики.
46	Овальная	153×115	40	6	+	+	26	-	+	Шлак - крица, отщеп	Неоднородное: в верхней части лигза коричнево-золотистой супеси с многочисленными вкраплениями угольков, костей рыб, фр. керамики, основное заполнение – темная супесь, отдельные угольки, кости животных, фр. керамики, шлак-крица, калы, косточки

№ ям	форма	разме- ры (см)	глубина в мате- рике	кальце- кости	кости живот- ных	кости рыб	керамика		уголь зола	прочий интер- нетарь	Характер заполнения
							грубая	лощен			
47	Овальная	90×84	22	-	+	-	8	1	+	-	Темная сулесь, отдельные угольки, фр. керамики.
53	Округлая	70×68	30	1	-	-	23	8	+	-	Темная сулесь, отдельные угольки, калыц косточки, фр. керамики.
54	Округлая	100×105	52	-	+	-	22	2	+	Отщепы	Темная сулесь, отдельные скопления золы, угольков, кости животных, отщепы, фр. керамики.
56	Округлая	105×105	40	5	+	-	22	-	+	Отщеп	Темная сулесь с многочисленными скоплениями золы и угольков, кости животных, калыц, косточки, фр. керамики.
60	Круглая	45×44	5	31	-	-	-	-	+	-	Темная сулесь с многочисленными угольками и калыц косточками.
61	Округлая	65×63	35	6	+	-	20	-	+	-	Темная сулесь, скопления золы угольков, кости животных, калыц, косточки, фр. керамики.
62	Округлая	85×80	35	-	+	-	32	1	+	-	Послойное: верх – сплошной слой золы, угольков, комки глины, низ – темная сулесь, кости животных, фр. керамики, на дне ямы линза золы и угля.
63	Овальная	65×53	36	-	+	+	8	1	+	-	Темная сулесь, отдельные угольки, кости животного, кости рыб, фрагменты керамики.
64	Подпря- моуголь- ная	75×60	25	-	+	-	24 развал	8	+	Серогли- няная ке- рамика, ручка со- суда	Темная сулесь, отдельные угольки, кости животных, фр. керамики.
65	Овальная	24×15	10	-	+	-	-	-	-	-	Темная сулесь, в которой аккуратно уложе- ны луговые кости лошади.
66	Округлая	120×115	30	-	-	-	3	-	+	Отщепы	Однородное – темная сулесь с включениями отд. угольков, фр. керамики.
67	Округлая	125×130	17	-	-	-	5	-	+	-	Темная сулесь с включениями отд. угольков, Фр. керамики.

№ ям	форма	размеры (см)	глубина в материке	кальце кости	кости животных	кости рыб	керамика		уголь зола	прочий инвентарь	Характер заполнения
							грубая	лицен			
68	Округлая с доп. углуб.	100×85	35	6	+	+	8	-	+	Ощеп	Послойное: верх – темная супесь, угольки, низ – сплошной слой золы, угля, фр. керам.
69	Округлая	93×91	30,5	-	+	-	1	1	+	Отщепы	Темная супесь с отдельными угольками, в центре линия из угля и золы.
70	Подпрямоугольная с доп. угл.	125×90×65	27	-	-	-	21	-	+	Шлак	Послойное: верх – серая супесь, низ – темная супесь с вкл. отд. угольков, фр. керамики.
71	Круглая	80×80	29	5	+	-	27	2	+	Отщеп	Темная супесь с большим кол. золы и угля.
72	Округлая с доп. угл.	132×129	25	-	+	+	2	-	+	-	Верх – темная супесь, низ – линия золы, угля, кости рыб, фр. керамики.
74	Округлая	84×80	30	9	+	-	9	3	+	-	Темная супесь – отд. скопл. угольков, кости жив-х., фр. керамики.
75	Подпрямоугольная	130×100	45	8	+	+	3	-	+	-	Верх – темная супесь, низ – линия темной золы, угля, калы, кости.
76	Округлая	90×78	30	-	+	-	11	-	-	Отщеп	Темная супесь, фр. керамики, кости жив-х.
78	Округлая	75×74	30	-	-	-	2	-	-	Отщеп	Темная супесь, фр. керамики.
79	Округлая	95×73	20	-	+фр.черепа	-	1	-	-	-	Серая супесь, фр. керамики, кости животного.
81	Овальная	115×90	71	17	+	по-слоyno	46, развал.	Развал ручки с налеп. пом.	послед. слойное	-	Послойное: верх – темная супесь, угольки, кости животных, фр. кер., калы, кости; низ – слой угля, золы, рыб, калы, кости, фр. керамики.
82	Овальная	75×44	25	-	-	скопление	9	-	+	-	Темная угольно – золистая супесь, фр. керамики, кости рыб.
83	Овальная	80×65	35	4	+	-	3	-	+	-	Темная супесь, отд. скопления золы, угля, фр. керамики, калы, кости.
84	Овальная с доп. углуб.	95×77	55	1	+	-	13	2	+	Отщеп	Послойное: верх – темная супесь, отд. угольки, фр. керамики, низ – зола, уголь.
85	Овальная с доп. углуб.	85×80	59	-	+	-	25	2	+	Отщепы.	Послойное: верх – темная супесь, фр. керамики, отщепы, низ – зола, уголь, фр. керам.

№ ям	форма	размеры (см)	глубина в материке	калье кости	кости животных	кости рыб	керамика		уголь зола	прочий инвентарь	Характер заполнения
							грубая	лицей			
86	Овальная	105×100	65	7	+	-	1	-	+	Заготовка пряслица	Темная супесь, угольки, калы, кости, фр. керамики, затот. прясел, скрещенные кости ног и череп лося.
87	Округлая	70×68	40	1	+	-	7	-	+	-	Темная супесь, угольки, зола, кости жив-х, калы, кости, фр. керамики.
89	Овальная	100×78	53	2	-	-	14	2	+	Лощило, камень	Послойное; верх – слой зола, угля, середина – темная супесь, зола, уголь, калы, кости, фр. керамики, кости жив-х, низ – слой угля, зола.
91	Округлая	98×95	50	5	+	-	4	-	Линга	-	Послойное; верх – остатки древесной трухи коричневого цвета; середина – темная супесь, отд. угольки, калы, кости, фр. керамики, низ – скопление угля.
93	Подпрямоугольная	103×80	28	-	+	-	4	-	+	-	Послойное; верх – светло – серый песок, низ – темная супесь, отд. угольки, фр. керамики, кости животного.
96	Округлая	107×100	40	-	+	-	11	-	-	Отщепы	Темная супесь, фр. керамики, кости жив-х.
99	Округлая	80×75	35	-	+	+	19 + Прязв.	1	+	Верхняя часть красно-глин. кувшина	Слопнно слой зола, угля, костей рыб, животных и фр. керамики.
102	Округлая	86×84	21	4	+	-	14	-	Линга	Отщеп, Заготовка пряслица	Послойное; верх – темная супесь с фр. керамики, кости животных, калы, кости, низ – скопление (линга)углей.
103	Округлая	75×72	35	-	+	-	6	1	+	-	Коричневая супесь, фр. керамики, зола, уголь, кости жив-х.
104	Овальная	110×83	40	-	+	+	2	развал	+ скопления	-	Темная супесь с золяно – угольямии скоплениями, кости жив., рыб, фр. керамики.
105	Округлая	105×95	50	3	-	+	6, развал	-	по-слойно	Отщеп, нож железный	Послойное; верх – плотный слой зола, угольков, низ – темная супесь, отд. скопи. угольков, фр. керамики, кости рыб.

№ ям	форма	размеры (см)	глубина в материке	калье- кости	кости животных	кости рыб	керамика		уголь зола	прочий инвентарь	Характер заполнения
							грубая	лицей			
106	Округлая	105×100	21	3	+	-	3	-	+	-	Темная сулесь, отд. угольки, кости жив-х, калы. кости, фр. керамики.
107	Округлая	72×70	60		+	-	7	-	+	-	Слопное золисто – угольное заполнение, кости жив, фр. керамики
110	Округлая	110×105	30	5	+	+	27	7	по-слойно	Пест, об-ломок пряслица	Послойное; верх – слой зола, угля, темная сулесь, калы; кости, фр. керамики, дно – слой зола, угля.
111	Округлая	75×75	35	-	+	-	11	1	+	-	Темная сулесь, отд. угольки, кости живот. фр. керамики.
112	Округлая	120×118	40	-	+	-	8	2	+	Отщепы	Темная сулесь, скопления угля, кости жив-х, фр. керамики.
113	Округлая	85×85	57	-	+	+	7	6	+	Отщеп, абразив	Послойное; верх – зола, уголь, кости рыб, фр. керамики, низ – темная сулесь с отдельными скоплениями угля.
114	Овальная	100×91	50	-	+	+	7	1	+	-	Послойное; верх – зола, уголь, кости рыб, фр. керамики, низ – темная сулесь, скопле-ние угольков.
115	Округлая	45×45	20	-	+	+	6	1	+	-	Темная сулесь, отдельные скопления зола, угля, кости животных, рыб.
117	Округлая	70×70	30	-	-	-	2	-	+	-	Темная сулесь с большим количеством угольков и зола, фр. керамики.
118	Округлая	110×100	34	-	+	-	43	2	+	-	Послойное; верх – зола, уголь, низ – темная сулесь с отдельными включениями угольков, кости жив., фр. керамики, комки песка.
122	Овальная	120×105	43	6	+	-	10	-	-	Отщепы	Темная сулесь, калы, кости, фр. керамики, кости птиц, кости животных.
124	Овальная	105×75	70	-	+	-	7	1	-	-	Темная сулесь, фр. керамики, угольки.
125	Овальная с дополн. углубл.	115×105	35	-	+	+	8	-	+	-	Послойное. Верх – темная сулесь, кости живот, фр. керамики на дне плотный слой раковин и рыбьей чешуи.
127	Овальная	110×100	60	-	+	+	6	1	-	Отщеп	Темная сулесь, кости жив-х., рыб, угольки, фр. керамики.

№ ям	форма	размеры (см)	глубина в материке	кальце кости	кости животных	кости рыб	керамика		уголь зола	прочий инвентарь	Характер заполнения
							грубая	лицен			
128	Овальная с доп. углуб.	130×115	60	-	+	+	27, 3 разва-да	2	+	-	Послойное: верх – темная супесь, скопление угольков, кости жив-х, рыб, разв. сос-в Низ - лигза угля зола в центре, фр. керамики.
129	Округлая	90×85	25	3	-	+	6	2	+	Отщеп	Темная супесь, скопление угольков, кости животных, рыб, фр. керамики чешуя, раковины, кальц. кост.
131	Округлая	80×70	65	-	+	-	9	2	+	Отщеп	Слопная зольнол-угольная супесь, фр. керамики, кости животных.
135	Округлая	67×65	21	3	+	-	6	-	+	-	Темная супесь, угольки, кости жив., кальц. кости, фр. керамики
136	Овальная	70×55	25	-	-	-	2	-	+	-	Темная супесь, угольки, фр. керамики.
137	Овальная	80×62	30	-	+	-	3	-	+	Отщеп	Темная супесь зола, угольки, кости жив-х, фр. керамики.

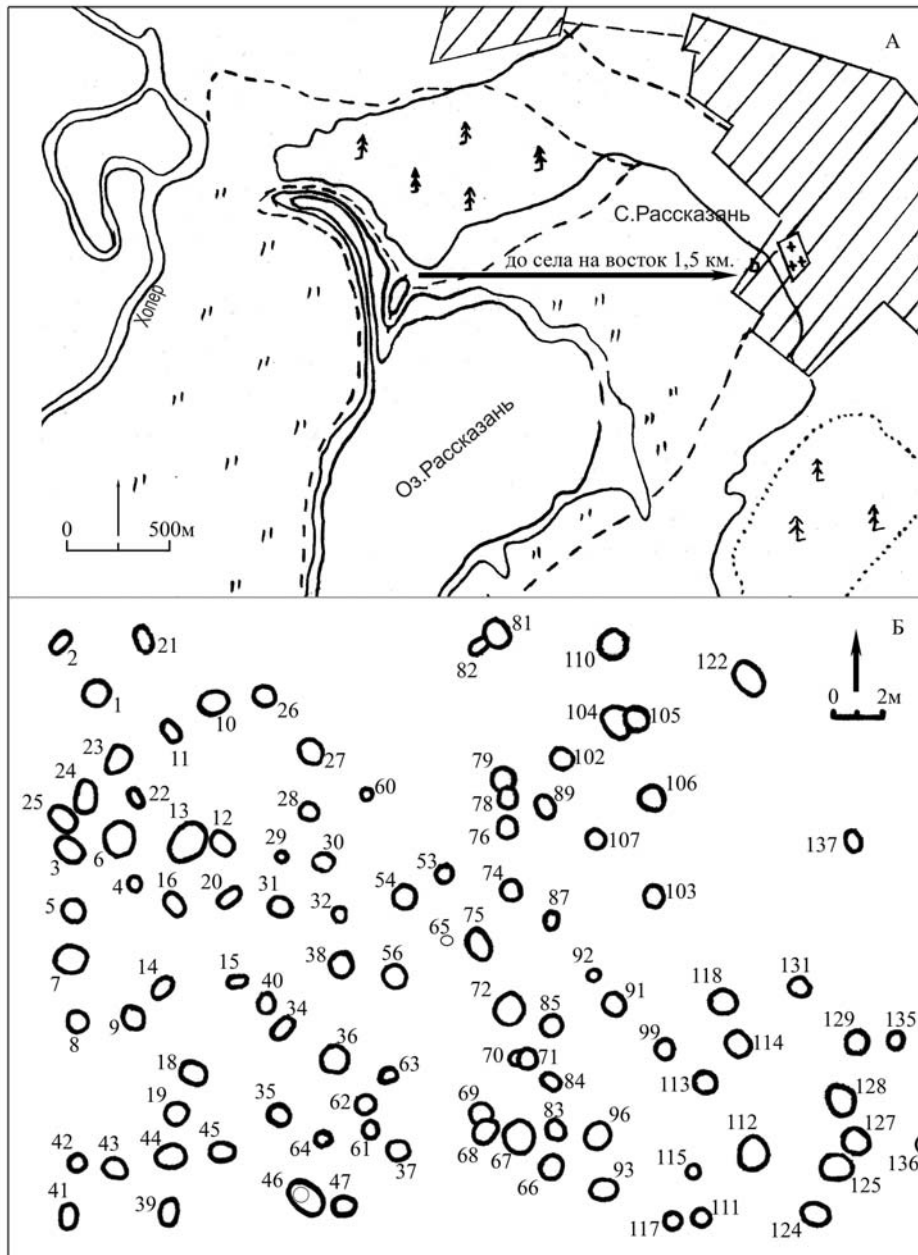

Рис. 1. Рассказань-III. А - ситуационный план; Б - общий план расположения ям

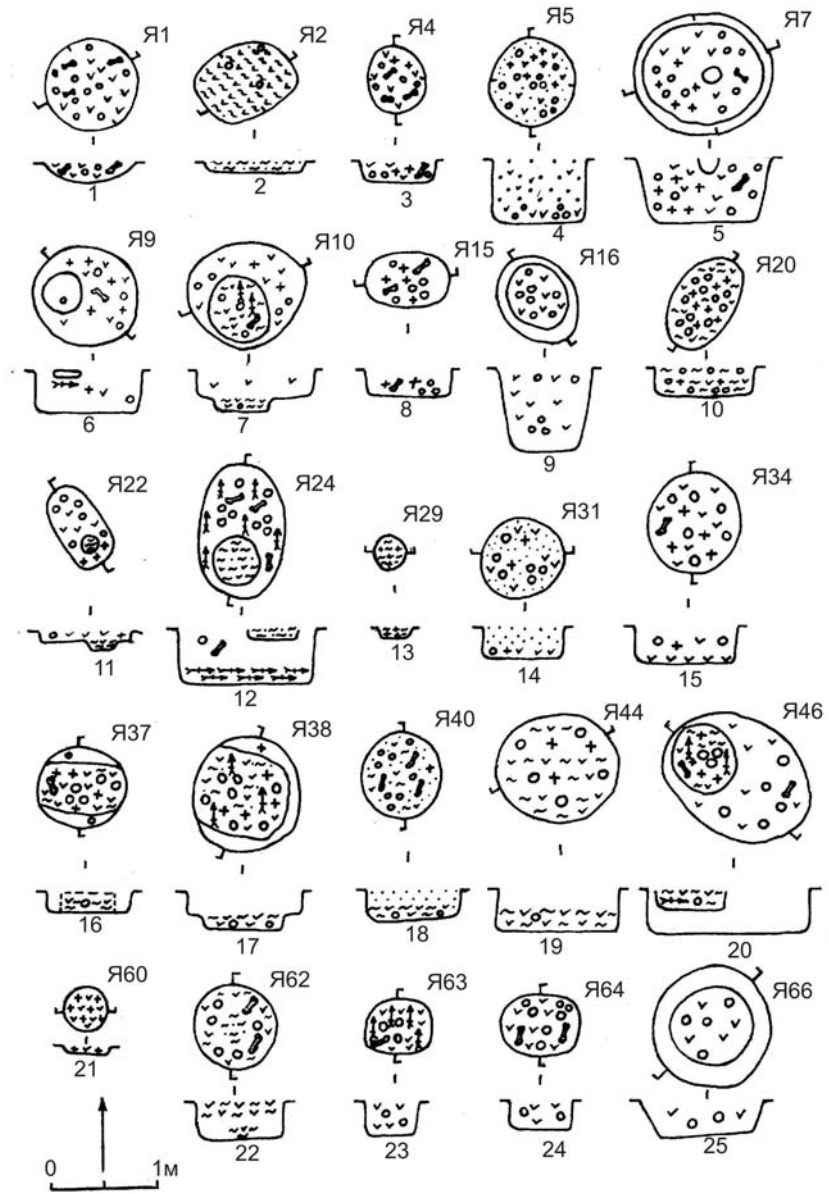

Рис. 2. Рассказань-III. Планы и профили ям

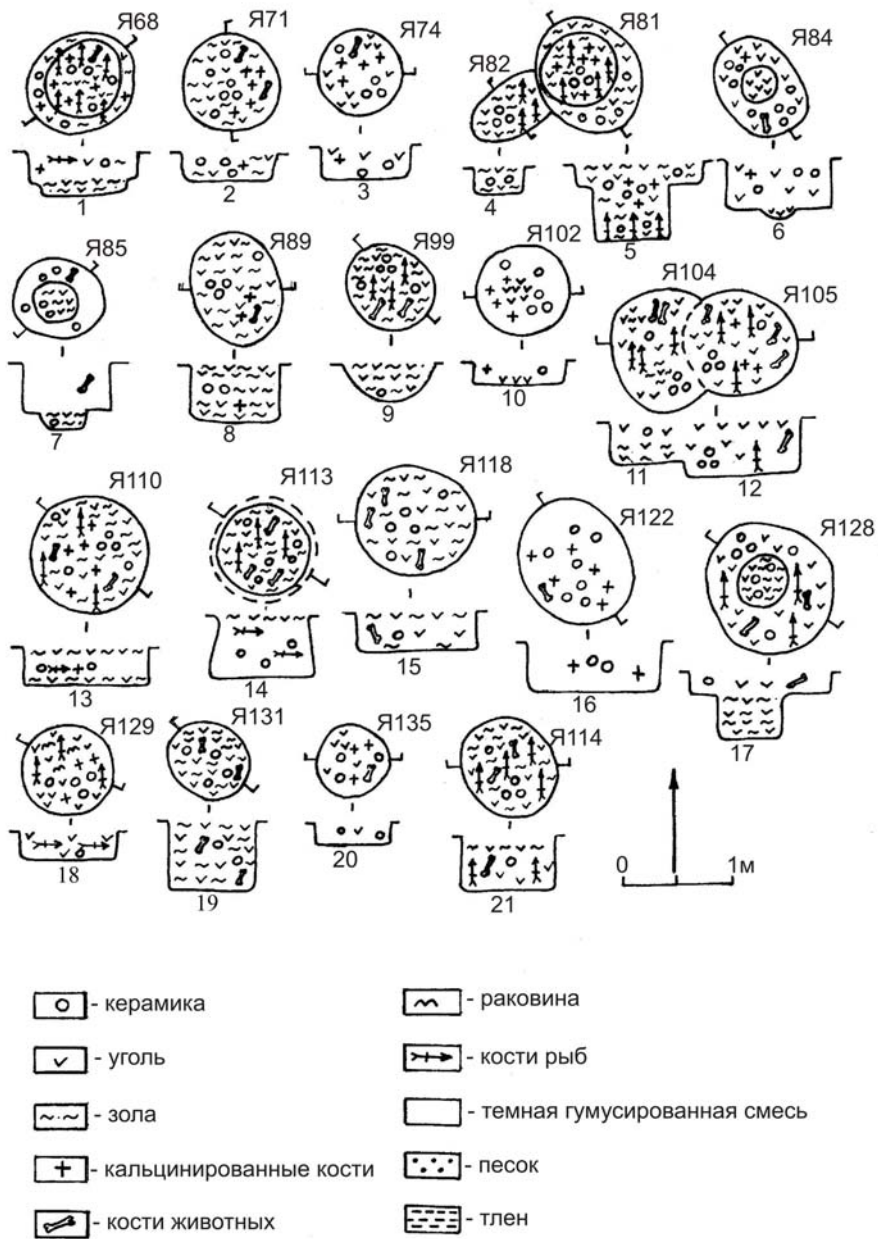

Рис. 3. Рассказань-III. Планы и профили ям

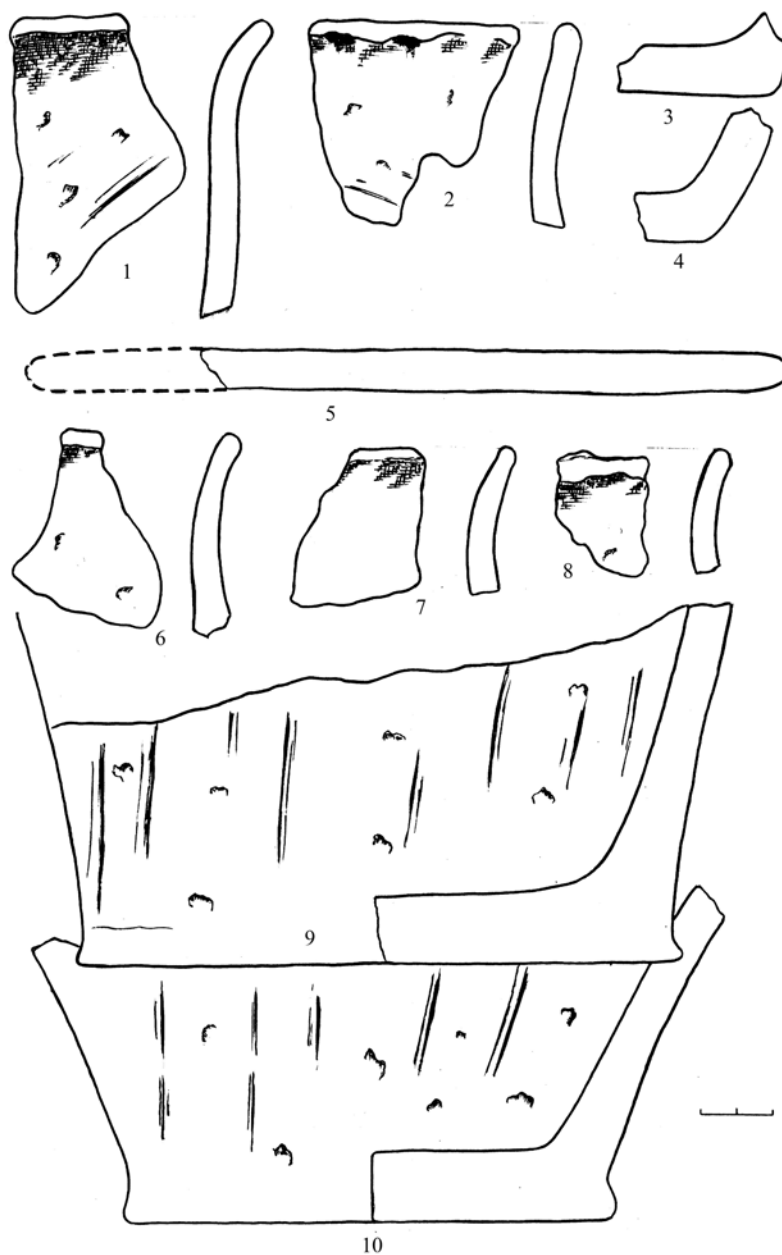

Рис. 4. Керамика из заполнения ям. Яма 1 (1-5); яма 2 (6-8); яма 5 (9-10)

Рис. 5. Керамика из заполнения ям культурного слоя.
 Яма 8 (1); яма 14 (2-3); яма 15 (4); яма 23 (6); культурный слой (7-8); 1, 3 - лощеная

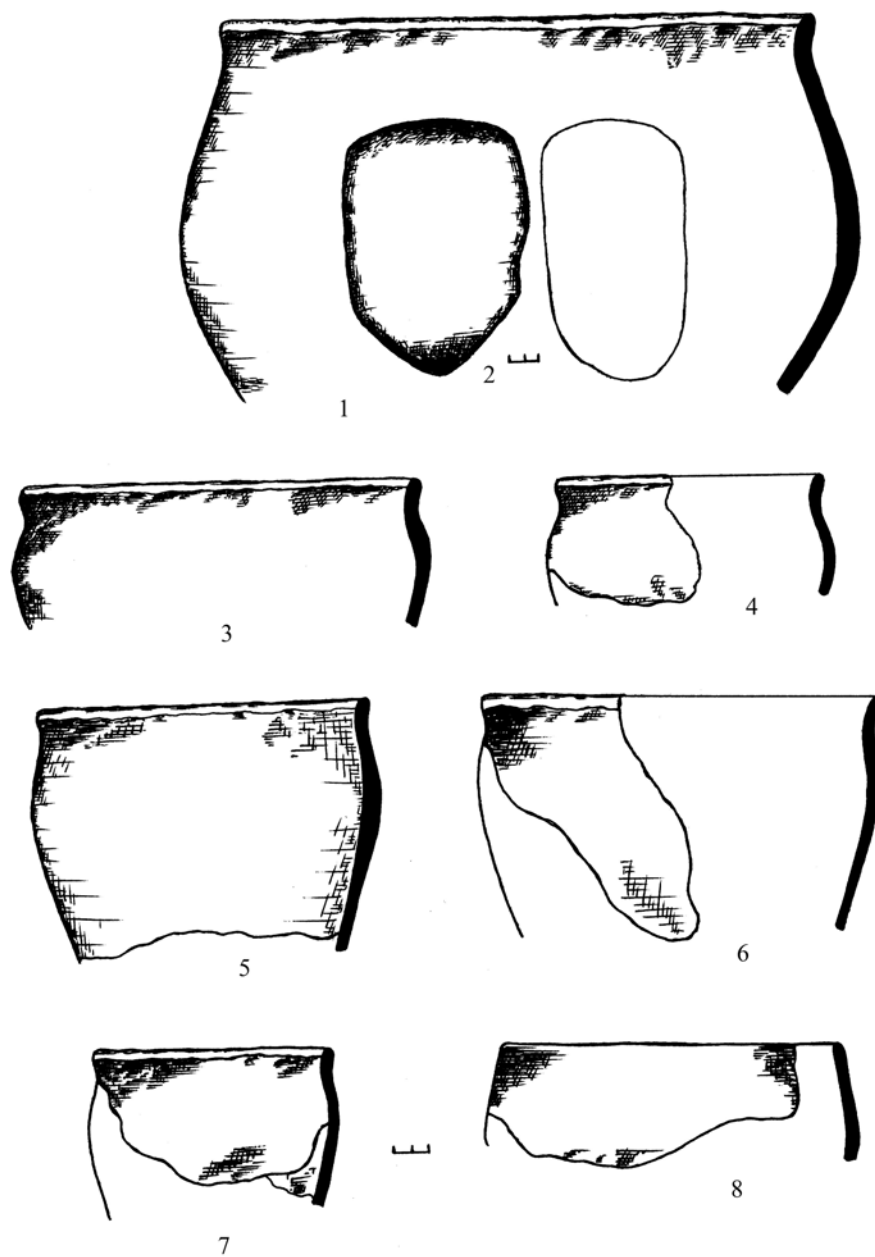

Рис. 6. Керамика (1, 3-8) и каменный предмет из ямы 20

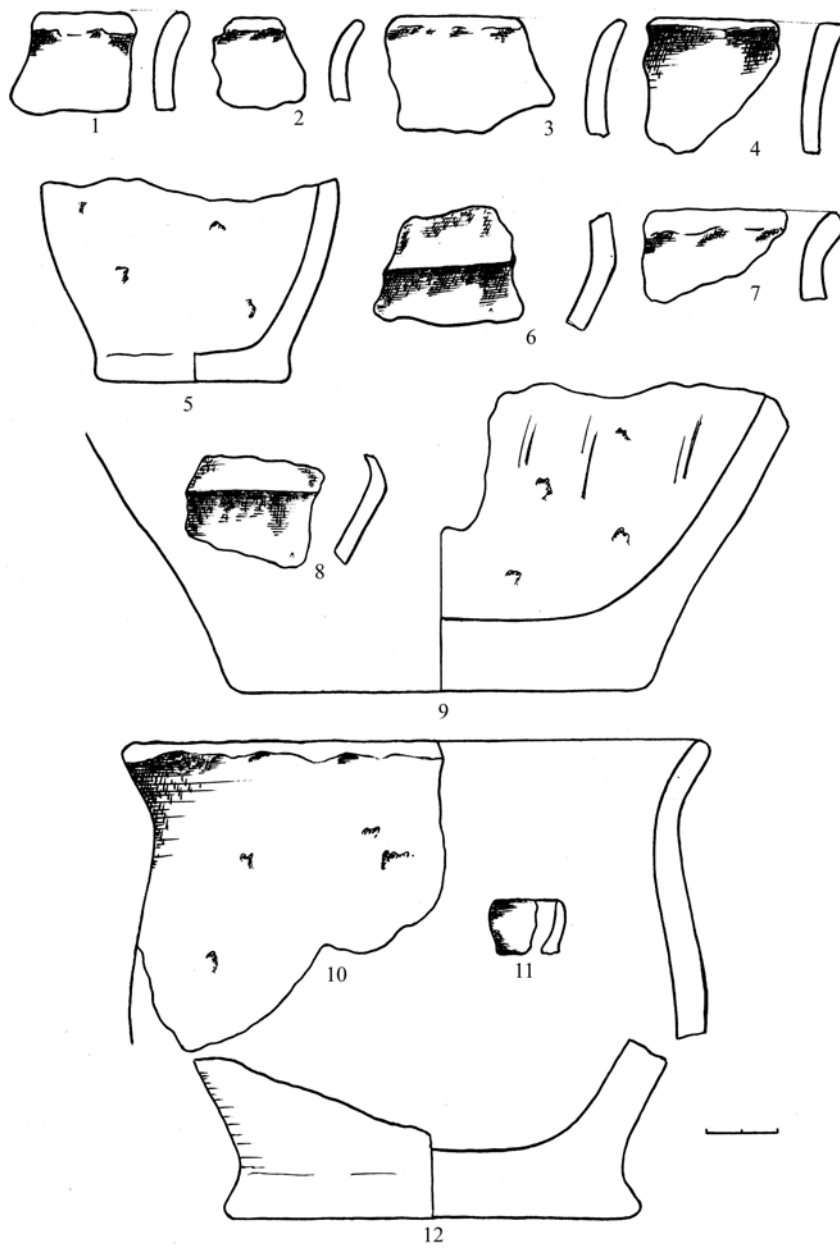

Рис. 7. Керамика из заполнения ям. Яма 24 (1-6);
яма 25 (7-9); яма 34 (10-12); 6, 8 - лощеная

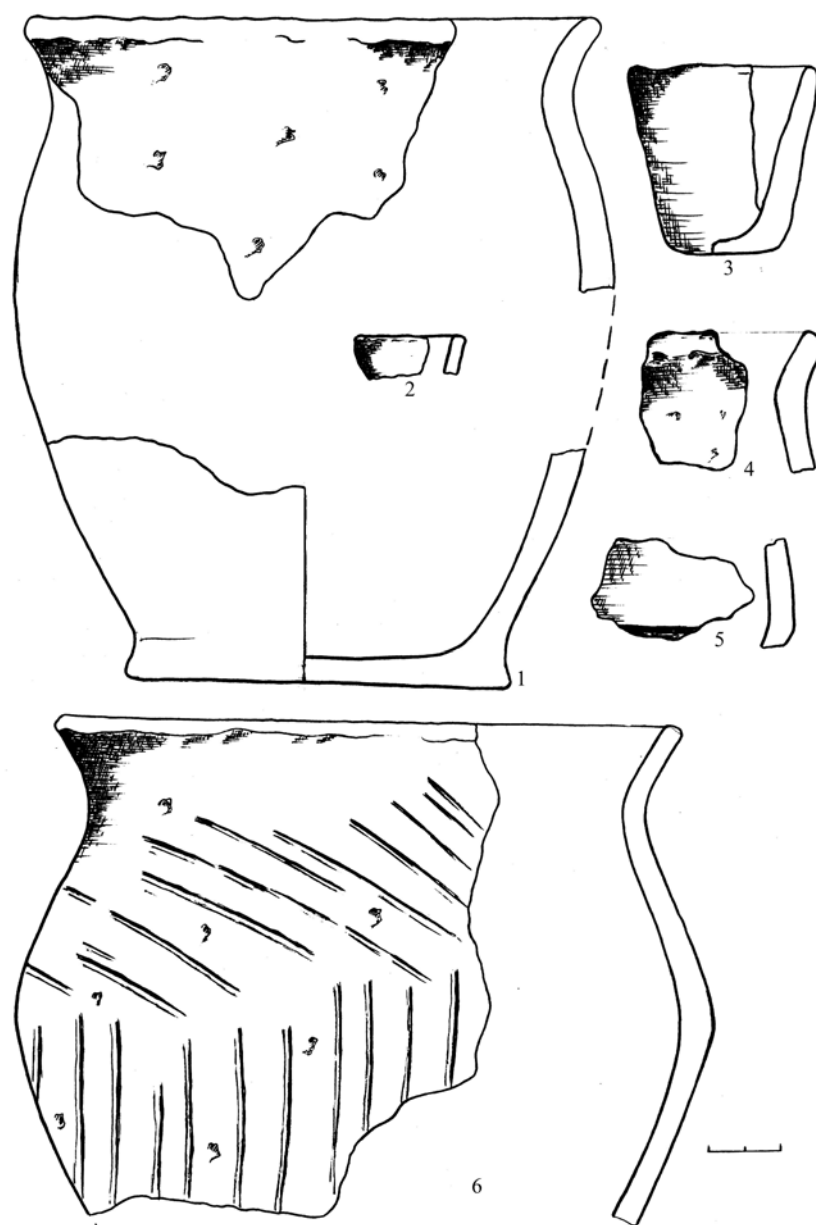

Рис. 8. Керамика из заполнения ям. Яма 38 (1-3);
яма 39 (4-5); яма 40 (6); 5 - лощеная

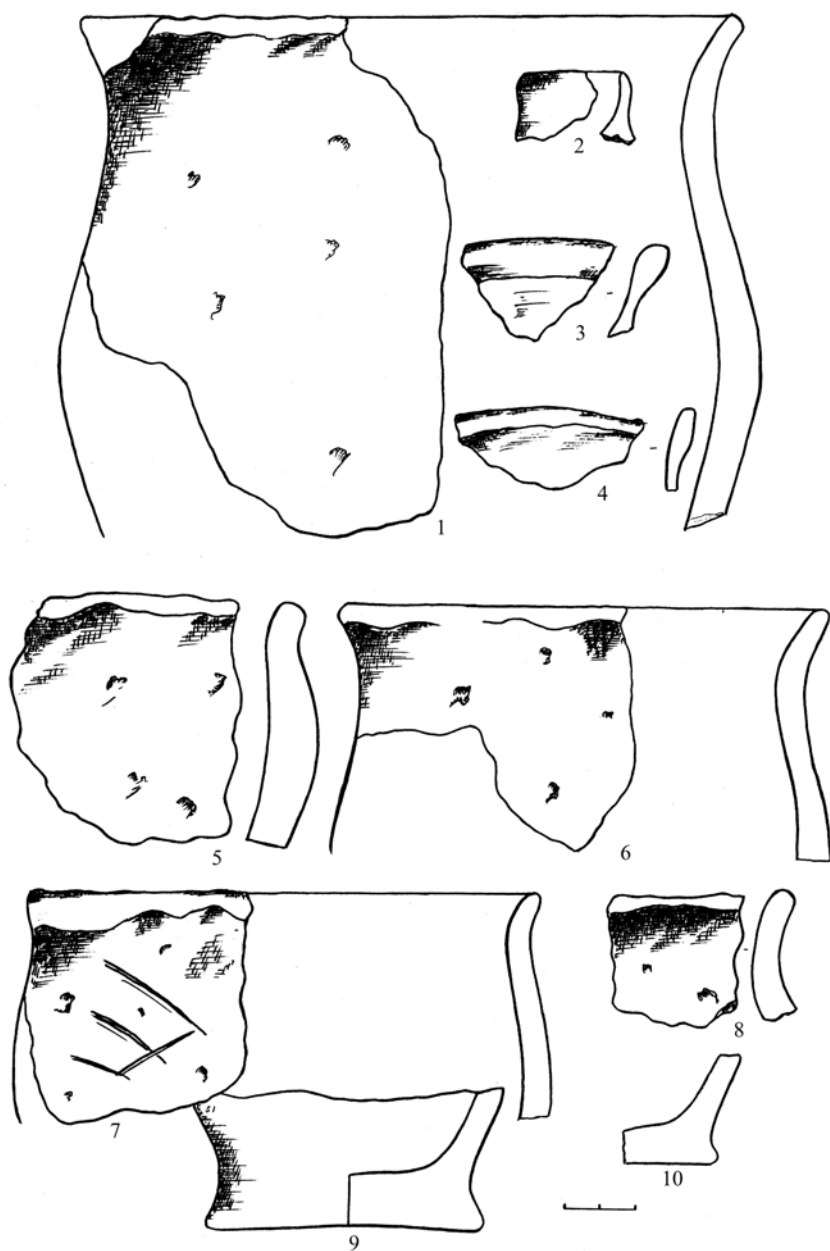

Рис. 9. Керамика из заполнения ям. Яма 44 (5);
яма 46 (1-2); яма 47 (3); яма 56 (6); яма 61 (7-10); 3-4 - лощеная

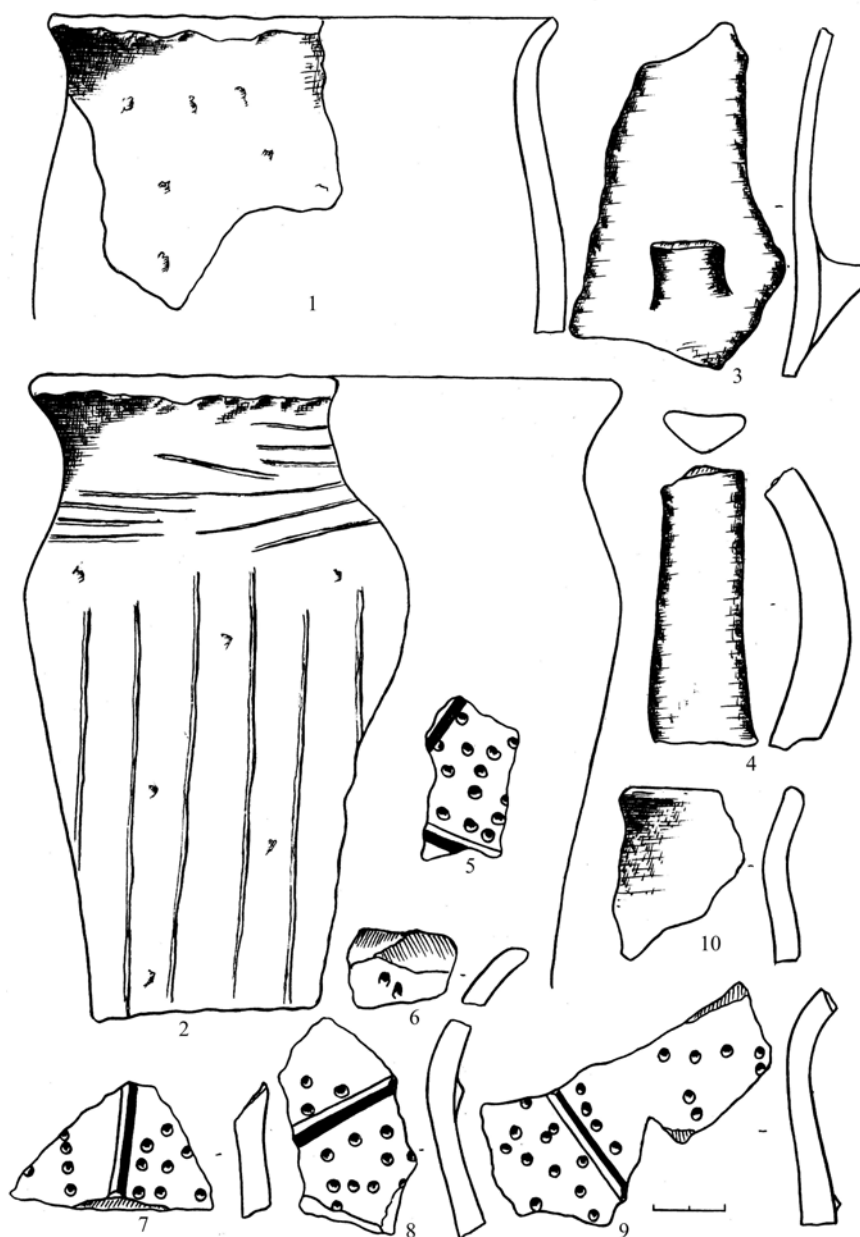

Рис. 10. Керамика из заполнения ям. Яма 63 (1); яма 64 (2-10); 3, 5-9 - лощеная

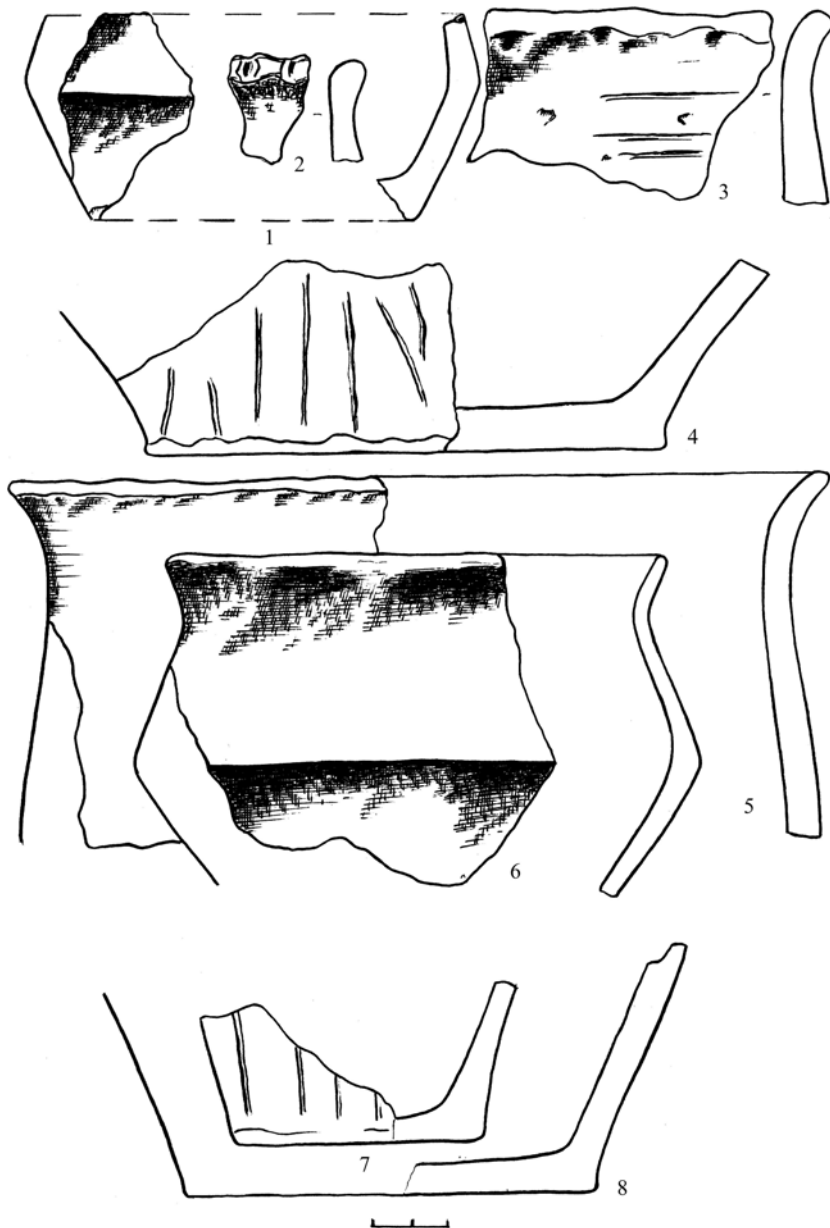

Рис. 11. Керамика из заполнения ям. Яма 66 (1-2);
яма 70 (3); яма 71 (4); яма 74 (5-8); 1-6 - лощеная

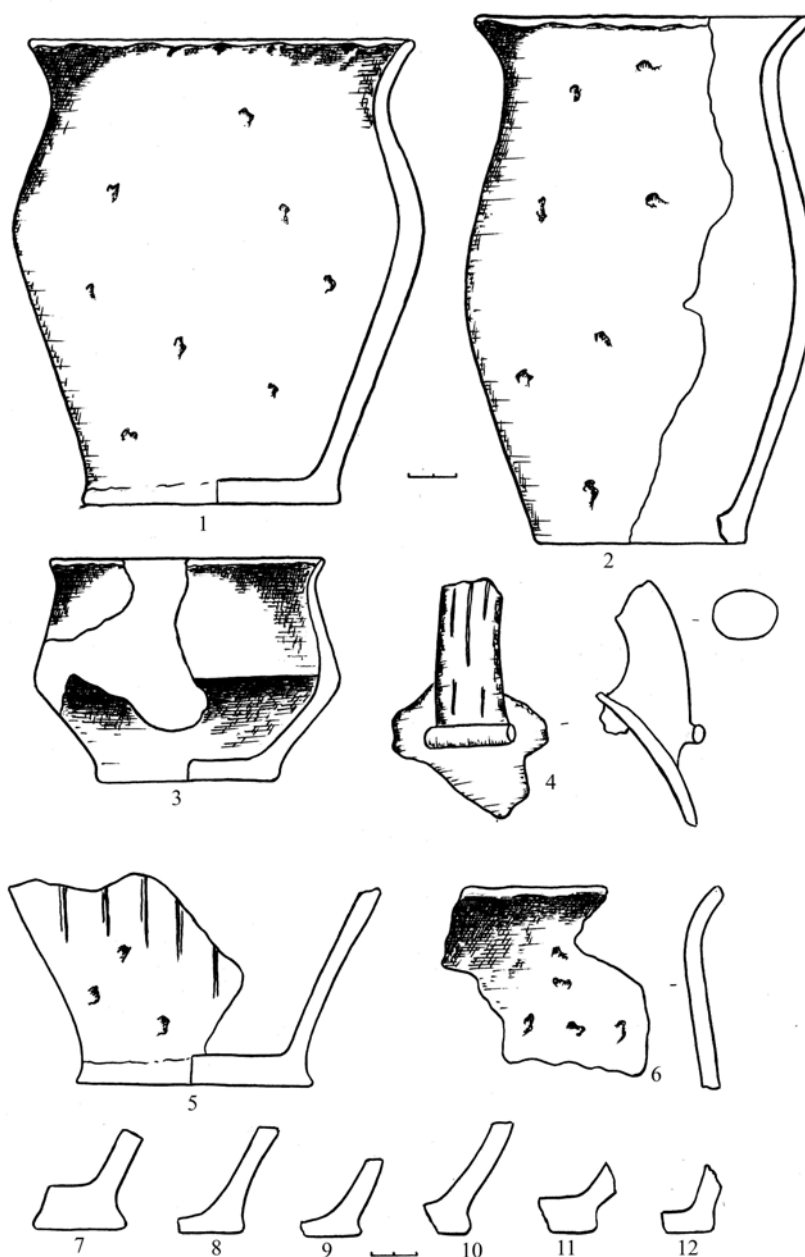

Рис. 12. Керамика из заполнения ямы 81. 3 - лощеная

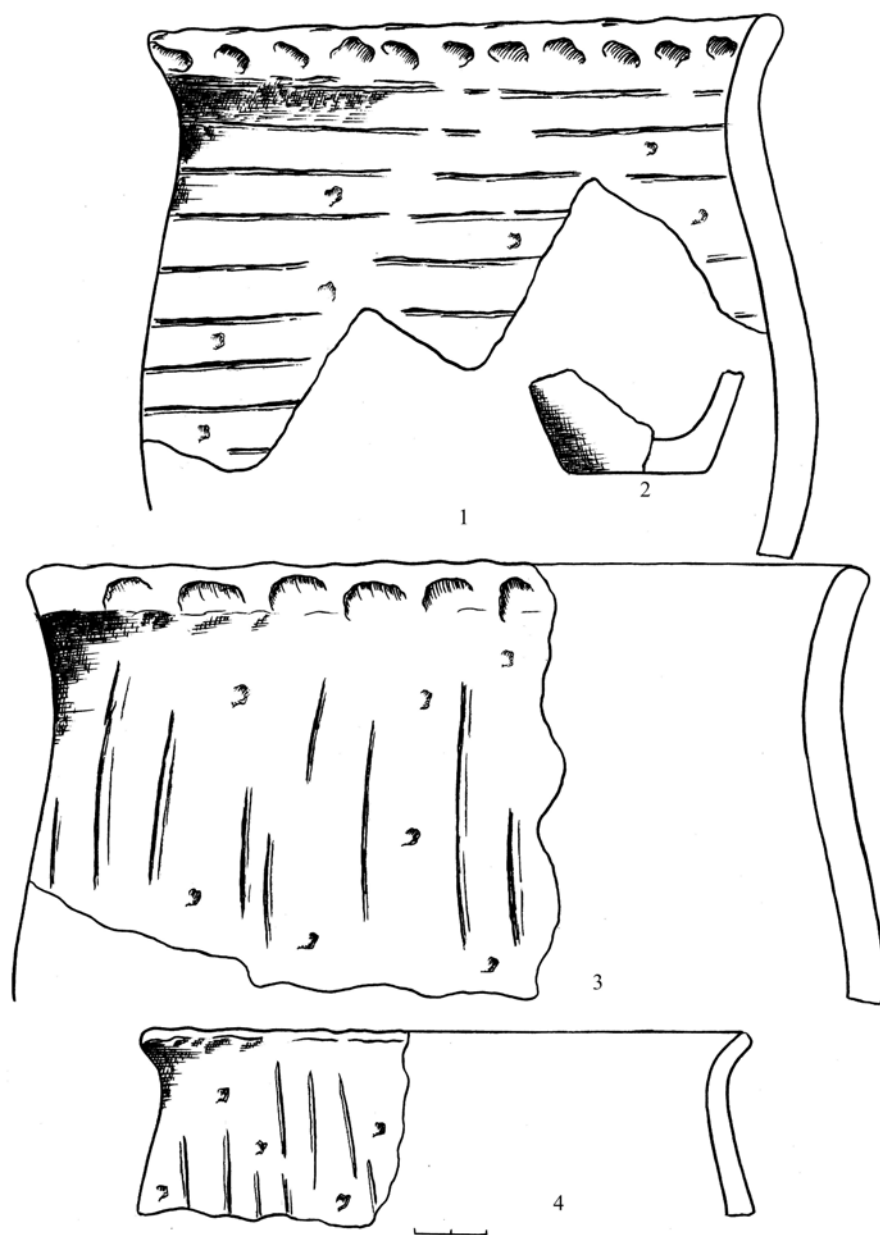

Рис. 13. Керамика из заполнения ям. Яма 85 (1-2); яма 96 (3-4); 2 - лощеная

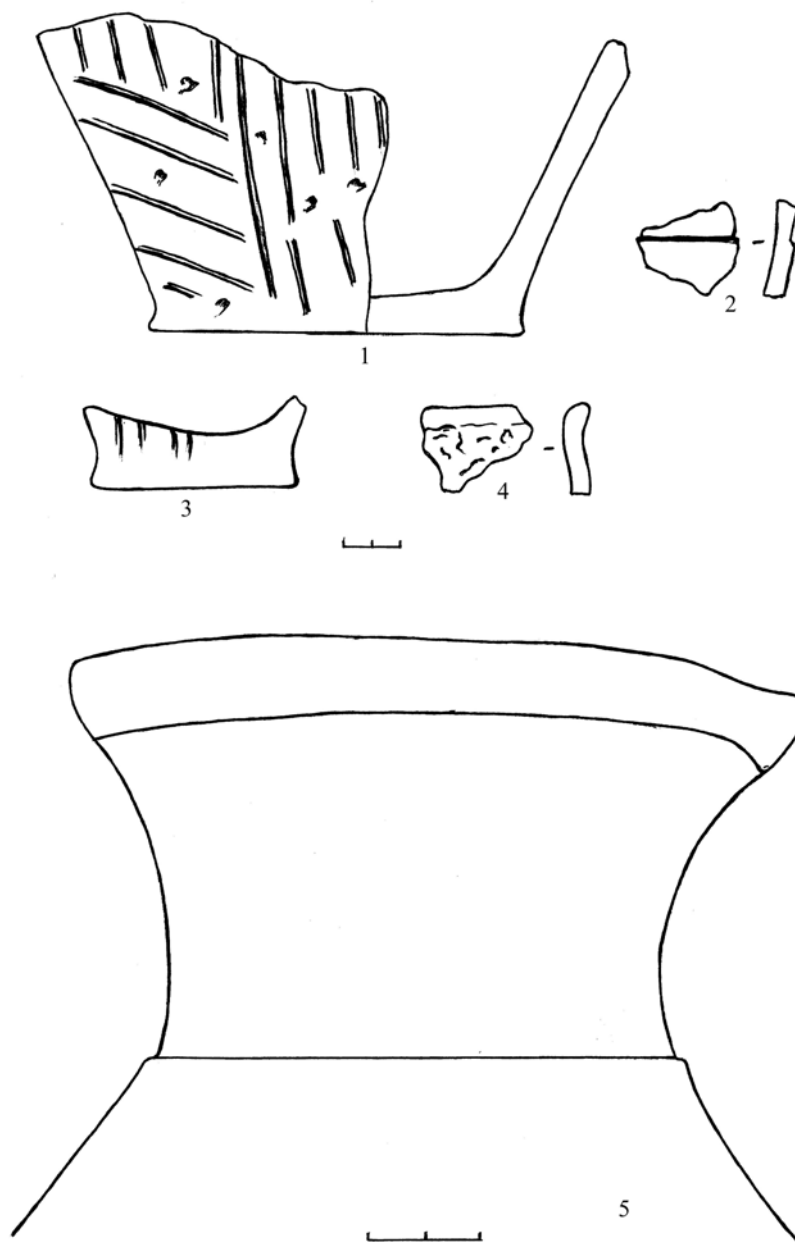

Рис. 14. Керамика из заполнения ямы 99. 2 - лощеная; 5 - круговая красноглиняная

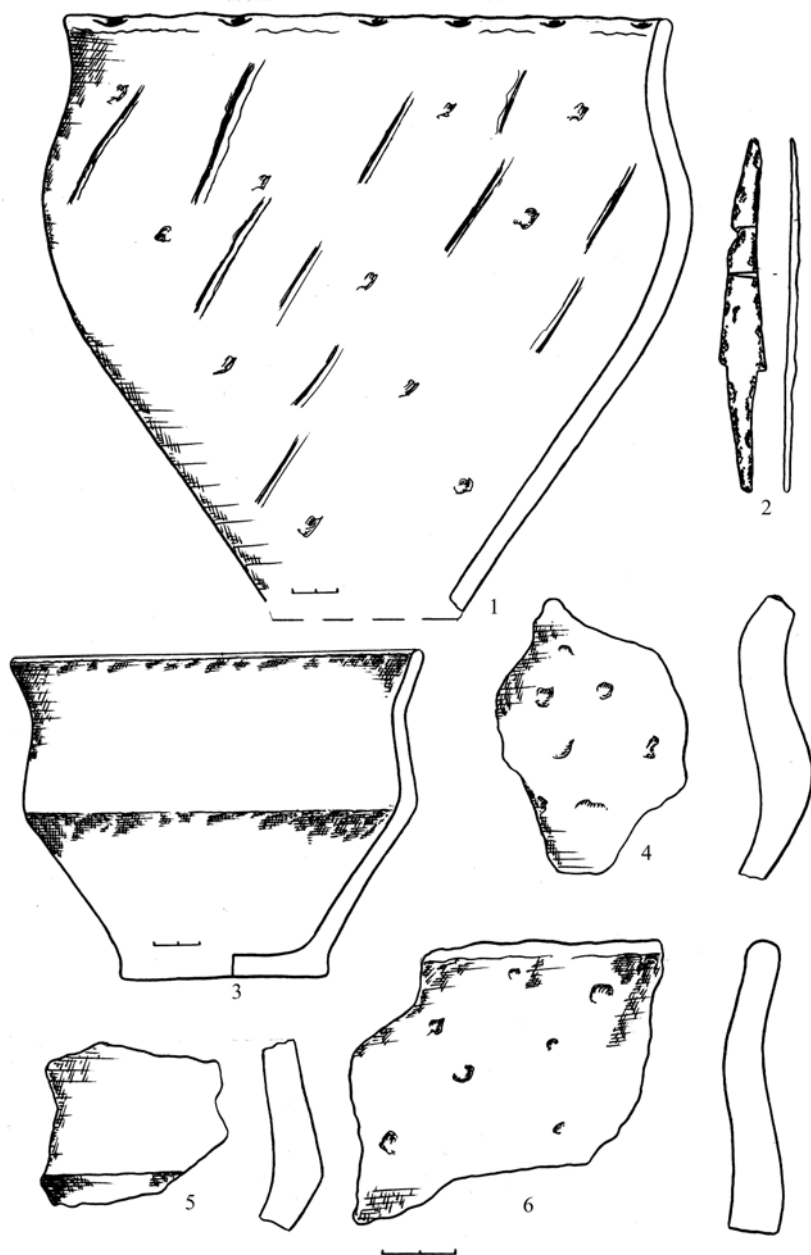

Рис. 15. Керамика из заполнения ям. Яма 104 (3, 6);
яма 105 (1-2; 4-5); 2 - железо; 3 - подлощенный

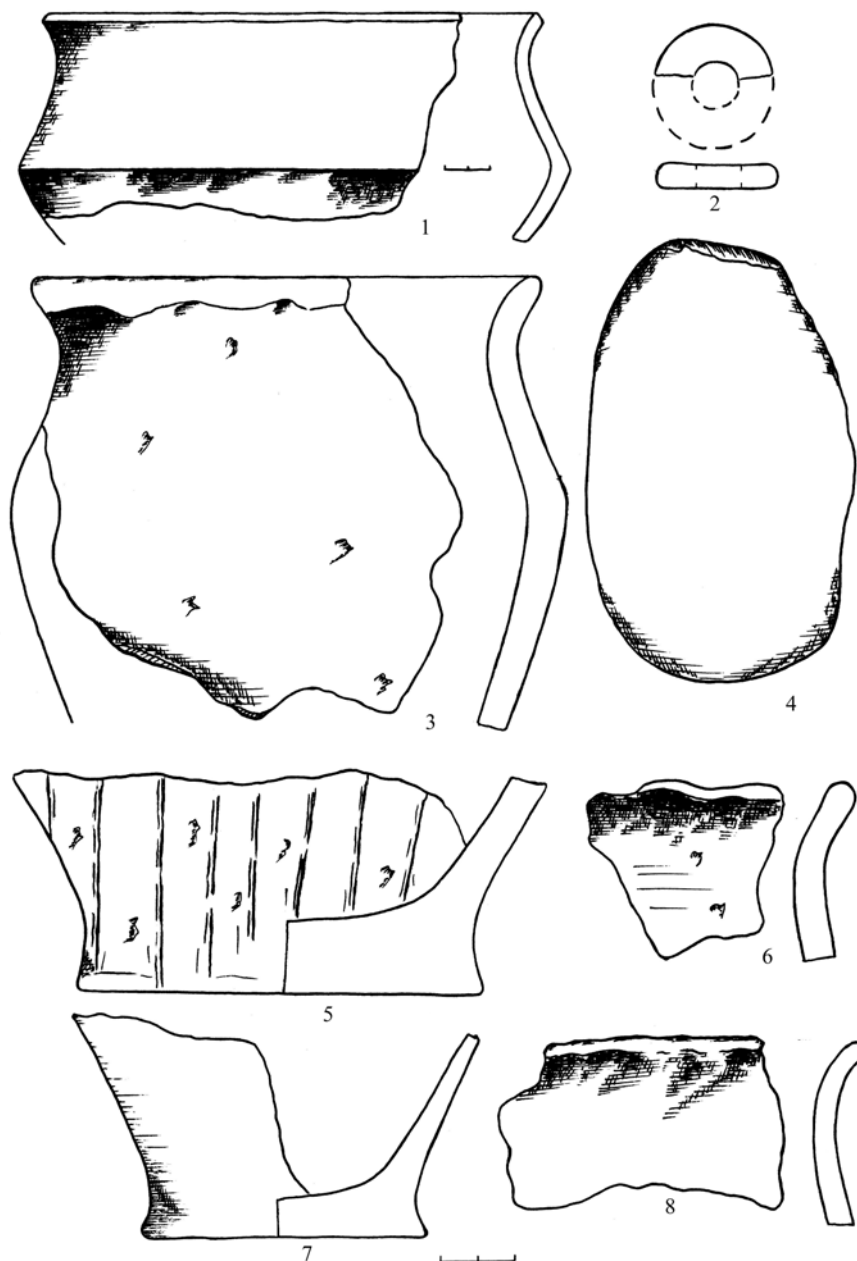

Рис. 16. Керамика (1, 3, 5-8), глиняные (2) и каменный (4) предметы из заполнения ямы 110. 1-7 - лощеные

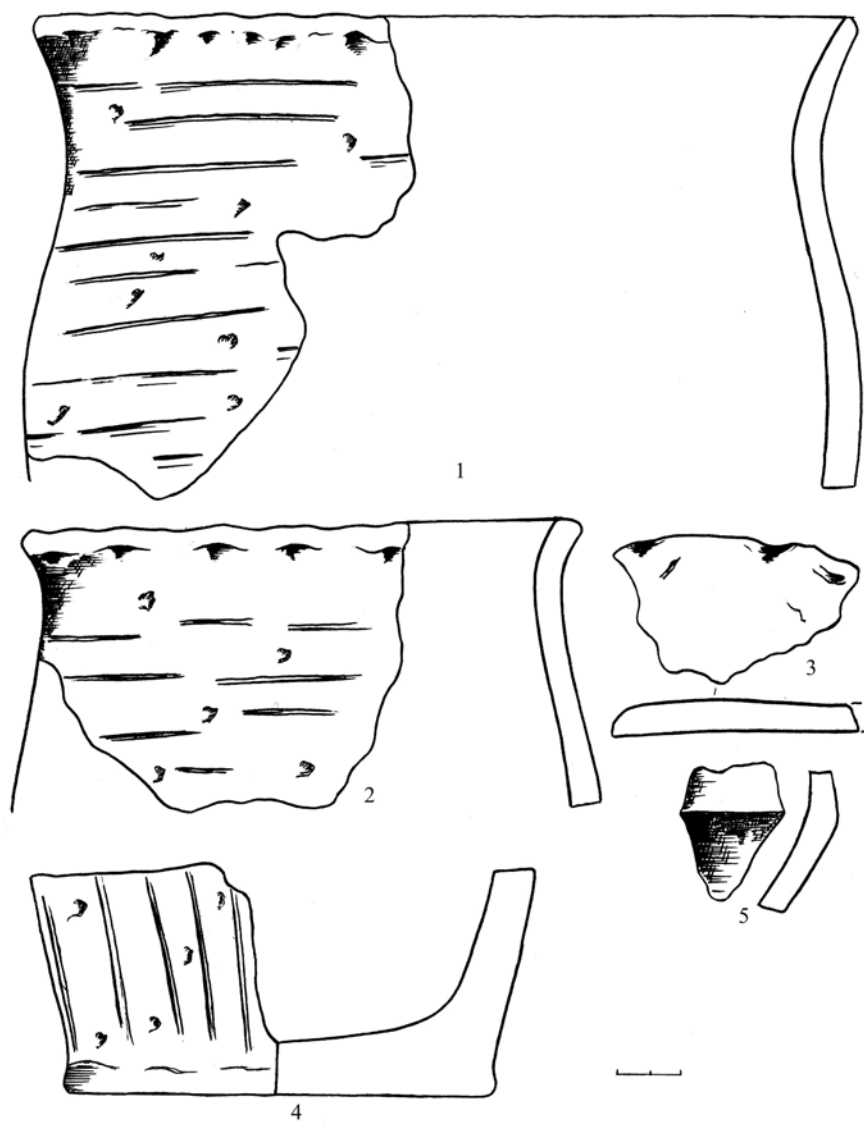

Рис. 17. Керамика из заполнения ям. Яма 102 (1); яма 113 (2-3, 5), яма 118 (4)

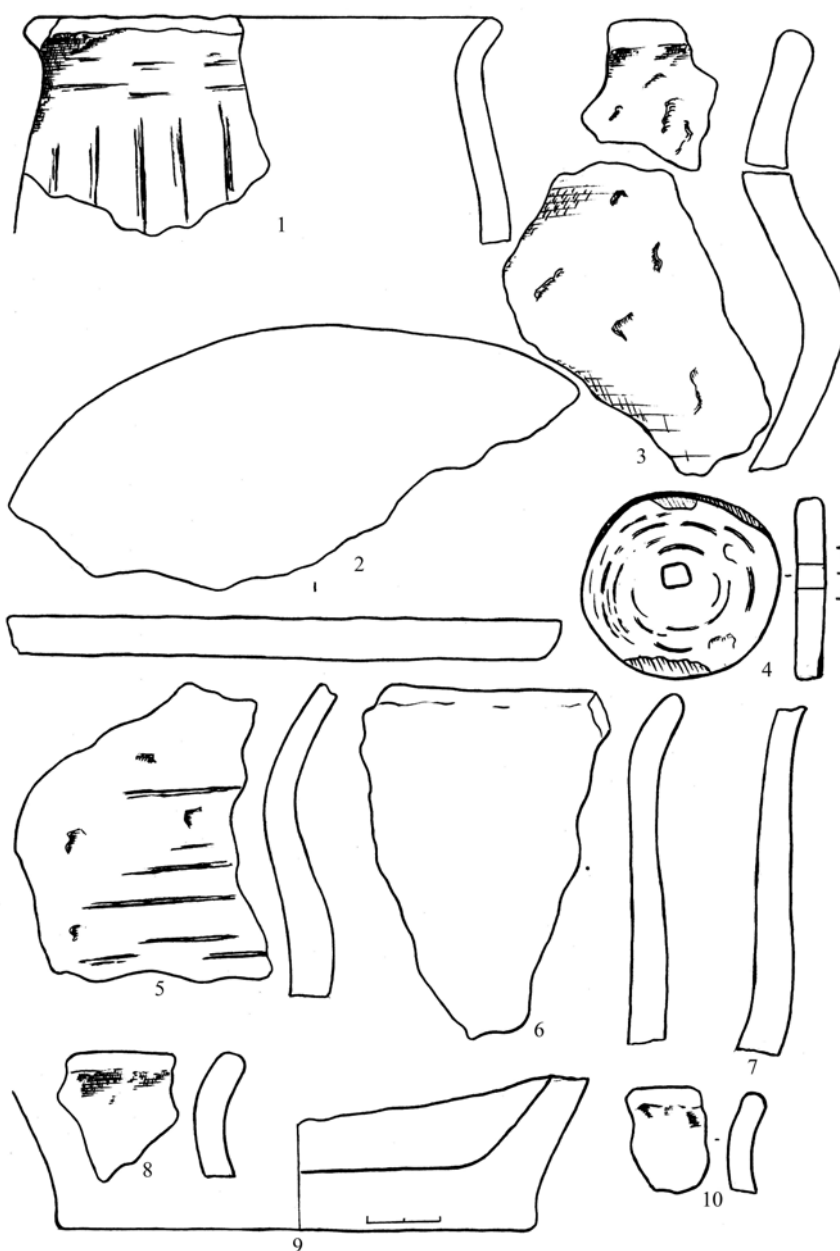

Рис. 18. Керамика и каменный жернов из заполнения ям.
Яма 122 (1-3, 5-10); 4-8 - лощеные

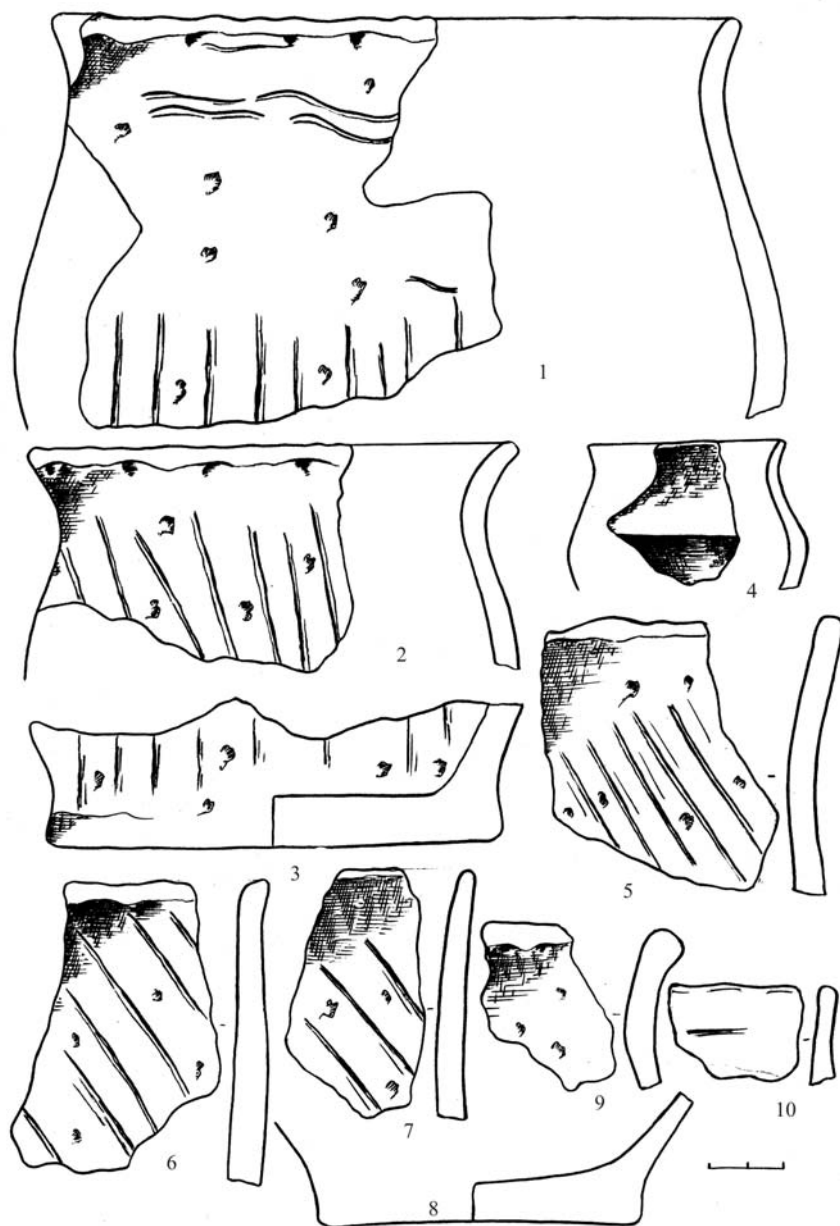

Рис. 19. Керамика из заполнения ям. Яма 128 (1-3), яма 131 (4-8),
яма 135 (9-10); 4-8 - лощеные

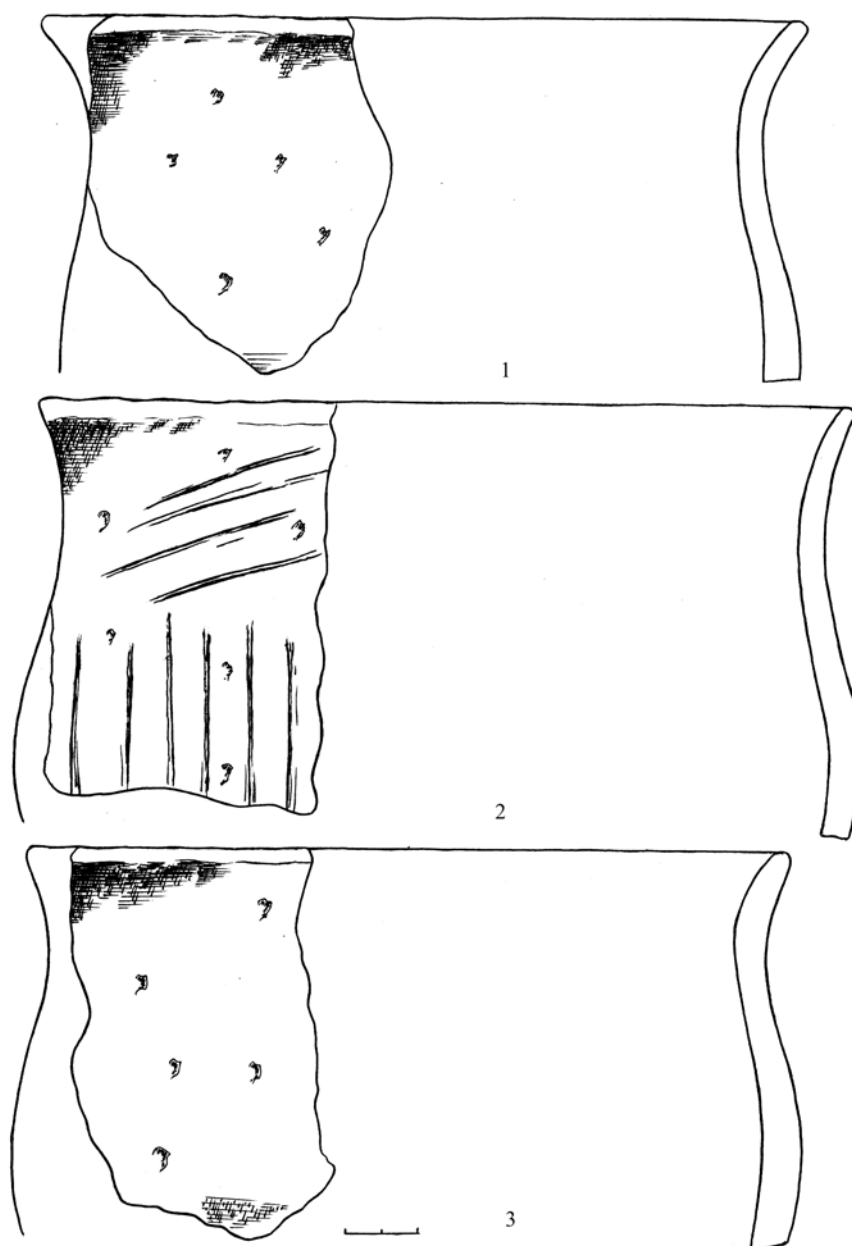

Рис. 20. Керамика (1-3) из слоя раскопа

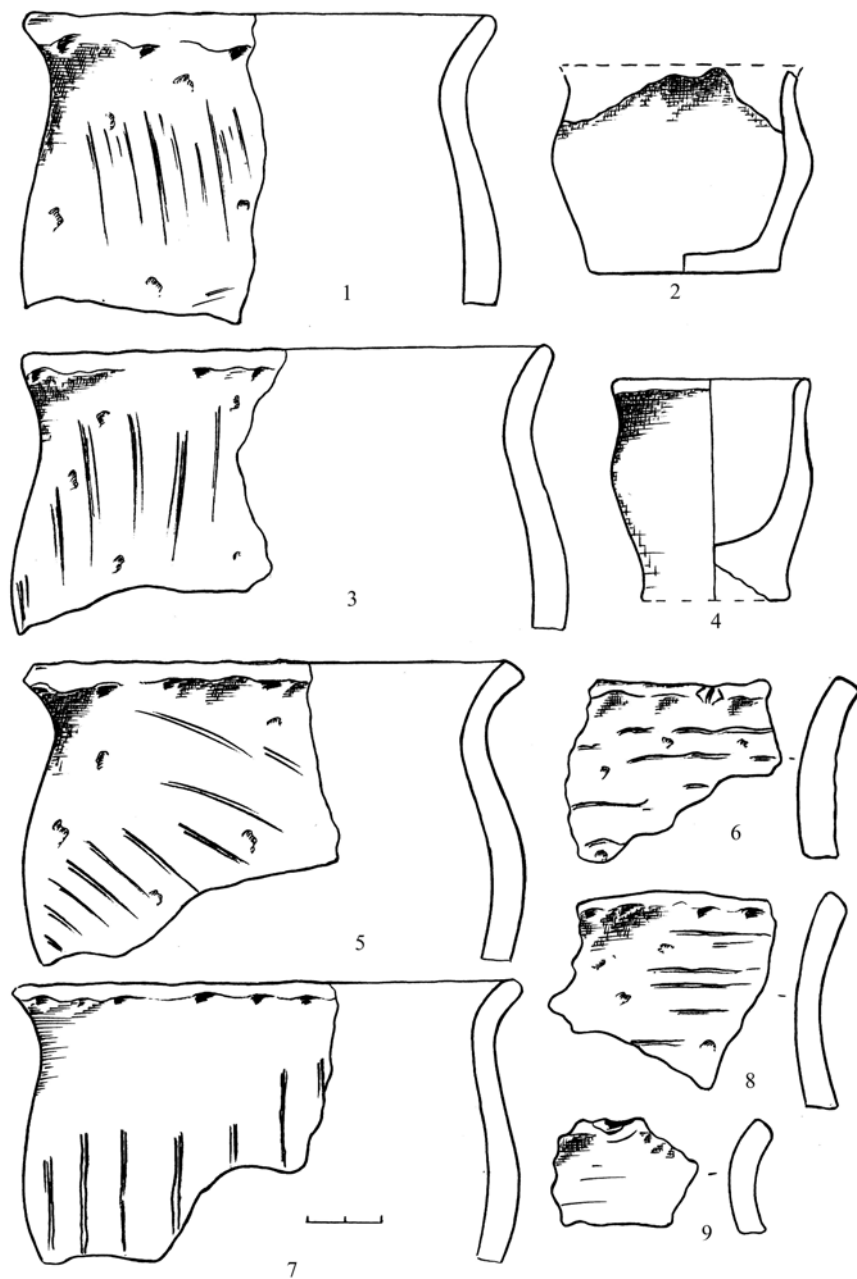

Рис. 21. Керамика (1-9) из слоя раскопа

Рис. 22. Керамика (1-8) из слоя раскопа

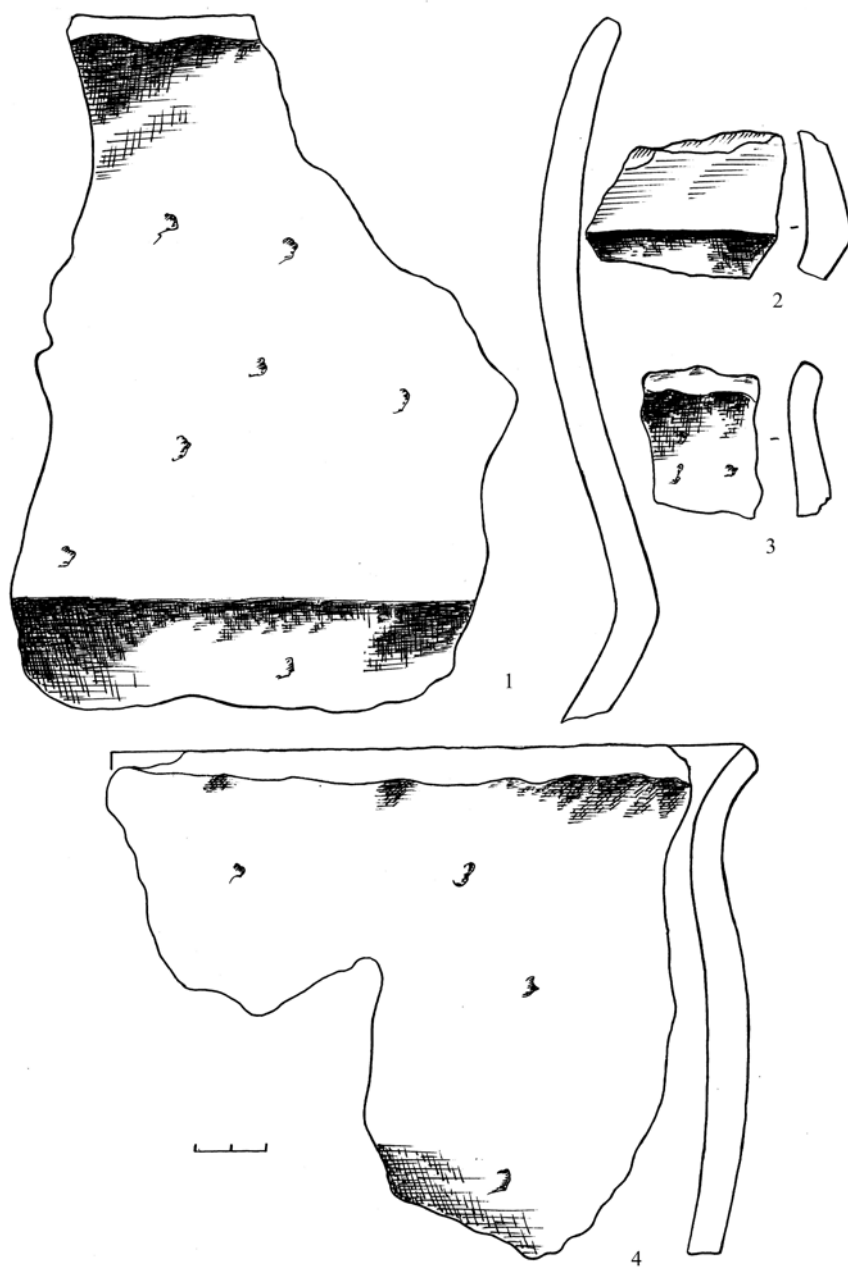

Рис. 23. Керамика (1-4) из слоя раскопа

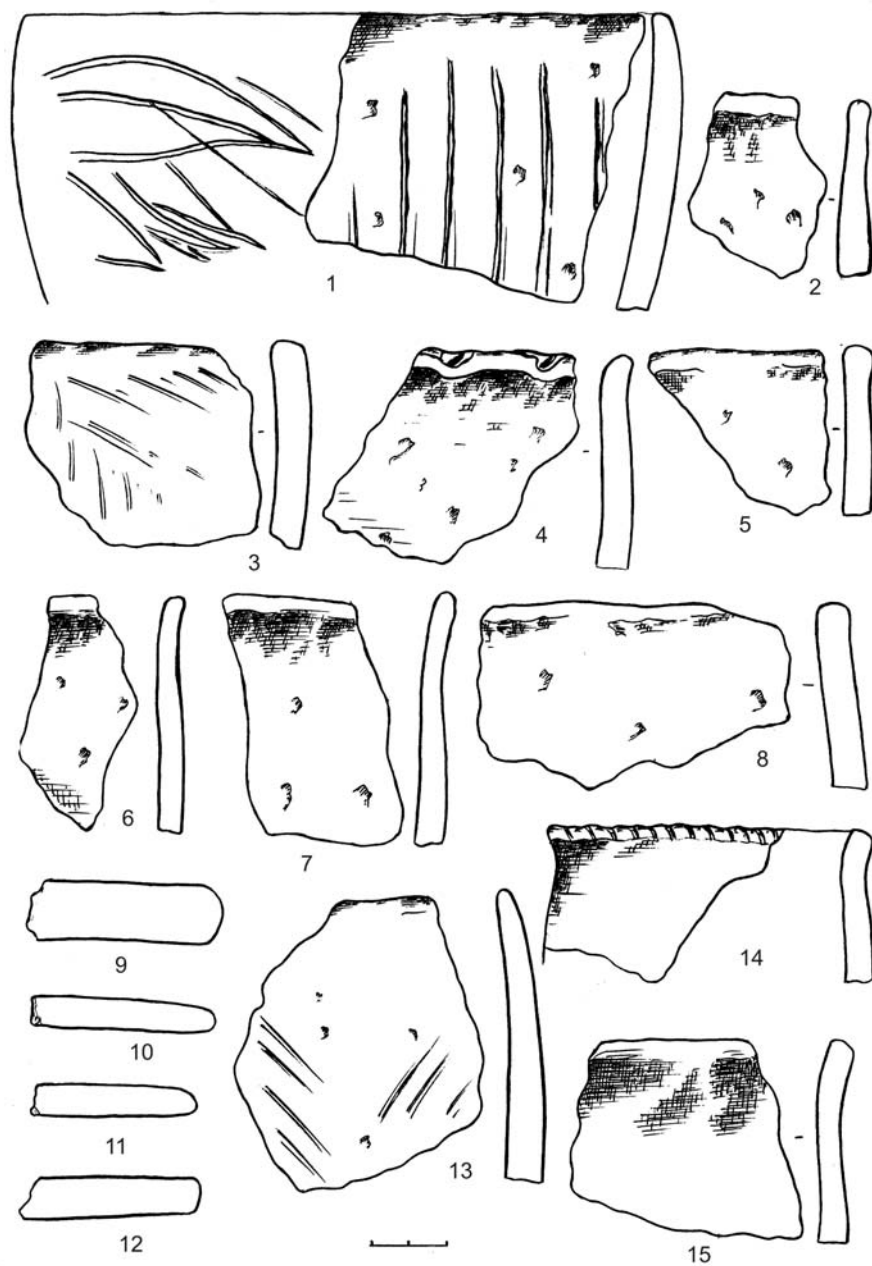

Рис. 24. Керамика (1-15) из слоя раскопа

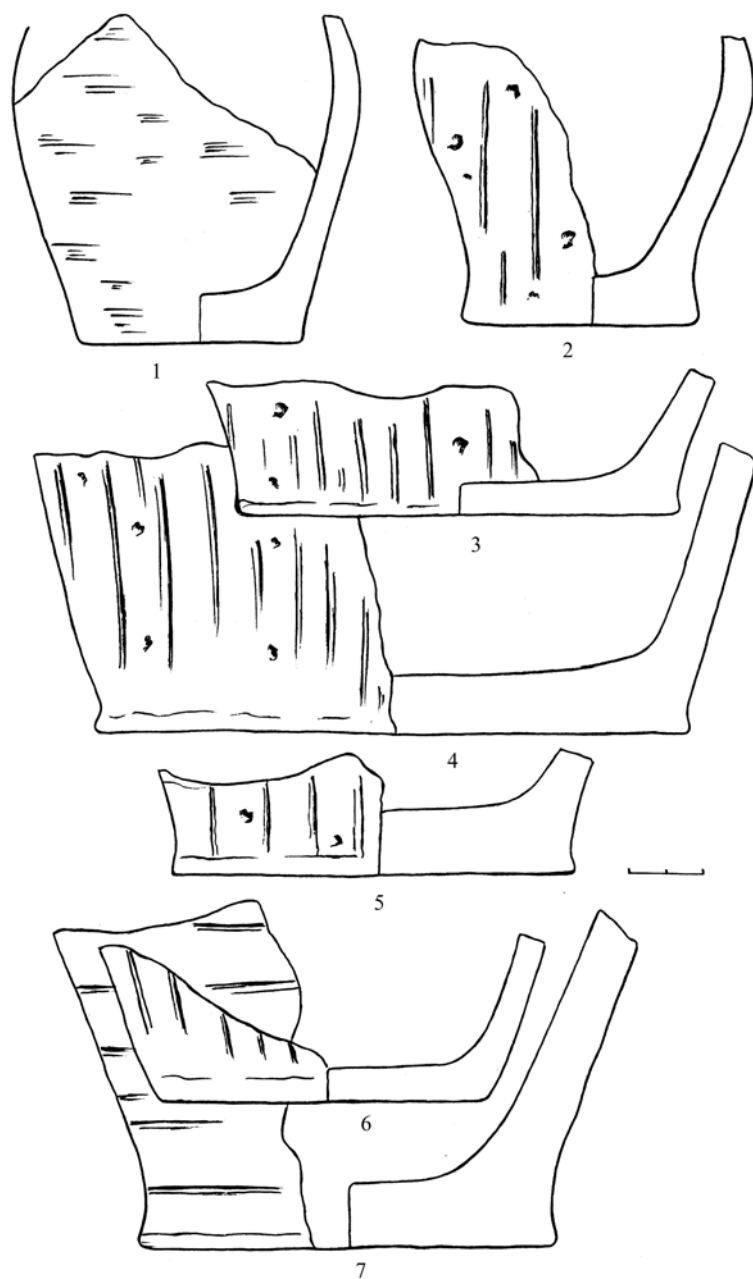

Рис. 25. Керамика (1-7) из слоя раскопа

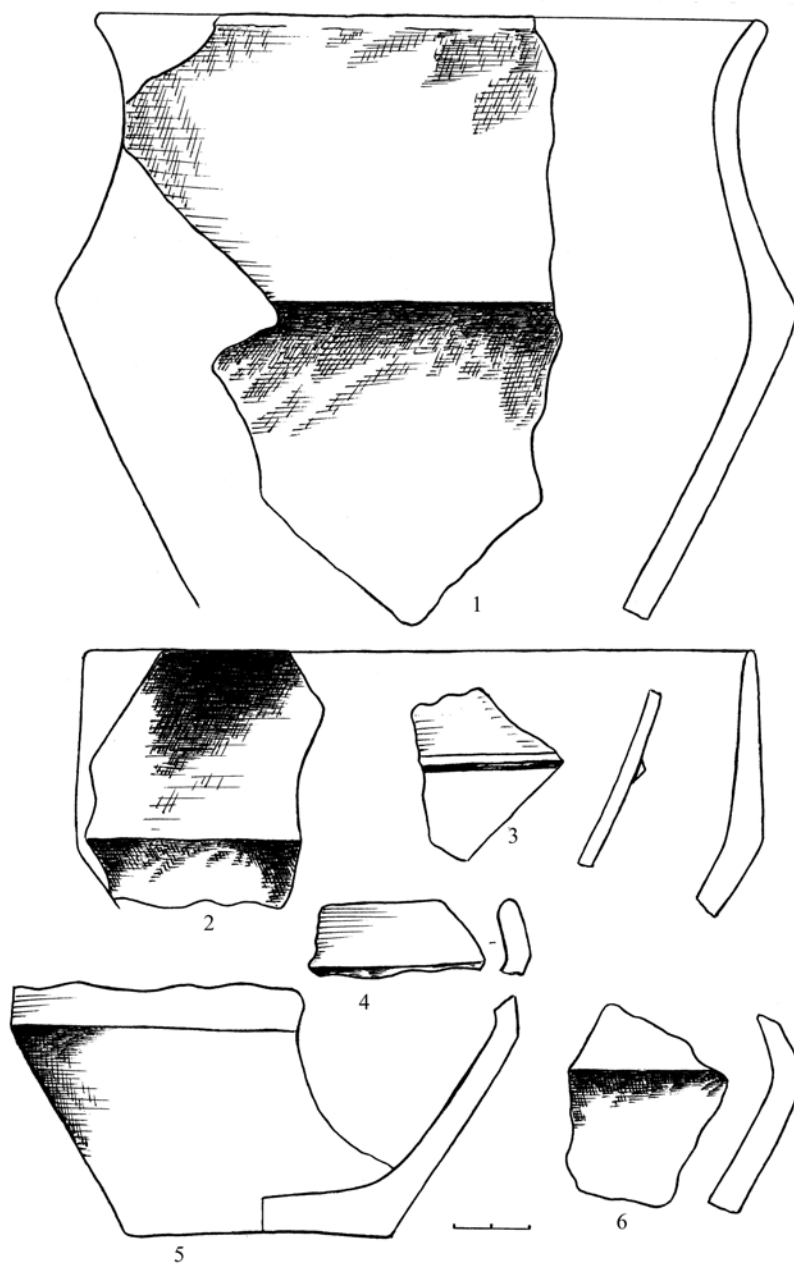

Рис. 26. Лощеная керамика (1-6) из слоя раскопа

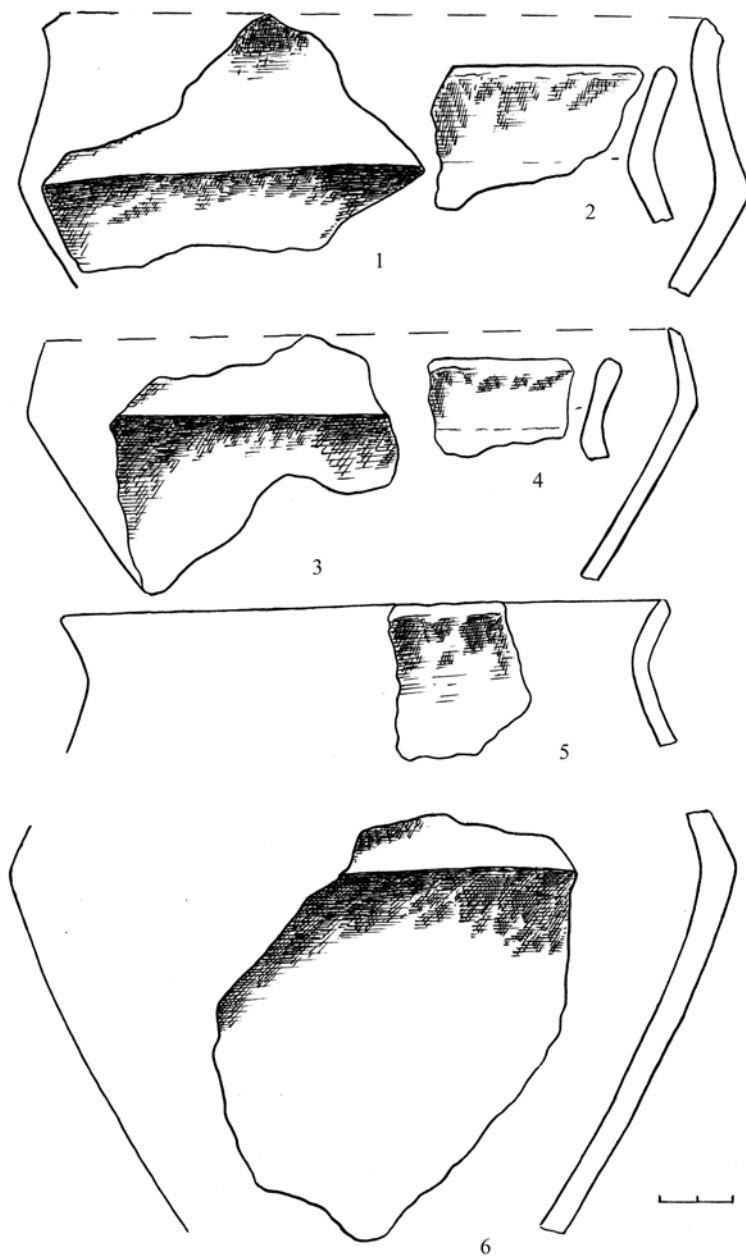

Рис. 27. Лощеная керамика (1-6) из слоя раскопа

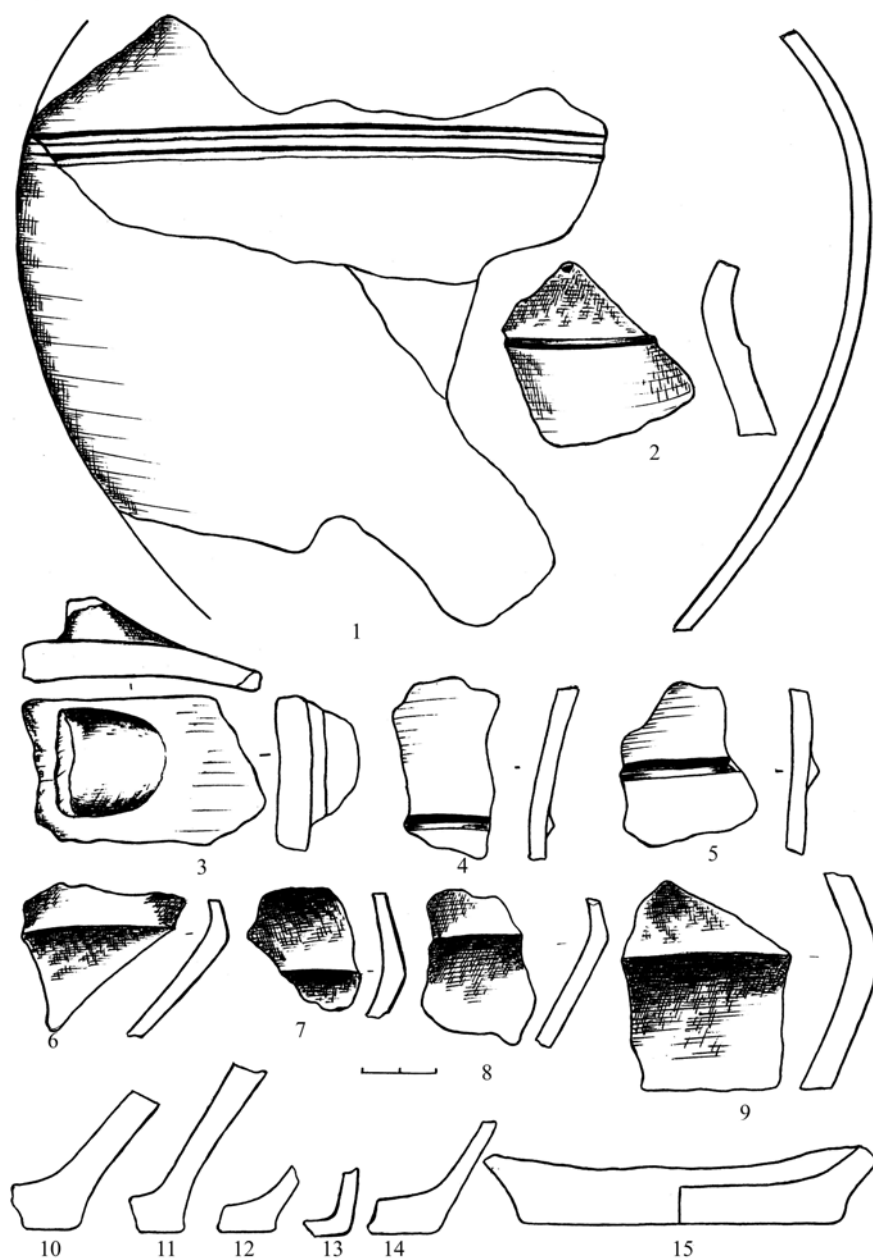

Рис. 28. Сероглиняная (1) и лощеная (2-15) керамика из слоя раскопа

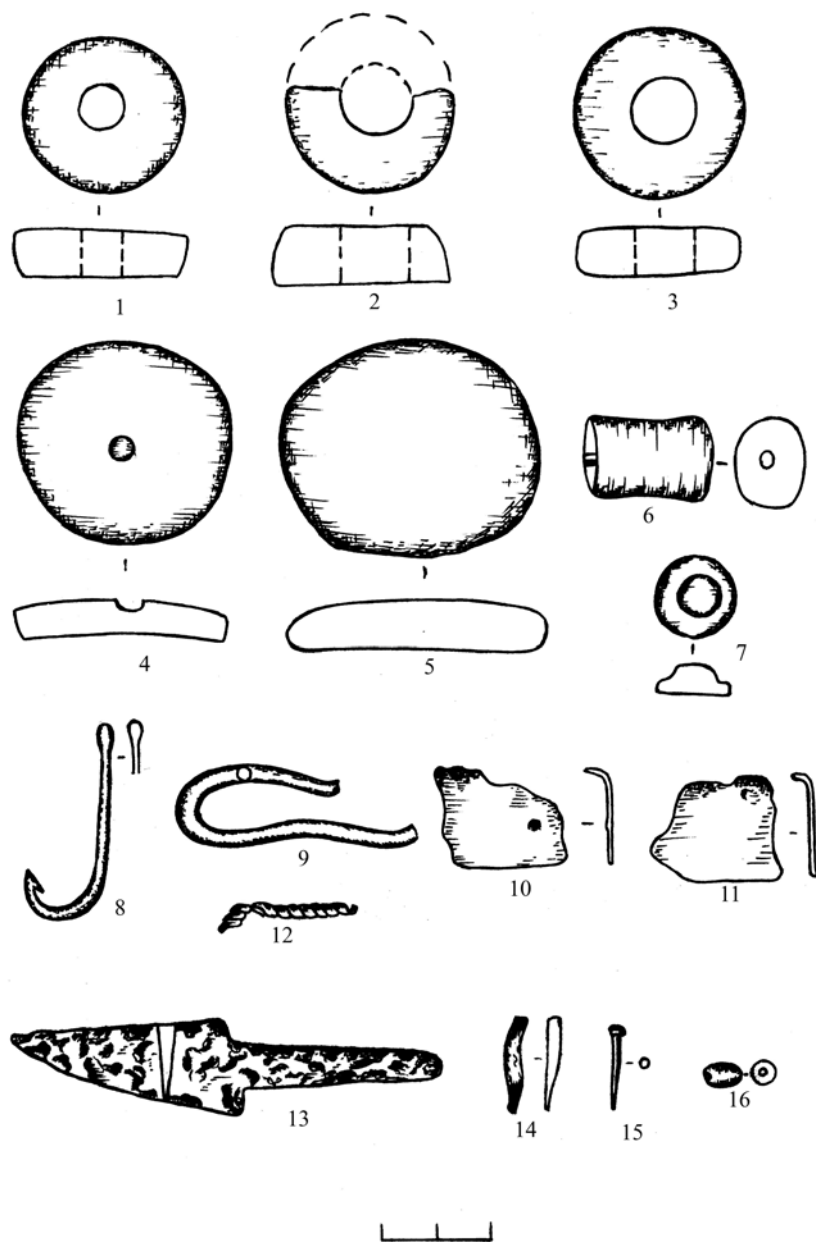

Рис. 29. Керамические (1-7), бронзовые (8-12), железные (13-15) и стеклянные (16) изделия из слоя раскопа

*Бабинцев Р.В., Шереметьев А.Г.,
Шмелев Д.Д.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СГУ В 2009 Г.

В июле-октябре 2009 года сводный отряд Лаборатории нижневолжской археологии Института археологии и культурного наследия СГУ (ЛНА ИАиКН СГУ) и кафедры Археологии и этнографии Института Истории и международных отношений СГУ (КАЭ ИИиМО) проводил археологические разведки в Саратовском, Татищевском и Аткарском районах Саратовской области (рис. 1) по открытым листам Р.В. Бабинцева, А.Г. Шереметьева и Д.Д. Шмелева.

В состав разведочных групп, кроме руководителей отрядов, входили также: доцент кафедры Археологии и этнографии ИИиМО СГУ А.Б. Малышев; аспирант той же кафедры Ю.Ю. Каргин; сотрудник ЛНА ИАиКН СГУ С.И. Четвериков; студент ИИМО СГУ А.А. Лазарев.

Археологическое изучение Саратовского, Татищевского и Аткарского районов имеет свою историю. Интерес исследователей к Саратовскому району возник еще в конце XIX в. Первые исследования здесь были проведены членами Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). Например: С.А. Щеглов отмечал в своих записках, что в районе с. Широкий Буерак Александровской волости Саратовского уезда в 1897–1898 гг. проводились раскопки большого «кургана скифского типа», а «...близ села Верхнего Курдюма..., найдены части скелета человека и лошади. Скелет человека найден с кольчугой. Найдены остатки древнего оружия» [Щеглов, 1913. Л. 15, 75].

После революции исследования района продолжил П.С. Рыков, который в 1923–1929 гг. провел масштабные разведки, обследовал Алексеевское и Танавское городища, а также курганные группы [Отчет. История...; Рыков, 1925; 1926; 1929; 1931]. После этого интерес к данному району на время затихает. Новый подъем исследовательских работ в 1950–1960-е гг. был связан с деятельностью И.В. Синицына, Е.К. Максимова и Ю.В. Деревягина [История изучения..., 1994].

Дальнейшая активизация работ в регионе и, в частности, в Саратовском районе, связана с образованием Научно-исследовательской археологической лаборатории (НИАЛ СГУ) в 1978 году. Стоит лишь сказать, что за 18 лет суще-

ствования НИИАЛ в 1978–1995 гг. в Саратовском районе были проведены десятки экспедиций по различным формам открытых листов. Самые значимые экспедиции данного периода возглавлялись С.Ю. Монаховым (курганный могильник «Жареный бугор») [Монахов, 1984; Каргин, 2009], В.А. Лопатиным (курганы возле села Усть-Курдюм) [Лопатин, Якубовский, 1993], а также К.Ю. Моржеринным и С.И. Четвериковым, проводившими масштабные разведки в бассейне р. Курдюм [Моржерин, 1988] и в зоне строительства Карамышской и Комсомольской оросительных систем [Четвериков, 1988; 1989а; 1989б]. На основании этих исследований, а также архивных данных в 1994 г. была составлена сводка «История изучения памятников археологии Саратовского района Саратовской области» [История изучения..., 1994].

Немаловажный вклад в археологическое изучение района внес исследователь из Центра дополнительного образования «Поиск» Д.А. Хоркин. В 1995–1996 гг. экспедициями под его руководством было исследовано поселение мастеров-металлургов у с. Усть-Курдюм [Сергеева, Хоркин, 2001. С. 86–90].

В 1993–2000 гг. в районе активно работал казанский исследователь Л.Ф. Недашковский, основным направлением работ которого являлось выявление и исследование золотоордынских памятников округа Увека (Увека) [Недашковский 1994а; 1994б; 1996а; 1996б; 1998; 1999; 2000]. В 1997–1998 гг. Н.М. Маловым были произведены раскопки трех курганов катакомбной культуры среднего бронзового века в 7,8 км к северо-западу от пос. Усть-Курдюм [Малов, 1999]. В конце 1990-х – середине 2000-х гг. на севере района активно проводились разведочные работы, под руководством А.Б. Мальшева, Д.А. Кубанкина и П.Е. Тугушева и [Мальшев, 2000; 2001; Кубанкин, 2005; Тугушев, 2006].

В 2006–2007 гг. экспедициями Учебно-научной археологической лаборатории Исторического факультета СГУ (УНАЛ СГУ) под руководством В.А. Лопатина, А.Б. Мальшева и отрядом Государственного учреждения культуры «Научно-производственный центр при Комитете по историко-культурному наследию Саратовской области» (ГУК НПЦ) под руководством П.Е. Тугушева были исследованы средневековый грунтовый могильник и курган эпохи поздней бронзы у разъезда «Ивановский» [Лопатин, 2007], Сабуровский грунтовый могильник [Мальшев, 2007; 2008а; 2008б] и городище «Петровский городок» [Тугушев, 2007]. В конце 2009 г. у с. Малая Скатовка были произведены охранные раскопки двух курганов под руководством И.В. Тупалова – в зоне строительства высоковольтной линии – 500 Квт (ВЛ-500).

Следует отметить, что сводная археологическая карта района до сих пор не составлена, а упоминаемая «История изучения памятников археологии Саратовского района...» не может претендовать на полноту охвата всех памятников и участков района. Так, например, до сих пор слабо обследованной остается северная часть района.

Первые мероприятия по изучению древней истории нынешнего Татищевского района были предприняты в конце XIX в., когда в СУАК стали поступать сведения о древностях района. Особенно интенсивно эта работа велась в начале XX в. В этот период представитель СУАК А.А. Кротков взялся за составление первой археологической карты Саратовской губернии. В 1909 г. в СУАК поступило сообщение о курганной группе из 20 насыпей близ

с. Идолга. В личном архиве А.А. Кроткова, хранящемся в фондах СОМК, содержится информация о том, что в 1915 г. на окраине с. Курдюм им совместно с В.О. Жеребцовым была собрана большая коллекция золотоордынской керамики XIII–XIV вв. [Воробьев, Ляхов, Юдин, 1984. С. 1].

Новый этап в археологическом изучении Саратовского края (с 1917 г.) связан с именами профессиональных археологов Ф.В. Баллода и П.С. Рыкова. Были проведены разведки и раскопки отдельных объектов. Ф.В. Баллод опубликовал клад джучидских серебряных дирхемов, найденный у с. Полчаниновка, а П.С. Рыков исследовал курган эпохи бронзы с погребением срубной культуры и захоронением кочевника близ станции Курдюм [Воробьев, Ляхов, Юдин, 1984. С. 1].

В 1945 году И.В. Синицын проводил разведочные работы в нескольких районах Саратовской области, в том числе и в Татищевском. Большинство из вновь обнаруженных здесь памятников составляли курганы. Кроме того, И.В. Синицыным были опубликованы сведения о двух каменных антропоморфных изваяниях, обнаруженных между станцией Кологривовка и Евдокимовским разъездом [Синицын, 1945; 1947. С. 173–175]. Профессор П.Д. Степанов в 1960 г. опубликовал сведения о многослойном городище у с. Курдюм, где были обнаружены находки раннего железного века и средневековья. Кроме того, по сообщению П.Д. Степанова, на многослойном селище у пос. Октябрьский городок также были найдены золотоордынские материалы [Гупалов, 2008. С. 9].

В 1966 г. было открыто срубное поселение западнее с. Корсаковка [Воробьев, Ляхов, Юдин, 1984. С. 1]. В 1978 году отряд НИАЛ СГУ под руководством Н.М. Малова в Аткарском и Татищевском районах провел масштабные разведки по левому берегу р. Идолга от с. Озерное до с. Корякино [Малов, 1978].

Сплошное археологическое обследование территории Татищевского района было впервые проведено лишь в 1984 г. сотрудниками НИАЛ СГУ В.Б. Воробьевым, А.И. Юдиным и С.В. Ляховым. В результате было обнаружено 46 поселений, 16 курганных групп, 6 одиночных курганов и несколько местонахождений, датируемых от эпохи средней бронзы до золотоордынского времени [Воробьев, Ляхов, Юдин, 1984; Воробьев, 1984].

В 1990-е годы изучением района занимались отряды НИАЛ СГУ и Художественного музея им. А.Н. Радищева под руководством О.В. Сергеевой, С.В. Ляхова, О.В. Кочерженко и М.А. Изотовой. Были проведены охранные исследования поселения срубной культуры Нееловка-II [Сергеева, 1993], курганов у с. Сторожовка [Кочерженко, 1995; Ляхов, 1993] и поселения у с. Нееловка в месте слияния рек Коренушки и Вязовки [Изотова, 1997].

В 2003 г. в зоне строительства магистрального газопровода «Починки – Изобильное – Северо-Ставропольское ПХГ» на территории Татищевского района был исследован курганный могильник «Золотой Ключ», состоявший из 14 курганных насыпей. В том же году в зоне строительства газопровода были проведены дополнительные разведки отрядом УНАЛ СГУ под руководством В.А. Лопатина [Лопатин, 2003]. По результатам этого обследования в августе 2005 г. экспедиция Энгельсского Краеведческого Музея (ЭКМ) и УНАЛ СГУ под руководством О.В. Сергеевой осуществила охранные исследо-

вания поселения эпохи поздней бронзы Киево-Полтавка и двух курганов из группы на р. Грязнуха [Сергеева, 2006].

В октябре 2007 г. отрядом ГУК НПЦ во главе с И.В. Тупаловым были проведены археологические разведки на земельном участке, предусмотренном под строительство западного обхода Саратовского узла Приволжской железной дороги с усилением железнодорожного участка «Липовский – Курдюм» в пределах Саратовского и Татищевского районов Саратовской области. На территории Татищевского района были выявлены 3 курганные группы близ сел Песчаный умет и Кувька и 2 одиночных кургана на берегу р. Грязнуха [Тупалов, 2008].

Территория Аткарского района довольно интенсивно изучалась еще с конца XIX в. [Зайковский, 1909. С. 271]. В начале XX в. район часто обследовался и изучался А.А. Кротковым, Б.В. Зайковским, а позднее П.С. Рыковым и Н.К. Арзютовым в бассейнах рек Медведицы, Бакутки, Лаверзы, Аткары, Белгазы, Колышля и Идолги [Рыков, 1925. С. 3–56; Максимов, 1978. С. 8]. В 1926–1928 гг. П.С. Рыков и Н.К. Арзютов исследовали 57 мордовских погребений средневекового Аткарского грунтового могильника эпохи Золотой Орды. Позже, в 1930–1960-е гг. много археологических памятников было выявлено и исследовано в ходе исследований И.В. Сеницына [Сеницын, 1932. С. 56; 1945; 1947. С. 173–175] и Ю.В. Деревягина [Деревягин, 1968. С. 122; 1969. С. 129–131; 1971. С. 96], особенно в бассейне р. Медведица. В конце 1970-х гг. район часто обследовался разведками Е.К. Максимова, В.А. Лопатина, Н.М. Малова, С.Ю. Монахова [Максимов, 1979; Лопатин, 1978; Малов, 1978; Монахов, 1980]. В результате этих работ в 1978 г. была составлена археологическая карта Аткарского района, включавшая 119 памятников [Максимов, 1978].

Неоднократно в 1970–1990-е гг. проводились раскопочные исследования Аткарского грунтового могильника [Монахов, 1979; 1991. С. 167–188; Африканов, 1990; Ляхов, 1997. С. 79–97]. Также не раз проводились охранные исследования на поселении эпохи бронзы у с. Нижняя Красавка под руководством В.А. Фисенко, Д.А. Хоркина и В.А. Лопатина [Сергеева, Хоркин, 2001. С. 86–107; Мельник, 2008. С. 234–244; Лопатин, 2008а. С. 69–85; 2008б; 2009а; 2009б. С. 38–51; 2010].

В 2003–2005 гг. экспедиция СГУ под руководством В.А. Лопатина провела исследования курганных групп, у с. Варьшаевка расположенных в зоне строительства газопровода «Починки – Изобильное – Северо-Ставропольское ПХГ» [Лопатин, 2004а; 2004б; Лопатин, Четвериков, 2005. С. 51–61; Лопатин, 2006].

В целом значительные участки Саратовского, Татищевского и Аткарского районов (как террасы бассейнов рек, так и водоразделы) остались необследованными. Кроме того, интенсивное строительство промышленных и гражданских объектов, а также сельскохозяйственное использование земель может угрожать сохранности многих археологических объектов. В значительной степени это характерно для Саратовского и Татищевского районов – наиболее урбанизированных и приближенных к областному центру. Весьма интенсивное техногенное воздействие на участки ландшафтов оказывает строительство новых автодорог, различных трубопроводов, ЛЭП и ВОЛС. Пригороды Саратова в указанных районах быстро застраиваются дачными массивами. Также существуют весьма масштабные проекты, например, пла-

нируется постройка современного городского аэропорта в районе с. Сабуровка.

Поставленные цели проведения археологических разведок предполагали уточнение археологической карты района, выявление неизвестных археологических объектов, а также проверку состояния и уточнение степени сохранности некоторых ранее выявленных памятников. В период проведения разведок водораздельные участки изучались путем передвижения на автомашине УАЗ, а берега рек и оврагов имеющие осыпи и мысы – обследовались пешим порядком. В результате разведочных исследований июля-октября 2009 г. были выявлены различные археологические памятники.

Саратовский район:

Местонахождение «Сабуровка» выявлено к юго-юго-западу от дачного массива «Первая Расловка» и к северо-востоку от с. Сабуровка. Местонахождение расположено на мысу правого берега в средней части длинного извилистого оврага, тянущегося на несколько километров от истока на юго-восток, а затем, резко меняющего направление к устью – на юг и впадающего в р. Курдюм (с ее левого берега). По дну оврага протекает пересыхающий ручей. Поверхность по всей площади памятника задернована. Параллельно оврагу проложена грунтовая дорога, на мысовом участке которой был обнаружен фрагмент золотоордынского гончарного сосуда. После тщательного осмотра мыса, в береговой осыпи на северо-восточном склоне был обнаружен еще один аналогичный фрагмент керамики и три кости мелкого рогатого скота. Памятник зафиксирован впервые.

Сабуровский грунтовый могильник расположен к северо-востоку от пос. Усть-Курдюм; к юго-юго-востоку от д. Козловка и с. Сабуровка. На обрыве левого берега р. Курдюм (Усть-Курдюмский залив, образованный р. Курдюм при впадении в р. Волга и подтопленный водами Волгоградского водохранилища), к югу от второго раскопа А.Б. Мальшева (2007 г.) было обнаружено новое разрушающееся погребение. В обрыве торчала человеческая кость, являющаяся, по всей видимости, позвонком поясничного отдела.

Случайная находка. Фрагмент лепной керамики эпохи бронзы был обнаружен на грунтовой дороге, проложенной вдоль левого берега Усть-Курдюмского залива, к западу от д. Козловка.

Курганная группа «Первая Расловка» выявлена возле северной оконечности дачного массива «Первая Расловка» на первой надпойменной террасе левого берега р. Курдюм. К северу от группы проходит шоссе автостроительского участка. Непосредственно с юга расположены жилые и хозяйственные дачные постройки. Курганная группа состоит из двух насыпей, вытянутых по линии запад – восток. Поверхность обоих курганов задернована. Памятник зафиксирован впервые.

Курганная группа «Каменная гора-1» выявлена к северо-западу от железнодорожной остановочной платформы «263-й километр» и к юго-юго-западу от триангуляционного пункта с отметкой «122.0». Группа расположена на водоразделе, восточная часть которого активно распаивается. С востока на запад через всю территорию памятника протянута высоковольтная ЛЭП. Группа состоит из девяти насыпей, вытянутых цепочкой по линии северо-восток – юго-запад. Поверхность восьми из них задернована, одна на-

сыпь активно распаивается, а границы пашни подошли вплотную к двум курганам. Еще одной интересной особенностью данной местности являются крупные валуны, разбросанные по всей территории возвышенности, в том числе на курганах. Не исключено, что именно с этим фактом связан устойчивый топоним местности – «Каменная гора», от которого получил свое название данный археологический объект. Памятник зафиксирован впервые.

Курганная группа «Каменная гора-2» выявлена к западу от садовых участков с. Вязовка, к югу от триангуляционного пункта «122.0» и от памятника «Каменная гора-1». Группа расположена на равнине. С севера на юг и с юго-востока на северо-запад тянутся две грунтовые дороги, смыкающиеся под углом 45°. С запада и юго-запада к курганной группе подступает пашня. Группа состоит из девяти насыпей, основная часть которых (7 курганов) вытянута цепочкой по оси северо-северо-запад – юго-юго-восток, а остальные (2 кургана) несколько в стороне. Поверхность большинства насыпей задернована. Исключение составляют три кургана, один из которых распаивается, другой подвергаются частичной распашке, а через третий проходит грунтовая дорога. Памятник зафиксирован впервые.

Одиночный курган «Каменная гора-3». Выявлен к северо-северо-востоку от железнодорожной остановочной платформы «266-й км» и к юго-западу от памятника «Каменная гора-2». Курган расположен на равнине, к северо-западу от которой наблюдается повышение рельефа местности. К востоку от кургана расположены грунтовая дорога, лесополоса и железная дорога, проложенные параллельно с севера на юг. Поверхность большей части насыпи задернована, за исключением северной половины, подвергающейся интенсивной распашке, так как именно здесь проходит граница пашни. Памятник зафиксирован впервые.

Одиночный курган «Каменная гора-4» выявлен к юго-юго-востоку от шоссе Сабуровка – Шевыревка, к юго-западу-западу от триангуляционного пункта «122.0» и к северо-северо-востоку от памятника «Каменная гора-1». Курган расположен на вершине высокого овального холма. К югу от кургана наблюдаются небольшие углубления, возникшие, предположительно, вследствие несанкционированных раскопок с использованием металлодетектора. Поверхность насыпи, как и всей площади холма, задернована. Памятник зафиксирован впервые.

Курганная группа «Вольновка-1» выявлена к юго-юго-востоку от с. Вольновка и к западу от дачного массива «Вторая Расловка». Курганная группа расположена на водораздельном холме, вся площадь которого задернована. С северо-востока к холму подступает пашня, а с севера, параллельно склону проходит грунтовая дорога с лесополосой по линии восток-запад. Группа состоит из шести насыпей, пять из которых вытянуты цепочкой с востока на запад, а одна расположена к северо-востоку относительно данной «линии». Посередине насыпи кургана 1 обнаружены остатки геодезического знака с надписью «ГУГК Геодезический пункт». Памятник зафиксирован впервые.

Одиночный курган «Вольновка-2» выявлен к югу от с. Вольновка на равнине. К западу от кургана расположены лесопосадки, а к северу – опора высоковольтной линии – 500 Квт («ВЛ-500»). Рядом с насыпью, с юга на север

проходит грунтовая дорога, поворачивающая на северо-восток. Площадь насыпи задернована, однако в ней имеются две западины, глубиной около 0,5 м и диаметром 4–5 м, являющиеся, по всей видимости, следами грабительских раскопок. Памятник зафиксирован впервые.

Кроме того, на левом берегу р. Курдюм (Усть-Курдюмский залив) были зафиксированы несанкционированные берегоукрепительные работы на участке берега протяженностью около 0,5 м. Конструктивно они представляет собой срез верхней кромки берега залива под углом 45° с подсышкой грунта в нижней части для предотвращения размыва. Данные берегоукрепления проводились без согласования земляных работ с государственными органами охраны историко-культурного наследия в месте вероятного обнаружения археологических памятников. Заметим, что на данной береговой полосе потенциально могут оказаться археологические объекты, а в 0,7 км к северо-северо-западу в подобных условиях была найдена отдельная находка – фрагмент лепной керамики (*местонахождение «Сабуровка»*). В настоящий момент, после проведения данных земляных работ возможность обнаружения здесь памятников археологии практически отсутствует.

Татищевский район:

Курганная группа «Большая Федоровка-1» выявлена к северо-востоку от одноименного населенного пункта, юго-западнее трассы «Р-158». Группа расположена на водораздельном холме, западнее его вершины. Холм вытянут с северо-запада на юго-восток, а его северо-восточный склон распахивается. Курганы вытянуты по линии запад – восток. Группа состоит из 8 насыпей, сгруппированных по линии запад – восток. Большая часть насыпей задернована. Исключения составляют курганы 2 и 5, полы которых частично распаханы с севера, а по насыпи кургана 5, кроме того с северо-восточной стороны проходит ров шириной 1,5 м, имеющий, по-видимому, техногенное происхождение. Курган 3 в центре и с юго-западной стороны насыпи имеет две заросшие кустарником округлые западины глубиной до 0,3 м. По северной поле кургана 1 проходит грунтовая дорога, а на его юго-западной поле покоятся 3 валуна. Один подобный валун также находится на юго-западной поле кургана 6. Памятник зафиксирован впервые.

Курганная группа «Большая Федоровка-2», состоящая из 2 насыпей, расположена на холме, к северо-северо-востоку от с. Большая Федоровка и к юго-западу от трассы «Р-158». С юго-востока от группы проходит асфальтовая дорога, ведущая от трассы «Р-158» к с. Большая Федоровка. Курганы вытянуты по линии юго-запад – северо-восток. Курганы находятся на пашне. При осмотре окружающей территории в 0,16 км к востоку-юго-востоку от курганной группы была обнаружена одиночная находка – обломок неорнаментированной стенки лепного сосуда со светло-бурой внешней поверхностью. В качестве отощителя в керамике использовался песок. Памятник зафиксирован впервые.

Курганная группа «Большая Федоровка-3» обнаружена к северо-северо-востоку от с. Большая Федоровка, западнее асфальтовой дороги, соединяющей трассу «Р-158» и с. Большая Федоровка. Памятник расположен на водоразделе между р. Крюковка и р. Большой Кольшлей, состоит из трех насыпей и подвергается интенсивной распашке. К западу от памятника проходит

грунтовая дорога, а с севера и северо-востока расположены лесопосадки. Курганы вытянуты по линии восток-юго-восток – запад-северо-запад. Памятник зафиксирован впервые.

Местонахождение «Большая Федоровка-4» выявлено на левом берегу р. Крюковка, на первой надпойменной террасе, к северо-северо-западу от с. Большая Федоровка, восточнее урочища бывшего с. Большая Крюковка. Местонахождение расположено на мысу, окруженном с юго-западной и северо-восточной сторон оврагами, прорезающими террасу и выходящими устьями в пойму. Края оврагов осыпаются. Северо-западная, острая часть мыса плавно понижается до уровня поймы. Северо-восточный напольный участок мыса распахивается, а остальная его поверхность задернована. Так как данный мыс представлялся удобным для поселения, он был обследован с особой тщательностью. Подъемный материал, обнаруженный в кротовинах, представлял собой три фрагмента костей животных и пять обломков неорнаментированных стенок лепных сосудов. В качестве присадок в керамике использовались шамот и песок. Здесь применялся восстановительный обжиг, а цвет внешней поверхности был светло-бурым. Памятник зафиксирован впервые.

Курганная группа «Большая Федоровка-5» обнаружена к западу-северо-западу от с. Большая Федоровка. Группа расположена на краю надпойменной террасы правого берега р. Большой Колышлей. С востока-северо-востока от группы расположены лесопосадки, а с востока – современный карьер. Группа состоит из 14 курганов, вытянутых по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Насыпи курганов задернованы. По северной поле кургана 6 проходит грунтовая дорога, северная пола кургана 1 повреждена поздним искусственным рвом шириной 1,5 м техногенного происхождения. Памятник зафиксирован впервые.

Курганная группа «Большая Федоровка-6» выявлена к западу-северо-западу от села, на склоне надпойменной террасы правого берега р. Большой Колышлей. Группа вытянута по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток на 1,55 км и включает в себя 26 насыпей. С северной стороны вдоль памятника проходит грунтовая дорога с лесопосадками. Край террасы изрезан оврагами. Насыпи курганов 2, 10 и 11 имеют овальные углубления (0,3–0,5 м), заросшие кустарником. Курган 19 имеет подобное углубление в 1 м западнее насыпи. Насыпи курганов 8 и 20 с северной стороны частично входят в зону лесопосадок. По курганам 1, 9, 10, 13, 19, 22 проходит грунтовая дорога. Все насыпи задернованы. Памятник зафиксирован впервые.

Одиночный курган «Большая Федоровка-7» найден к западу-северо-западу от деревни, севернее р. Большой Колышлей. Южнее кургана находится старый карьер. Насыпь кургана распахивается. Памятник зафиксирован впервые.

Одиночный курган «Большая Федоровка-8» обнаружен к северу-северо-западу от деревни, на правой надпойменной террасе р. Большой Колышлей. С северо-запада от кургана находится водонапорная башня. Насыпь распахивается. Памятник зафиксирован впервые.

Одиночный курган «Большая Федоровка-9» выявлен к северо-западу от одноименного села. С северо-востока и запада-юго-запада от кургана расположены две группы деревьев, с юго-юго-запада – край лесополосы, а к северо-

западу – р. Крюковка. Курган расположен на пашне, на северо-западном склоне водораздела между р. Крюковка и р. Большой Колышлей. Памятник зафиксирован впервые.

Селище «Большая Федоровка» впервые было обнаружено В.Б. Воробьевым в 1984 г. Тогда на площади 50 x 30 м им было собрано 8 фрагментов стенок и 1 фрагмент венчика лепных сосудов эпохи бронзы [Воробьев, Ляхов, Юдин, 1984. С. 17, рис. 49]. Памятник расположен на надпойменной террасе левого берега р. Большой Колышлей, на крутой излучине к западу от с. Большая Федоровка. К северо-востоку от селища, за рекой находится карьер. В северной части памятника проходит полевая дорога. Селище целиком находится на пашне и интенсивно распаивается. Подъемный материал весьма беден. Керамический комплекс представлен пятью фрагментами от лепной посуды эпохи поздней бронзы: 4 неорнаментированных обломка стенок и один фрагмент венчика (рис. 2, 15). В качестве отощителей в керамике использовался шамот, песок и дресва. Обжиг неровный, восстановительный, цвет внешней поверхности светло-коричневый, темно-оранжевый, черный с темно-желтыми вкраплениями. К эпохе средневековья относятся 3 неорнаментированных обломка от стенок гончарных сосудов. В качестве отощителей в керамике использовался песок. Обжиг окислительный, ровный, цвет внешней поверхности оранжевый, серо-желтый, черный. Кроме того, были обнаружены 3 фрагмента глиняной обмазки и 4 обломка костей животных.

Аткарский район:

Курганная группа «Студеный-1» расположена на второй надпойменной террасе правого берега р. Медведица, к югу от п. Студеный и к северу от с. Палатовка. Все курганы расположены на луговой местности. В группе зафиксировано 10 насыпей. Протяженность группы с севера на юг составляет 130 м, с запада на восток – 215 м. Памятник зафиксирован впервые.

Курганная группа «Прокудино-1» находится на второй надпойменной террасе правого берега р. Медведица, к юго-западу от с. Орловка и к востоку от с. Прокудино. В группе зафиксировано 7 насыпей. Все курганы расположены на ровной луговой местности. Протяженность группы с севера на юг составляет 60 м, а с запада на восток – 85 м. Памятник зафиксирован впервые.

Курганная группа «Палатовка-1» обнаружена на первой надпойменной террасе правого берега р. Медведица к востоку от окраины с. Палатовка. В группе зафиксировано 2 насыпи. К западу и юго-западу от кургана 1 расположены жилые постройки с. Палатовка. Курганы находятся в плохом состоянии. В кургане 1 имеются две ямы (возможно грабительский раскоп). С юго-восточной стороны, почти вплотную к полю кургана 2 прилегает яма диаметром 8 м и глубиной 0,3 м. Вся площадь террасы изрезана множеством небольших оврагов и перекопов. Памятник зафиксирован впервые.

Одиночный курган «Богдановка-1» расположен на второй надпойменной террасе р. Медведица к северо-востоку от с. Богдановка. Впервые памятник был обнаружен и зафиксирован в 1978 г. в ходе археологических разведок В.А. Лопатина [Лопатин, 1978]. Высота насыпи составляет 0,6 м, диаметр – 10 м. Курган подвергается ежегодной распашке.

Одиночный курган «Николаевка-1» находится на правом берегу второй надпойменной террасы р. Медведица, к северо-востоку от с. Николаевка. Вы-

сота насыпи составляет 1 м, диаметр – 20 м. Курган подвергается ежегодной распашке. Памятник зафиксирован впервые.

Местонахождение «Студеный-1» зафиксировано на первой надпойменной террасе (высотой до 5 м) правого берега р. Медведица к югу от п. Студеный и к северу от с. Палатовка. На севере памятник ограничивается оврагом, поросшим камышом и довольно далеко врезающимся в край террасы. Площадь памятника сильно задернована. Признаков культурного слоя не обнаружено. Подъемный материал обнаружен на участке площадью в 50 x 40 м, в основном в кротовинах. На данном участке было собрано 23 фрагмента керамики и 11 костей животных. Подъемный материал представлен фрагментами посуды срубной археологической культуры. В коллекции керамики можно выделить 3 венчика (рис. 2, 1-3), 2 орнаментированных обломка (рис. 2, 4, 5) и 2 придонной части (рис. 2, 6, 7). Памятник зафиксирован впервые.

Местонахождение «Нижняя Красавка-3» расположено на второй надпойменной террасе левого берега р. Медведица к северо-востоку от с. Нижняя Красавка. Памятник расположен на ровной луговой местности, к которой с востока вплотную примыкает грейдер, идущий с юга на север. С западного края в том же направлении проходит грунтовая дорога и ЛЭП, которые севернее сворачивают в сторону грейдера. Северный край памятника ограничен большим оврагом, поросшим деревьями. Центральная часть прорезана узким и длинным (до 110 м) оврагом выходящим устьем на запад – в пойму Медведицы. Площадь памятника задернована, а признаков культурного слоя не выявлено. Подъемный материал обнаружен в основном в кротовинах, на участке протяженностью 165 м с севера на юг и 85 м с запада на восток. Было обнаружено 39 фрагментов керамики (рис. 2, 8-10), 12 костей животных и один точильный камень (рис. 2, 11). Обнаруженный материал относится к срубной археологической культуре эпохи поздней бронзы.

Селище «Нижняя Красавка-2а» находится на первой надпойменной террасе (высотой до 4 м) левого берега р. Медведица, к северо-востоку от с. Нижняя Красавка. Впервые поселение было открыто Ю.В. Деревягиным в 1968 г., когда в северной части памятника были произведены разведочные раскопки [Деревягин, 1968]. В 1973 г. поселение обследовалось археологической экспедицией СГУ под руководством В.А. Фисенко [Мельник, 2008. С. 234-238]. Поселение расположено между двумя оврагами с западной и восточной стороны, расстояние между которыми составляет 100 м. К югу-западу от поселения проходит линия электропередач, протянувшаяся с запада на восток. На обрыве террасы четко прослеживается культурный слой поселения мощностью до 1 м. В северо-западной части памятника, на краю террасы, видны следы от старого разведочного раскопа. Подъемный материал был обнаружен на участке общей площадью 40 x 50 м. На поселении было обнаружено 53 фрагмента лепной керамики (рис. 2, 12-14) и 8 обломков костей животных. По 13 фрагментам был собран и частично реконструирован сосуд (рис. 2, 14).

В результате работ в Саратовском районе было выявлено 8 новых археологических объектов – 4 курганные группы, 3 одиночных кургана, 1 местонахождение, а также одна случайная находка. Также была проведена

проверка состояния и уточнена степень сохранности ранее выявленного памятника – Сабуровского грунтового могильника. Было выяснено, что данный объект продолжает разрушаться вследствие эрозии и разрушения берега водами Волгоградского водохранилища: в береговой осыпи обнаружено еще одно разрушающееся погребение. Установлено, что распахке подвергаются три кургана из курганных групп «Каменная гора-1», «Каменная гора-2», и «Каменная гора-3». На местонахождении «Сабуровка» были зафиксированы находки, относящиеся к эпохе позднего средневековья (Золотой Орды).

В Татищевском районе было обнаружено 9 новых археологических объектов: 5 курганных групп, 1 местонахождение, и 3 одиночных кургана. Кроме того, была проведена проверка состояния и уточнена степень сохранности известного памятника «селище Большая Федоровка». Здесь были обнаружены материалы эпохи поздней бронзы (срубная археологическая культура) и эпохи позднего средневековья (золотоордынская и русская керамика), было установлено, что селище почти полностью разрушено распахкой. Две курганные группы («Большая Федоровка-2», «Большая Федоровка-3») и три одиночных кургана («Большая Федоровка-7», «Большая Федоровка-8», «Большая Федоровка-9»), также подвергаются распахке. Вследствие этого насыпи в скором времени могут потерять рельефность, и обнаружить их повторно будет проблематично. На местонахождении «Большая Федоровка-4» были зафиксированы находки, относящиеся к эпохе поздней бронзы (срубная археологическая культура).

В Аткарском районе Саратовской области было зафиксировано 7 новых археологических объектов: 3 курганные группы, 1 одиночный курган и 2 местонахождения. Большинство памятников распахиваются, а также активно разрушаются сезонными колебаниями вод р. Медведица и требуют проведения охранно-спасательных раскопок. Известное поселение «Нижняя Красавка-2а» было отнесено к срубной археологической культуре на основании собранного материала и исследований предыдущих лет. Материалы с местонахождений «Студеный-1» и «Нижняя Красавка-3» позволяют датировать эти памятники эпохой бронзы.

Таким образом, в ходе археологических разведок в июле-октябре 2009 г. экспедиционными отрядами СГУ было обнаружено 24 новых археологических объекта: 12 курганных групп, 8 одиночных курганов, 4 местонахождения. Также были осмотрены отдельные известные памятники: «Сабуровский грунтовый могильник», селища «Большая Федоровка» и «Нижняя Красавка-2а», 1 поселение. Удалось уточнить и дополнить данные о недостаточно исследованных участках на археологической карте Саратовской области. Для вновь обнаруженных памятников была составлена полная документация.

Литература:

- Африканов Ю.А.* Отчет об охранных раскопках Аткарского грунтового могильника в 1989 году. Саратов, 1990 // Архив ИА РАН. Р-1, № 14612.
- Воробьев В.Б.* Отчет об археологических исследованиях в Татищевском районе. Саратов, 1984 // Архив ИА РАН. - Р-1, № 10271.
- Воробьев В.Б., Ляхов С.В., Юдин А.И.* Археологическая карта Татищевского района Саратовской области. Саратов, 1984 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.
- Деревягин Ю.В.* Исследования в Саратовской области // АО 1968 года. М., 1969.
- Деревягин Ю.В.* Новые памятники эпохи бронзы в бассейне р. Медведицы // КСИА. 1971. № 127.
- Деревягин Ю.В.* Отчет о находках в Саратовской области в 1968 году. Саратов, 1968 // Архив АИ РАН. Р-1, № 3655-3655а.
- Зайковский Б.В.* Находки на Колышлее // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25.
- Изотова М.А.* Отчет об археологических раскопках у с. Нееловка Татищевского района Саратовской области в 1997 году. Саратов, 1997 // Архив СОМК.
- История изучения памятников археологии Саратовского района Саратовской области.* Саратов, 1994 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.
- Каргин Ю.Ю.* Полевые археологические исследования НИИАЛ СГУ (1978-1995 гг.) // АВЕС. Саратов, 2009. Вып. 7.
- Кочерженко О.В.* Отчет об археологических раскопках курганной группы I у с. Латухино Татищевского района Саратовской области в 1995 г. Саратов, 1995 // Архив ИА РАН. - Р-1, № 18229.
- Кубанкин Д.А.* Отчет об археологических разведках около пос. Дубки и с. Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области в 2002 году. Саратов, 2005 // Архив СОМК.
- Лопатин В.А.* Исследования поселения Нижняя Красавка в 2008 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9.
- Лопатин В.А.* Отчет о мониторинге проведенных охранных археологических работ на объектах культурного наследия в зоне строительства магистрального газопровода Починки - Изобильное - Северо-Ставропольское ПХГ на участке Починки-Фролово в Саратовской области. Саратов, 2003 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.
- Лопатин В.А.* Отчет об археологических разведках в Аткарском районе Саратовской области в 1978 году. Саратов, 1978 // Архив ИА РАН. Р-1, № 7320.
- Лопатин В.А.* Отчет об археологических раскопках кургана и грунтового могильника у разъезда «Ивановский» в Саратовской области в 2006 году. Саратов, 2007 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.
- Лопатин В.А.* Отчет об археологических раскопках курганных могильников «Никулин Лес» и «Мессер-V» в Саратовской области в 2005 году. Саратов, 2006 // Архив ЛНА ИАКН СГУ

Лопатин В.А. Отчет об археологических раскопках поселения и кургана эпохи поздней бронзы у с. Нижняя Красавка Аткарского района Саратовской области в 2009 году. Саратов, 2010 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Лопатин В.А. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Нижняя Красавка Аткарского района Саратовской области в 2007 году. Саратов, 2008 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Лопатин В.А. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Нижняя Красавка Аткарского района Саратовской области в 2008 году. Саратов, 2009 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Лопатин В.А. Отчет об охранных раскопках курганного могильника «Яминов лес-2» в Аткарском районе Саратовской области в 2003 году. Саратов, 2004 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Лопатин В.А. Охранные раскопки курганной группы у с. Варыпаевка в Аткарском районе Саратовской области в 2003 году. Саратов, 2004 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Лопатин В.А. Поселение у с. Нижняя Красавка (по раскопкам 2007 года) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 6.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Курганная группа у села Варыпаевка // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.

Лопатин В.А., Якубовский Г.Л. Погребения эпохи средней бронзы из курганов у села Усть-Курдюм // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.

Ляхов С.В. Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII–XIV вв. в 1996 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Ляхов С.В. Отчет об охранных раскопках курганов в Хвалынском, Питерском, Татищевском районах Саратовской области в 1993 году. Саратов, 1994 // Архив ИА РАН. Р-1, № 19331.

Ляхов С.В. Уникальное погребение эпохи средней бронзы из кургана у пос. Сторожевка (предварительная публикация) // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году, Саратов, 1996, Вып. 1.

Максимов Е.К. Археологическая карта Аткарского района Саратовской области. Саратов, 1978 // Архив ЛНА ИАКН СГУ

Максимов Е.К. Отчет о полевых работах летом 1978 года в Аткарском районе Саратовской области в 1978 г. Саратов, 1979 // Архив СОМК. Оп. 3, Дело № 2; Архив ИА РАН. Р-1, № 6928.

Малов Н.М. Отчет об археологических разведках, проведенных в 1978 г. в правобережных районах Саратовского Поволжья. Саратов, 1978 // Архив ИА РАН. Р-1, № 6951–6951а

Малов Н.М. Отчет об археологических раскопках курганной группы № 1 близ села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области в 1998 году. Саратов, 1999 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Мальшиев А.Б. Исследования Сабуровского грунтового могильника в 2006–2007 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Мальшиев А.Б. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Мордовы (Елшанки), в окрестностях п. Тарханы на севере Саратовского района Саратовской области в 2000 году. Саратов, 2001 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Мальшиев А.Б. Отчет об археологических разведках в окрестностях села Усть-Курдюм, от устья реки Курдюм до деревни Расловка Саратовского района Саратовской области в 1999 году. Саратов, 2000 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Мальшиев А.Б. Отчет об археологических раскопках Алексеевского городища и Сабуровского грунтового могильника в 2006 г. Саратов, 2007 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Мальшиев А.Б. Отчет об археологических раскопках Сабуровского грунтового могильника в 2007 г. Саратов, 2008 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Мельник В.И. Поселения эпохи бронзы у села Нижняя Красавка // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6.

Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2.

Монахов С.Ю. Отчет о раскопках в Балаковском, Саратовском и Аткарском районах Саратовской области в 1979 году. Саратов, 1980 // Архив ИА РАН. Р-1, № 7529.

Монахов С.Ю. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. 1984. № 1.

Моржерин К.Ю. Отчет о разведках в бассейне р. Курдюм на севере Саратовского района. Саратов, 1988 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Недашковский Л.Ф. Отчет о разведках к югу - юго-западу от Саратова в 1993 году. Казань, 1994 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Недашковский Л.Ф. Отчет о разведках в Саратовском районе в 1996 году. Казань, 1996 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Недашковский Л.Ф. Отчет о разведках в южной части Саратовского района в 1995 году. Казань, 1996 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Недашковский Л.Ф. Отчет о разведках к юго-западу от Саратова в 1994 году. Казань, 1994 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Недашковский Л.Ф. Отчет о разведочных исследованиях в Саратовском районе в 1998 году. Казань, 1999 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Недашковский Л.Ф. Отчет о раскопках Хмелевского I селища в 1999 году. Казань, 2000 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Недашковский Л.Ф. Отчет об исследованиях золотоордынских памятников в Саратовском районе в 1997 году. Казань, 1998 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Рыков П.С. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Саратов, 1929. Т. 3.

Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Саратов, 1926.

Рыков П.С. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Саратов, 1931. Т. 4.

Рыков П.С. Разведки в 1923 году // Ученые записки Саратовского университета. Саратов, 1925. Т. 3. Вып. 3.

Сергеева О.В. Отчет об охранных раскопках поселения эпохи поздней бронзы близ села Ильиновка в Татищевском районе Саратовской области в 1993 году. Саратов, 1993 // Архив ИА РАН. – Р-1, № 18463.

Сергеева О.В. Отчет об охранных раскопках поселения эпохи поздней бронзы Киево-Полтавка и курганной группы Грязнуха в Татищевском районе Саратовской области. Саратов, 2006 // Архив ИА РАН – Р-1; Архив ЭКМ.

Сергеева О.В., Хоркин Д.А. Охранные археологические исследования Саратовского областного центра дополнительного образования «Поиск» в 1998–2000 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 1998–2000 гг. Саратов, 2001. Вып. 4.

Синицын И.В. Археологические работы в Саратовской области в 1945 г. // КСИИМК, т. XVII, М-Л, 1947.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах, произведенных в Саратовской области летом 1945-го года. Саратов, 1945 // Архив СОМК. – Оп. 1, Дело № 206; Архив ИА РАН. – Р-1, № 9.

Синицын И.В. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья // Известия НВИК. Саратов, 1932.

Тугушев П.Е. Отчет об археологических разведках 2005 года в Саратовском районе Саратовской области. Саратов, 2006 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Тугушев П.Е. Отчет об археологических раскопках на городище «Петровский городок» у с. Усть-Курдюм в Саратовском районе Саратовской области в 2006 году. Саратов, 2007 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Тупалов И.В. Отчет о проведенной научно-исследовательской работе по теме: «Археологические разведки в Саратовском, Татищевском районах Саратовской области в 2007 году». Саратов, 2008 // Архив ГУК НПЦ по ИКН, Архив ИА РАН

Четвериков С.И. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Карамышской оросительной системы в 1987 г. Саратов, 1988 // Архив ЛНА ИАКН СГУ.

Четвериков С.И. Отчет об археологических работах в зоне строительства Комсомольской оросительной системы у с. Поповка Саратовского района и в г. Энгельсе и разведках по р. Карамыш в 1988 г. Саратов, 1989 // Архив ИА РАН.

Четвериков С.И. Отчет об археологических разведках в Лысогорском и Саратовском районах (бассейн р. Карамыш) и охранных раскопках в г. Энгельсе в 1988 г. Саратов, 1989 // Архив ИА РАН.

Щеглов С.А. Записки Щеглова С.А. и вырезки из периодической печати по истории, археологии, краеведению и этнографии, 1913 г. // ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед.хр. 878.

Рис. 1. Участки, обследованные разведками 2009 года

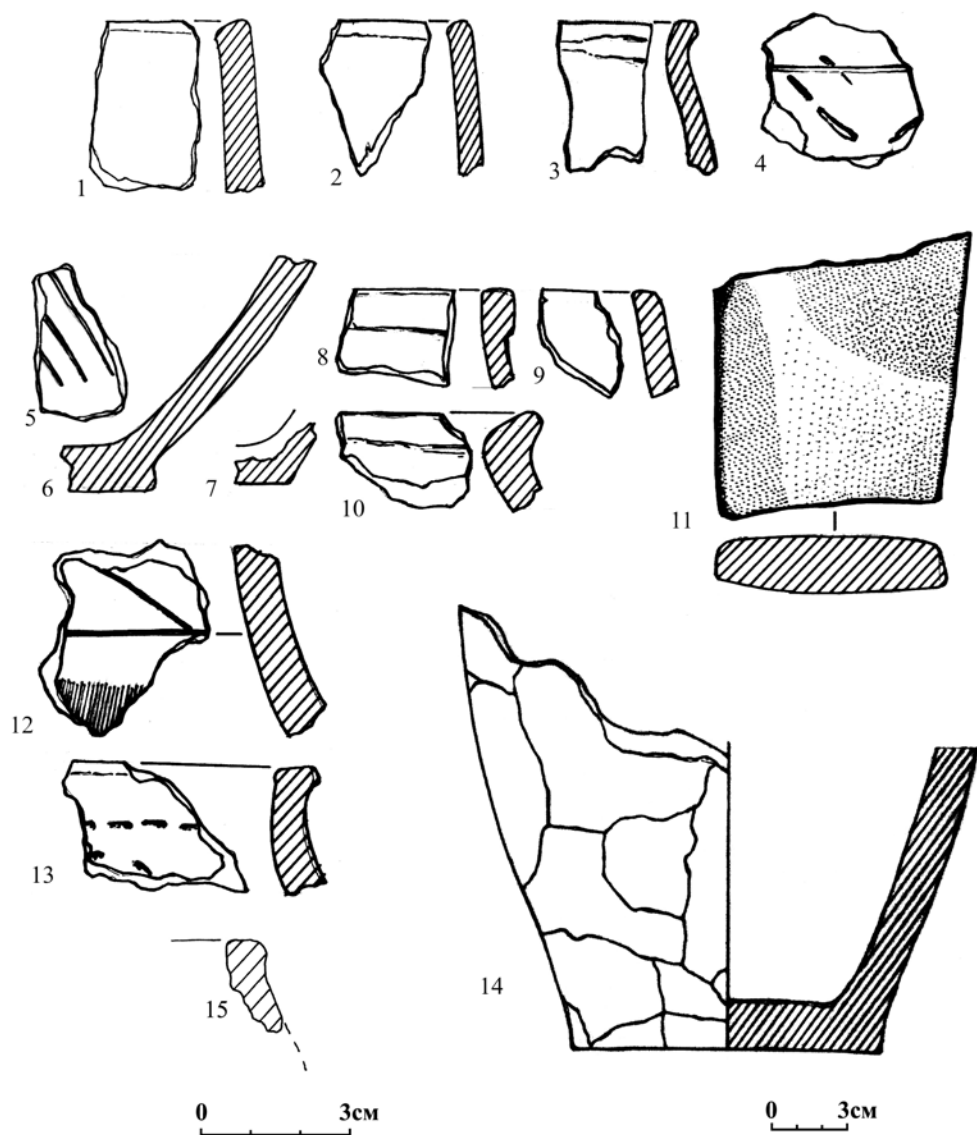

Рис. 2. Подъемный материал с памятников Татищевского и Аткарского районов:
 1-7 - местонахождение «Студеный-1»
 8-11 - местонахождение «Нижняя Красавка-3»
 12-14 - селище «Нижняя красавка-2а»
 15 - селище «Большая Федоровка»

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ляхов С.В., Мячин С.В.

КОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ «ПОСТГУННСКОГО» ВРЕМЕНИ У СЕЛА ТУГУЛУК СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ (предварительная публикация)

В 2008 году одним из авторов [Мячин, 2009] были проведены охранные раскопки курганных групп «Тугулук 1–3» в Грачевском р-не Ставропольского края. Курганный могильник «Тугулук-3», состоящий из двенадцати насыпей, находится на вершине второй надпойменной террасы правого берега р. Тугулук, в 2,8 км к северо-востоку от одноименного села (рис. 1, 1)¹.

В группе исследованы курганы 4–7, 12, в которых выявлено более десятка разновременных погребений. Единственное раннесредневековое погребение обнаружено в кургане 4.

Курган 4 находился в центре курганной группы и на момент раскопок имел высоту 0,20 м и диаметр 42 м. В кургане, сооруженном в эпоху средней бронзы, выявлено 5 захоронений и одна яма.

Погребение 5 совершено в подбое (рис. 1, 2). Обнаружено в 5,15 м к юго-востоку от репера по пятну заполнения входной ямы. Заполнение плотное, состоящее из различных грунтов - в северо-восточной части оно однородное (коричневый суглинок), а в юго-западной мешанное (коричневый суглинок с комками светло-желтого).

Входная яма подпрямоугольной в плане формы (2,19 x 0,84 м) с округленными углами длинной стороной ориентирована по линии северо-восток – юго-запад.

Дно входной ямы, зафиксированное на глубине 1,97–2,05² м, переходило в дно подбоя, образуя отвесную ступень высотой 0,23 м и шириной 0,6 м. В длинной северо-западной стенке входной ямы сооружен подпрямоугольный в плане подбой (2,10 x 0,7–0,85 м), вход в который закрывал каменный заклад. При выборке заполнения погребальной камеры было установлено, что ее

¹ Графические работы выполнены Ю.С. Половинкиной, за что выражаем ей свою признательность.

² Здесь и далее глубины даются от репера.

свод сразу за входом начинал постепенно понижаться ко дну камеры. Предполагаемая высота свода 0,45 м.

Каменный заклад состоял из пяти слегка наклонных, разнообразных по форме и размерам известняковых плит, стоящих в ряд и закрывавших только центральную и северо-западную части входа. Плиты нижней частью упирались в край ступени, а верхние их края лежали над входным отверстием. Входное отверстие сегментовидной в профиле формы, высотой 0,38 м и шириной 1,9 м.

На ровном, с небольшим понижением в центральной части, дне подбоя лежал скелет взрослого человека, вытянуто на спине, черепом на северо-восток. Кости грудной клетки и стоп частично нарушены. Слабо деформированный череп лежал на затылочном отделе с небольшим поворотом вправо, лицевой частью направлен на юг. Кости рук и ног вытянуты. Коленные суставы и голеностопы слегка сведены.

Инвентарь.

1. Сосуд глиняный лепной округлобокий, короткошейный, со слабоотгнутым венчиком, плоскодонный (рис. 1, 3) находился в 0,1 м от черепа, в восточном углу камеры. Венчик уплощен и скошен наружу. Наибольшее расширение тулова находится в верхней его части. Внешняя поверхность сосуда черно-коричневого цвета, на ней видны смолянистые подтеки и расчесы в виде тонких вертикальных линий. Черепок в изломе черного цвета, тесто рыхлое, с примесью органики, крупного шамота и с незначительным количеством белых минеральных включений. Высота сосуда – 16,6 см, – шейки 1,5 см, – от дна до максимального расширения 10,8 см. Диаметр устья венчика 10 см, – максимального расширения 15,6 см, – дна 8,5 см.

2. Пряжка золотая (3,1 x 3,5 см) цельнолитая (толщина листа 0,01 см) с поллой рамкой (рис. 1, 4) лежала в 0,05 м к юго-востоку от нижнего эпифиза левой берцовой кости. Пряжка имела рифленую В-образную неподвижную рамку (3,1 x 1,8 см) с аналогичным отверстием (0,6–1,4 см) и прямоугольный щиток со скошенными краями (1,5 x 2,4 см). Подвижный бронзовый сегментовидный в сечении язычок длиной около 2 см немного выходил за край рамки. На щитке орнамент, выполненный тиснением, в виде прямоугольника и двух, вписанных в него окружностей. В нижних углах щитка и в центральной части рамки, под язычком, располагались бронзовые штифты. Длина штифтов на щитке 0,3–0,4 см, диаметр сильно окисленных шляпок – 0,2–0,3 см. Штифт на рамке сделан из согнутой вдвое бронзовой полосы. На внутренней части пряжки сохранились остатки белого вещества, между которым и золотым листом проступает тонкий слой бронзовых хлоридов.

3. Пряжка железная поясная обнаружена на крестце (рис. 1, 5). Массивная В-образная рифленая рамка (4,1 x 3 см) с аналогичным отверстием (3 x 1,2 см) имеет утолщение в передней части. Здесь ее сечение овальной формы, а на противоположном краю – округлое. Приемник язычка оформлен небольшим углублением. Щиток обломлен при расчистке, и его форма не восстанавливается (прямоугольный?). Ширина щитка 3,5 см, предполагаемая длина 3–4 см. Язычок (окончание не сохранилось) подвижный, сегментовидный в сечении, размерами 0,7 x 0,4 см. К внутренней стороне щитка при-

кипели фрагменты кожаного ремня. Из-за плохой сохранности изделия точно говорить о способе крепления рамки к щитку затруднительно.

4. Нож железный черешковый со слегка изогнутой спинкой (рис. 1, б) залегал у левого крыла таза, вдоль левого предплечья. Верхняя часть черешка рукояти обломлена в древности. На рукояти и клинке отмечены продольные волокна дерева. Общая длина изделия 9,5 см, – лезвия 8,3 см, – рукояти 1,2 см. Лезвие в сечении подтреугольное.

5. Фрагмент сильнокорродированного железного предмета (застежки – пряжки(?) обувной) обнаружен под костями правой стопы. На поверхности предмета размерами (1,6–1,8 x 0,8–1,4 см) сохранилась органика.

Лепной горшок является типично кочевнической кухонной посудой, но довольно редкой находкой в погребениях начала раннего средневековья. Малочисленность сосудов и разнообразие их морфологических признаков препятствует созданию определенной классификации данных артефактов этого периода и делает их на данный момент малоинформативными. Аналогии тугулукскому горшку нам неизвестны, но, на наш взгляд, по ряду технологических приемов он продолжает местные, возможно, сармато-аланские керамические традиции.

Пряжки с V-образной рифленой рамкой имели широкое территориальное распространение в эпоху раннего средневековья [Бажан, Каргопольцев, 1989, рис. 2].

Железная пряжка из-за плохой сохранности щитка не поддается точной классификации, но выделяется своей широкой рифленой рамкой. Было ли рифление на рамке сплошным или зонным, определить довольно трудно.

Железные пряжки (щитковые и бесщитковые) с рифленой рамкой были широко распространены среди германских племен второй половины V – первой половины VI в [Werner, 1981. S. 685–701; по Засецкая, 1994. С. 90–91]. В этих же рамках датируется бронзовая пряжка без щитка из катакомбы 42 могильника Мокрая Балка на Северном Кавказе [Афанасьев, 1979. С. 43–45, рис. 1, 42; Он же, 1980. С. 145, 150, рис. 2, 14, табл. 2]. Похожие пряжки с подвижным щитком, изготовленные из цветных металлов, найдены в п. 1 к. 2 из Васильевки, а так же в к. 2 Белозерка и в п. 6 к. 13 из могильника Малаи [Комар, 2006. Рис. 46, 1–3]. Датировка этих комплексов различна: Малаи в рамках второй – третьей трети VII в. [Атавин, 2008. С. 39–40; 42], А.В. Комар все три пряжки относит к VII – нач. VIII в [Комар, 2006. Рис. 1].

Золотая цельнолитая тугулукская пряжка с полой рамкой по морфологическим признакам (пропорциям рамки и щитка, тонкому узкому язычку) очень близка пряжкам из курганов 2 и 3 Шипово, но отличается оформлением рамки и щитка (орнамент, прямые боковые стороны). Близкие по оформлению рамки (сплошное тонкое рифление) пряжки с неподвижным щитком известны в северокавказских катакомбных могильниках Мокрая Балка, кат. 41 – вторая половина V – первая половина VI в. [Афанасьев, 1979. С. 43–45, рис. 1, 41], Лермонтовская Скала-2, кат. 10 – V–VII в. [Амброз, 1989. С. 37–38; 81, рис. 42, 1]. Аналогичные пряжки различных вариантов являются одним из определяющих артефактов памятников «Шиповского» круга, выделяемого А.К. Амброзом во II группу кочевнических древностей (VI–VII вв.) [Амброз, 1971б. С. 115–116; он же, 1981. С. 13].

К этой же группе памятников А.К. Амброз относит погребение 2 кургана 36 у г. Покровска, но не по элементам погребального обряда, а исключительно по набору инвентаря [Амброз, 1971б. С. 115; он же, 1989. С. 75].

По отдельным особенностям погребального обряда (подбойная конструкция могилы, размещение подбоя в северо-западной стенке, вытянутое положение погребенного, головой ориентированного на северо-восток) исследуемый комплекс соответствует погребению 2 кургана 36 у г. Покровска. Но в последнем, в отличие от тугулуцкого, на ступеньке входной ямы лежали череп и нижние конечности лошади, а погребенная была захоронена в гробу [Синицын, 1936. С. 81–82, рис. 9].

Таким образом, по отдельным элементам погребального обряда и по золотой пряжке погребение 5 кургана 4 (Тугулук-3) возможно отнести к II группе кочевнических древностей – постгуннскому горизонту Шипово, датировка которого неоднозначна. И.П. Засецкая памятники типа Шипово датирует концом IV – первой половиной V в. [1994. С. 120–122; 126–128, рис. 25], М.М. Казанский, А.В. Мастыкова серединой IV – началом V в. [Казанский, 2010. С. 163], А.В. Богачев сужает датировку до третьей четверти IV в. [Богачев, 1995. С. 13–14], И.О. Гавритухин определяет в рамках IV в. [Гавритухин, 2001. С. 43].

Малочисленность кочевнических погребений V–VII вв. и разнообразие их ритуальных признаков, в том числе и в комплексах Шиповского круга, осложняет выделение среди них локальных групп, поэтому открытие комплексов подобных тугулуцкому со временем даст возможность выделить группу с определенной культурной спецификой.

Литература:

- Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы II // СА. 1971б. № 3.
- Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.
- Афанасьев Г.Е. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. М., 1979. Вып. 158.
- Афанасьев Г.Е. Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
- Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. М., 1989. Вып. 198.
- Богачев А.В. О поздней дате древностей «гуннского круга» // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. Тезисы докладов. Самара. 1995.
- Гавритухин И.О. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла. Приложение 1 // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001
- Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (IV–V вв). Спб., 1994.
- Мячин С.В. Отчет об охранных раскопках курганных могильников «Тугулук 1–3» и «Букдарка-3» в Грачевском и Кочубеевском районах Ставропольского края в 2008 г. // Архив ИА РАН.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. О хронологии престижного оружия и конского снаряжения «шиповского» горизонта на Северном Кавказе // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Тезисы докладов XXVI «Крупновских чтений». Магас, 2010.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья (Хазарское время). Т. 5. Донецк, 2006.

Синицын И.В. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // Известия Нижне-Волжского института краеведения им. Горького. Саратов, 1936.

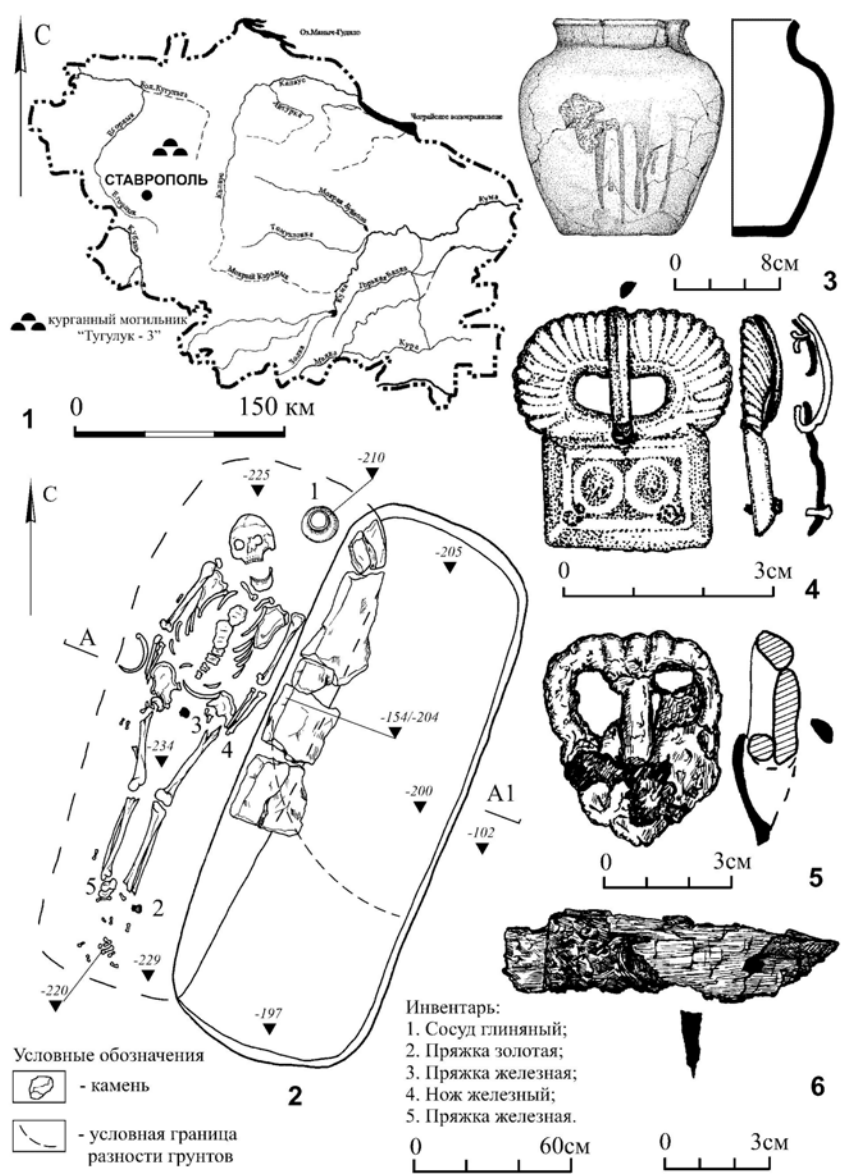

Рис. 1. 1 – Карта-схема Ставропольского края и арположение курганного могильника «Тугулук-3»; 2 – План погребения 5 кургана 5, Тугулук-3; 3 – лепной сосуд; 4 – пряжка золотая; 5 – пряжка железная; 6 – нож железный.

Шевченко Ю.Ю.

ХРИСТИАНСКИЕ ПЕЩЕРНЫЕ ХРАМЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Исследование пещерных храмовых памятников на рассматриваемой территории имеет давнюю традицию. Но феноменологический подход к изучению христианства и его артефактов с позиций мироощущения, сформированного рядом апокрифических источников, был предложен только Т.А. Бернштам [Бернштам, 2000]. Из глубин этого первого периода распространения христианства в славянском мире (I–VII вв.), выделенного протоиереем Нью-Йоркской Духованой Академии А. Шмеманом [Шмеман, 1954] и охарактеризованного профессором РАН – Т.А. Бернштам [2000], происходят множественные представления и обычаи славянского мира (например, «приминальная символика» [Шевченко, 2010]).

Что до конкретных представлений по позиционированию пещерных христианских святынь, то разные исследователи, базируясь на одном и том же материале, делали различные выводы касательно хронологии и интерпретации изучаемых объектов.

На материалах Крыма были сформулированы версии о создании и бытовании пещерных храмов в ранневизантийское время III–VII вв. [Струков, 1872; Он же, 1876; Он же, 1879; Он же, 1882; Веймарн, Репников, 1935; Веймарн, 1958, 1992; Веймарн, Чореф, 1978; Шевченко, 2004; он же, 2006, он же, 2008]; во времена иконоборчества VIII–IX вв. [Василевский, 1912; Кулаковский, 1914; Беляев, Бушенков, 1986; Даниленко, 1993]; и в период высокого Средневековья XII–XIV вв. [Могаричев, 1997. С. 98]. Последняя версия допускала создание наиболее древних пещерных храмов Крыма около середины IX в. и включала типологию по системе обработки внутренних поверхностей (пещерных стен и сводов) [Шевченко, 2008] в пещерных сооружениях Таврики.

Оговоренная в самых общих чертах «типологичность» свойственна и разработкам по пещерным сооружениям бассейнов Южного Буга – Днестра – Прута. Оформление стрельчатых и близких к ним полуциркульных сводов пещерных галерей позволяет отдельным авторам относить их создание к раннеславянскому времени VI–VIII вв. [Ридуш, 1999. С. 149–163]. Примыкают к интерпретациям XIX в. [Wagilewicz, 1843. С. 3–17; Kirkor, 1879. С. 107] и высказывания отдельных археологов о языческом характере пещерных храмов

Приднестровского региона [Винокур, 1970. С. 39–40; Димитрий, 1995. С. 130], созданных в IX–X веках. Версия Т.А. Бобровского [Бобровский, 1993. С. 121–129] связывает расцвет пещерных скитов и келий этого региона с волной христианского исихазма, вызванной проповедью Григория Паламы и деятельностью Григория Синаита в XIV в., что вводит данные пещерные памятники в соответствующий исторический контекст.

Еще более концептуальна версия Георги Атанасова, предложившего иное историческое осмысление и даже попытавшегося ввести пещерные памятники в контекст определенного археологического континуума. Картографированные им основные пещерные христианские святыни Поднестровья и Добруджи (рис. 1, 3) [Атанасов, 1993. С. 68, обр. 1], соотносятся с картой заселения Поднестровского региона в период катастрофического разгрома Болгарского царства, начавшегося во второй половине X века. Тогда «на север от Дуная хлынула волна беженцев» – в том числе монахов, устраивавших подземные скиты в Поднестровье, не затронутом византийской агрессией и южными походами киевского князя Святослава Игоревича [Атанасов, 1993. С. 63]. Именно в это время, наблюдается картина, характеризуемая Г. Атанасовым, как «апокалиптические разрушения в Добрудже».

Георги Атанасовым активно акцентируется связь подземных обитателей с поздними балкано-дунайскими культурными реминисценциями в Поднестровье, представленными в последней трети X века памятниками типа Алчедар. Локальное скопление пещер Поднестровья [Vazgu, 1997. С. 11, fig. 1] действительно имеет некоторое территориальное сопряжение с памятниками этой волны. Но это только два подземных монастыря Поднестровья – в Бутученах и Цишово, – надежно территориально связанные с памятником Балкано-Дунайской культуры (культуры Дриду) – с раннесредневековой крепостью Калфа, а культура Дриду появляется на данной территории ранее времени, предложенного Г. Атанасовым, не позднее середины IX века. Прочие пещерные памятники Поднестровья, судя по карте Г. Атанасова с дополнениями (рис. 1, 3) [Атанасов, 1993 С. 64; Vazgu, 1997. С. 11, fig. 1], образуют иные локальные скопления.

Отметки подземных христианских памятников в Поднестровье с имеющимися дополнениями [Vazgu, 1997. fig. 1] совпадают с местами заселения позднего римского времени, в основном с поселениями носителей черняховской культуры [Славяне..., 1993. С. 126, карта 23]. Активные связи вдоль по Днестру и вероятное продвижение населения по этой водной магистрали иллюстрирует карта находок римских импортов [Славяне, 1993. С. 158, карта 27]. Возможно, это связано с памятниками типа Этулия и с их продвижением с низовьев Дуная, из Мезии, где была основана первохристианская община ап. Андреем Первозванным, на север, в Верхнее Поднестровье. Среди памятников черняховской культуры позднеимперского времени в Поднестровье, в районе концентрации пещерных христианских святынь, наблюдаются и отложения киевской культуры [Шукин, 1988. С. 207–214], генетически гомогенной памятникам типа Этулия [Гудкова, 1987. С. 8–13; она же, 1989; Терпиловский, 1994. С. 73–79]. Возможно, в связи с этим «противостоянием» зоны концентрации пещерных христианских святынь Поднестровья составляют некие обособленные локусы в общем ареале черняховских памятников под-

нестровского региона, потому что памятники киевской и черняховской культур, консолидировавшиеся во взаимном противопоставлении [Щукин, 2002. С. 206], существуют в этом регионе чересполосно. Думается, пещерные отметки на карте (рис. 1, 3), скорее, могут маркировать наличие материалов киевской культуры. Это подтверждается наличием пещерных христианских святынь с престолом древнего типа и вне зоны черняховской, но в ареале киевской культуры.

Зоны концентрации памятников следующего хронологического периода, по происхождению связанных с «киевскими», полностью соответствуют локусам, маркируемым пещерами. Районы заселения в VI–VII вв. [Федоров, Чеботаренко, 1974. С. 18, рис. 2] накладываются с достаточно высокой степенью совпадения на картографию пещерных памятников, составляя единый континуум (рис. 1, 1, 3). Это может свидетельствовать о связи древностей этого горизонта с созданием, а возможно уже с использованием пещерных святынь, появившихся во времена предшествующего черняховского (позднеримского) времени.

Некоторая общность пещерных комплексов с материалами балкано-дунайской культуры, отмеченная Г. Атанасовым, может состоять и в том, что на памятниках VI–VII вв., связанных с локусами месторасположения пещерных святынь, имеются и более поздние славянские материалы типа Луки-Райковецкой (VII–VIII вв.). Это раннеславянские поселения Лукашевка-I, II и IV, Иванча-IV и X, Лопатна, Глинжены-III, Тарасовка-I, Пояны, Алчедар-IV, III, V и VII, городище Екимуцы; по р. Реуту Бранешты-I, Слободка, Скок [Федоров, 1960. С. 240–246, 247, № 6–11; С. 278–279, 280, № 7–14, 20–22]. Сюда и попадает керамика, являющаяся характерной для древностей Дунайской Болгарии – Балкано-Дунайской культуры (культуры Дриду) [Димитров, б/г. С. 120–145, табл. 5–16; Шевченко, 2002. С. 127].

Пещерные памятники Поднестровского региона входят в единый континуум и с древнерусскими поселениями IX–XIII вв. [Атанасов, 1993. С. 69, обр. 2; ср.: Федоров, Чеботаренко, 1974. С. 73, рис. 9]. Такое соотношение, как и наличие древнерусской фрагментированной керамики в слое у пещер Межигорья (Монастырька) над Серетом, Бакоты и других, свидетельствует о продолжавшемся почитании пещерных святынь в этих местах в великокняжеский период X–XIII вв., сюда ходили на богомолье и в IX–XIII вв. Судя по материалу (фрагментированной керамике), найденному у множества пещер Приднестровья, хождения на богомолье в эти места продолжались и в позднем средневековье. Но древнейшее использование пещерных святынь Поднестровья относится к времени не позднее распространения раннеславянских памятников в VI веке. Остановилось на некоторых из них.

К древним памятникам раннеславянского горизонта относится пещерный монастырь у с. Страдч Яворовского района Львовской области с длинной привходовой галереей (40 м), частично вырубленный в скальных породах высокого правого берега р. Верещицы (ок. 270 м), частично занимающий естественные полости. В пещерах расположено несколько монашеских келий с выступами-лежанками, подземная церковь древнерусского времени («прямоугольный зал»), небольшой пещерный храм («круглый зал») с престолом древнего типа и примыкающими сопрестоллиями. Городище над пе-

щерами было заброшено к XIV в., в XVII в. монастырь был возобновлен, как Греко-католический (униатский). Престол древнего типа не мог быть поставлен после 692 г. [Шевченко, 2004. С. 196–201].

У местечка Сатанов над Збручем (притоком Днестра), на склоне Слепого оврага (заповедник «Медоборы») у с. Крутилов, в окружении раннеславянских памятников, в Троицком пещерном скиту (рис. 2) сохранились реликтовые «сопребстолия» (рис. 3), аналогичные первохристианским, существовавшим до VII в. в Египте (рис. 4), происходящим от подобного элемента в храмах («монастерионах») эссенов (есеев). Служба у подобных сопребстолий по сей день проводится по древнему «чину Иакова Старшего» (см. рис. 3). Недалеко от пещерного скита расположена гора Богит – раннесредневековый славянский хутор VII–VIII вв. и небольшое укрепленное древнерусское городище, которое отдельные исследователи связывают с политеистическим религиозным центром [Русанова, Тимошук, 1993. С. 32–35, рис. 20], по находке неподалеку знаменитого Збручского идола Свентовита (Святовита).

Пещерное помещение и храм у с. Стенка высечен путем подработки естественного карстового грота. В своде жилого грота пробито широкое (1,5 м) вертикальное отверстие вверх, где над первой небольшой камерой высечена в скале другая, трапециевидная в плане 8 x 9 м (высотой 4 м). По центру восточной стены верхнего помещения высечен дополнительный кубический объем, углубленный в скалу еще на 3 метра. Здесь, как полагает исследователь этих подземных полостей В.С. Артюх, располагался алтарь храма [Артюх, 1998. С. 6–8]. Рядом с «трехметровым помещением» в стене вырублена еще одна ниша, которую можно интерпретировать, как древнее литургическое устройство (жертвенник), вынесенное к пределам алтаря, в наос, как в древнейших христианских храмах [Муравьев, 1846. С. 208]. Многочисленные лапидарные знаки (в виде петель, перевернутого латинского «F» и свастики, как в других пещерных храмах у с. Межигорье Тернопольской обл., в молдавских Бутученах, и др.), обнаружены на стенах храмового помещения у с. Стенка, где имеется также изображение креста типа «мальтийского» – с расширяющимися ветвями и «изображение бегущего зверя» [Суховой, 2001. С. 269, рис. 1].

Двухъярусное пещерное сооружение (рис. 5) той же структуры, что и двухъярусный храм с келией у с. Стенка, расположено возле с. Загнитков Кодымского района на севере Одесской области, на правом берегу р. Майстринцы (левый приток, впадающий в р. Днестр возле с. Рашков, где располагается «куст» хорошо известных черняховских и раннеславянских памятников IV–VI вв.). Верхняя камера Загнитковского пещерного скита соединена с нижней вертикальным «люком», но имеет еще и отдельный широкий выход (ориентированный на юг) в небольшой овражек [Суховой, 1999. С. 141, рис. 1]. В западной стене верхнего грота вырублена «ниша-лежанка», а в восточной – полуциркулярная в плане апсида, по центру которой расположено литургическое устройство – ниша, напоминающая древнейшие типы храмовых престолов.

Аналогичный «двухъярусный» пещерный скит расположен у с. Малеевцы Дунаевецкого района Хмельницкой области (рис. 6). В алтаре углубленной и несколько скругленной в плане стены, в виде апсиды выруб-

лена ниша, нижняя часть которой образует поверхность престола (рис. 7) древнего типа. Справа возле алтарной апсиды видны остатки ниши с плоским «зеркалом» (тыльной стеной) и плоским горизонтальным дном, служившей жертвенником, вынесенным к наосу, как в синхронных храмах Крыма VI в. (рис. 8) и в древнейшем («Малом») подземном храме Успенского пещерного монастыря Мега Спилеон в Греции, основанного в 362 г. (рис. 9).

«Выносной» престол древнего типа устроен в нише скального навеса, представляющего апсиду, высеченную в скале у с. Пидкамень (рис. 10, 1) в 12 км от Свято-Успенской Почаевской Лавры. Пещерные храмы (рис. 10, 2) этого комплекса еще ожидают своего исследования, как и высеченные в скале келии (рис. 10, 3).

Столь же показательна микрогеография культурного контекста, как представляется, одного из древнейших пещерных комплексов Среднего Поднепровья – пещерного монастыря Рождества Богородицы в ур. Церковщина (Гнилец). Келии-затворы в этих пещерах выполнены как в ранневизантийской лавре Саввы Освященного (Палестина) и средневековых на Руси (Зверинецкий и Киево-Печерский монастыри). Но в одной из камер – «затворов» Гнильца расположена «костница» – «кимитирий мироточивых голов» (рис. 11), свойственный ранневизантийским памятникам. Кроме того, один из храмов этого пещерного комплекса имел примыкающий к внутренней стене алтаря престол древнего типа [Верлюжский, 1880. С. 25–26, прим. 3]. Аналогично устроен престол в маленьком храме пещер Зверинецкого монастыря (рис. 12).

Рождественско-Богородичный (Церковщина-Гнилец) и Зверинецкий пещерные монастыри обычно относят к древнерусскому времени, связывая первый с «загородней пещерой» преп. Феодосия Печерского [Бобровський, 2007. С. 54–58, 151–153, рис. 33–35]. Но подземные храмы этих пещер имеют древние типы престолов, возведенных до VII в., а микрорегион в котором расположен пещерный комплекс Гнильца (Церковщины), Ходосовка (Диброва), Новые Безрадици, Обухов, насыщен раннеславянскими памятниками, начиная с киевской археологической культуры III–V вв. [Даниленко, 1976. С. 65–62], и до памятников летописных славян включительно [Петрашенко, 1994. С. 182–183, рис. 8–10; Славяне..., 1993. С. 40–52, 106–122]. Аналогичен археологический контекст размещения пещерного комплекса в ур. Китаево (Киев) с престолом древнего типа (рис. 13; 14), расположенного впритык к поселению киевской культуры IV–V вв.

Пока остается непонятным «археологический контекст» округи древнего Зверинецкого пещерного монастыря, но весь Киевский участок течения Днепра представляет аномально богатую находками зону, насыщенную предметами выемчатых эмалей (IV–VI вв.) и вещей ранневизантийского времени (VI–IX вв.) [Корзухина, 1978]. Признак «древности престола» в силу практически полного отсутствия артефактов в самих пещерных комплексах является единственным датирующим объектом.

Сходно, как престол древнего типа, описан этот объект (примыкающий к стене помещения) в одном пещерном комплексе Чернигова [Ефимов, 1911. С. 78]. Этот пещерный монастырь был обнаружен и описан при случайных оползнях 1810 и 1820 гг., открывших вход под землю, как «смотрящий» прямо

на Черниговский подол, постоянно заселяемый в IV–VII вв. и стационарно заселенный не позднее X в. [Шевченко, 2002. Карта 20, 21]. Имеются редкие находки, связывающие пещеры Подонья, где также имеются престолы древнего типа, с древностями V–VII вв. [Степкин, 2001. С. 71–75; он же, 2004. С. 18–197; он же, 2008. С. 207–213].

Таким образом, на юге Восточной Европы имеется пятнадцать древнехристианских памятников с престолами древнего типа, расположенные в ареале раннеславянской этно-лингвистической среды (см. рис. 1b), не считая многочисленных аналогичных объектов Крыма (не менее девяти) и таких же памятников в бассейне Дона (не менее пяти). Все описанные литургические устройства в данных пещерных храмах могли быть созданы только до 692 г., когда престол примыкал к стене апсиды, предназначенный для службы перед ним по Иерусалимскому чину (приписываемому ап. Иакову Старшему, брату Господню), или по чину Александрийской службы (приписываемой ап. Марку). Эти обе редакции литургии восходят к чину Богослужения, известному не позднее самого начала II в. н. э., изложенному в учении «Двенадцати Апостолов» [Дидахе, 1996].

В 2009 г. у источника Хор-Хор были обнаружены и интерпретированы два престола пещерного комплекса Читтер-Кобы в Крыму [Шевченко, 2010], датируемые не позднее первой четверти IV в. н. э., построенные, видимо, пленными христианами из Каппадокии, доставленными в Тавриду во время готских походов на Малую Азию 264 и 275 гг. [Шукин, 2005. Рис. 52]. Престолы этого типа (Читтер-Коба) составляют единый с жертвенником архитектурно-канонический элемент храма (рис. 15), являясь аналогией литургическому устройству II–III вв. в «Пещере Апокалипсиса» на о. Патмос, и III–IV вв. в «Пещере Иоанна Крестителя» под Иерусалимом [Gibson, 2005; Шевченко, 2008].

Престолов, характерных для Иерусалима времен Констанция (при арианской ориентации правительства Византии) со сквозным отверстием в мензе и чашеобразным углублением «стационарного потира», как в приделах Гроба Господня «Темница Христова» и у «Голгофы» [Шевченко, 2010. Рис. 1; 2], на Юге Восточной Европы не обнаружено. Это значит, что более поздние раннесредневековые храмы (см. рис. 8) с типологически иными престолами, имевшими только чашеобразное углубление стационарного потира (без сквозного отверстия), не связаны здесь непосредственно с предшествующими и являются памятниками более поздней волны христиан-переселенцев, попавших на Юг Восточной Европы в юстиниановские времена (VI в.), когда строился Дорос – столица Крымской Готии. Наиболее древние престолы храмов этого периода в регионе Горного Крыма, как литургическое устройство в храме «Донаторов» Эски-Кермена, вполне соответствуют несколько более ранним представлениям населения позднеэллинистического времени (I в.) на Аппенинах об алтаре-жертвеннике (рис. 16) и схожи с престолами в римских катакомбах именно этого периода (рис. 17; 18). Структура размещения литургических устройств сближает пещерный храм в Малеевцах (рис. 7) с храмом «Донаторов», а размещение престола в нише – с храмом «Трех всадников» Эски-Кермена в Крыму.

Литература.

Атанасов Георги. За един старобългарски скален манастир от X–XI век в Централна Молдова // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том втори. Велико Търново, 1993.

Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение / сер. «Византийская библиотека». 2-е стереотипное изд. СПб., 2000.

Беляев С.А., Бушенков В.А. Исследования пещерного комплекса Чилтера в 1973–1981 гг. // Византийский временник, 1986. № 46.

Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000.

Бобровский Т.А. К вопросу о типологии и датировке древнерусских подземных монастырей // РА. 1993. № 4.

Бобровський Т. Підземні споруди Києва від найдавніших часів до середини XIX ст. (спелео-археологічний нарис). Київ: Науково-дослідний інститут пам'ятко-охоронних досліджень; видавництво «АртЕк», 2007.

Василевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Тр. В.Г. Василевского, СПб., 1912. Т. II, вып.2.

Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. № 1. 1958.

Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.

Веймарн Е.В., Репников Н.И. Сюйренское укрепление // ИГАИМК. Вып. 117: Материалы Эски-Керменской экспедиции. М.; Л., 1935.

Веймарн Е.В., Чорев М.Я. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1978.

Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда: Типограф. В.А. Гудкова-Белякова, 1880.

Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2003. № 1.

Винокур И.С. Новые языческие памятники на Среднем Днестре // Древние славяне и их соседи. М., 1970.

Гудкова А.В. Оседлое население Северо-Западного Причерноморья в первой половине I тыс. н. э. // Автореф. дисс.... д-ра ист.наук. Киев, 1987.

Гудкова А.В. О классификации памятников III–IV вв. н. э. в Днепро-Дунайской степи // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Киев, 1989.

Даниленко В.Н. Монастырь Чильтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Дидахе Учение Двенадцати Апостолов. Введение *В.С. Соловьева* (к изд. 1886 г.). Перевод с греческого, вводная статья и комментарии *игумена Иннокентия (Павлова)*. New York: Gnosis Press, 1996

Димитрій, Патріарх. Печерні монастирі, скити та келії у світі й Україні // Основа. Київ, 1995. № 28 (6).

- Димитров Д.И.* Некрополь при гора Раздельна // Известия народного музея Варны. Кн. XIV. Варна (б/г изд.).
- Ефимов А.Н.* Елецкие пещеры при монастыре того же имени // Тр. XIV АС в Чернигове 1908 г. М., 1911, Т. II.
- Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. 2-е изд. Киев, 1914.
- Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Петрашук В.О.* До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності України-Русі. Київ, 1994.
- Ридуш Б.Т.* Подземные ходы на территории Подолья, Галиции и Буковины // Спелестологический ежегодник РОСИ 1999. М., 1999.
- Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993.
- Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
- Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Славяне и их соседи* в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. / Сер.: «Археология СССР» / Отв. ред. тома *И.П. Русанова, Э.А. Сымонович.* М., 1993.
- Степкин В.В.* Пещера «Ухо» у села Селявного // Вести Воронежского отдела РГО. Т. 2, вып. 2. Воронеж, 2001.
- Степкин В.В.* Культурные пещеры Среднего Дона и Оскола (цикл статей) // Культурные пещеры Среднего Дона / Сер.: «Спелестологические исследования» (Спелестологический Ежегодник РОСИ). М., 2004. Вып. 4.
- Степкин В.В.* Пещера у с. Селявное в Воронежской области (к вопросу о первоначальном этапе пещерного строительства в Донском регионе) // Христианство в регионах мира. СПб., 2008. Вып. 2.
- Струков Д.* О древне-христианских памятниках в Крыму. Опыт археологических изысканий. М., 1872.
- Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876.
- Струков Д.М.* О доисторических памятниках Тавриды. М., 1879.
- Струков Д.М.* Жития святых Таврических (крымских) чудотворцев. М., 1882.
- Суховой Л.Н.* Культурные пещеры Одесской области // СЕ РОСИ 1999. М., 1999.
- Суховой Л.Н.* К истории исследования древних пещер Пензенской области // СЕ РОСИ 2000. М., 2001.
- Терпиловський Р.В.* Праслов'янські старожитності Східної Європи // Старожитності України-Русі. Збірник наукових праць (до 70-річчя Михайла Юліановича Брайчевського). Київ, 1994.
- Федоров Г.Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. // МИА № 89. М., 1960.
- Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф.* Памятники древних славян (VI-VIII вв.) // Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев, 1974.
- Шевченко Ю.Ю.* Пещерные христианские монастыри Подонья: начало традиции // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 1-4 декабря 2004 г. СПб., 2004.

Шевченко Ю.Ю. Нижние ярусы подземного Ильинского монастыря в Чернигове, игумены обители и «иерусалимский след» в пещерном строительстве // Археология, этнография и антропологии Евразии. 2006. № 1 (25).

Шевченко Ю.Ю. Ближневосточные образцы раннесредневекового пещерно-храмового строительства юга Восточной Европы // Христианство в регионах мира. СПб., 2008. Вып. 2.

Шевченко Ю.Ю. О египетских элементах в христианском храмовом престоле // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Брянск, 2009.

Шевченко Ю.Ю. О времени возможного возникновения пещерного храма на Ай-Тодоре (Чилтер-коба) в Крыму // Полевые исследования МАЭ РАН 2009 года. СПб.: МАЭ РАН, 2010 (в печати).

(Шмеман) Протопресвитер Александр. Исторический путь Православия. Нью-Йорк, 1954.

Щукин М.Б. Керамика киевского типа с поселения Лепесовка // СА. 1988. № 3.

Щукин М.Б. О первом появлении готов в Дунайско-Причерноморском регионе и начале Черняховской культуры. Памяти Иохима Вернера // Европа – Азия: проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002.

Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

Bazgu Eugen. Manastrile rupestre din bazinul fluviului Nistru – artere de raspindire a crestinismului // Sud-Est. 1997.4.30 Revista apare din anul 1990. Chisinau, 1997.

Gibson Shimon. The Cave of John the Baptist: The First Archaeological Evidence of the Historical Reality of the Gospel Story (Paperback). London, 2005.

Kirkor A. Zabitki Balwochwalcze w Galicyi // Klosy. Warszawa, 1879.

Wagilewicz I. 1843. Berda w Uryczu. Lwow, 1843. № VI.

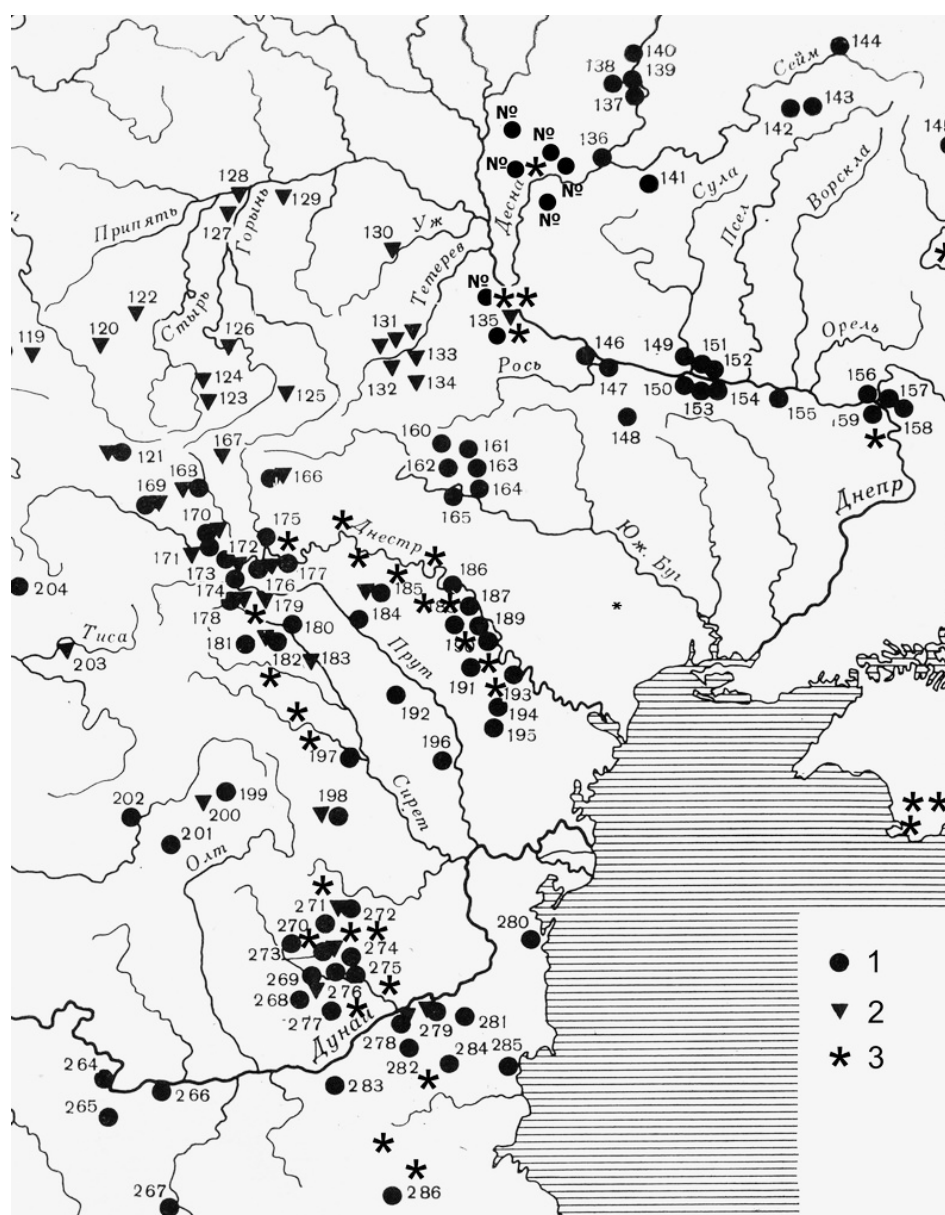

Рис. 1. а) Памятники пеньковско-колочинской (1) и пражско-корчакской раннеславянских культур по В.В. Седову [1979], с отметками пещерных христианских памятников (3) по Г. Атанасову [1993], с дополнениями автора (по Дону, Десне и Днепру) и Е. Базгу [Bazgu, 1997. P. 11, fig. 1]

Рис. 1. b) Пещерные памятники на фоне раннесредневековых этно-культурных массивов по В.В. Седову [1995].

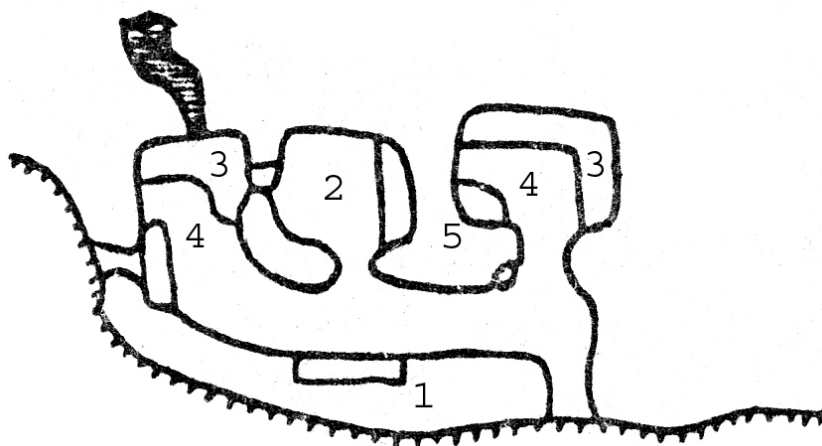

Рис. 2. План Свято-Троицкого пещерного скита у Сатанова. Поднстровье, Западная Украина.
1. - Погребальная ниша-аркасолий. 2.- Помещение келии.
3. - «Сопрестолія» в маленьких пещерных храмах (4)

Рис. 3. 1. Сопрестолія Свято-Троицкого пещерного скита у местечка Сатанов Городоцкого району Хмельницької області (Україна)

Рис. 3. 2. Служба в Свято-Троицком пещерном ските у местечка Сатанов Городоцкого района Хмельницкой области на 07.06.1995 г. (Духов день Троицкого праздника)

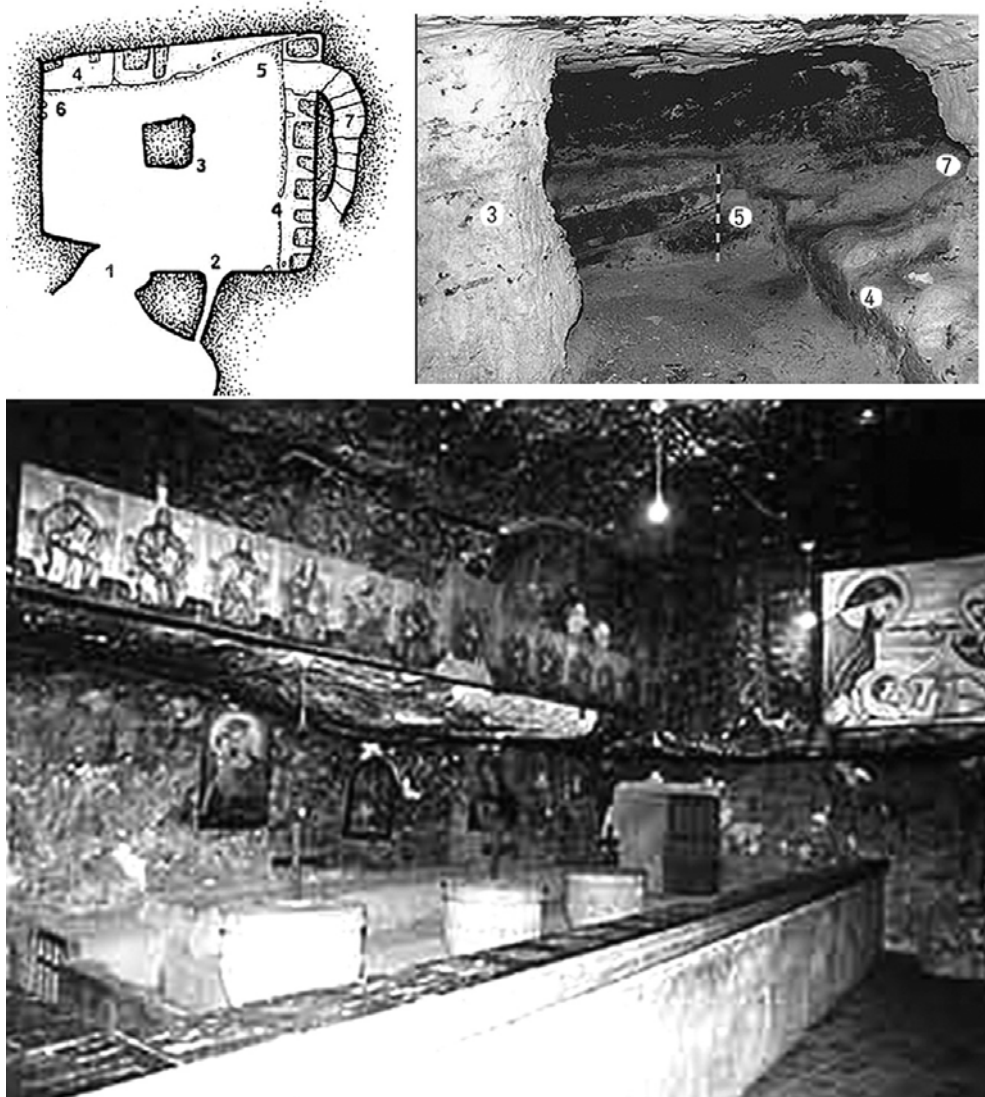

Рис. 4. План (I) и вид от входа (II) на храмовую пещеру горы Кармел, Палестина.
 1. Вход. 2. Окно в скале. 3. Центральный столп-останец скалы.
 4. Скальные выступы-останцы сопределий. 5. Возвышение, соответствующее «жертвеннику».
 6. Скальные выступы в виде полуколоннок. 7. Лестница на нижние уровни подземных помещений. III. Сопределия в пещерном храме Вадии Загра, VII в. (Египет)

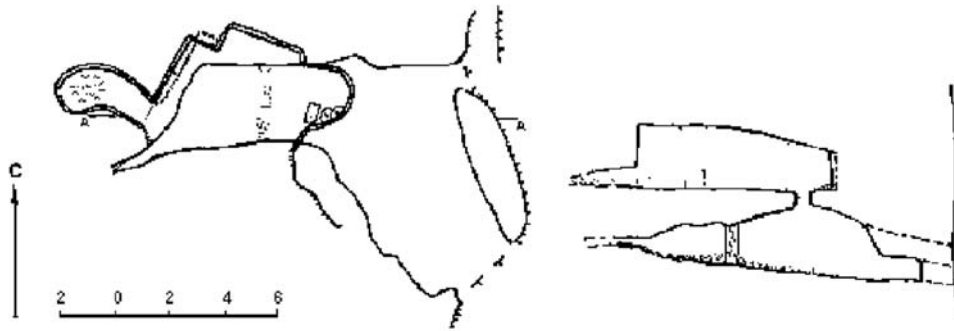

Рис. 5. План и разрез Загнитковского пещерного скита («пещера Кармалюка») по Л.Н. Суховей [1999; 2001]. Одесская область (Украина)

Рис. 6. Входы в двухъярусный пещерный скит в парке села Малеевцы Дунаевецкого района Хмельницкой области. Украина. Фотография Сергея Клименко, 2004 г.

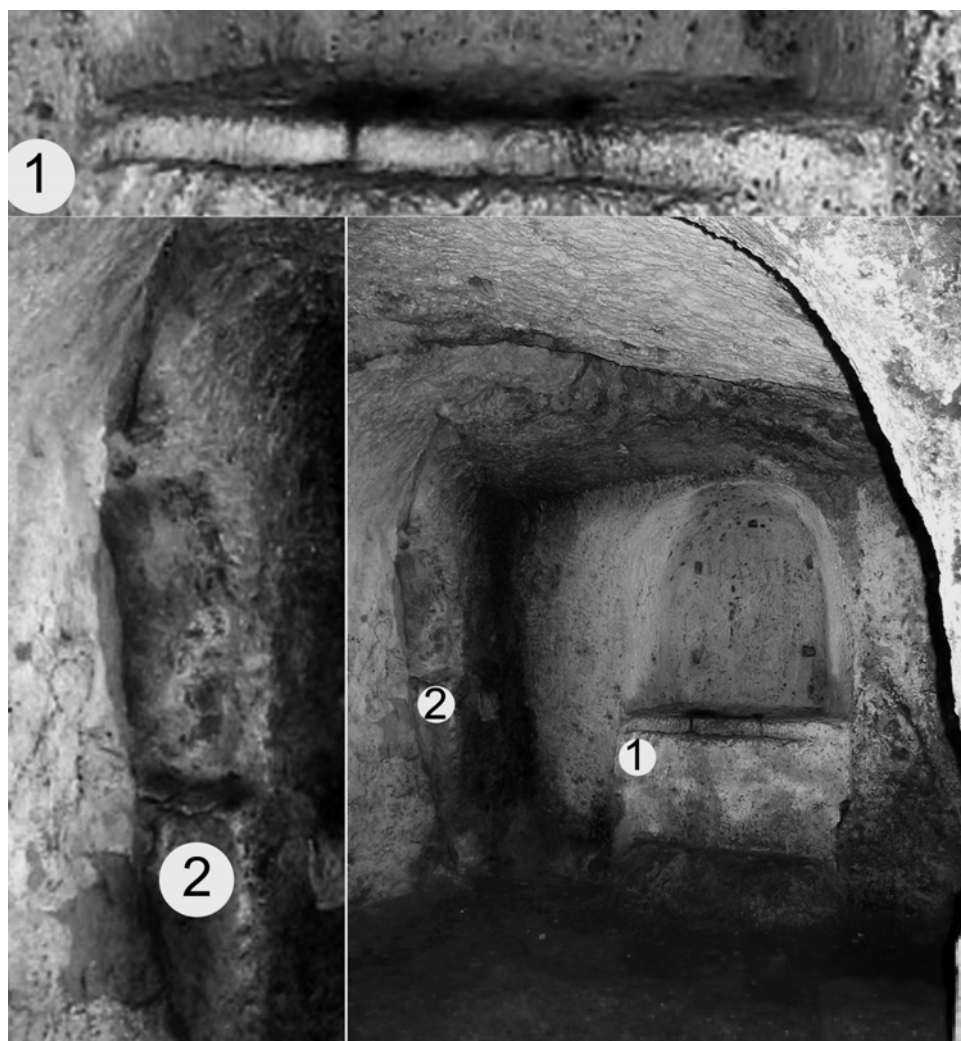

Рис. 7. Алтарная ниша (престол) и остатки ниши-жертвенника (справа) пещерного скита с. Малеевцы Дунаевецкого района Хмельницкой области. Украина.
Фотография Сергея Клименко, 2004 г.

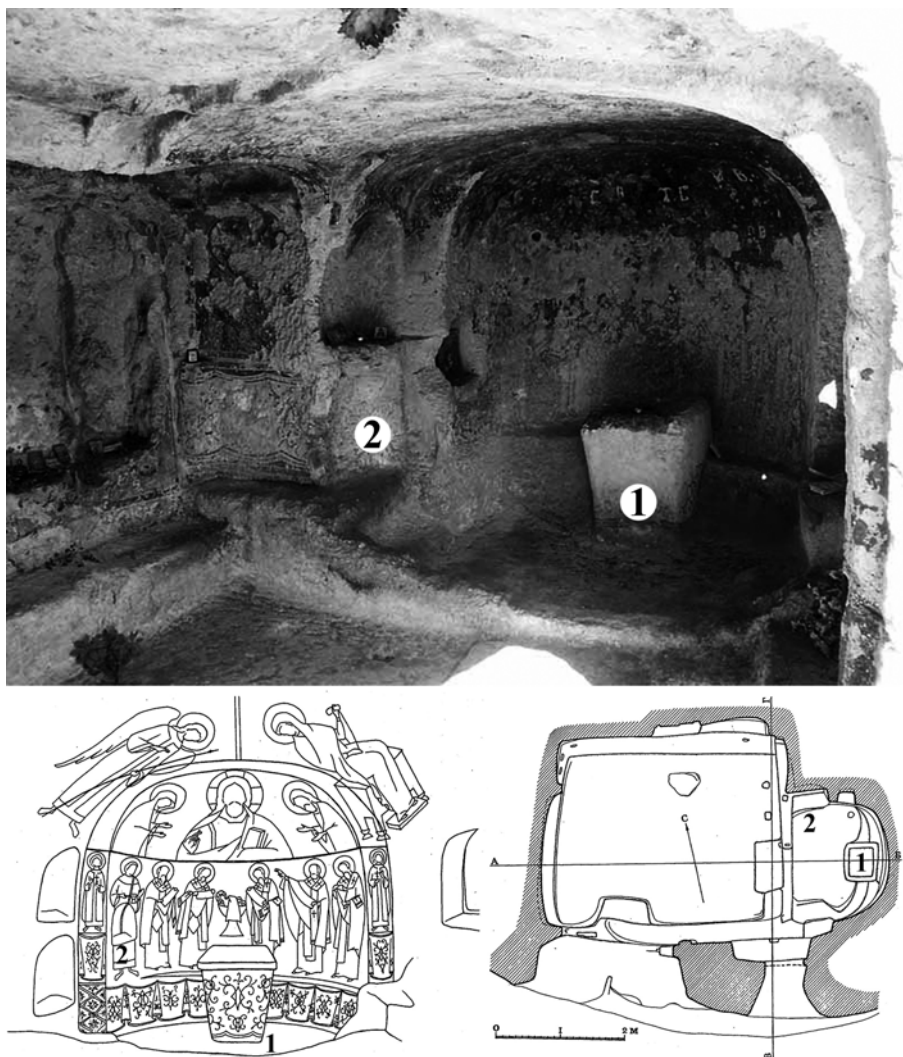

Рис. 8. *Вверху*: Вид на наос с алтарем (и примыкающим к стене престолом) пещерного храма «Донаторов» (фотография автора, 2006 г.).
Внизу: Реконструкция И.Г. Волконской алтарной части пещерного храма «Донаторов» в Эски-Кермене. Крым (слева). План пещерного храма «Донаторов» по Ю.М. Могаричеву [1997. С. 263, рис. 198] (справа)

Рис. 9. Древний престол (1) и жертвенник (2) в пещерной церкви Успенского монастыря, названного «Мега Спилеон» («Большая Пещера»), основанная в 362 г. свв. Феодором, Прокопием и Ефросинией у города Калаврита. Пелопоннес, Греция. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 10. Скала «Черного Камня» у с. Пидкамень в 12 км от Свято-Успенской Почаевской лавры (Украина), с пещерным скитом в скале: 1. – вход в пещерный храм; 2. – древний престол под скальным навесом; 3. – вход в келию. Фотография автора, 2006 г.

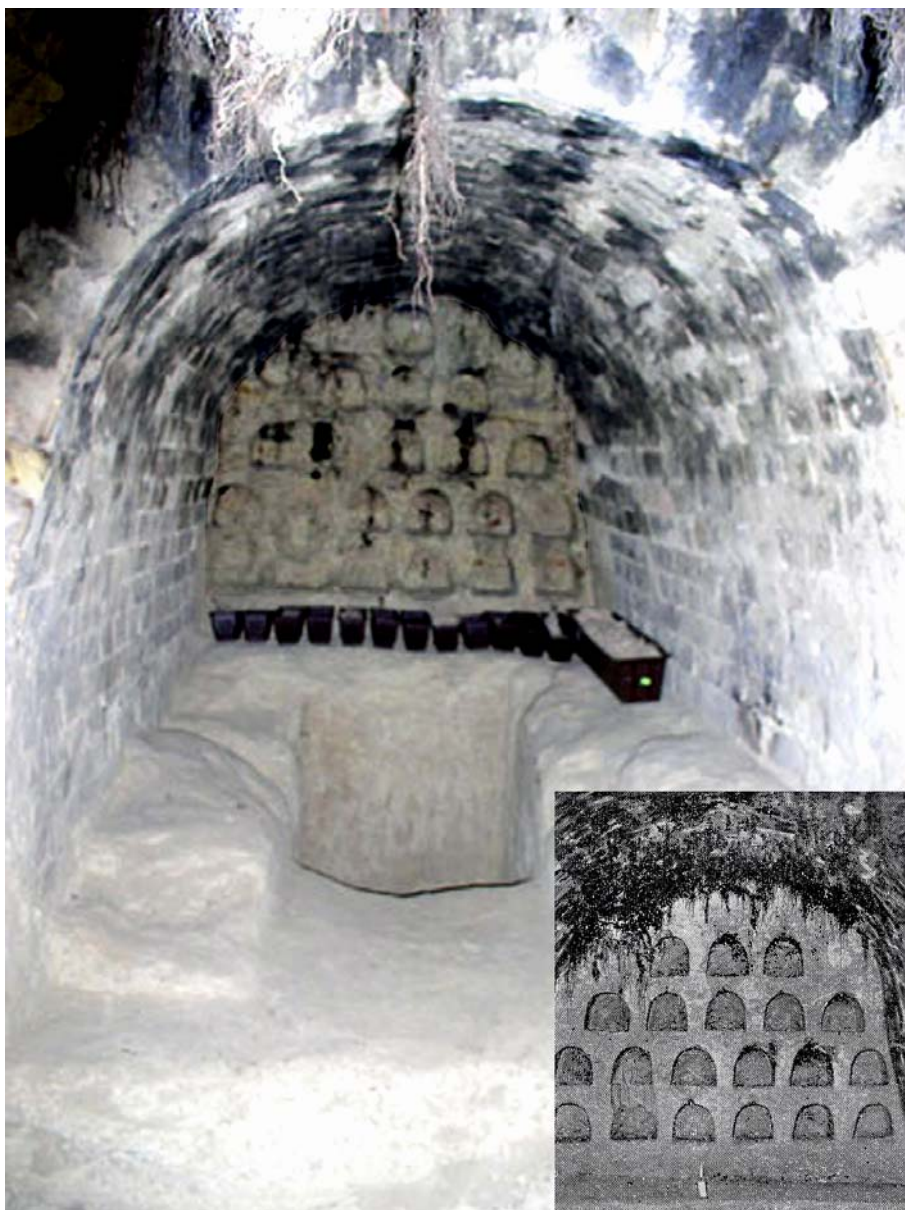

Рис. 11. Келия-затвор с лежанками под тремя стенами. В тыльной стене над уступом «лежанки» – множественные ниши для размещения мощей (черепов) – т.н., «мироточивых голов». Пещерный монастырь в ур. Церковщина (Гнилец) возле Киева. Украина. Фотографии автора, 2006 г.

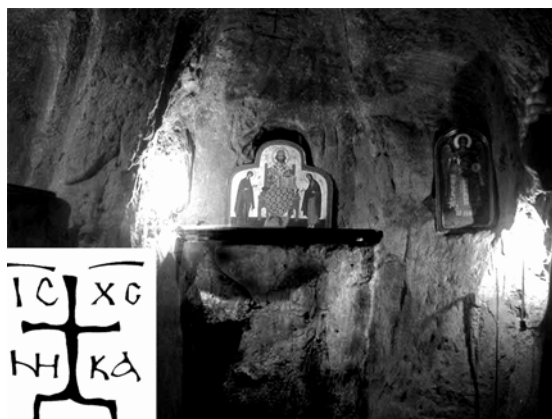

Рис. 12. Вид на престол в храме пещерного Зверинецкого монастыря (Киев, Украина). Начертание «Креста-Голгофы» над престолом храма Зверинецкого подземного монастыря (врезка: слева, внизу). Фотографии автора, 2006 г.

Рис. 13. Вид на древний престол в Китаевских пещерах. Киев, Украина. Фотография автора, 2008 г.

Рис. 14. Древний престол в Китаевских пещерах. Киев, Украина Фотография автора, 2005 г.

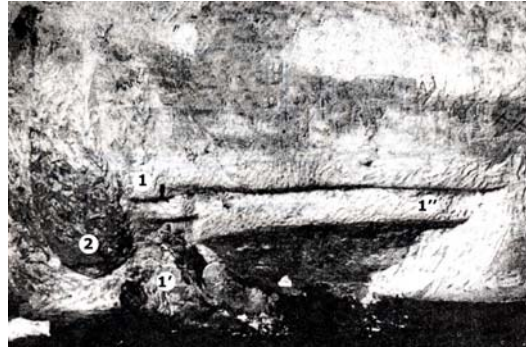

Рис. 15. Литургическое устройство - престол (1) и жертвенник (2) в храмовой пещере Чилтер-Коба на горном мысу Ай-Тодор у с. Малое Садовое Бахчисарайского района, Крым (Украина). 1. - Углубление «стационарного потира» на престоле;
1'. - Желоб стока для пролива по престолу преосуществляемого в Кровь вина;
1''. - Полка престола для преосуществляемого в Тело хлеба;
2. - углубление в виде чаши в нише жертвенника. Фотография В.Н. Даниленко [1993]

Рис. 16. Домашний алтарь-жертвенник 79 г. I в. н. э.
Портик перед фонтаном (с кубическим алтарем в апсиде) в саду с виноградником, вилла Лорея Гибуртина, недалеко от «улицы Изобилия», Помпеи, Италия. Фотография Карины Мамалыго, 2009 г.

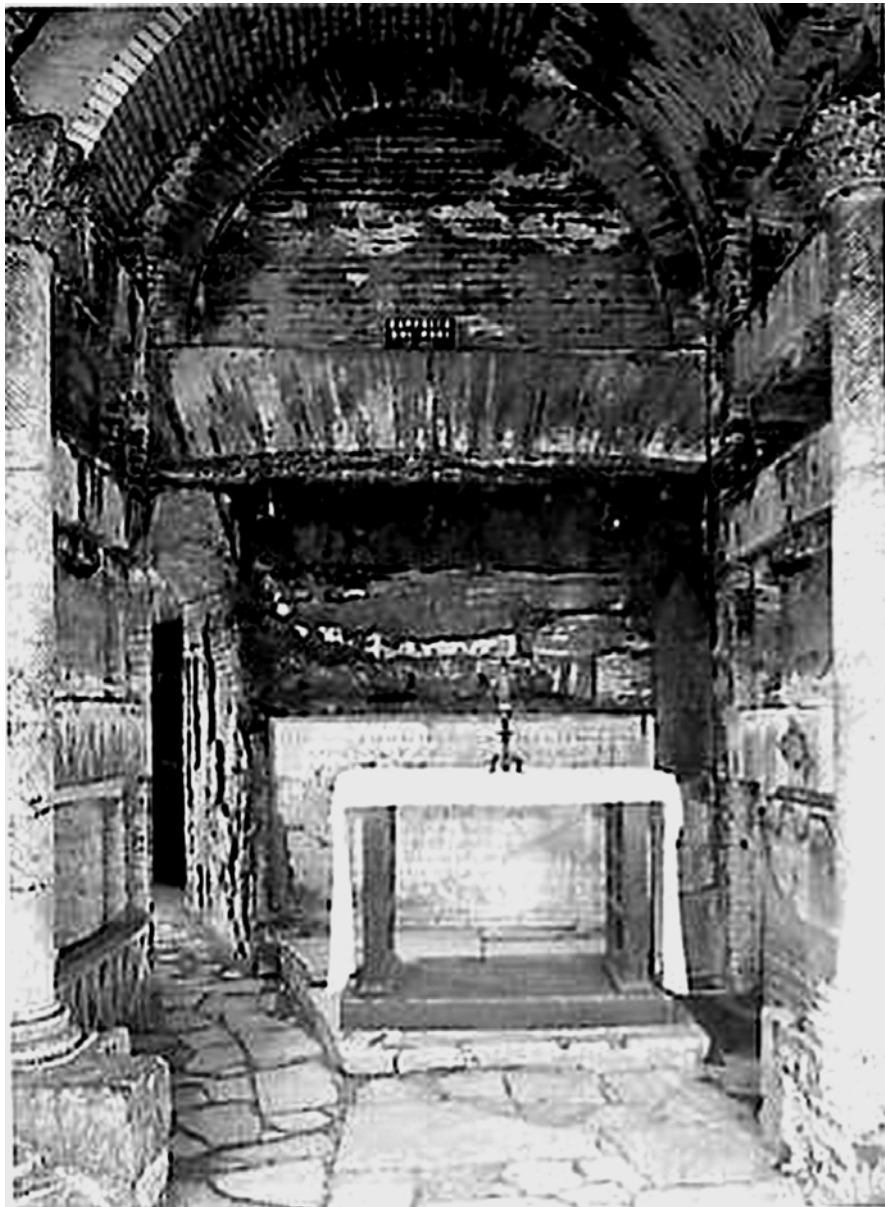

Рис. 17. Крипта в катакомбах св. Каллиста с надписью папы Дамаса на мраморной плите.
В древнем престоле (за приставным) видно отверстие (слева) и углубление (справа),
как в древних престолах времен Констанция II в Иерусалиме [Шевченко, 2010]. Римские ката-
комбы, Италия. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

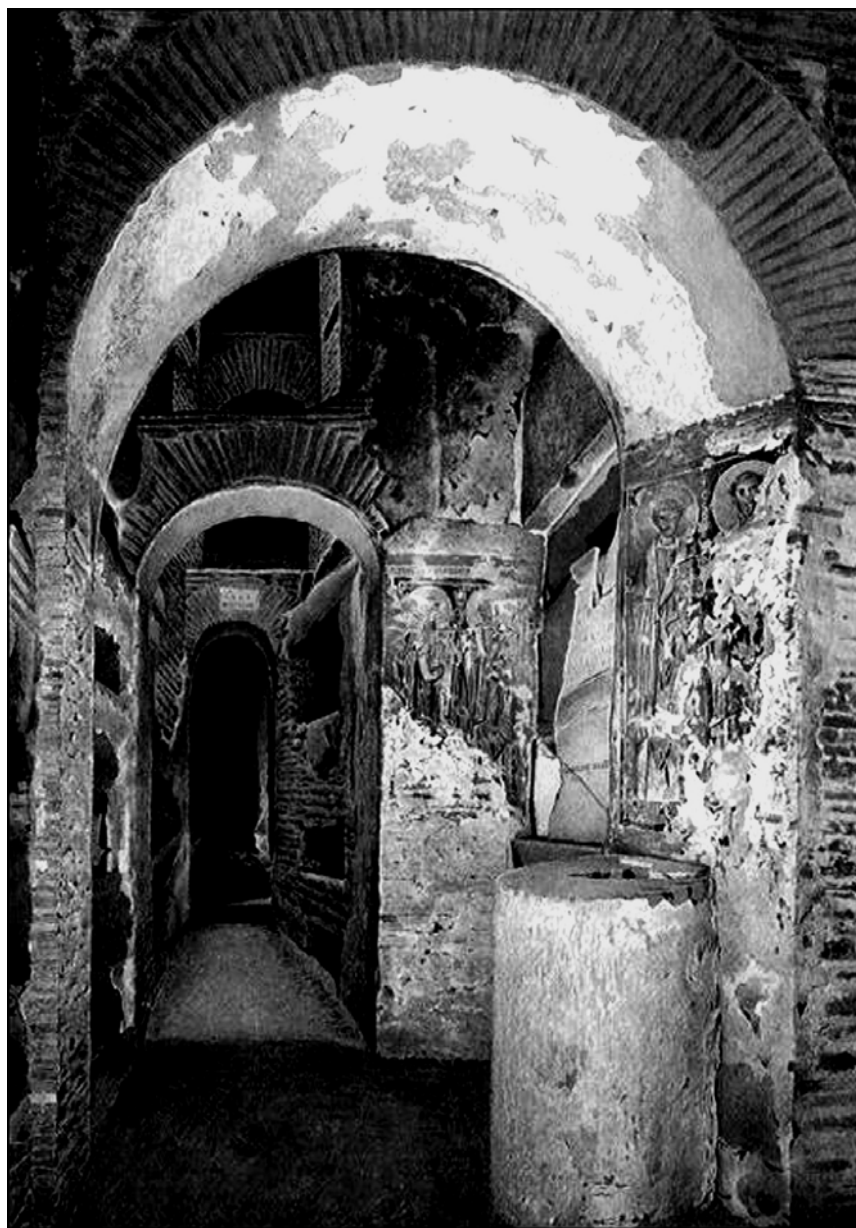

Рис. 18. Древнее литургическое устройство с чашеобразным углублением на поверхности в Папской крипте в Римских катакомбах св. Каллиста (Италия).
Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

Вязов Л.А., Нерушин И.А.

СТИЛЕТОВИДНЫЕ ПРЕДМЕТЫ С ВОЛЮТООБРАЗНЫМ НАВЕРШИЕМ С ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В раннесредневековой археологии Урало-Поволжского региона в настоящее время одной из важнейших является проблема изучения этнокультурных процессов конца I тыс. н. э. Исследования, проведенные в 1990-е – 2000-е гг. Г.И. Матвеевой, Ю.А. Семькиным, Д.А. Сташенковым и Л.А. Вязовым, показали наличие в Среднем Поволжье поселенческих памятников, содержащих материалы VIII–X вв. н. э.

Г.И. Матвеева и Ю.А. Семькин предложили идею о культурно-хронологической близости материалов выявленных поселений к древностям могильников новинковского типа [Матвеева, Скарбовенко, 2006. С. 35–58; Матвеева, Семькин, 2007. С. 103–113]. В качестве одного из индикаторов этой близости Г.И. Матвеева рассматривала стилетовидные предметы с воллотообразным навершием, обнаруженные как на ряде поселений Среднего Поволжья, так и в погребениях новинковских могильников.

В частности, находка одного из таких предметов на Севрюкаевском-II селище (наряду с фрагментами причерноморских амфор и керамики салтовского типа) стала одним из основных аргументов в доказательстве тождественности населения, оставившего данный памятник и погребенных в могильниках новинковского типа [Матвеева, Скарбовенко, 2006. С. 45].

Обнаружение стилетовидных предметов на поселениях свидетельствует о процессе оседания кочевых раннеболгарских племен в Среднем Поволжье и по мнению Ю.А. Семькина [Матвеева, Семькин, 2008. С. 188–197].

С целью решения вопроса о возможности использования стилетовидных предметов с воллотообразным навершием в качестве этнических и культурно-хронологических маркеров, целесообразным видится проведение их анализа.

Стиллетовидные предметы с воллотообразным навершием неоднократно обращали на себя внимание исследователей раннесредневековых средневожских древностей. Так, И.Н. Васильева при публикации материалов одиночного кургана у с. Васильевка указала аналогии найденному в нем стилетовидному предмету с воллотообразным навершием в среде ритуальных восточноевропейских ножей [Васильева, 1979. С. 213–214].

Г.И. Матвеева, обобщая материалы исследований памятников новинковского типа, составила первую подборку стилетовидных предметов с воллютообразным навершием и выделила среди них два типа: 1 – заостряющиеся к концу узкие пластины; 2 – изделия с раскованной верхней частью, прямоугольной в сечении, и нижней в виде заостренного к концу стержня.

В качестве аналогий также были указаны ножи с воллютообразным навершием с территории Восточной Европы, однако отмечено, что изделия из могильников новинковского типа считать ножами нельзя, ввиду отсутствия у них лезвий. Г.И. Матвеевой было высказано предположение, что они могли служить булавками для закалывания волос или одежды [Матвеева, 1997. С. 69–70].

А.В. Богачев при характеристике вещевого инвентаря могильников новинковского типа отметил однотипность этих предметов и определил их назначение для закалывания одежды [Багаутдинов и др., 1998. С. 102].

В ходе анализа костюма новинковского населения на «булавки» с воллютообразным навершием обратил внимание Д.А. Сташенков, указав, что встречаются они только в женских погребениях и чаще всего зафиксированы в комплексе с серьгами и бусами. Автор также полагает, что изделия использовались для закалывания верхней одежды [Сташенков, 2001. С. 147].

Таким образом, рассматриваемая категория находок до сих пор специально не подвергалась анализу, остаются невыясненными область их распространения, хронологическая и культурная атрибуция.

Впервые изделие, которое можно отнести к категории стилетовидных предметов с воллютообразным навершием, было обнаружено членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Н.Ф. Высоцким при раскопках курганных могильников в начале XX в., однако введение этих материалов в научный оборот затянулось почти на столетие [Бражник, 2001. С. 36–39]. По вещевому инвентарю коллекция была отнесена к раннеболгарскому времени и датирована концом VII–VIII вв. [Бражник, 2001. С. 39]. Отсутствие какой-либо полевой документации не позволяет определить местонахождение памятников, исследованных Н.Ф. Высоцким.

В 1936 году при разведочном обследовании северной части Самарской Луки Г.П. Гроздиловым на городище Лысая Гора у с. Моркваши (ныне в черте г. Жигулевска) было обнаружено изделие, которое также можно отнести к подобным предметам. На основе находок керамики со слабым «сетчатым» узором памятник был отнесен к началу I тыс. н. э. [Гроздилов, 1941. С. 147]. Г.И. Матвеевой данный предмет был отнесен к интересующей нас категории [Матвеева, Скарбовенко, 2006. С. 45]. Публикация, к сожалению, не содержала иллюстраций, поэтому детально рассмотреть экземпляр с данного памятника в настоящей работе не представляется возможным.

В 1970 году во время раскопок местонахождения каменного века в 1,5 км к востоку от деревни Малая Рязань Ставропольского района Самарской области М.Г. Косменко обнаружил недалеко от края надпойменной террасы правого берега р. Волги погребение, в состав сопроводительного инвентаря которого входил предмет этой категории. Погребение было позже опубликовано Г.И. Матвеевой [Матвеева, 1995. С. 192–193].

В 1971 году при исследовании одиночного кургана у д. Васильевка в Кошкинском районе Куйбышевской области в разрушенном погребении

были обнаружены обломки изделия, имевшего волютообразное навершие [Васильева, 1979. С. 213–214].

В 1978 году отрядом Средневолжской археологической экспедиции Куйбышевского госуниверситета были продолжены исследования Рождественского III курганного могильника, где в погребении 1 кургана 7 был найден железный стилетовидный предмет с волютообразным навершием [Матвеева, 1995. С. 25]¹.

В 1980–1981 гг. под руководством Г.И. Матвеевой и В.Н. Зудиной проводились крупномасштабные раскопки Новинковского II курганного и Шелехметского II курганно-грунтового могильников. Исследования дали богатый материал, позволивший отнести памятники к концу VII–VIII вв. и выделить особый тип погребальных памятников, получивший название новинковского [Матвеева, 1997. С. 6].

В Новинковском II могильнике интересующие нас изделия были обнаружены в погребении 2 кургана 8, погребении 6 кургана 15, в насыпи кургана 14 [Матвеева, 1997. С. 20, 27–28, 31–32]. Подобный предмет найден также в грунтовом погребении 3 Шелехметского II могильника [Матвеева, 1981. С. 140–142; она же, 1995. С. 194–195].

При исследовании Гундоровского селища на правом берегу р. Сок в Красноярском районе Куйбышевской области в 1986–1989 гг. в культурном слое был найден стилетовидный предмет с волютообразным навершием [Матвеева, 1997. С. 9]. Памятник является многослойным и содержит материалы от эпохи неолита до средневековья. Стилетовидный предмет с селища не был опубликован, лишь небольшой рисунок его приведен Г.И. Матвеевой [Матвеева, 1997. Рис. 128, 12], поэтому полноценно рассмотреть изделие не представляется возможным.

В 1994 году в ходе работ на территории селища Ош-Пандо-Нерь-1/II под руководством В.А. Скарбовенко в культурном слое над сооружением 14 был обнаружен еще один экземпляр стилетовидного предмета с навершием, оформленным в виде волот [Скарбовенко, 1996. С. 62–63].

В 1996 году при исследовании памятников новинковского типа в южной части Самарской Луки экспедицией под руководством С.Э. Зубова предметы данной категории были найдены в погребении 4 кургана 37 Брусянского II и погребении 3 кургана 6 Малорязанского I могильников [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 204, табл. LII, 12; 208, табл. LXV, 1].

В 2001 году в одном из погребений Осинковского IV курганно-грунтового могильника О.И. Бражник было обнаружено еще одно подобное изделие [Бражник, 2003. С. 174, 175, рис. 3Б, 7].

Исследования Севрюкаевского II селища, начатые в 1998 году по инициативе Г.И. Матвеевой и продолжавшиеся в 1999–2000 и 2003–2004 гг., показали наличие на нем слоев VIII–IX вв. В ходе работ 2004 года под руководством В.А. Скарбовенко в культурном слое был найден стилетовидный

¹ Предмет, хранящийся в составе коллекции Рождественского III курганного могильника, существенно отличается от фотографии и рисунка, приведенных в отчете по раскопкам. В связи с этим мы сочли нужным представить в данном обзоре как прорисовку из отчета, так и выполненный нами рисунок предмета, хранящегося в коллекции (рис. 1, 1-11, 1-11а). На рис. 6 приведен рисунок предмета из Рождественского III могильника в соответствии с отчетом.

предмет с волотообразным навершием [Матвеева, Скарбовенко, 2006. С. 38, рис. 6, 1].

Под руководством Г.И. Матвеевой и Ю.А. Семькина в 2006 году были проведены раскопки на городище Новая Слобода в Сенгилеевском районе Ульяновской области. Среди материалов, полученных в результате исследований памятника, в заполнении хозяйственной ямы была обнаружена железная «булавка» с волотообразным навершием [Матвеева, Семькин, 2008. С. 188–197, рис. 9, 10]. Еще один аналогичный предмет обнаружен на территории этого же памятника и находится в частной коллекции.

Надо отметить, что есть упоминание о находках подобных предметов на городище Поливна в Ульяновском районе Ульяновской области [Матвеева, Семькин, 2007. С. 130], но находки не опубликованы.

Все предметы изготовлены из железа и в настоящее время поверхность всех их в разной степени коррозирована. Несколько изделий сохранились лишь фрагментарно, у многих обломана нижняя часть и повреждено навершие. Размеры изделий варьируются от 11 до 16 см.

Форма изделий сходна. Все они состоят из двух частей. Верхняя часть представляет собой прямоугольный в сечении брусок, навершие которого раздвоено и загнуто в разные стороны в виде волот. Нижняя часть имеет сечение меньшего размера, округлой или подквадратной формы, и достаточно острое завершение.

От всех остальных стилетовидных предметов с волотообразным навершием отличаются по форме экземпляры из Васильевского одиночного кургана и Рождественского могильника. Они не имеют выраженных верхней и нижней части, сечение этих двух предметов плавно меняется с подпрямоугольного в верхней к округлому – в нижней части². Кроме того васильевский предмет гораздо больше всех остальных, его длина составляет 21 см. Выявленные морфологические отличия, на наш взгляд, не имеют принципиального значения. В целом, следует отметить однотипность всех изделий.

Металлографическому анализу были подвергнуты 2 экземпляра (Новинковский II могильник, погребение 2 кургана 8 и насыпь кургана 14). Было установлено, что при изготовлении предметов применялись различные технологические схемы, в одном случае была использована технология пакетного металла, в другом – изделие было целиком отковано из высокоуглеродистой стальной заготовки [Семькин, 1995. С. 117].

Таким образом, в настоящее время на территории Среднего Поволжья учтено 18 предметов, относящихся к интересующей нас категории, из которых 11 экземпляров происходят из погребальных памятников, остальные 7 – из культурного слоя поселений (табл. I, рис. 1).

Особую важность для определения культурно-хронологического контекста находок рассматриваемой категории предметов представляют случаи их обнаружения в условно-закрытых комплексах. Такие комплексы обнаружи-

² Следует отметить, что для характеристики формы предметов, происходящих из Васильевского одиночного кургана и Рождественского III курганного могильника, использовались только фотографии и прорисовки в отчетах о раскопках соответствующих памятников. Сами предметы обнаружить в коллекциях пока не удалось.

ваются в могильниках новинковского типа и, в единственном случае, на поселении Ош-Пандо-Нерь-І/ІІ.

Почти все стилетовидные предметы обнаружены в женских погребениях, что установлено по сопроводительному инвентарю и (в случае с погребением из Осинового ІV могильника [Бражник, 2003. С. 172]) по данным антропологии.

В погребении, чаще всего, они располагаются в области грудной клетки или ближе к левой руке (Малорязанское погребение; Малорязанский І к. 6, п. 3; Бруснянский-ІІ к. 37, п. 4; Новинковский-ІІ к. 8, п. 2) (рис. 3, 1; 9, 1; 11, 1; 12, 1). Расположение вблизи черепа зафиксировано в двух погребениях (Рождественский-ІІІ к. 7, п. 1; и Новинковский-ІІ к. 15, п. 6) (рис. 5, 1; 6, 1). Только в погребении 3 Шелехметского ІІ могильника предмет располагается между грудной клеткой и правой рукой (рис. 4, 1).

Сопроводительный инвентарь составляли украшения (бусы (в 5 из 10 случаев), серьги (6 случаев из 10), браслеты (2 случая из 10), подвески (2 случая из 10), пронизка (1 случай) и предметы быта (глиняные пряслица (3 случая), игольники (2 случая)). В погребениях 2 кургана 8 Новинковского ІІ и 4 кургана 37 Бруснянского ІІ могильников найдены лепные сосуды горшковидной формы, орнаментированные защипами по краю венчика, характерные для памятников новинковского типа (рис. 9, 10; 11, 21).

Следует отметить, что в состав инвентаря данных погребений не входят датирующие вещи, за исключением бус и серег.

Наиболее распространены бородавчатые, встречаются в 4 случаях (рис. 8, 1-10; 9, 4; 11, 11, 12, 15-17; 12, 10) и глазчатые бусины (также в 4 случаях) (рис. 5, 5-9, 11; 9, 5, 6; 11, 13, 14; 12, 7). В погребении 3 кургана 6 Малорязанского, погребении 2 кургана 8 и 6 кургана 15 Новинковского ІІ могильников бусы составляли ожерелье (рис. 5, 5-11; 9, 4-7; 12, 5-10).

В шести погребениях встречаются серьги (рис. 3, 2; 4, 3; 5, 3, 4; 9, 2, 3; 11, 19, 20; 12, 3), изготовленные из бронзы и в одном случае из серебра (Малорязанское одиночное погребение). Встречаются они как по одному экземпляру, так и попарно (Бруснянский-ІІ к. 37, п. 4, Новинковский-ІІ к. 15, п. 6). Все обнаруженные экземпляры относятся к серьгам салтовского типа («хазарским» по Д.А. Сташенкову). Хронологические рамки, в которых данные украшения бытуют в Среднем Поволжье – конец VII–VIII вв. [Сташенков, 1997. С. 63].

На селище Ош-Пандо-Нерь-І/ІІ стилетовидный предмет был найден над слоем пожарища, уничтожившего сооружение 14. В комплексе с данным изделием были обнаружены железная пряжка трапециевидной формы и развал верхней части лепного сосуда с цилиндрической шейкой, орнаментированного защипами по краю венчика и тройным зигзагом, нанесенным зубчатым штампом по горлу (рис. 7, 1-4) [Скарбовенко, 1995. С. 62-63; рис. 8, 7, 11; 23; 131, 1а; 132, 7б]³. Судя по наличию костей крупных животных, найденных в комплексе с развалом сосуда, пряжкой и стилетовидным предметом с волнообразным навершием, эти вещи можно связать с остатками тризны по

³ Авторы выражают благодарность хранителю Археологических фондов Самарского государственного университета В.А. Скарбовенко за предоставленную возможность опубликовать материалы ее раскопок.

умершему. Сосуд из описываемого комплекса, по мнению Г.И. Матвеевой, имеет аналогии в посуде неволинской культуры [Матвеева, Семькин, 2007. С. 128]. На наш взгляд, точные аналогии указать пока нельзя. Среди памятников Среднего Поволжья наиболее близкие формы сосудов найдены на Пролетарском городище в Челно-Вершинском районе Самарской области [Сташенков, 1997. С. 290–297].

Время функционирования основной массы могильников новинковского типа, по мнению большинства исследователей, приходится на период с конца VII и не позднее начала IX вв. [Матвеева, 1997. С. 85–89, Багаутдинов и др., 1998. С. 164]. Период наибольшего распространения бородавчатых бус приходится на первую половину VIII века. Во второй половине этого столетия число этого вида украшений снижается [Сташенков, 2001. С. 145–146]. Так, их находки единичны в материалах Большетарханского могильника VIII–IX вв. Наконец, в начале IX века они совершенно исчезают из состава погребальных комплексов Среднего Поволжья и, например, в Танкеевском могильнике, датированном IX–X вв., не обнаружены.

Таким образом, материалы погребальных комплексов позволяют определить время бытования рассматриваемой категории предметов в пределах VIII века.

Предметы с волutoобразным навершием, наиболее близкие к изделиям из Среднего Поволжья, происходят из памятников салтово-маяцкой культуры: Маяцкого селища, Сидоровского и Левобережного Цимлянского городища, а также Сухогомольшанского могильника (табл. II, рис. 1, II-3, II-4, II-5).

Изделие из Левобережного Цимлянского городища, опубликовано М.И. Артамоновым и происходит из коллекции Н.И. Веселовского. Оно схоже с поволжскими экземплярами, но имеет отверстия в навершии, автором публикации интерпретируется как шило [Артамонов, 1935. С. 14–16, рис. 4, 15].

Экземпляр из Маяцкого селища происходит из заполнения ямы, перерезающей полуземлянку (сооружение 53) [Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999. С. 120, рис. 10]. Время образования ямы определено на основании радиоуглеродного метода датирования концом VIII – началом IX вв. [Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999. С. 120].

Похожий предмет происходит из культурного слоя Сидоровского городища. Сложно судить по иллюстрации, но он в сечении круглый, с заостренным утолщением на конце, что отличает его от поволжских изделий [Кравченко, 2009. С. 143, рис. 2, 4].

В кремационном погребении № 103 могильника Сухая Гомольша была найдена пара железных стилетовидные изделий с волutoобразным навершием [Аксенов, 2007. Рис. 1, 9, 10]. Примыкающая к навершию часть изделий раскована и представляет плоскую пластину шириной 0,7 см и толщиной 0,3 см. Другая половина не раскована и имеет вид заостренного к концу круглого в сечении стержня. По размерам они несколько меньше экземпляров из Поволжья, высота булавок – 7,3 и 7,6 см, ширина в районе волют – соответственно 1,7 и 2,0 см. По мнению В.С. Аксенова данные изделия могли служить для скалывания одежды. Погребение № 103 по инвентарю датируется концом VIII – первой половиной IX вв., этническую принадлежность погребенного можно определить как финно-угорскую [Аксенов, 2007].

Аналогии рассматриваемой категории вещей известны и в более северных, чем Среднее Поволжье, областях. На территории Еманаевского городища, расположенного на р. Пижме в Кировской области, и Тольенского селища в верховьях р. Чепцы в Удмуртии обнаружены изделия, типологически близкие к стилетовидным предметам с волотообразным навершием (табл. II; рис. 1, II-1, II-2).

В публикации приведен только рисунок изделия из Еманаевского городища без описания [Лещинская, 1987. С. 102, рис. 14, 15], в обобщающей работе Р.Д. Голдиной данный предмет обозначен как булавка [Голдина, 2004. С. 304, рис. 153, 10]. Экземпляр из Тольенского селища был подвергнут металлографическому анализу, показавшему, что изделие отковано из сырцово-стали с неравномерным распределением углерода [Завьялов, 2005. С. 87-88, рис. 28, *ан.* 9822]. Поселения принадлежат к разным культурам: Еманаевское городище является эпонимным для культуры VI-IX вв. в бассейне р. Вятки [Голдина, 2004. С. 302], а Тольенское селище входит в круг памятников поломяско-чепецкой и датируется VIII-IX вв. [Иванов, 1997. С. 176].

Таким образом, территория распространения изделий в форме стилета с навершием, оформленным в виде волот достаточно широка (рис. 2), они присутствуют в памятниках разных археологических культур, и связать их с конкретной этнокультурной группой не представляется возможным.

В качестве аналогий стилетовидным предметам чаще всего привлекались восточноевропейские железные ножи с волотообразным навершием. Этой категории вещей посвящен целый ряд специальных работ, как в отечественной, так и в зарубежной литературе [Минасян, 1978. С. 148-152; Королькова, 1994. С. 234-238; Ковалевский, 1998. С. 9-24; Седов, 1999. С. 197-200; Szymanski W., 1987. S. 141-159].

Ножи представляют собой железную пластину, заканчивающуюся навершием в виде волот. Их длина варьируется от 9 до 21 см, а ширина от 0,7 до 1,6 см [Королькова, 1994. С. 234]. У них выделяются две функциональные части - рукоять и лезвие.

Эти ножи широко распространены на территории Восточной Европы, встречаются как на поселенческих памятниках, так и в могильниках, причем славяно-аварских. Временем их бытования является VII-X вв., связывается их распространение с расселением славянских племен, а функциональное назначение определяется как ритуальное.

Погребения, из которых происходят ножи с волотообразным навершием, являются женскими [Седов, 1999. С. 199]. Этот факт сближает восточноевропейские ножи с поволжскими предметами. Однако, стилетовидные предметы, происходящие из погребений новинковского типа и культурного слоя средневожских поселений, отличаются от восточноевропейских ножей размерами, формой и отсутствием лезвия. Вероятно, отлично и функциональное назначение стилетовидных предметов: расположение в погребениях позволяет предположить их использование в качестве элемента костюма, что никак не может соотноситься с назначением ножей с волотообразным навершием. Так что включение их в ареал распространения последних, на наш взгляд, нельзя считать правомерным [Королькова, 1994. С. 237; Ковалевский,

С. 19]. Если эти предметы и связаны с восточноевропейскими ножами, то представляют их сильно видоизмененную форму.

Некоторое сходство со стилетовидными предметами Среднего Поволжья обнаруживают булавки аскизской культуры. Однако необходимо отметить, что раннеаскизские булавки VIII–IX вв., которые имеют волотообразное навершие, в остальном конструктивно отличаются от поволжских изделий, так как представляют собой закрученные в спираль стержни. Более поздние булавки XI–XIII вв. имеют круглое сечение, большую длину (20–21 см) и лировидное навершие [Кызласов, 1977. С. 88], что также не дает возможности связать их напрямую со средневожскими предметами.

Таким образом, стилетовидные предметы с волотообразным навершием типологически выделяются в особую группу изделий, имеющую характерный только для нее набор признаков.

В результате приведенного обзора можно заключить, что стилетовидные предметы не могут на современном этапе исследований привлекаться как этнокультурный маркер, в виду их широкой распространенности и присутствия в материалах различных археологических культур. Однако изделия данной категории вполне возможно использовать в качестве хронологического индикатора для выделения поселенческих материалов VIII в. Такой вывод не противоречит контексту обнаружения известных к настоящему времени стилетовидных предметов, происходящих из культурного слоя поселений.

Литература:

Аксенов В.С. К вопросу о контактах алано-болгар Подонцовья с населением Волго-Окского междуречья и Прикамья. 2007. URL: <http://sumyrk.org.ua/?do=news&id=670&rid=669> (дата обращения 01.06.2010).

Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону (по материалам Северо-Кавказской экспедиции) // Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры имени Н.Я. Марра. Л., 1935. Вып. 131.

Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С. Первые шаги «космической археологии» в России (к дешифровке Маяцкого селища) // Российская археология. М., 1999. № 2.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998.

Бражник О.И. Коллекция Н.Ф. Высоцкого из фондов ГОМ РТ (об одной малоизвестной коллекции раннебулгарского времени) // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа, 2001.

Бражник О.И. Результаты исследования Осиновского IV могильника в 2001 году // Ежегодник Национального музея Республики Татарстан – 2002. Казань, 2003.

Васильев И.Б. Отчет 2-го отряда Средневожской археологической экспедиции о раскопках памятников бронзового века в Куйбышевской области в 1971 году (по Открытому листу № 116). Куйбышев, 1972. // Архив Археологической лаборатории Самарского государственного университета.

Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевской области // Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института им. В.П. Куйбышева. Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. Том 230.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004.

Гроздилов Г.П. Жигулевский массив // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941.

Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермян. Археометаллургическое исследование. Ижевск, 2005.

Зудина В.Н. Отчет о раскопках Новинковского II курганного могильника в 1981 году. Куйбышев, 1982 // Архив Археологической лаборатории Самарского государственного университета.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1998.

Казаков Е.П. V Старокуйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.

Ковалевский В.Н. Еще раз о ножах с воллютообразным навершием // Вопросы истории славян. Воронеж, 1998.

Королькова Л.В. Вопросы интерпретации ножей с воллютообразными навершиями // Тверской археологический сборник. М., 1994. Вып. 1.

Кравченко Э.Е. Два археологических комплекса в среднем течении Северного Донца (сравнительная характеристика) // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань, 2009.

Кызласов И.Л. Булавки древних хакасов // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. Вып. 9.

Лецинская Н.А. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988.

Матвеева Г.И. Исследования средневековых памятников на Самарской Луке // Археологические открытия 1980 года. М., 1981.

Матвеева Г.И. Отчет о раскопках Новинковского II курганного могильника в 1981 году. Куйбышев, 1982. // Архив Археологической лаборатории Самарского государственного университета.

Матвеева Г.И. Грунтовые погребения новинковского типа на Самарской Луке // Краеведческие записки Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 1995а. Вып. 7.

Матвеева Г.И. Результаты новых исследований Рождественского III курганного могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995б.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Матвеева Г.И., Семькин Ю.А. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 2007. Том 1.

Матвеева Г.И., Семькин Ю.А. Новослободское городище – центр седентаризации раннесредневековых кочевников на территории Ульяновского Поволжья // Материалы IV научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сыгину. Ульяновск, 2008.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Новые исследования селища Севрюкаево-II // Краеведческие записки Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 2006. Вып. 12.

Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.

Скарбовенко В.А. Отчет о раскопках селищ Ош-Пандо-Нерь-I, II у с. Шелехметь в Волжском районе Самарской области в 1994 г. Самара, 1995. // Архив Археологической лаборатории Самарского государственного университета.

Сташенок Д.А. К вопросу об этнических контактах в Среднем Поволжье в эпоху раннего средневековья // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997а. Том 3.

Сташенок Д.А. Об одной группе раннесредневековых украшений Самаро-Симбирского Поволжья (серьги салтовского типа) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Тезисы докладов II Международной археологической конференции. Самара, 1997б.

Сташенок Д.А. Половозрастная стратификация новинковского населения (по материалам украшений костюма) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Материалы III Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. Самара, 2001. Том 2.

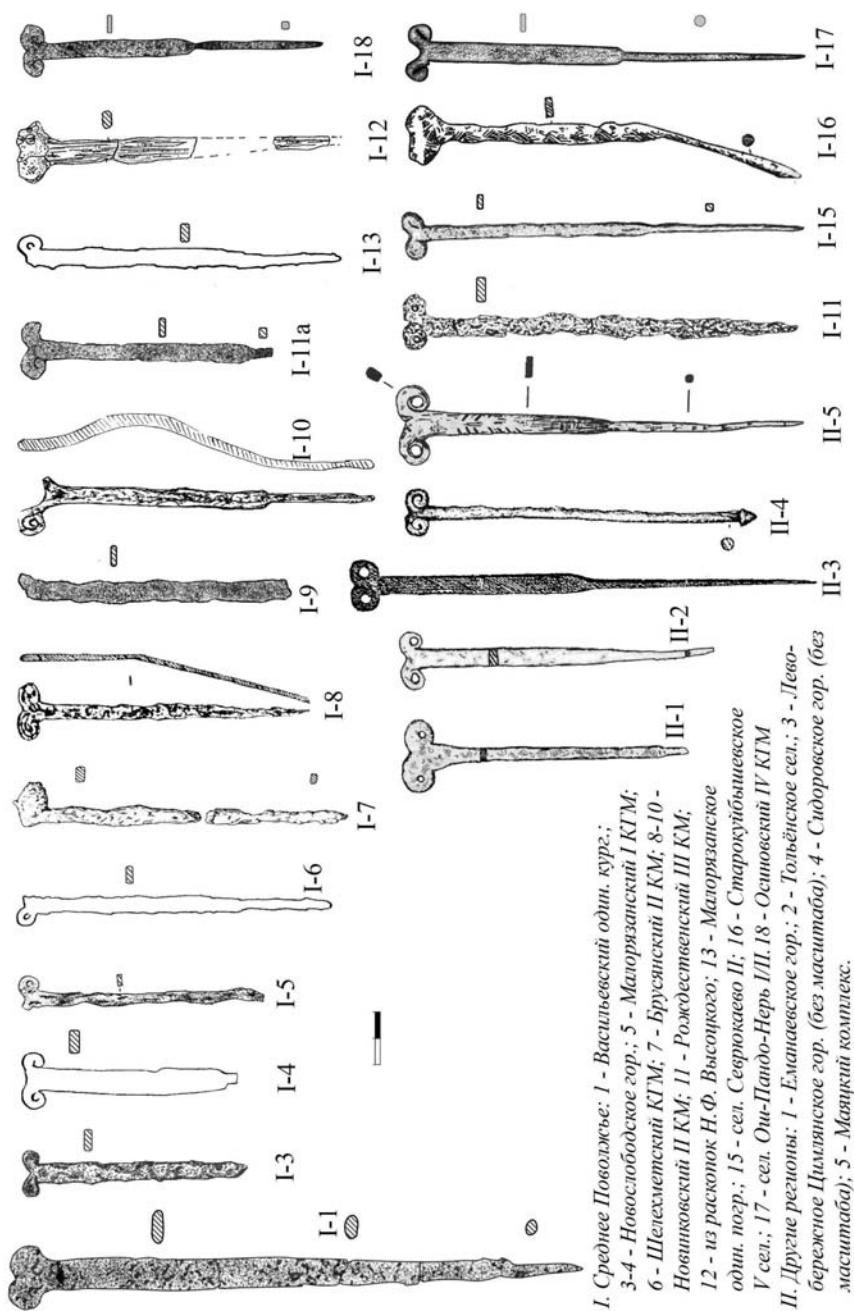
Szymanski W. Noze z pekojeciami zakonczonymi wolutami – zagadowe komponenty kultury slowianskiej i awarskiej // Studia nad etnogeneza slowian i kultura Europy wszesnospedniowiecznej. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk; Lodz, 1987. T. 2.

Таблица 1. Стiletовидные предметы с волнообразным навершием с территории Среднего Поволжья

№	название памятника	происхождение	автор раскопок	год	публикации
1	Васильевка одиночное погребение	погребение	Васильев И.Б.	1971	Васильева, 1979, С. 235, рис. 17
2	городище Лысая Гора	пурф	Гроздилов Г.П.	1956	Гроздилов, 1941, С. 147
3	городище Новая Слобода	Раскоп II, соор. 19	Семьякин Ю.А.	2006	Матвеева, Семьякин, 2008, рис. 9, 10
4		погребенный материал	–	2006	Матвеева, Семьякин, 2008, рис. 1а
5	Малорязанский I кургано-грунтовой могильник	к. 6, п. 3	Зубов С.Э.	1998	Багаудинтов, Богачев, Зубов, 1998, С. 277, таб. LXXV, I
6	Шелекметский кургано-грунтовой могильник	п. 3	Матвеева Г.И.	1980	Матвеева, 1981, С. 140-142; она же, 1995, С. 194, рис. 3, 3; она же, 1997, С. 215, рис. 120, 3
7	Брусевский II курганный могильник	к. 37, п. 4	Зубов С.Э.	1998	Багаудинтов, Богачев, Зубов, 1998, С. 264, таб. LIII, 12
8		напись к. 14	Матвеева Г.И.	1980	Матвеева, 1997, С. 215, рис. 120, 2
9	Новикковский II курганный могильник	к. 8, п. 2	Матвеева Г.И.	1980	Матвеева, 1997, С. 215, рис. 120, 4
10		к. 15, п. 6	Матвеева Г.И.	1981	Матвеева, 1997, С. 215, рис. 120, 5
11	Рождественский III курганный могильник	к. 7, п. 1	Матвеева Г.И.	1981	Матвеева, 1995, С. 33, рис. 7, 5
12	курганный могильник	к. XI, 2 группа	Васильев И.Ф.	–	Бражкин, 2001, С. 38, рис. 2, 9
13	Малоярзанское одиночное погребение	погребение	Косменко М.Г.	1970	Матвеева, 1995, С. 192, рис. 1, 3; она же, 1997, С. 205, рис. 120, 3
14	Гундоровское селение	культурный слой	Васильев И.Б.	–	Матвеева, 1997, С. 223, рис. 128
15	Сервскаяво II селение	Раскоп IV, к. 10 г. 2	Скарбовенко В.А.	2004	Матвеева, Скарбовенко, 2006, С. 35, рис. 6, I
16	Старокурьяновское V селение	культурный слой	Казаков Е.П.	–	Казаков, 1984, С. 64, рис. 10, 67
17	селение Ош-Палдо-Нера I/II	слой над соор. 14	Скарбовенко В.А.	1994	Скарбовенко, 1995, рис. 8, II; 131, Ia
18	Осиновский IV кургано-грунтовой могильник	погребение I	Бражкин О.И.	1994	Бражкин, 2003, С. 175, рис. 3б, 7;

Таблица II. Аналогии стилетовидным предметам с волнообразным навершием с памятников Восточной Европы

№	название памятника	происхождение	публикации
Памятники бассейна рек Пижмы и Чепцы			
1	Еманаевское городище	культурный слой	Лещинская, 1988. С. 102, рис. 14, 15; Голдина, 2004. С. 304, рис. 153, 10
2	Тольёвское селище	культурный слой	Завьялов, 2005. С. 88, рис. 28, <i>ил.</i> 9822
Памятники салтово-маяцкой культуры			
3	Левобережное Цивлявское городище	культурный слой	Артамонов, 1935. С. 14, рис. 4, 15
4	Сидоровское городище	культурный слой	Кравченко, 2009. С. 143, рис. 2, 4
5	Маяцкое селище	яма над сооружением 53	Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999. С. 120, рис. 10
6	могильник: Сухая Гомольша	кремационное погребение № 103	Аксёнов, 2007. Рис. 1, 9, 10.
7			

I. Среднее Поволжье: 1 - Васильевский один. кург.;

3-4 - Новослободское гор.; 5 - Малорязанский I КМ;

6 - Шелехметский КМ; 7 - Бруснянский II КМ; 8-10 -

Новинковский II КМ; 11 - Рождественский III КМ;

12 - из раскопок Н.Ф. Высоцкого; 13 - Малорязанское

один. погр.; 15 - сел. Северюкаево II; 16 - Старокуйбышевское

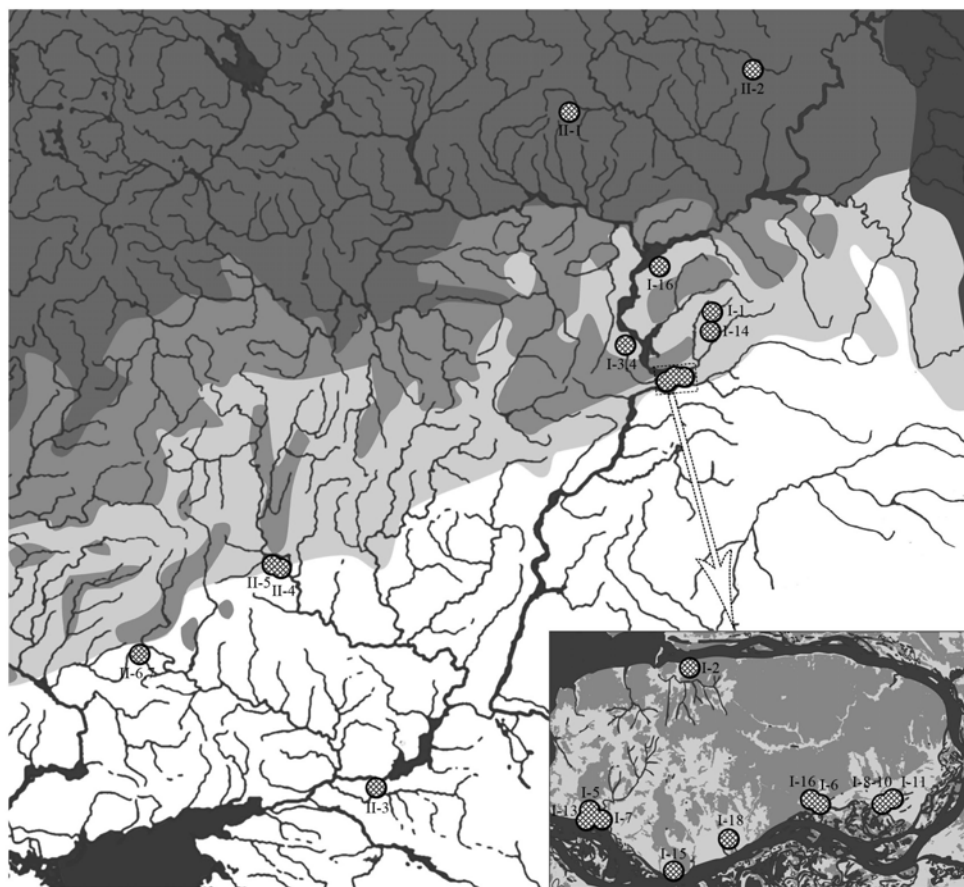
V сел.; 17 - сел. Ош-Пандо-Нерь I/II. 18 - Островский IV КМ

II. Другие регионы: 1 - Еманевское гор.; 2 - Тольятское сел.; 3 - Северо-

бережное Цимлянское гор. (без массива); 4 - Сидоровское гор. (без

массива); 5 - Маяцкий комплекс.

Рис. 1. Стреловидные предметы с волнообразными навершиями с территории Среднего Поволжья и их ближайшие аналогии

Условные обозначения:

- таежные леса;
- широколиственные леса;
- лесостепь;
- степь.

- стилетовидные предметы с волнообразными навершиями.
- Номера предметов на карте соответствуют таблицам I и II.

Рис. 2. Карта распространения стилетовидных предметов с волнообразными навершиями в Восточной Европе

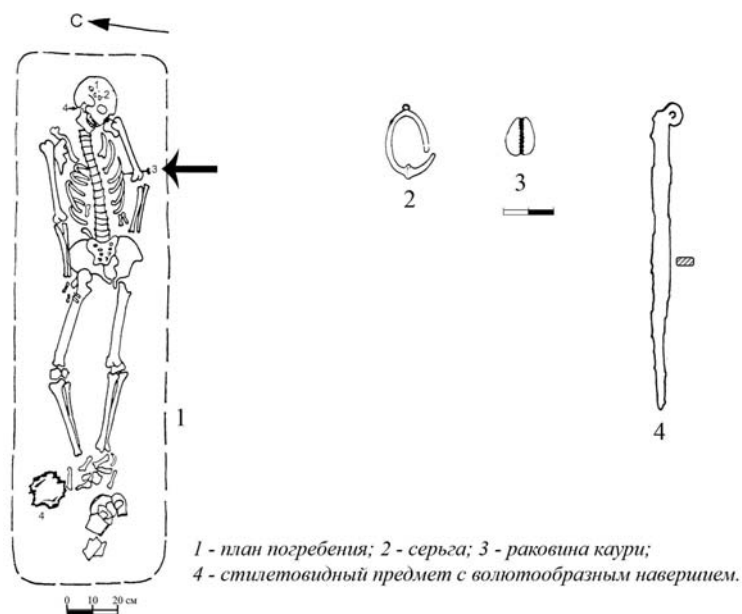
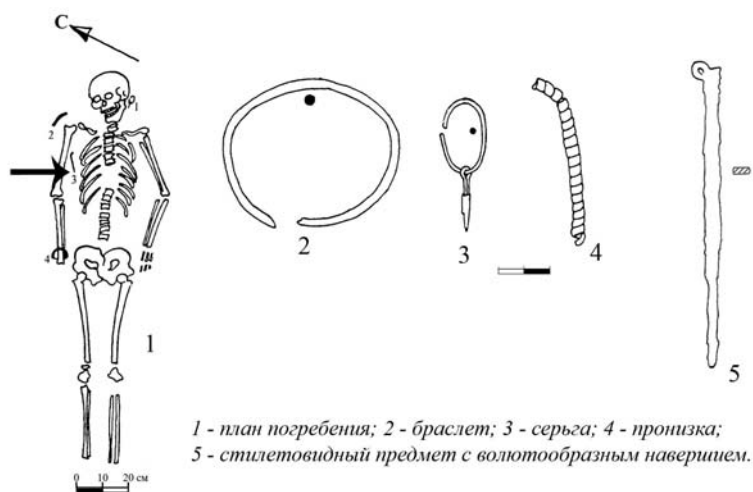

Рис. 3. Малорязанское погребение. План и вещевой инвентарь [Матвеева, 1995а]

Местоположение стилетовидных предметов с волотообразными навершиями на планах погребений указано стрелками.

Рис. 4. Шелехметский курганно-грунтовой могильник. Погребение 3. План и вещевой инвентарь [Матвеева, 1995а]

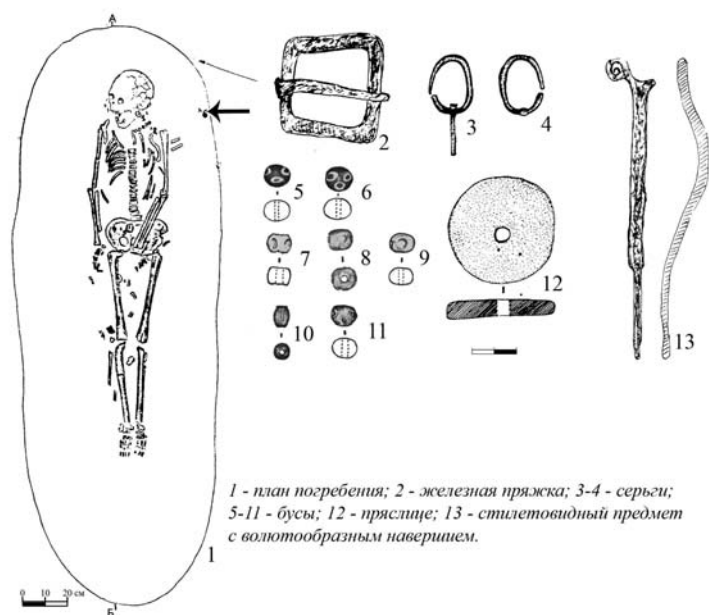

Рис. 5. Новинковский II курганный могильник. Курган 15, погребение 6.
План и вещевой инвентарь [Матвеева, 1982]

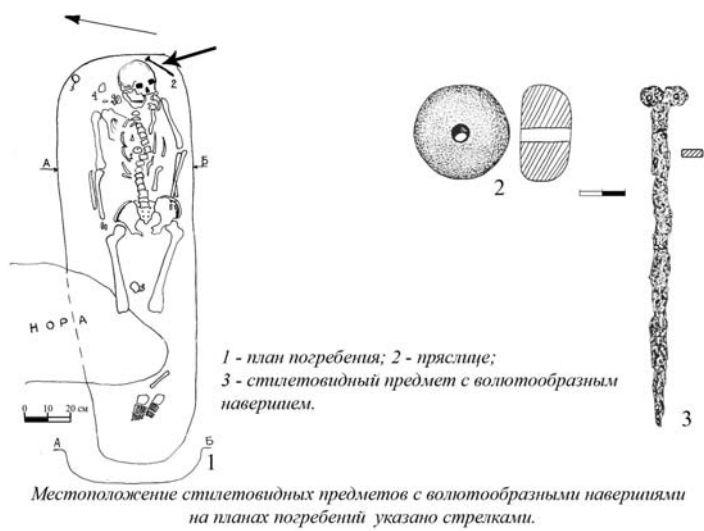

Рис. 6. Рождественский III курганный могильник. Курган 7, погребение 1.
План и вещевой инвентарь [Матвеева, 19956]

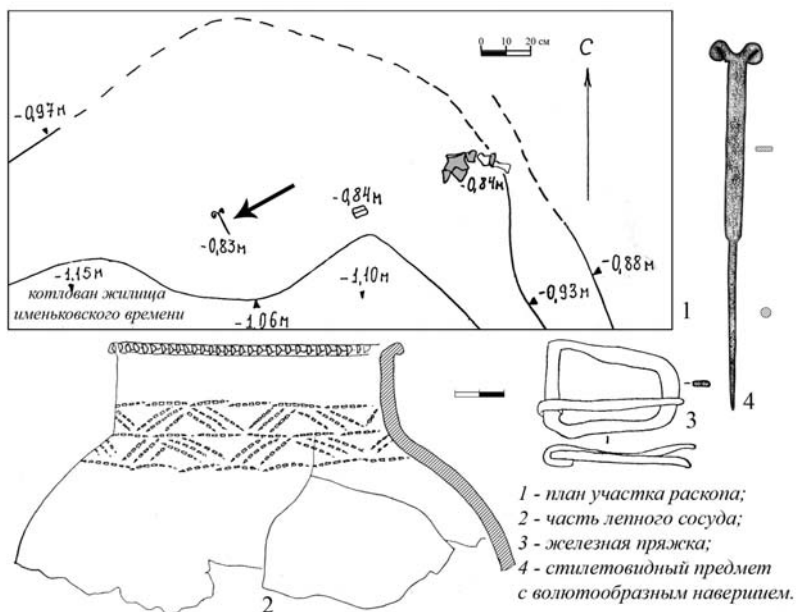
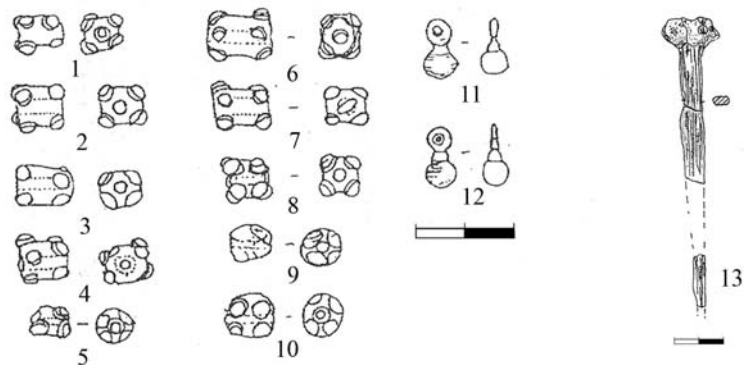

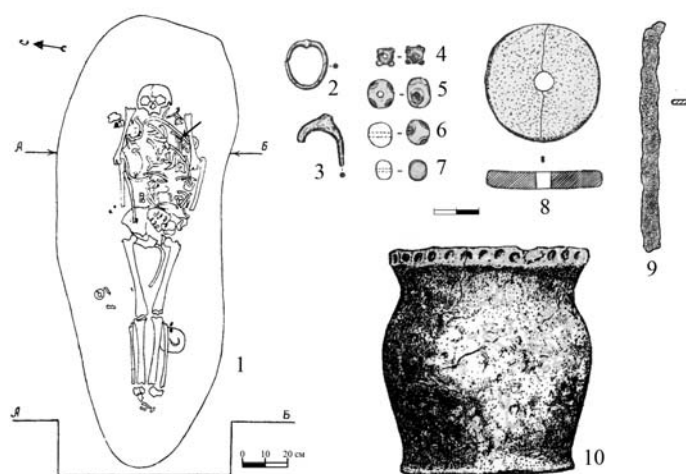
Рис. 7. План участка раскопа селища Ош-Пандо-Нерь I/II и комплекс находок, выявленный над жилищем именьковского времени [Скарбовенко, 1995]

1-10 - бусы; 11-12 - пуговицы (подвески); 13 - стилетовидный предмет с волотообразным навершием.

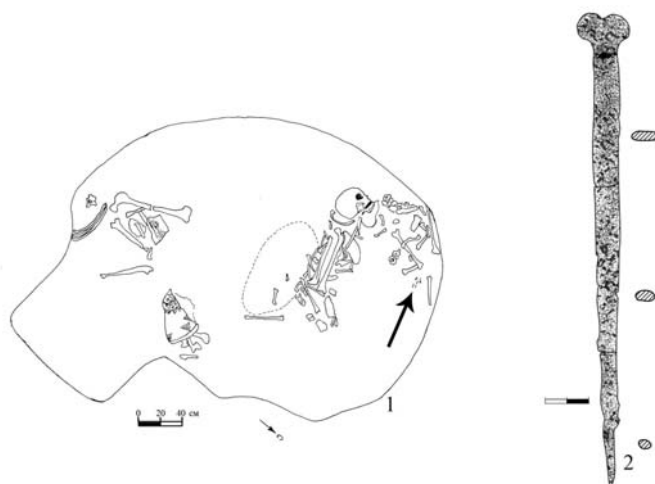
Местоположение стилетовидного предмета с волотообразным навершием на плане раскопа указано стрелкой.

Рис. 8. Материалы из коллекции Н.Ф. Высоцкого (курган XI) [Бражник, 2001]

1 - план погребения; 2-3 - серьги; 4-7 - бусы; 8 - пряслице;
9 - стилевидный предмет с волотообразным навершием;
10 - литейный сосуд (без масштаба).

Рис. 9. Новинковский-II курганный могильник. Курган 8, погребение 2.
План и вещевой инвентарь [Зудина, 1982]

1 - план погребения; 2 - стилевидный предмет с волотообразным навершием
Местоположение стилевидных предметов с волотообразными навершиями
на планах погребений указано стрелками.

Рис. 10. Васильевский одиночный курган. План погребения и вещевой инвентарь
(кроме сосуда эпохи бронзы) [Васильев, 1972]

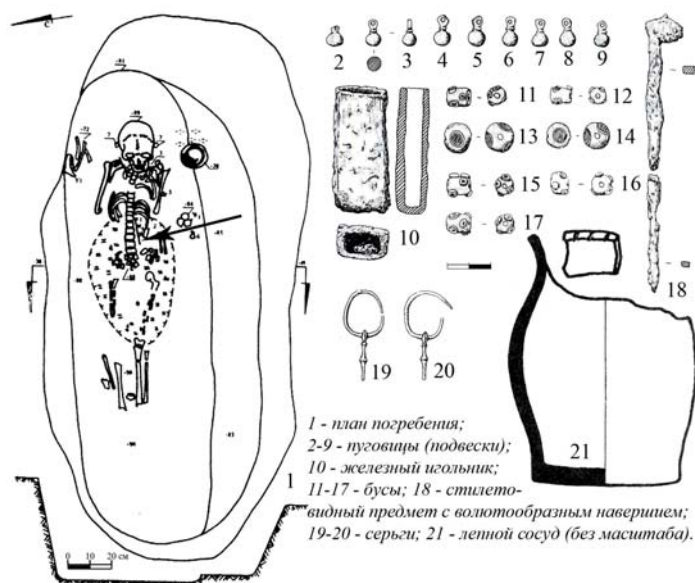

Рис. 11. Брусянский II курганный могильник. Курган 37, погребение 4.
 План и вещевой инвентарь [Багаутдинов и др., 1998]

Рис. 12. Малорязанский-I курганно-грунтовой могильник. Курган 6, погребение 3.
 План и вещевой инвентарь [Багаутдинов и др., 1998]

Лопатин В.А., Малышев А.Б.

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ
ПОСЕЛЕНИЯ МАРТЫШКИНО
(материалы эпохи средневековья)

Поселение в урочище «Мартышкино», было обнаружено в 1912 г., но наиболее планомерно исследовалось только в 1990-е гг., когда была получена представительная коллекция вещественных материалов, типичных для оседлого сельского уклада жизни в Золотой Орде. Памятник расположен на правом берегу Волгоградского водохранилища, в 50 км ниже по течению Волги от Саратова, в местности под названием «Мартышкина Гора» (рис. 1; 2). Данный участок правобережной террасы возвышается над современным уровнем воды в волжском русле на 10–15 м (рис. 2). С севера и с юга терраса ограничена древними оврагами, заросшими лесом. По современному административному устройству Мартышкино урочище относится к Красноармейскому району Саратовской области (рис. 1; 2).

Летом 1912 г. сюда приезжал видный российский археолог, действительный член Императорской архивной комиссии, профессор А.А. Спицын с целью посещения известного Ахматского городища. Сопровождавшим А.А. Спицына представителям Саратовской ученой архивной комиссии (СУ-АК) С.А. Щеглову, В.И. Онезорге, Ф.Д. Охлябинину и Б.Д. Федорову, местные крестьяне сообщили о том, что у подножия «Мартышкиной Горы» неоднократно находили человеческие кости, битую посуду, медные «стрелки» и каменные топоры. Крестьяне называли эту местность «Мартышкиным» или «Палатками». Топоним «Мартышкин», скорее всего, относится к объекту хозяйственного значения, например, лугу или сенокосу. Мартышкин луг – участок берега с высоким густым травостоем, займище, находившееся, видимо, в личном владении некоего человека по имени Мартын, называемого в народе пренебрежительно-насмешливо Мартышкой.

В.И. Онезорге писал: «Эта площадка... вполне объясняет другое название – Палатки» [Онезорге, 1916. С. 34]. Его карандашный набросок с видом на памятник был сделан со стороны Волги, на значительном расстоянии от берега. Может быть, действительно Мартышкин берег с воды казался тогда похожим на ряд приземистых строений («палаток»).

В том же году на поселении были проведены разведочные раскопки. В культурных отложениях памятника представители СУАК обнаружили большое количество фрагментированной керамики: круговой «татарской» и более древней – лепной. Средневековый слой удалось продатировать золотоордынским временем по находкам серебряных дирхемов, относящихся, по видимому, к началу XIV в. [Недашковский, 2000. С. 122]. Из отдельных предметов упоминались каменные шлифованные молотки, жернова, медные ножи, наконечники, терочки [Онезорге, 1916. С. 38; Спицын, 1923. С. 34]. Непосредственно над площадкой, на верхней террасе был зафиксирован средневековый грунтовый некрополь. Здесь умершие были погребены в вытянутых положениях, головами обращенные к западу, некоторые в деревянных колодах. В 1994 г. К.Ю. Моржерин проводил на верхней террасе небольшие раскопки, которые подтвердили факт наличия здесь могильника, соответствующего средневековому слою Мартышкино. Были выявлены несколько погребений, в том числе в деревянных колодах и гробах, где умершие были ориентированы на запад, лежали на спине, вытянуто. На некоторых скелетах отмечены признаки насильственной смерти в виде травм черепа, а между ребер одного погребенного был зафиксирован железный наконечник стрелы [Моржерин, 1996. С. 62–63].

В 1918 г. небольшие раскопки здесь проводил П.Н. Шишкин. Археологи и позднее приезжали сюда, чтобы собрать на бечевнике подъемный материал. В 1930 г. памятник обследовался П.С. Рыковым, в 1965 г., здесь побывали с разведками Д.С. Худяков и Ю.В. Деревягин, а в 1984 г. собрал подъемный материал Н.М. Малов. Материалы разведок поступали в фонды Саратовского краеведческого музея [СОМК, № АО 133, 142, 144–149, 440–441, 844, 1382, 2658].

Поселение в урочище Мартышкино всегда было интересно специалистам, но долгие годы крупномасштабных работ здесь не предпринималось. Систематические охранные раскопки в «Мартышкино» были начаты доцентом Саратовского госуниверситета В.А. Лопатиным в 1992–1994 гг., а затем продолжены в полевых сезонах 2002 и 2005 годов [Лопатин, 1993; 1994; 1995; 2002; 2006]. Одновременно в печать поступала информация о раскопках, и публиковались аналитические разработки материала [Лопатин, 1997; он же, 2003.]. За этот период охранными раскопками на береговых обнажениях было вскрыто около 1500 кв. м уцелевшей площади памятника. Благодаря послойной разработке культурных отложений в прибрежных раскопках удалось достаточно полно проследить соотношение слоев, связанных с ними строительных площадок и культурно-хронологических комплексов. В частности установлено, что на памятнике явно выражены лишь два литологических комплекса, соответствующие эпохе средневековья (верхние 1–1,5 м рыхлого золистого грунта серого цвета) и продолжительному досредневековому времени (от 1 до 2 м вязкого, буровато-серого грунта с находками эпохи бронзы и энеолита). Досредневековые слои здесь были очень сильно переотложены хозяйственной деятельностью жителей золотоордынского поселка и стратиграфически неразличимы. Лишь в предпоследнем сезоне на южном участке памятника удалось зафиксировать тонкую остаточную линзу чистого энеолитического слоя (вязкий, влажный грунт бурых оттенков с включениями

мелких углей и комочков охры), содержащего находки и комплексы хвалынской энеолитической культуры.

За пять сезонов исследований планомерными раскопками охранного характера было приостановлено катастрофическое разрушение культурного слоя, получены представительные коллекции материалов эпох неолита-энеолита, ранней, средней, поздней и финальной бронзы, отдельные находки раннего железного века, большое количество массовых артефактов эпохи средневековья. Выявлены также остатки 4-х средневековых построек, в том числе металлообрабатывающей мастерской, 4-х построек финальной бронзы, 2-х средневековых захоронения и два погребения бронзового века.

Наиболее насыщен артефактами позднесредневековый культурно-хронологический комплекс, представленный постройками земляночного типа, погибшими в обширном пожарище. Следы огня фиксируются в верхнем литологическом отделе северных и центральных участков памятника, как прослой, насыщенный золой, сажой и мелкими углями. Очевидно, пожар сопровождался разгромом поселка, на что косвенно указывает находка железной сабли, а также скелет убитого человека, обнаруженный в металлообрабатывающей мастерской около развала железоплавильного горна. В постройках и межземляночном пространстве выявлены развалы печей, глиняные вымостки полов, остатки деревянных конструкций, обломки ручных жерновов, красноглиняная керамика и фрагменты сероглиняной русской посуды. Полутораметровый средневековый слой насыщен костями домашних животных и рыб, мелкофрагментированной керамикой, встречаются отдельные предметы из железа, камня, бронзы, кости, белемнитов. Появлению золотоордынского памятника здесь предшествовало присутствие населения хазарского времени. К этому периоду относится открытое на мартышкинском поселении погребение раннеболгарского типа.

Погребение № 1, было обнаружено в 1993 г. [Лопатин, 1994. С. 10–11]. Могила была выявлена в центральной части памятника, у края обнажения террасы. Она была ориентирована в широтном направлении. Заполнение рыхлое, однородное с редкими включениями кусков мергеля. Длина могилы 2,3 м, ширина в западной части 0,87 м, ширина в восточной части 0,46 м, глубина в материке 0,21 м. На дне ямы вытянуто на спине лежал скелет взрослого человека, похороненного головой к западу (рис. 3, 1). Руки погребенного были слегка согнуты в локтях и соединены запястьями возле правого крыла таза, причем левая рука лежала поверх туловища по диагонали. Череп лежал на затылке, лицевым отделом вверх. Ноги были вытянуты и плотно сведены стопами вместе (возможно, руки и ноги были связаны?).

Между тазом умершего и северной продольной стенкой ямы расчищено скопление косточек от конечностей молодой особи мелкого рогатого скота. Прочий инвентарь помещался в свободном пространстве западной, наиболее широкой части могилы, за головой погребенного человека. Здесь зафиксировано скопление костей конечностей, крестец, позвонки (некоторые в естественном сочленении) и череп взрослой особи МРС, сложенные компактным блоком в северо-западном углу могилы.

В юго-западном углу ямы, обложенный крупными кусками мергеля, стоял глиняный лепной сосуд с плоским устойчивым днищем (рис. 3, 2). Это

грубая форма средних пропорций, близкая средневековым горшечно-корчажным типам. К особенностям горшка можно отнести резкую профилировку шейки, переходящей в короткое уступчатое плечико, а также ряд глубоких округлых оттисков по обрзу устья. Венчик невысокий, плавно отогнутый наружу. Максимальное расширение округленного тулова приходится на верхнюю треть общей высоты сосуда. Это экземпляр очень грубой ручной выделки, толстостенный, тяжелый. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета, шершавая. На изломе черепок черный (восстановительный режим слабого обжига), в примеси заметны песок и шамот. Диаметр устья 13,2 см, диаметр шейки 11,8 см, диаметр наибольшего расширения тулова 17,2 см, диаметр днища 11,2 см, общая высота сосуда 17,6 см.

Здесь же обнаружен фрагмент железного черешкового ножа, который лежал на выпуклом плечике горшка, рукоятью к западу. Клинок ножа был сломан, очевидно, еще в древности (возможно преднамеренно, перед помещением в могилу), заостренная часть лезвия здесь не найдена. Предмет очень сильно пострадал от коррозии, но заметно, что сечение лезвия клиновидное, спинка клинка очевидно округлая, а прямоугольный черешок отделен уступами как от лезвийной грани, так и от спинки (рис. 3, 3). Длина сохранившейся части лезвия 5 см, ширина 2 см. Длина черешка 5 см, ширина 1,7 см. Стратиграфически захоронение не соотносится ни с одним из зафиксированных в Мартышкино культурно-хронологических горизонтов [Лопатин, 1994. С. 11].

Культурно-хронологическая интерпретация комплекса основана на системном анализе элементов обрядности и типологических особенностей инвентаря. Количественный показатель искомым признаков, достаточно узок, поскольку на памятнике встречен лишь единственный средневековый комплекс домонгольского времени. Тем не менее, эти признаки выступают важным индикатором в процессе поиска культурных ориентиров. Сам по себе набор обрядовых признаков (узкая длинная могила, положение скелета вытянутое на спине с западной ориентировкой) не может служить достаточным определителем точной датировки и культурной принадлежности погребения из Мартышкино.

Совокупность всех элементов указывает на праболгарскую принадлежность погребения, содержащего типичный для этой культуры глиняный сосуд (рис. 3, 2). Прочие показатели обряда и сопроводительного инвентаря транскультурны. Отметим, что на сопредельной территории Среднего Поволжья, где наблюдается концентрация праболгарских подкурганых погребений «новинковского» типа, западные ориентировки умерших выглядят скорее исключением, нежели правилом. Они выявлены только в двух могильниках Самарской Луки (Брусяны-II и Новинки-II), причем особенностью этих захоронений, составляющих всего 8,5%, является отсутствие материковых могильных ям [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 64, рис. 12; С. 66, табл. 4]. Наиболее престижные воинские погребения здесь были ориентированы преимущественно в восточные и северные сектора, устраивались в материковых ямах и сопровождалась остовами коней, оружием и украшениями.

По положению скелета и рук среди новинковских комплексов есть единственная аналогия – это безынвентарное захоронение 9/28 из могильника

Брусяны-II, где наряду с небольшим завалом и поворотом головы вправо наблюдается такая же, как в Мартышкино, позиция рук (связаны у правого крыла таза) [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 54, 65, рис. 13, 6].

Глиняный сосуд из Мартышкино относится к одной из категорий праболгарской посуды. В погребениях Самарской Луки такие сосуды отнесены к категории «Б» (горшки). Они были сформованы без гончарного круга, поверхность не залощена, а только заглажена и не всегда аккуратно. В формовочных массах такой керамики могли присутствовать растительные примеси, шамот, из-за крупных частиц которого поверхность посуды нередко приобретала бугристый характер. Цветовая гамма сосудов представлена различными оттенками серого или коричневого, в изломе черепок чаще черный, его механическая прочность низкая, из-за чего нередко горшки оказывались в погребениях разбитыми или поврежденными. Более половины лепных сосудов украшены по краю венчика пальцевыми вдавлениями или наклонными насечками, имитирующими защипы [Васильева, 1995. С. 77]. Наиболее близкими аналогиями праболгарским горшкам из Новинок самарские исследователи считают подобные сосуды из раннеболгарских комплексов на Волге (Кайбельский и Больше-Тарханский) и салтовских могильников [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 143]. По соотношению пропорций и внешнему оформлению сосуд, найденный в Мартышкино, наиболее всего близок горшку из могильника Брусяны-II (курган 17, погребение 1) [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 147, рис. 41, 11]. Основания шеек таких сосудов подчеркнуты короткими уступчиками, и это отличает их от прочих типов «защипных» горшков.

Ножи с двумя выступами у основания лезвия, отделяющими его от насада, широко распространены в средневековых материалах, в том числе праболгарских погребальных комплексах. Такие ножи, происходящие из курганов Среднего Поволжья, очень близки нашему экземпляру по форме черешка, слегка суженному к окончанию, и клиновидным сечениям лезвий. Правда, чаще всего спинки ножей прямые [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 129, рис. 31]. Преднамеренная порча ножа в ходе отправления обряда, соответствует ритуалу обезвреживания, который замечен в положении скелета (связывание рук и, возможно, ног). В данном случае проводится обезвреживание не покойника, а острого колющего предмета. Этот признак мог быть унаследован из практики иранской обрядности, где порча клинков и зеркал являлась распространенным правилом. В погребениях позднесарматского времени нередко находят сломанные колющие орудия и предметы вооружения, причем, всегда в могиле оставляют тупые части этого лома. В ближайшем пространстве примечателен курган из заволжской Милорадовки, где в богатом захоронении позднесарматской жрицы, наряду с другими престижными вещами, были обнаружены специально сломанные зеркало, нож, ножницы и притупленное ударом шило [Лопатин, 1997а. С. 200, рис. 1; С. 201, рис. 2].

В комплексах анимистических представлений древности душами наделялись не только люди, животные и растения, но также все природные объекты и даже искусственные предметы. Считалось, что после смерти хозяина следует убить те вещи, которые понадобятся ему в потустороннем мире, чтобы души вещей последовали за душой их владельца. Кроме того, разламывая острые и колющие предметы, родственники умершего заботились еще о том,

чтобы они случайно или намеренно не повредили душе покойного [Шилов, 1959. С. 438]. Эта обрядность связана также с древнейшей идеей создания умершему всех необходимых условий загробного существования, в чем то схожего с земной жизнью (устройство могил наподобие традиционных жилищ или имитация этого сходства, кормление предков и тризновая практика, создание интерьеров в погребальных комплексах). Может быть сосуд, обложенный в данной могиле тремя камнями, имитирует домашний очаг.

Факт отсутствия над погребением из Мартышкино курганной насыпи также заслуживает внимания. Обычно праболгарские захоронения являлись впускными в более древние курганы, или над ними сооружались индивидуальные насыпи (земляные с ровиками, или с каменной наброской над могильной ямой). Грунтовые могилы без курганной насыпи встречаются в Нижнем Поволжье гораздо реже – в 37,5% случаев. Как правило, это единичные захоронения, как в Мартышкино, Успенке, Усть-Курдюме или Алумкачево (Калмыкия). Лишь на трех памятниках грунтовые могилы образуют небольшие кладбища: Шумейка (по 2 погребения), Оленья (3), Бугор Стеньки Разина (6). Причем в 14 из указанных грунтовых комплексов умершие были ориентированы на запад, иногда с незначительными сезонными склонениями к северу или к югу. Комплексы Нижнего Поволжья с западными ориентировками чаще всего скромны, что позволяет нам предположительно соотносить их с одной из менее престижных социальных групп праболгарского населения.

С другой стороны, наш комплекс весьма близок группе праболгарских захоронений второй половины VIII–IX вв., исследованных в рамках салтовских древностей так называемого зливкинского типа с аналогичной болгарской керамикой [Плетнева, 2003. С. 66]. Сходные с нашими погребальные признаки трактуются для зливкинских погребений как региональная особенность праболгарского населения IX в., взаимодействовавшего с ираноязычными аланами. В этот период подобные комплексы появляются и на Средней Волге (Большетарханский могильник) [Генинг, 1989. С. 7–8]. Поэтому уместна также версия регионально-временной трактовки такой специфически скромной обрядности: простые ямы с отвесными стенами и ровным дном; положение скелета вытянуто на спине головой к западу; размещение в могиле гончарных и лепных сосудов за головой погребенного; присутствие в инвентаре железных ножей [Генинг, Халиков, 1964. С. 8–10, 20, 26, 58]. Ценявая этнокультурные позиции населения, оставившего в Среднем Поволжье памятники новинковского типа, Г.И. Матвеева отмечала сходство погребальной обрядности и инвентаря курганов Самарской Луки с подобными комплексами Приазовья и Причерноморья. По ее мнению миграции отдельных групп кочевников из этих исходных областей обитания праболгар в район Волго-Камья могло начаться не позднее третьей четверти VI в., а в конце VII в. приобрело уже массовый характер, что было связано с распадом Великой (азовской) Болгарии под натиском хазар [Матвеева, 1997. С. 92–93]. На пути их следования лежали пространства Предкавказья и Нижнего Поволжья. Учитывая тот факт, что наиболее поздние комплексы праболгарского типа возникли в Среднем Поволжье не позднее рубежа VIII–IX вв (Кайбельский и Больше-Тарханский могильники), переселение шло с различной интенсивностью не менее двухсот лет на протяжении VII–VIII вв. Вероятно

именно в данном хронологическом интервале на Нижней Волге, в том числе и в Мартышкино, были оставлены погребальные комплексы с грубой защитной керамикой, которые оцениваются как праболгарские.

К эпохе позднего средневековья относятся многочисленные золотоордынские материалы: комплексы построек, теплотехнических сооружений, металлических изделий, предметов из кости, рога, белемнитов, глины, стекла и камня, а также керамика. В совокупности все они представляют собой поселок золотоордынского времени (XIII–XIV вв.).

Постройки. Остатки *постройки № 1* (рис. 4, 1) исследованы в течение двух полевых сезонов 1992–1993 гг. [Лопатин, 1994. С. 8–9]. Это полуземляночное жилище было разрушено абразионными процессами, связанными с постоянным повышением уровня водохранилища в периоды весенних половодий. Предполагается, что не сохранилась передняя часть постройки с тамбурным входом. Раскопками установлено, что средневековое жилище сооружалось в западine более древней полуземлянки эпохи поздней бронзы. Вероятно, в связи с этим пол средневекового сооружения не достигал материкового уровня, а фиксировался по уровню скопления сгоревших деревянных деталей и дисперсии древнерусской сероглиняной керамики.

Гибель постройки соотносится с большим пожаром и разгромом поселения в конце XIV в., следы которого фиксируются в верхнем отделе средневекового слоя. Котлован жилища не имел четко оформленных углов, скорее всего это было овальное углубление, более длинной стороной ориентированное в широтном направлении, выходом к берегу Волги.

Длина сохранившейся части постройки 3,2 м, ширина 3,3 м. В заполнении котлована отчетливо заметны серый прослой золы, просочившейся под деревянный пол, настеленный деревянными плахами и толстыми досками, участки прокаленного под воздействием высокой температуры грунта, завалы стенок котлована. Вероятно, каркас постройки, облицовка земляных стен и основа кровли, перекрытой сверху дерном, были также деревянными. Частично обуглившиеся деревянные детали и их фрагменты бессистемно залежали в западной части котлована, вперемешку с обломками керамики, опочными глыбами, костями животных. Здесь же зафиксирован разбитый каменный жернов с круглым сквозным отверстием в середине диска. К числу конструктивных признаков, зафиксированных в постройке № 1, можно отнести предположительную овальную форму и грунтовые стенки полуземляночного сооружения, деревянный каркас. Объекты внутреннего интерьера здесь не отмечены.

Постройка № 3 (скальная) открыта в северной части поселения в 1994 г. [Лопатин, 1995. С. 8–9]. Она располагалась на периферии средневекового поселка, в непосредственной близости от древнего оврага, ограничивающего памятник с севера. Это единственное жилище, оборудованное в скальном меловом материке. Углы этого сооружения также заметно скруглены, но его форма в большей степени приближается к прямоугольной (рис. 4, 2).

Сохранилось менее 50% постройки, передняя тамбурная часть которой также разрушена береговыми обвалами. Размеры сохранившейся части котлована 4 x 3,2 м, глубина в меловой скале до 1,2 м. Как и предыдущее сооружение, она была ориентирована с запада на восток, входом к берегу реки. Оставшаяся

часть несет определенную информацию, которая позволяет в целом представить конструкцию жилища. Вероятно, это был прямоугольный котлован с округленными углами и каркасно-столбовой системой опор кровли. Здесь зафиксированы 4 столбовые ямки, вырубленные в скальном полу, вдоль южной стенки, но не вплотную к борту котлована, а на некотором удалении. Это позволяет предполагать, что скаты кровли были асимметричны (северный был более длинным и пологим, а южный – коротким и крутым), и кроме того, жилились непосредственно на внешний грунт за пределами котлована.

Зафиксированы остатки деревянных конструкций. Бессистемно залегавшие обломки досок, возможно, являются частью настила пола или подшивки потолка. Около короткой западной стенки выявлены фрагменты досок, закрепленных в полу вертикально. Не исключено, что это остатки стеной облицовки, за которую забутовывали утеплитель – смесь земли с золой.

В задней, противоположной входу половине жилища был устроен очаг. Сохранилось его глинобитное основание подквадратной формы и размерами 0,67 x 0,56 м. Толщина сырцовой вымостки до 0,12 м. К западному краю очага примыкали две деревянные плашки, возле которых найдена стеклянная бусина синего цвета (рис. 7, 16). В полуметре восточнее очага обнаружено пряслице, изготовленное из стенки гончарного красноглиняного сосуда с линейным орнаментом (рис. 7, 14).

Таким образом, постройка № 3 обладает гораздо большим набором сохранившихся конструктивных признаков, демонстрирующих не только форму и детали жилища (борт котлована, столбовые опоры), но и некоторые особенности внутреннего интерьера (внутренняя облицовка, очаг).

Постройка № 4 выявлена в южной части поселения в течение полевого сезона 2002 года [Лопатин, 2003. С. 30–32]. Котлован этой землянки был вырыт жителями средневекового поселка в относительно рыхлом грунте досредневековых слоев (рис. 4, 3). При этом материк не был нарушен, а плотная материковая подошва служила основанием пола постройки.

Приблизительная ширина котлована устанавливается по поперечному разрезу, хорошо заметному в профиле борта раскопа, она составляет 3,5 м. Отчетливо видно, что котлован был отрыт неаккуратно, в виде воронки с пологими краями. Потом в полученной яме выводили вертикали стен, которые строили из деревянных плах на столбовом каркасе, а затем присыпали снаружи грунтом, добиваясь одновременно как укрепления конструкции, так и утепления жилища. Исследованная продольная часть постройки, ориентированная в широтном направлении, также составила 3,5 м. Восточный край землянки с входом, обращенным к реке, разрушен береговой эрозией.

Уровень пола жилища неодинаков, здесь явно наблюдается уклон с юго-запада на северо-восток, возможно повторяющий особенности естественной материковой поверхности. В северо-восточном углу удалось проследить участок пола, обмазанный глиной. По-видимому, изначально вся поверхность пола была закреплена обмазкой. Эту существенную деталь следует отметить как конструктивную необходимость. Естественный материк в качестве пола здесь крайне неудобен, он непрочен, насыщен разновеликими глыбами мергеля, и поэтому его приходилось бы постоянно подправлять, убирая мешающие камни и пудрообразную пыль. Эту проблему может решить деревянный

настил или, как в данном случае, – глиняная обмазка. На сохранившемся участке размерами 1,5 x 1,2 м она имела характерную трещиноватую фактуру. Толщина наложенного слоя глины от 3 до 5 см. По-видимому, в глиняный раствор добавлялись органические компоненты, возможно, навоз или нарубленная трава.

В центре исследованной части землянки расчищен комплекс, который определен как очажный объект. Здесь зафиксированы завал печи или глинобитного очага, примыкающая к нему с западной стороны грунтовая яма, а за ямой – уходящее под борт раскопа продолговатое валообразное возвышение.

Завал печи выглядел как аморфный участок грунта, пестрого из-за неравномерного прокала, с желтыми пятнами, где температура была наиболее высока. Основная масса грунта, из которого состоит комплекс, представляет собой куполообразно залегающий, спрессованный серый суглинок с включениями угольков и прослоями сажи. Он локализуется на участке размерами 1,15 x 1 м. Толщина этого массива достигает 0,15 м. Ниже прослежен слой основания печи, сложенный из вязкого серого суглинка с включениями мелкой опочной гальки, толщиной до 10 см. Под подушкой основания фиксировался слой глиняной обмазки – серо-коричневой трещиноватой глины.

У северо-восточного края печи расчищена круглая ямка глубиной 0,24 м, которая являлась деталью каркасной конструкции – углублением одного из осевых опорных столбов, поддерживавших кровлю. Опора стояла почти вплотную к печи, и после гибели жилища ямка была перекрыта завалом очага, постепенно расплзавшимся в разные стороны.

Большая прямоугольная яма, выявленная у западного края печи, была абсолютно пуста. Ее размеры 1,05 x 0,7 м, глубина в материке 0,71 м, стенки слегка суживаются ко дну. Более длинной осью яма ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. Функциональное назначение ямы не совсем ясно. Можно предположить, что это был коллектор для сброса очажных масс, которые периодически извлекали и выносили за пределы жилища, но на момент раскопок золы в яме не было.

Валообразное возвышение ориентировано продольной осью в широтном направлении, то есть в сторону выхода. Его зафиксированные размеры составляют 1,13 x 0,5 м, западный край уходит под борт раскопа. Не исключено, что данное возвышение играло роль кухонного стола для приготовления пищи или спального места, типа земляных нар. Важно отметить, что оно не было сложено из принесенного грунта, а предусмотрено еще при рытье котлована.

Удивляет крайне слабая насыщенность этого комплекса находками. В заполнении котлована изредка встречались мелкие обломки костей животных и фрагменты краснофактурной керамики, но непосредственно на полу никаких предметов не было.

В постройке № 4 наиболее примечательны детали внутреннего интерьера с приочажным комплексом и «столом» (или спальным местом), а менее выражены признаки конструкции жилища, среди которых заметны стены земляночного котлована и фиксация пола обмазкой.

Таким образом, наиболее выраженные в Мартышкино средневековые построечные комплексы, безусловно, дошли до нас в значительно редуцированном виде. Для полной картины не хватает многих конструктивных осо-

бенностей форм земляночных котлованов, каркасно-столбовых систем возведения стен и кровли, внутреннего устройства жилищ и комплектов домашней утвари. Вместе с тем, вполне очевидны некоторые закономерности в размещении средневековых построек на поселении, в их общей планировке и обращенности входа, в процедуре создания основы жилья полуземляночного типа с углубленным котлованом и создании теплотехнического обеспечения домашней инфраструктуры. По классификации золотоордынских жилищ данные постройки относятся к землянкам с печами типа 3а – по В.Л. Егорову и Г.А. Федорову-Давыдову [Егоров, 1970. С. 172–173; Федоров-Давыдов, 1994. С. 45–59], и вида 2А – по Т.В. Гусевой [Гусева, 1985. С. 14–15]. Для них характерны глинобитный или дощатый пол, печь с топкой или очаг. Ямки для сбора золы, расположенные около топочных отверстий также иногда встречаются в золотоордынских землянках [Ерзакович, 1973. С. 169–170].

Средневековый поселок застраивался с использованием ландшафтных особенностей низкой террасы, расположенной между берегом Волги и восточным склоном горы Мартышки. Очевидно, в системе расположения построек преобладает стремление к меридиональной рядности, когда жилища выстроены в линии, параллельные берегу реки. Между жилыми постройками полуземляночного типа должны были размещаться подсобные, хозяйственные, производственные помещения, наружные теплотехнические объекты.

Жилая постройка создавалась как центр семейной усадьбы. Это полуземляночный котлован овальной формы, или прямоугольный с округленными углами. Длина котлована могла составлять 4–5 м, а ширина 3,5 м. Глубина землянки в грунте достигала 1,2–1,5 м. Входные тамбуры встраивались в короткие восточные стены котлованов и были обращены к естественному склону террасы, выводящему к воде. Иногда стены котлована делали ровными и отвесными, если это позволяла плотность грунта, но чаще выкапывали простую яму, полагаясь на последующую облицовку внутренних стен деревом с внешней забутовкой оставшихся пространств грунтом и золой. Это должно было обеспечивать дополнительное утепление жилья. Столбовые опоры каркаса никогда не приближали к стенам котлована, и это указывает на простейшие типы кровли, скаты которой опирались нижними краями непосредственно на внешний грунт. Предполагается, что крыши землянок были двускатными и асимметричными, максимальная высота потолка при такой системе достигалась над наиболее активно использовавшимися в жилище объектами внутреннего интерьера (печи, очаги). Напротив, наименьшая высота потолков должна была сопутствовать спальным, или рабочим местам, где трудились сидя.

Устройство внутреннего интерьера было скромным и максимально приспособленным к характеру жизнедеятельности на средневековом поселке, где основное время проводили вне жилища, занимаясь хозяйственной деятельностью, а в доме преимущественно ночевали. Разумеется, в зимний период время пребывания людей в постройках значительно увеличивалось, и кроме ночлега здесь готовили пищу и занимались придомными ремеслами.

Внутренние стены в полуземлянке облицовывались деревянными плахами или толстыми досками. Доски стелили также на пол, но иногда, вероятно за неимением стройматериалов, обмазывали пол смесью глины и навоза.

В задней части жилого пространства сооружали очаг или невысокую сводчатую печь. Общим элементом кухонных и обогревательных устройств, как внутренних, так и наружных, было обязательное подведение под корпус печи специальной опочно-глиняной подушки квадратной формы. Применительно к жилию важно отметить, что печь могла располагаться как на продольной оси, так и быть смещенной к одной из боковых стен, но обязательно в противоположной входу половине дома.

Отмеченные элементы полуземляночных жилищ позволяют утверждать, что в эпоху средневековья при их сооружении строители старались придерживаться определенных традиций домостроительства, наиболее адаптированных к сельским условиям жизни на берегах Волги. Эти непритязательные постройки отвечали показателям низшего и среднего слоев свободных выходцев из полиэтничной среды, составлявших население сельской округи крупных городских центров Золотой Орды.

Построечные комплексы поселения Мартышкино имеют аналогии с близлежащими золотоордынскими поселениями. Постройка на поселении Подгорное была раскопана Г.И. Касанкиным в 1991 г. [Касанкин, 1997. С. 233–241]. Удовлетворительное состояние объекта на момент раскопок позволило автору провести реконструкцию с элементами моделирования жилища. Основными несущими элементами конструкции являлись продольные балки, закрепленные на столбах. Ряды опорных столбов не всегда параллельны стенам котлована, что связано с особенностями организации внутреннего пространства. На продольные балки двух осевых рядов укладывались поперечные слепи, промежутки между ними закладывались жердями, а сверху – слоем камыша и нарезанными дерновыми блоками. Глыбы дерна встречались при выборке заполнения котлована жилища. Кровля, таким образом, имела трапецевидный профиль, крайние скаты ложились на внешнюю поверхность за пределами котлована.

В авторской интерпретации жилища из Подгорного содержится тезис о его сходстве с «юртообразными» полуземлянками первой четверти XIV в., и появление данного типа жилищ косвенно подтверждает процесс перехода части кочевников Восточной Европы к оседлости в округах ведущих административных центров [Касанкин, 1997. С. 240]. При всей сомнительности этих выводов, постройка из Подгорного обнаруживает заметное сходство как раз с южными вариантами древнерусских жилищ. Прежде всего, это земляночный тип самого дома и наличие стационарного теплотехнического сооружения. Заметны также значительный процент славянской керамики, находка керамического христианского крестика, типично русский цилиндрический замок. Соотношения признаков степных кочевнических и оседлых культур (не только болгарской, но и славянской, преимущественно южнорусской) было показано М.Д. Полубояриновой на примере многих изученных сельских и городских комплексов Золотой Орды [Полубояринова, 1978].

В ходе исследований 1998–2000 годов на Алексеевском городище были зафиксированы два полуземляночных строения, которые опубликованы А.И. Юдиным [Юдин, 2001. С. 55–56, 60, рис. 18, 1].

Автор исследований вполне справедливо определил эти объекты как традиционные славянские постройки эпохи позднего средневековья

[Юдин, 2001. С. 55]. Используя классификацию П.А. Раппопорта, он отнес первую постройку Алексеевки к планировочной схеме типа II с левосторонним вариантом размещения печи [Раппопорт, 1975. С. 137-141], что было типично для поселений южнорусских земель, начиная с X в.

Среди специфических особенностей алексеевской традиции домостроения следует особо указать на характерное размещение столбов каркаса вплотную к земляным стенам. Данный признак свидетельствует о том, что скаты кровли жилищ Алексеевки не достигали внешней поверхности за пределами котлована. На столбах возводилась стенная надстройка, которая приподнимала потолок и создавала дополнительный объем внутреннего пространства. Эти стены могли быть плетневыми, с утеплением снаружи глиняной обмазкой, а изнутри камышовыми матами. Кровля, в отличие от тяжелой дерновинной, как в Подгорном и Мартышкино, здесь должна была сооружаться облегченной, из камыша или соломы.

Теплотехнические сооружения выполняли одну из важнейших функций в системе жизнеобеспечения средневекового поселка. Климат на территории Нижнего Поволжья характерен довольно суровыми зимами, со значительными отрицательными температурами и длительным застаиванием холодного воздуха над пониженными районами Волго-Уралья.

Печи и системы отопления жилья были неизменными элементами зимней повседневности, а необходимость термической обработки пищевых продуктов продлевали функции специальных теплотехнических объектов в течение всего года. Поскольку жилые помещения сельского типа малы, в летний период действие печи как источника тепла нежелательно, и поэтому приготовление пищи осуществлялось вне жилья, на открытом пространстве. Для этого возле дома, возможно под специальным навесом, сооружался летний очаг, который практически ничем не отличался от домашней печи. Наружные очаги, легкие навесы, надворные постройки наземного типа и такие же производственные помещения, очевидно, были естественными элементами усадебной инфраструктуры. Правда, полное изучение такого комплекса археологическими методами вряд ли возможно, поскольку наземные сооружения не оставляют следов в материковом грунте. Исключением из этого правила являются теплотехнические сооружения, которые заметны по составу грунтов, прокалам, деталям глинобитных объектов, скоплениям золы и углей, а также сопутствующим артефактам.

В Мартышкино зафиксированы три варианта теплотехнических сооружений: – завал металлургического горна (рис. 5, 1); – наружные глинобитные очаги (рис. 5, 2-6); – домашние глинобитные печи (рис. 4, 2, 3), которые уже получили свои описательные характеристики в разделе, посвященном постройкам.

Металлургический горн дошел до наших дней в плачевном состоянии, поскольку первое его разрушение состоялось еще в конце XIV в., по-видимому, в ходе массового погрома и сопутствующего ему пожара. Поскольку рядом с горном был расчищен скелет человека, то оба объекта рассматриваются в комплексе. Кроме того, по некоторым косвенным признакам сам горн мог размещаться в наземной постройке, поэтому здесь же приводятся отрывоч-

ные данные, соответствующие этому предполагаемому сооружению, погибшему в общем пожаре.

В этом месте могла находиться наземная постройка, возможно связанная с металлообработкой. Нельзя с полной уверенностью указать границы этого сооружения, но здесь на едином уровне наблюдалась повышенная концентрация средневекового материала, разрозненные фрагменты деревянных конструкций, подвергшихся частичному обугливанию, а также завал глинобитного металлургического горна.

На момент раскопок этот объект выглядел, как аморфный массив пестрого и рыхлого грунта, подвергнувшегося неравномерному воздействию высоких температур. В этом массиве, на различной глубине и без какой-либо системы, залегали куски затвердевшей глиняной обмазки горна, металлургические шлаки, древесные угли, кости животных и обломки средневековой керамики, преимущественно древнерусской. Это место было сильно потревожено более поздними перекопами, что еще дополнительно исказило общую картину.

Завал горна представляет собой скопление грунта неправильной овальной формы размерами 1,3 x 0,9 м, которое более длинной стороной ориентировано по меридиану. Отдельные фрагменты печины, цветовые изменения грунта, шлаки были зафиксированы здесь уже в подперных пластах. В верхнем слое завала обнаружен большой трехкилограммовый кусок непрокованной крицы. Высота завала составляла 0,6 м, а первоначально горн мог возвышаться над уровнем пола мастерской не менее чем на 1 м.

Рядом с горном, вплотную к его южному краю, зафиксирован скелет взрослого человека [Лопатин, 1997. С. 62]. При сопоставлении уровней основания горна и поверхности, на которой лежал человек, выяснилось, что умерший, вероятно, был оставлен на полу разрушенной и позже заброшенной постройки именно в XIV веке. Данные стратиграфии показывают, что после погрома и пожара жизнь на поселении более не возобновлялась. Отсюда следует предположение, что человек погиб именно в ходе этого погрома.

Скелет лежал между горном и южной стеной мастерской, доска стеной переборки частично перекрывала правую руку умершего. Положение скелета не совсем естественно для похоронного обряда: на спине, головой к западу, лицом вверх, руки вытянуты вдоль туловища и немного расставлены в стороны, правая нога вытянута, левая согнута в колене под прямым углом. Вещей при умершем не обнаружено. С течением времени, по мере разрушения горна и расползания завала, часть пестрого грунта оказалась над костями левой руки.

Некоторые признаки указывают на явные отличия между данной производственной печью и бытовыми очагами. Металлургический горн возводился непосредственно на полу, без предварительной подготовки площадки. Признаков гравийного основания печи не отмечено. Куски печины, обнаруженные в завале, аморфные, без каналов от прутнякового каркаса, со следами грубого поверхностного сглаживания. Ни один из фрагментов корпуса печи не имеет деталей внешнего оформления (границы, бортики, углы). Все это позволяет предполагать, что в данном случае мы имеем дело с самым примитивным вариантом сыродутного горна, который сооружался для одноразовой

выплавки, небрежно, и конечной процедурой металлургического процесса, возможно, было разрушение топки с целью извлечения крицы.

Глинобитные бытовые печи (наружные и домашние) – очень близки по своим конструктивным показателям. Один из наиболее полно сохранившихся экземпляров наружных очагов (рис. 5, 2) был открыт в 1992 г., в непосредственной близости от сгоревшей средневековой землянки, поэтому можно предполагать, что он входил в надворную инфраструктуру постройки № 2 (рис. 4, 1). Топочная камера наружной печи была зафиксирована непосредственно в материковом опочном грунте, она имела форму неправильного овала, ориентирована длинной стороной по меридиану. Длина камеры 1 м, ширина 0,4 м, глубина в материке 0,27 м.

Данный вариант очага отличается от домашних печей именно наличием топочного углубления, вокруг которого на глиняном растворе выкладывалась опочная подушка-основание под глинобитный корпус с плоским подом. Таким образом, если основание топочной камеры домашней печи устраивалось непосредственно на фундаменте, то в данном варианте наружного очага топка углублена в материк, и ее основание лежит на 0,4 м ниже верхнего уровня приочажной опочной площадки, которая являлась фундаментом только для корпуса печи.

Опочная подушка выложена вокруг топочной камеры в виде прямоугольника размерами 1,1 x 0,77 м, ее толщина составляет от 10 до 15 см. На фундаменте закреплялся прутьяковый каркас, на который изнутри и снаружи накладывали слой глины, выстраивая таким образом корпус печи, сводчатый в топочной камере и плоский по верхнему уровню пода. Печинные фрагменты корпуса показывают, что плетение каркаса отличается от техники вязки, к примеру, корзинок, или плетня. Каналы, оставленные сгоревшими прутьями, чаще всего параллельны (рис. 5, 4, 6). Один из обломков демонстрирует принцип внешнего оформления края плоского пода специально выделенным бортиком (рис. 5, 3).

Учитывая форму топочной камеры и высоту завала печного корпуса, можно предполагать, что задник очага имел овальную форму, ширина его корпуса могла составлять 0,55–0,6 м, а высота над опочной подушкой 0,3 м. Устьем топочная камера выходила в южную сторону, то есть к сгоревшей землянке. Высота топки могла составлять 0,45 м, а ширина 0,36 м.

Развал глинобитной печи выявлен также южнее комплекса с завалом металлургического горна и человеческим скелетом. Объект представляет собой куполообразное сооружение овальной формы с частично провалившимся сводом. Более длинной стороной печь также ориентирована по линии «юг-север». Ее размеры 1,45 x 1 м, общая высота 0,63 м. В основании этого тепло-технического сооружения лежит плоский пласт подушки из плотного и очень сухого суглинка бурого цвета с включениями мелкой опочной крошки. Ее толщина 9 см. На этом основании сложены невысокие стенки (до 25 см толщиной), плавно переходящие в свод, толщина которого составляет 15 см. Структура стен и свода двуслойная. По продольному разрезу снаружи заметен внешний 10 – сантиметровый слой рыхлой слоистой коричневой глины, под которым виден более тонкий (5–8 см), затвердевший глинистый прослой красно-коричневого цвета с яркими участками неравномерного прокала.

Внутренняя поверхность этого прослоя (фактически стенки топочной камеры) покрыты тонкой и очень хрупкой, темной коркой спекшихся частиц глины, песка, опочной крошки, угольков и сажи толщиной 1–3 см. Не совсем ясно, с какой стороны был оборудован проем камеры, в который закладывалось топливо. Не исключено, что он находился в южной части. Нижний уровень в топочной камере, в отличие от предыдущего очага, составляет единое целое с подстилающей подушкой.

В раскопе 2005 г., в единой планиграфической ситуации с печью, вполне могут сочетаться остатки деревянных плах, зафиксированные севернее и связанные с комплексом металлургического горна. Все они (печь и куски плах), возможно, относятся к комплексу постройки (металлообрабатывающая мастерская), часть которой была исследована в 2002 г. Правда, уровни, на которых были построены металлургический горн (-1,25 м) и глинобитная печь (-0,33 м) заметно различаются (горн почти на 1 м стоял ниже). Но если учитывать, что пол мастерской наверняка был углублен относительно дневной поверхности XIV в., то можно предположить, что печь с кухонными функциями была вынесена за пределы постройки и располагалась рядом, на открытой террасе с навесом.

Таким образом, бытовые теплотехнические сооружения из Мартышкино представляются в общих чертах довольно близкими по конструкции объектами, различаясь только в некоторых деталях. Как в домах, так и в межземляночных пространствах они строились с использованием деревянного каркаса, имели сводчатую топку, продолговатые очертания с закруглением в задней части, плоский под. Основная специфика другого типа теплотехнических объектов – углубление нижнего уровня топочной камеры относительно гравийной подушки (рис. 5, 2). В большинстве же домашних и наружных очагов эти уровни совпадают.

Принцип размещения печей внутри жилищ в целом является поводом для систематизации самих построек. В Мартышкино печи занимают противоположную относительно входа половину, но всегда смещены к центральной оси. Это означает, что пристенные пространства в здешних жилищах были низкими, а скаты кровли достигали внешнего грунта. Печь в постройке из Подгорного тяготеет к северо-восточному дальнему углу, но непосредственно стен не достигает. В Алексеевке очаг устроен в левом дальнем углу, вплотную к стенам, что позволяет сделать заключение о совершенно ином принципе возведения стен и кровли. Такое жилище было высоким, с надстроенными стенами и короткими скатами кровли, которые не опускались до земли.

Производственное теплотехническое сооружение (металлургический горн) сооружалось как временное средство для одноразовой выплавки, без гравийного основания и каркаса, непосредственно на полу мастерской.

Инвентарь. В культурных отложениях средневекового Мартышкино раскопками выявлены различные предметы, изготовленные из металла (преимущественно из железа) (рис. 6), рога и кости (рис. 7, 1–6, 9, 12, 13), поделки из белемнитов (рис. 7, 7, 8, 10, 11), глины, шифера и стекла (рис. 7, 14–16), каменные изделия (рис. 7, 17–20; 8). В той или иной степени все они характеризуют домашние занятия, ремесла, промыслы, и даже отчасти иллюстрируют навыки в таких сферах как медицина, духовная культура, дизайн одежды, война.

Предметы вооружения составили здесь компактную серию, но сразу следует оговориться, что возможно не все из них были акцентированы исключительно на войну.

Определенно, наиболее функционален в данном контексте предмет, стратиграфически связанный с верхним слоем пожарища конца XIV в. *Клинок железной сабли*, черешковая рукоять которой была утрачена (рис. 6, 10), имеет в длину 77,5 см, а в ширину 3–3,5 см. Сечение лезвия клиновидное, спинка прямая, искривление оси слабое. Согласно методике А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной сабля из Мартышкино может быть отнесена к группе слабоизогнутых клинков (к. 1) с величиной кривизны 0,1–1,9 см [Евглевский, Потемкина, 2000. С. 120, 125]. Следует отметить, что большинство известных золотоордынских сабель являются именно слабоизогнутыми. В определенной степени, для арсенала позднего средневековья это выглядит архаично на фоне общей тенденции увеличения кривизны клинков, повышающей боевые характеристики рубяще-секущего клинкового вооружения [Воронцов, 2006. С. 90].

К сожалению, утрата рукояти не позволяет получить такие уточняющие характеристики, как угол отклонения насада от оси клинка, типы перекрестья и навершия. Предмет сильно коррозирован, но заметно, что изогнутый острый край лезвия отделен от черена рукояти пологим уступом, а переход спинки клинка на рукоять, все же, образует тупой угол.

Появление в XIII–XIV вв. сабли со скошенной к спинке клинка рукоятью считается влиянием восточной оружейной традиции [Горелик, 1987. Рис. 6, 10]. Такие сабли характерны для погребальных памятников Приуралья и Центральной Азии [Пшеничнюк, 1984. Рис. 7, 2; Иванов, 1987. Рис. 1, 5, 6; Иванов, Кригер, 1988. Рис. 16, 7, 9], но совершенно не типичны как для Поволжья, так и для всей Восточной Европы [Воронцов, 2006. С. 92]. Мы можем считать, данный экземпляр сабли одной из первых находок подобного типа в Поволжье. Кроме того, данное обстоятельство позволяет нам вновь подчеркнуть факт обнаружения клинка в горизонте погрома и предположить, что оружие принадлежало не местным жителям, а одному из захватчиков – воину армии Тамерлана. Это может означать, что нападающие встретились здесь с попыткой сопротивления.

Ножи, как одна из разновидностей клинкового вооружения, представлены в Мартышкино компактной серией железных изделий с различными типами лезвий и черешковых насадов (рис. 6, 1–5, 7). Нож – это универсальный предмет личного вооружения, сочетавший в своей функциональности качества боевого оружия и вещи повседневного обихода [Воронцов, 2006. С. 95; Худяков, 1991. С. 16]. Данное мнение корректируется Ю.С. Худяковым существенным дополнением о чисто военной функциональности обоюдоострых ножей-кинжалов, а однолезвийные ножи исследователь считает смешанным типом вооружения – как боевым, так и бытовым. Вместе с тем, напротив, А.В. Арциховский вообще отрицает принадлежность однолезвийных ножей к оружию, усматривая в их качественных показателях несоответствия тактическим установкам ведения боя [Арциховский, 1946. С. 4–5].

На памятнике обнаружены 6 ножей различной степени сохранности. Из них только два экземпляра получены целыми (рис. 6, 2, 3), три сломаны пополам (рис. 6, 1, 4, 5) и один представлен лишь черешком (рис. 6, 7). Все они

близки по типу черешкового насада, как правило удлинённому, с зауженным окончанием. Только один экземпляр имеет зауженный, но короткий черен (рис. 6, 5). В определенной степени универсальны также типы прямых спинок лезвий, а также их клиновидных сечений. Основные отличия заключаются в вариантах упоров (место разделения лезвия и черешкового насада). В двух случаях уступчатые порожки выделены с двух сторон (рис. 6, 1, 4), в двух – со стороны острой грани лезвия (рис. 6, 3, 5) и в одном – со стороны спинки (рис. 6, 2).

Ножи из Мартышкино не похожи на экземпляры, известные по обнаруженным в Нижнем Поволжье позднесредневековым кочевническим захоронениям [Воронцов, 2006. Рис. 12]. Поэтому наиболее перспективны поиски аналогий среди однотипных предметов, находимых в комплексах поселений и городов Золотой Орды, где практически повсеместно отмечены признаки местной металлообработки. Учитывая большой удельный вес древнерусской посуды в керамическом комплексе нашего памятника, уместно связывать особенности данной категории металлических изделий именно с традициями славянской металлообработки. При этом ножи с центральным расположением черешка (Рис. 6, 1, 2, 4) – один из распространенных типов среди древнерусских материалов [Археология. Древняя Русь, 1997. С. 255. (табл. 9, 2, 4–6, 17, 18, 34, 41, 44, 45, 55); Макаров, 2001. С. 108 (рис. 64, 35, 37); Тропин, 2004. С. 166 (рис. 89, 1, 3, 9, 11, 16, 29); Нигматуллин, Прошкин, Массалитина, Хохлова, 2005. С. 76 (рис. 84, 2–5, 7); 88 (рис. 93, 5–7); Завьялов, Розанова, Терехова, 2007. С. 21 (рис. 2, А); 23 (рис. 3, А); 24 (рис. 4, А); 25 (рис. 5, Г); 26 (рис. 6, А); 29 (рис. 9, Г); 37 (рис. 11, 2257); 41 (рис. 13, 8627, 8634, 9113); 42 (рис. 14, 8673, 9091); 43 (рис. 15, 8635, 8641, 9077); 44 (рис. 16, 9032, 9078); 49 (рис. 19, 9981, 9983); 50 (рис. 20, 9974, 9977); 51 (рис. 21, 10000, 10003, 10004, 10010, 10012); 52 (рис. 22, 10015); 68 (рис. 29, 10435); 69 (рис. 30, 10423, 10425, 10432); 74 (рис. 31, 11413); 75 (рис. 32, 11429); 76 (рис. 33, 11388, 11390, 11401); 77 (рис. 34, 11366); 78 (рис. 35, 11380, 11381); 81 (рис. 37, 11439, 11444); 84 (рис. 38, 9234, 9231, 9237, 9962, 10643); 88 (рис. 40, 54); 102 (рис. 46, 11340); 105 (рис. 47, 8414, 8408, 8420, 9285); 109 (рис. 48, 10704); 119 (рис. 51, 9481); 140 (рис. 56, 10450, 10443, 10446)]. А ножи, где черешок находится на одной линии со спинкой (рис. 6, 3, 5) – встречаются сравнительно редко [Археология. Древняя Русь, 1997. С. 255. (табл. 9, 48); Тропин, 2004. С. 166 (рис. 89, 2); Нигматуллин, Прошкин, Массалитина, Хохлова, 2005. С. 88 (рис. 93, 8); Завьялов, Розанова, Терехова, 2007. С. 84 (рис. 38, 9964); 91 (рис. 41, 6464); 119 (рис. 51, 9478); 140 (рис. 58, 10440, 10442)].

Характерным признаком древнерусского ножа является принципиальное выделение уступа со стороны спинки при переходе на рукоять, а плавный переход (отлогая спинка) рассматривается как архаичная традиция, восходящая к раннему средневековью [Тропин, 2004. С. 166–167]. У большинства русских ножей, происходящих преимущественно из материалов поселений, совпадают продольные оси клинков и черешков насада. Все эти характерные признаки присущи и ножам из Мартышкино. Здесь есть экземпляры с уступчатыми (рис. 6, 1, 2, 4) и отлогими (рис. 6, 3, 5) спинками, а оси их клинков и черешков находятся на одной линии.

Скорее всего, традиция металлообработки, в том числе, изготовления железных ножей была транслирована в Мартышкино в ходе перемещения на

Волгу славянских групп ремесленного населения, скорее всего из южнорусских княжеств. Следует отметить, что небольшие размеры ножей из Мартышкино свидетельствуют в пользу их бытового назначения, но не исключают возможностей их боевого применения.

Инструменты. К данному разряду находок отнесены предметы, при помощи которых явно или предположительно выполнялись различные профессионально-трудоовые операции, связанные с металлообработкой, столярно-плотницким делом, а также обработкой поверхностей.

Железной пилкой типа лобзика (рис. 6, 13) работали исключительно по металлу. Это обломок узкого полотна размерами 6 x 1 см, на обоих рабочих краях которого заметны мелкие зубчики. Полотно закреплялось в лучковом корпусе при помощи тонких (проволочных?) штифтиков. Под сечение штифтов были предусмотрены краевые петли, свернутые концевками самой железной пластины. Очевидно, эта съемная деталь слесарного инструмента была сменной, расходной. По мере изнашивания зубчатых краев, полотна заменяли в корпусе пилы на новые, а старые пластины утилизировали, или использовали вторично, например, в качестве бытовых ножей. Подобные варианты пилок иногда встречаются на различных древнерусских памятниках [Макаров, 2001. С. 91. (рис. 47, 7); Завьялов, Розанова, Терехова, 2007. С. 54 (рис. 24, 10353)].

Железный молоток – применялся в кузнечном ремесле (рис. 6, 17). Возможно, он был связан с комплексом металлургического горна и предполагаемой на данном участке мастерской. Этот инструмент невелик по своим размерам (7,8 x 2,8 см) и имеет форму бруска квадратного сечения, с зауженными торцевыми (ударными) гранями. В центральном расширении имеется круглая проушина под рукоятку диаметром 1 см. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что молоточек был предназначен для тонкой слесарной работы, например, при изготовлении замков, проковки мелких гвоздей и расклепки их шляпок, сворачивания скоб. Молотки таких форм встречаются в наборах кузнечных инструментов довольно широко, на памятниках городского и сельского типов Восточной Европы.

Железные скобы и гвозди также условно отнесены к разряду инструментария (рис. 6, 16, 19–22). Это предметы средних размеров, откованные местными кузнецами и применявшиеся в столярно-плотницких работах по дереву. Лишь один небольшой гвоздик имеет стержень круглого сечения и широкую раскованную шляпку (рис. 6, 22). Остальные откованы из дровот прямоугольного сечения, а их шляпки едва намечены. Этот расходный тип инструментария, несомненно, мог использоваться вторично при скреплении деталей каркаса построек и их облицовки, при изготовлении дверей и иных бытовых столярных изделий. Подобные мелкие металлические поделки встречаются в материалах поселений и городов Русских княжеств и Золотой Орды в качестве массового материала.

Заготовка для рукоятки роговая предназначалась для насада железного ножа (рис. 7, 1). Она не завершена в изготовлении и отнесена к разряду инструментария с известной долей условности. Это стержневидный отросток оленьего рога длиной 10 см, со следами поверхностной отески и подшлифовки. Верхний край, предназначенный для насада, не обработан, это неровный излом. Нижний край (навершная сторона) надпилен, с заусенцами после-

дующего надлома. Вероятно, роговые и костяные рукоятки, наряду с деревянными, традиционно должны были оснащать насады железных ножей, кинжалов, сабель в эпоху средневековья. Но вместе с тем находки таких предметов вооружения в комплексе с роговыми рукоятками весьма редки.

Абразивные бруски для поверхностных обработок металлических или деревянных изделий представлены двумя фрагментами (рис. 7, 17, 20). Один был предназначен для подправки тонких заостренных предметов (игл или шильев), поскольку на одной стороне каменного бруска подквадратного сечения имеется узкий желобок. Второй, очевидно, является обломком оселка, сделанного из песчаника и сильно сработанного на боковых поверхностях. Этот абразив использовался для заточки и подправки крупных режущих орудий и оружия (кос, серпов, ножей, кинжалов, сабель). Оселки, точильные камни, полировальники, в том числе и узкоспециальные нередко находят в материалах поселений самых различных эпох, в том числе и позднего средневековья.

Предметы рыбного промысла всегда присутствуют на поселениях золотоордынского времени. В нашей коллекции довольно представительна серия крупных каменных сетевых грузил (рис. 8). Весьма показательна найденная заготовка для грузила рыболовных сетей, незавершенная, но наглядно отражающая процесс изготовления (рис. 8, 1). Это мергелевый диск размерами 10,5 x 8,7 см и толщиной 3,5 см, грубо оббитый по краям. Центральное отверстие для репового шнура сети пытались проделать с двух сторон техникой встречного выдалбливания.

Имеются также фрагменты законченных грузил, очевидно применявшихся в рыбном промысле, но позже разбитых (рис. 8, 2, 4, 5), а также два целых экземпляра (рис. 8, 3, 6). На их примере можно представить, что мергелевые диски не только оббивали, но и подвергали абразивной обработке, тщательно выравнивая угловатые грани во избежание перетирания шнуров. Диаметры грузил составляли до 10 см, размеры центральных сквозных отверстий 1–1,5 см, толщина дисков от 3 до 4,5 см. Следует отметить, что данные грузила предназначались для использования больших сетей на крупную рыбу. Обломки подобных каменных грузил с центральными отверстиями для реповых шнуров имеются в средневековой коллекции Алексеевского городища [Юдин, 2001. С. 60, рис. 18, 5, 6].

Рыбный промысел на поселениях позднего средневековья, где представлена преимущественно древнерусская керамика, был поставлен практически на промышленную основу. Здесь часты находки железных рыболовных крючков на крупную рыбу (для переметов) и сетевых грузил. Наряду с придомным животноводством и земледелием промысел рыбы в больших объемах служил существенным подспорьем в пополнении пищевого рациона жителей поселков и, возможно, давал продукцию для обязательных поставок в крупные города.

Зуб остроги железный был так предположительно интерпретирован в связи с рыболовной функциональностью. Хотя не исключена возможность определять его, как редкий (архаичный) вариант втульчатых наконечников стрел (рис. 6, 6). Это обломок железного, круглого в сечении, стержня с раскованным в виде ромбовидного наконечника острием. Длина фрагмента 6,7 см,

диаметр сечения 0,7 см. Предполагается, что это часть многозубой остроги, с которой охотились на крупную рыбу (сом, сазан, щука) по ночам, способом лучения с лодок, преимущественно по весенним сезонам, когда рыба выходила на мелководный икромет.

Крюк-вешало железный предположительно интерпретирован как приспособление для разделки крупной рыбы, так что, исходя из этого, его связь с рыбным промыслом лишь опосредована. Он представляет собой отрезок железного дрота, согнутого на одном конце в крупный крючок с длинным цевьем, приостренное окончание которого загнуто на внешнюю сторону почти под прямым углом (рис. 6, 12). Примечательно, что сечение цевья квадратное, а сечение загнутого крюка круглое. Кончик крюка слегка отогнут вниз и сломан. Длина орудия 11 см, диаметр круглого сечения 0,35 см.

Ближайшая аналогия нашему крюку известна в материалах раскопок А.Б. Малышева на Алексеевском городище в 2006 году, где близкий предмет крупного размера был обнаружен в комплексе рыбообделочной площадки [Малышев, 2008. С. 338, рис. 28, 2]. Существенным отличием является загиб окончания цевья у экземпляра из Мартышкино.

Между тем, данная особенность позволяет предполагать еще один вариант его функциональности. Не исключено, что заостренный отгиб цевья был необходим для крепления железного крюка к деревянному древку, и таким образом орудие использовалось в качестве *темляка* непосредственно в рыбном промысле. Таким приспособлением при ужении крупной рыбы на перемет с лодок, или зимой по льду из лунок, во избежание срыва с крючка, удобно было извлекать добычу, поддевая под жаберную крышку. Следует отметить, что чаще всего крючья-вешала или темляки, при обнаружении в культурных слоях средневековых поселений, путают с рыболовными крючками, не обращая внимания на отсутствие бороздки, или колечка на окончании цевья, предназначенного для привязывания к леске.

Не исключено, что загадочный *костяной крюк* с небрежной поверхностной отеской (рис. 7, 2) также мог быть связан схожими функциями с добычей или переработкой рыбы.

Каменные яйцевидные предметы интерпретированы предположительно, поскольку эта категория инвентаря никогда не рассматривалась в литературе как предмет особого исследования. Мы располагаем двумя каменными изделиями, которым методом шлифовки преднамеренно придана яйцевидная форма (рис. 7, 18, 19). Они изготовлены из серой плотной породы, предположительно окремнелого известняка. Один экземпляр имеет гладкую поверхность, он несколько меньших размеров (4 x 3,5 см) (рис. 7, 19), второй побольше (6 x 3,7 см) – с кавернами, но также обработан шлифовкой по всей поверхности (рис. 7, 18). Наиболее правдоподобно можно интерпретировать каждый из этих предметов, как «подклад» в куриное гнездо, для того, чтобы куры неслись в конкретном месте. Подобное использование яйцевидных предметов (каменных или деревянных) прослеживается этнографически, а в русской деревне сохранилось вплоть до современности.

С другой стороны, возможны и иные версии. Яйцевидные предметы могли быть пращевыми снарядами. Праща была универсальным типом вооружения, как охотничьим, так и боевым. Ее простота и доступность допуска-

ли широкое применение низшими социальными слоями общества, особенно сельским населением Золотой Орды. Кроме того, яйцевидные предметы могли использоваться и как снаряды для небольших охотничьих арбалетов на мелкую дичь, стрелявших небольшими камешками [Пейн-Голлуэй, 2006. С. 391–392]. Подобное оружие было известно и в Золотой Орде. Так, в 1263 г. египетский султан Бейбарс, в числе иных подарков, послал золотоордынскому хану Берке «...луки для метания [небольших] ядер...» [Золотая Орда, 2003. С. 43, 53, 74].

С другой стороны, у многих народов Европы и Азии существовали игры, в которых использовались каменные шары или шаровидные предметы (например, в русской игре «Шар»). К тому же, не стоит исключать, что яйцевидные предметы могли иметь ритуальное назначение.

Предметы дверной фурнитуры связаны с жилищными комплексами, они изготовлены из железа и чаще всего сломаны (рис. 6, 11, 14, 18). Два предмета отнесены к этой группе изделий лишь предположительно: фрагмент кованого, четырехгранного в сечении, *шкворня* (рис. 6, 11), который мог служить в качестве засова или пробоя, и *железная шпилька* с кольцевидной головкой, согнутая из круглого в сечении стерженька (рис. 6, 18), возможно являвшаяся меньшим по размерам пробоем. Оттянутые и соединенные вместе, приостренные концы шпильки явно были предназначены для вбивания в деревянную поверхность таким образом, чтобы снаружи оставалось круглое колечко.

Наиболее предметно связан с дверью жилого комплекса железный пружинный навесной *цилиндрический замок под коленчатый ключ* (рис. 6, 14). Сохранилась лишь часть этого изделия, определить тип которого затруднительно. Наиболее близкими ему аналогиями являются модификации древнерусских замков типа «Г», весьма распространенные в середине XIII–XIV вв., исчезающие к середине XV в. [Археология. Древняя Русь, 1997. С. 15–16, 225, табл. 6, 16–18].

Средства народной медицины. Очень часто в культурных отложениях золотоордынских поселений, расположенных по берегам Волги, находят *белемниты* – фоссилизированные тела ископаемых морских моллюсков. Иногда концевые части белемнитов оказываются истертыми и напоминают заточенные карандаши (рис. 7, 10, 11). По аналогии с этнографическими данными, где в традиционной медицине порошок истертых на абразивах белемнитов (чертовых пальцев) использовали как средство для остановки кровотечения, мы можем предположить подобное применение фоссилий и в средние века.

Небольшой *роговый пестик* со следами затертости на нижней, слегка расширенной торцевой стороне (рис. 7, 12) также мог быть инструментом народного целителя и применяться в приготовлении лекарственных средств.

Фурнитура верхней одежды и украшения. К группе предметов дизайна традиционного костюма отнесены три застежки (пуговицы) для бортов распашной одежды, две белемнитовые и одна костяная (рис. 7, 7, 8, 13), а также костяная булавка, которой, как фибулой, скрепляли ворот или верхний обшлаг кафтана (рис. 7, 4).

Застежки, изготовленные из кусков белемнитов, имеют размеры 4,5 x 1,5–1,8 см. В середине пропилены опоясывающие поперечные бороздки шириной 2 мм, для привязывания или пришивания к борту распашной одежды.

Для придания изделию фигурности одна из сторон выскоблена по обеим сторонам от поперечной бороздки. Функционально и морфологически близкая костяная застежка с центральным перехватом есть в коллекции Подгорного [Касанкин, 1997. С. 237, рис. 2, 8].

Костяная пуговица сделана из хвостового позвонка КРС, длина которого равна 6 см. В средней части просверлены два сквозных отверстия для пришивания к борту одежды. Расстояние между отверстиями 1,5 см, пуговица пришивалась длинным стежком, вероятно, очень крепкими суровыми нитками.

Заостренный конец костяной *булавки-фибулы* обломлен в древности (рис. 7, 4). Противоположный конец, расширяющийся наподобие лопаточки, просверлен насквозь для привязывания, и также поврежден. Стенки сверлины прямые, диаметр отверстия 0,5 см. Сечение стержня булавки овальное. Общая длина предмета 9,2 см, ширина стержня 0,5 см. Это наиболее простой вариант костяных булавок, которые нередко находят на поселениях и в городах Золотой орды. Чаще всего они связаны с жилищными комплексами. Подобные предметы могут быть оригинально украшены, как например булавки из полуземлянки на поселении Подгорное [Касанкин, 1997. С. 237, рис. 2, 5, 6], где их навершиями являются ажурно вырезанные фигурки уток, а один экземпляр имеет раздвоенное наподобие двузубой вилки острие.

Возможно, аналогичными функциями могли обладать две бараньи косточки с просверленными отверстиями, которые, скорее всего, оставлены в виде незавершенных полуфабрикатов (рис. 7, 5, 6).

Стеклянная бусина синего цвета, биконической формы (рис. 7, 16) связана в Мартышкино с построечным комплексом скальной землянки. Являясь личным женским украшением, бусина в составе шейного ожерелья также соответствует дизайну традиционного костюма. Подобные варианты биконических бус типичны для наборов украшений Древней Руси XIII–XIV вв. [Археология. Древняя Русь, 1997. С. 309, табл. 63, 15], но могли распространяться в Восточной Европе гораздо шире. В поволжские города и поселения Золотой Орды украшения попадали как с перемещением населения из древнерусских земель, так и с трансляцией технологий стеклоделия. Следует отметить, что в Мартышкино признаки стеклодельного ремесла не зафиксированы.

Предметы упряжной фурнитуры представлены на поселении двумя изделиями. *Железный ажурный предмет*, предварительно квалифицированный как элемент упряжной фурнитуры (рис. 6, 15) представляет собой относительно тонкую (толщиной 2 мм) пластину с двумя расходящимися под углом отрезками на одном конце и круглым колечком на другом. Ширина пластины в средней части 0,5 см, длина концевых отрезков 1,2 см, диаметр колечка 1,8 см. Поиск прямых аналогий пока не дал результатов, поэтому предварительно определим находку в качестве накладки, украшавшей ремennую упряжь.

Костяная путовая пряжка представляет собой пластину сегментовидной формы размерами 7,4 x 1,9 см. В центре имеется сквозное овальное отверстие для пропуска двойного ремня. Путовые пряжки применялись для стреноживания лошадей при выпасе без присмотра (спутанные передние ноги не давали животному удаляться на большие расстояния). Пряжки позволяли простым затягиванием гораздо быстрее как стреножить коня, так и распутать его. В опасной степи это имело большое значение.

Подобные костяные изделия известны и на поселениях Золотой Орды, и в погребениях средневековых кочевников, но такая техника стреноживания появилась гораздо раньше. С VI века костяные путовые пряжки были распространены у тюрок Саяно-Алтая [Степи Евразии..., 1981. С. 122, рис. 19, 15, 66, 67], а в Восточную Европу, вероятно, проникают с праболгарами. Сибирские и праболгарские путовые пряжки близки по такому показателю, как зауженные окончания сегмента с плавными выемками, но этим они отличны от простых сегментовидных форм позднего средневековья.

Предметы домашнего шерстопрядения представлены двумя пряслицами – дисковидными утяжелителями веретен, при помощи которых достигалось быстрое вращение инструмента и скручивание шерстяной нити. Одно из них, *глиняное*, – выточено из обломка гончарного сосуда с горизонтальными прочерченными линиями (рис. 7, 14). Диаметр диска 4,7 см, толщина 1,2 см, диаметр сквозного сверленного отверстия 0,8 см. Второе пряслице – *шиферное*, красно-коричневого цвета, значительно меньшего размера (рис. 7, 15). Диаметр 2,5 см, толщина 0,75 см, диаметр отверстия под веретено 0,5 см. Если первое прясло – результат утилизации золотоордынского сосуда, то шиферное изделие – продукт отлаженного традиционного ремесла Древней Руси. Производство шиферных прясел работало не только для внутреннего потребления, но и на внешний рынок.

Костяной предмет, найденный в средневековом слое Мартышкино – своего рода загадка нашего памятника (рис. 7, 3). Он представляет собой отполированную по всей поверхности фигурку восьмерковидной формы. Одна сторона уплощенная, противоположная – выпуклая, в виде двух полусфер. Высота предмета 5 см, ширина нижнего отдела 2,6 см, верхнего – 1,5 см, толщина 1,2 см. Аналогии этому изделию не найдены. Предмет удобен для захвата пальцами за нижнюю часть, при этом верхняя, слегка приостренная в профиле, остается свободной. Исключительно на уровне предположения отметим, что эта косточка могла бы служить в качестве медиатора (усилителя звука) при игре на струнном инструменте.

Керамика. Средневековая посуда поселения Мартышкино представлена изделиями двух ремесленных гончарных традиций, различных по технологическим основам. Самым массовым керамическим материалом являются фрагменты древнерусских сероглиняных сосудов кухонно-горшечного типа. В подавляющем большинстве они низкого качества, грубых замесов, с примесями песка, реже шамота и дресвы, слабого восстановительного обжига. Внешняя поверхность и фактура на изломе серого цвета, с темными пятнами, плотность черепка низкая.

Красноглиняная керамика встречена здесь в гораздо меньшем количестве. Это обломки кувшинов и хумов небольших размеров – узкогорлых сосудов, не предназначенных для приготовления пищи. Они изготовлены по совершенно иной технологии, из хорошо отмученной глины, обожжены в специальных печах в высокотемпературном окислительном режиме, поэтому имеют ровный без переходов цвет как на поверхности, так и на изломе. Плотность черепков высокая, настолько, что ими можно пользоваться как скребками при мездрении кожи.

В отличие от средневекового керамического комплекса Алексеевского городища, где наблюдается некое стратиграфическое соотношение русской серой посуды и красной золотоордынской, залегавшей несколько выше [Юдин, 2001. С. 59], в Мартышкино оба технологических типа никак не разделены в культурном слое по вертикали. Более того, как уже было отмечено, горшечные сосуды функционально использовались исключительно как кухонные, а кувшины и хумы, вероятно, были задействованы в хранении продуктов и транспортировке воды. Оба вида керамики использовались одновременно, одним и тем же населением. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие посуды столовой, парадной. Здесь найдены единичные фрагменты поливных сосудов, и совсем нет кашинного импорта.

Древнерусская керамика довольно монотонна по своей общей морфологии, это исключительно горшки округлобоких форм (рис. 9–14), при полном отсутствии мисок. Поскольку на поселении посуда чаще всего достается исследователям битой, мы, располагая лишь фрагментами, имеем весьма ограниченные возможности при реконструкции сосудов и составлении полного объема представлений по поводу их первозданных форм. Поэтому для анализа отбираются наиболее крупные фрагменты с венчиками, дающие, кроме того, показатель максимального расширения тулова. В результате операционная выборка оказывается в той или иной степени редуцированной, но, тем не менее, она позволяет представить общий характер комплекса. Правда, в некоторых исследованиях отмечалось, что классификации, основанные на систематизации закраин довольно условны, поскольку сходство венчиков не всегда означает сходство самих форм сосудов [Юдин, 2001. С. 58], но это не совсем так, поскольку образу того или иного типа всегда отвечает в большей степени верхняя часть сосуда, и роль конструктивных особенностей венчиков при этом существенна.

В древнерусской коллекции керамики из Мартышкино выделяется компактная группа сосудов, у которых шейки выделены рельефными каннелюрами, образующими на плечиках характерные резкие уступчики (рис. 9, 4; 10, 1, 7; 11, 1–3; 12, 2; 13, 5, 10). При этом типы закраин самые разные, прямые, с утолщением, скошенные внутрь или наружу. Подобные сосуды часто встречаются в материалах XII–XIII вв. на поселениях Московской Руси, в частности в Новогрудке [Малевская, 1972. С. 15, рис. 5], а также отмечены на древнерусском памятнике в Болгарах [Хлебникова, 1956. Рис. 51]. В ближайшем пространстве Нижнего Поволжья горшки с таким оформлением плечика есть на Алексеевском городище [Юдин, 2001. С. 63, рис. 21, 27; С. 64, рис. 22, 5, 6; Малышев, 2008. С. 327, рис. 16, 49, 58; С. 342, рис. 33, 2, 4], но особенно ярко представлены на поселении Калмантай [Баринов, 2001. С. 140, рис. 2; С. 141, рис. 3].

Подобную керамику средневекового Болгара Т.А. Хлебникова относил к выделенной ею 14 группе и отмечала, что наиболее раннее проявление указанных признаков, подтверждаемое датированными клеймами на днищах, наблюдается в конце XII – начале XIII вв., но производные варианты таких сосудов широко распространяются в XIV в и даже доживают до конца золотоордынского времени [Хлебникова, 1988. С. 31–33].

Коллекцию Калмантая Д.Г. Баринов склонен относить к раннему типу четырнадцатой группы Т.А. Хлебниковой, и отчасти это мнение подтверждается выявленными здесь донными клеймами [Баринов, 2001. С. 135, 139. рис. 1]. Среди них представлены клейма в окружностях, а подобные варианты есть и в Мартышкино (рис. 14, 5–8) поэтому не будем исключать возможности того, что жизнь древнерусского поселка на нашем берегу Волги могла начаться еще в первой половине XIII в. Однозначно, что горшки с каннелюрами на шейках развивались во времени, и в XIV в. была выработана форма, у которой наблюдался лишь едва заметный уступчик на покатом плечике, а венчики стали высокими, плавно отогнутыми наружу (рис. 10, 1; 11, 1,3; 13, 10). Таким образом, наиболее ранние сосуды, похоже, должны демонстрировать четкий каннелюр, выделяющий шейку сосуда заметным желобком под коротким, нередко скошенным венчиком (рис. 9, 4; 10, 7). Возможно, переходными типами в этой эволюции были горшки с рельефными уступчатыми плечиками резкого профиля (рис. 11, 2; 12, 2).

Рассуждая подобным образом, предположим, что показатель высоты венчика может иметь значение хронологического порядка, и это в общих чертах подтверждается на примере керамических комплексов юго-западных и северо-западных русских земель. Поскольку жизнь на древнерусских поселениях длилась в течение двух-трех столетий, то разделить керамику сообразно тому или иному веку весьма затруднительно. Но комплексы ограниченные временем гибели имеют достоверные хронологические рамки, где верхний рубеж отсекает дальнейшее развитие керамики и ее изменчивость. К примеру, горшечные формы XII–XIII вв. отличаются от группы горшков более широкого хронологического интервала XII–XIV вв. именно не столь высокими венчиками [Археология. Древняя Русь, 1997. С. 265, табл. 19; С. 266, табл. 20].

Учитывая непроработанность такого вопроса, как типология керамики золотоордынских поселений, отсутствие четких привязок известных наборов древнерусской посуды к гончарным центрам Поволжья или Руси, мы вынуждены, создавая собственные схемы, опираться, прежде всего, на внешнюю морфологию сосудов, где наиболее вариативны именно типы закраин. На примере горшков из Мартышкино замечено, что каннелированные и обычные экземпляры с короткими венцами имеют, к тому же, наиболее простые формы обреза устьев (рис. 9, 3, 4, 6; 10, 4, 7, 8, 12; 11, 4; 13, 4, 5, 8; 14, 2, 3) – прямые, скошенные наружу (рис. 10, 4, 7, 8, 12; 13, 8; 14, 3), либо с небольшим внешним напылом (рис. 9, 4, 6; 13, 5; 14, 2), слегка приостренные или закругленные (рис. 9, 3; 11, 4), а также утолщенные (рис. 13, 4). Реже встречаются более сложно профилированные венчики: круглые (рис. 13, 10). Напротив, высоковенчиковые сосуды, как правило, оформлены более сложными типами закраин – всевозможными утолщениями, которые нередко имеют причудливые фигурные профили (рис. 9, 1, 2, 5, 7, 8; 10, 1, 2, 5, 10, 11; 11, 1; 12, 3–7; 13, 6, 7, 9; 14, 4), а многие – желобок под крышку с внутренней стороны венчика (рис. 9, 1, 2, 8; 10, 1, 2, 10; 11, 1, 6; 12, 3, 4, 6, 7; 13, 6, 7, 9). Из различных вариантов высоких венчиков распространены сложные в сечении формы с напылами на обе стороны, имеющие наиболее мощный напыл наружу («манжету»), либо его рудимент (рис. 9, 1, 7; 10, 10, 11; 11, 1; 12, 3, 4, 7; 13, 10; 14, 4).

Подобная профилировка имеет близкие аналогии в керамике первой группы X–XIII вв. с городища Древнего Курска [Веретюшкин, 2005. С. 63–64, рис. 1, 2–12]. Часто встречаются круглые, эллипсовидные и овальные (рис. 9, 8; 10, 2; 11, 6; 13, 7), подтреугольные (рис. 9, 5; 12, 5, 6) или грибовидные (рис. 13, 6, 9) в профиль венчики. Кроме того, отдельные венчики имеют наплыв вовнутрь (рис. 10, 1, 3), или наружу (рис. 9, 2; 10, 5, 9; 11, 5). Следует отметить, что среди высоких венчиков также довольно много экземпляров с простым оформлением края: закругленным (рис. 11, 7; 12, 1; 13, 2), приостренным (рис. 11, 3; 13, 3), или плоским (рис. 11, 2; 12, 2; 13, 1; 14, 1).

Безусловно, поиски древнерусских гончарных центров, из которых в то или иное время на территорию Орды транслировались керамические технологии и типы керамики, должны проводиться в целях выявления традиций изготовления различных типов посуды. Но вместе с тем эклектика золотоордынского керамического комплекса заставляет рассматривать его развитие, как некий самостоятельный процесс, шедший в отрыве от генетических корней отдельных культурных компонентов, по своим объективным законам.

В данном контексте очень важно проводить исследования, направленные на разработки местной типологии и периодизации в развитии керамического комплекса Золотой Орды. В известной степени надежными микрореперами интервалов такой периодизации может быть нумизматический материал и особенно монеты, отсекающие верхние даты существования памятников, а стало быть, и процессы развития и изменчивости их сосудов. Зная особенности посуды, бытовавшей в разных интервалах, нетрудно будет методом сопоставления скоррелировать ее по векам, отпущенным историей становлению, расцвету, угасанию Золотой Орды, а сравнение хронологических типов с керамикой русских земель может быть дополнительной верификацией датировок типологических рядов.

Орнаментация древнерусской посуды в Мартышкино проста и монотонна. Впечатление таково, что декор был однажды законсервирован некоей строгой канонизацией. Это исключительно прямые и волнистые линии, опоясывающие тулово сосудов на разных уровнях, но чаще всего по шейке, плечу, или максимальному расширению. Орнамент наносили на заключительном этапе изготовления горшка, при подправке его тулова на круге. Орнаментиром служили, вероятно, любые случайные заостренные предметы, попавшиеся под руку мастеру – палочка, щепка, деревянный гребень. Трудно сказать, какие умозрительные образы руководили гончаром при нанесении традиционного декора на поверхность горшка. Может быть, опоясывающая волнистая линия ассоциировалась в его сознании с мифическим Ермунгандом – великим змеем, окружающим Землю – сказочным персонажем, занесенным на Русь из Скандинавии?

Пока наиболее надежным связующим звеном между комплексом Мартышкино и гончарством Руси остаются донные клейма (рис. 14, 5–9). Здесь выделяются два основных типа клейм – круглые и квадратные, которые по деталям дополнительной аранжировки наиболее близки клеймам Старой Рязани [Археология. Древняя Русь. 1997. С. 264, табл. 18, 3, 10, 31, 91], хотя, именно такие варианты считаются наиболее распространенными по всей Восточной Европе и за ее пределами [Археология. Древняя Русь. 1997. С. 26–

27]. Подобные клейма встречаются на древнерусской керамике Козельска [Нигматуллин, Прошкин, Массалитина, Хохлова, 2005. С. 37, рис. 31, 1, 3, 8] и Прикамья [Макаров, 2001. С. 77, рис. 33, 19, 21, 28]; С. 112, рис. 68, 9]. К сожалению, среди зафиксированных в Мартышкино клейм нет узколокальных маркеров типа «ключиков», букв алфавита или стилизованного знака «рюриковичей», которые могли бы дать более конкретные ориентиры в привязке керамических традиций, транслированных в Нижнее Поволжье.

К тому же, в интерпретации смыслового значения керамических клейм также нет определенности. Среди существующих версий наиболее доказательна та, которая трактует клеймо в качестве личного знака мастера [Макаров, 2001. С. 26], а это обстоятельство влечет за собой подтверждение массовых угонов населения из русских земель с середины XIII до середины XV вв. Предпочтение в захвате и уводе невольников всегда отдавалось мастерам, особенно в XIII в., когда в Орде шло бурное строительство городов. Керамическое производство не было стратегическим элементом в этих процессах, оно выполняло хоть и второстепенные, но весьма важные подсобные задачи. Славян и болгар, живших в Орде на одних и тех же поселениях [Путешествие в восточные страны..., 1957. С. 118], не держали на положении рабов, они должны были находиться на самообеспечении, в том числе и собственной посудой.

По всей видимости, печать неволи, наложенная судьбой на русский люд в Золотой Орде, в известной степени отразилась и на их материальной культуре. Археологические комплексы, изученные в Поволжье, демонстрируют чудовищную небрежность практически во всех элементах бытовой инфраструктуры русских поселков (маленькие землянки, многие без печей, низкого качества железные изделия, такая же низкопробная посуда). Создается впечатление, что славянский культурный комплекс воспринимался его носителями исключительно как временное, подневольное явление, что позволяет квалифицировать русскую эклектику в Орде в качестве феноменальной субкультуры. Но вместе с тем следует особо подчеркнуть, что керамика золотоордынских поселений Нижнего Поволжья, в том числе в Мартышкино, изготовленная на базе совершенно иного, непривычного сырья, с утратой некоторых технологических принципов, всегда оставалась выдержанной в рамках традиционных эталонов древнерусского гончарства.

Золотоордынская керамика, как уже было отмечено, представлена в Мартышкино гораздо меньшим содержанием (не более 15%), что вполне типично для сельской округи средневековых городов в Поволжье¹. Прежде всего, отчетливо заметна внешняя парадность этого комплекса, где выделяются узкогорлые одноручные кувшины (рис. 15, 1, 6, 9, 11, 14; 16, 3, 5, 6, 10) и такие же крупные округлобокие сосуды типа хумов с массивными венчиками и зауженными горловинами (рис. 15, 2, 5; 16, 1, 2).

Орнаментальные мотивы этого комплекса несколько разнообразнее, чем в древнерусском наборе, но также выглядят довольно монотонными. Это горизонтальные прямые линии, волна, арочные бордюры. Среди редких типов

¹ На Алексеевском городище красноглиняная керамика составляет всего 13% [Юдин, 2001. С. 58].

орнаментации отметим штампованные гребенкой ромбы (рис. 15, 8), наклонные ряды насечек (рис. 16, 7), но особенно заметен фрагмент тонкостенного сосуда с зеленой поливой и рельефным валиком, имитирующим перекрученный шнур (рис. 16, 4).

В основном красноглиняная, кашинная, поливная посуда изготавливалась в крупных ремесленных мастерских ордынских городов, одна из которых была исследована на Селитренном городище, в комплексе XIV в., где целый квартал был занят керамическим производством с различными горнами и дренажными системами аналогичными Русским и Болгарским [Степи Евразии..., 1981. С. 232]. В других центрах и даже небольших поселениях также было налажено керамическое производство в различных масштабах.

Стройные кувшины из Мартышкино более всего напоминают некоторые типы функционально аналогичных сосудов Болгара, где в довольно ранних горизонтах второй половины XI – начала XIII вв. присутствуют такие же узкогорлые формы с выемчатым сливом и рукоятями, прилепленными к шейке и основанию плечика [Кокорина, 2002. С. 351, рис. 96, 2]. В целом, для неполивной керамики характерна стандартизация, выражающаяся в четкости форм и простоте линейно-волнистой орнаментации, высоком качестве глины и хорошем обжиге. Отмечено, что большинство аналогий такой посуде имеется в материалах памятников Северного Кавказа, Волжской Болгарии, Хорезма [Кокорина, 2002. С. 235]. Вероятно, оживленные торговые связи многочисленных населенных пунктов (городов и селений) были основным фактором широкого распространения дорогой парадной посуды, изготовленной не только на Волге, но и в дальних пределах Улуса Джучи.

Представленный комплекс материалов из раскопок 1992–2005 гг. отражает многие элементы материальной культуры типичного средневекового поселения, в населении которого заметно преобладал славянский компонент. Некоторые элементы сельской инфраструктуры Мартышкино позволяют предполагать, что заселение волжской террасы не было беспорядочным явлением, постройки возводились спланированными рядами, параллельными берегу, с выходом в сторону реки. Очевидно, остатки строений, представленных в работе, в целом относятся к западной (высокой относительно берегового уреза) периферии. Это наиболее дальняя от реки часть поселения, а также наименее престижная. Застройка, вероятно, велась по усадебному принципу, с жилым полужемляночным строением в центре, вокруг которого со временем вырастали подсобные сооружения для хранения припасов и мастерские (металлообрабатывающие, гончарные, кожевенные, столярные, косторезные). Здесь же размещались загон для скота, рыборазделочные площадки, небольшие сады и огороды. Обязательным элементом надворной инфраструктуры был глинобитный очаг для приготовления пищи в летнее время, и который был точной копией домашней печи. Обитатели усадеб – представители малых моногамных семей – соблюдали чистоту и порядок на своей территории, около жилищ повсеместно зафиксированы ямы-мусоросборники.

Жилые землянки Мартышкино однотипны и в целом близки всем известным в Нижнем Поволжье подобным сооружениям (грунтовый котлован с тамбурным входом и деревянным каркасом). Вариативность таких домов вы-

ражается в характере кровли и месте очага во внутреннем интерьере, причем, два этих элемента, как правило, конструктивно увязывались друг с другом. Пристенный вариант печи предполагал наличие надстроенных деревянных стен, а при центральном размещении печи скаты кровли опирались на внешний грунт, потолок был низким, полезное пространство дома сокращалось. Отопление таких землянок велось «по-черному», малые топки быстро переполнялись очажными массами, которые часто приходилось извлекать, собирая на время в специальную яму-коллектор, открытую здесь же в полу возле печи. Иногда вдоль стен полуземлянки устраивались спальные суфы (как в Подгорном), но наши постройки в этом отношении гораздо скромнее, этот элемент внутреннего интерьера в Мартышкино не ясен. Сельское средневековое жилище удивительно по своей бедности и неустроенности. Оно создавалось без соображений удобства, наспех, исключительно для защиты от непогоды и холода. Судя по всему, большую часть времени люди проводили вне жилья, в трудах по хозяйству.

Экономическая структура местного сельского социума может квалифицироваться как стихийно-натуральная. Стихийность становления хозяйственной системы определялась многими факторами естественного характера (природно-географическая среда, ландшафт, наличие ресурсов, пригодных для организации промыслов и ремесел).

Не исключено, что часть населения Мартышкино могла быть занята в земледелии, но прямых свидетельств в виде сельскохозяйственных орудий здесь не получено. Вместе с тем, в ограниченных объемах здесь, безусловно, практиковалось садоводство и огородничество. Косвенно это подтверждается обнаружением в средневековом слое пней погибших на корню плодовых деревьев и косточек сливы.

Каменные жернова, обнаруженные в сгоревшей постройке 2, недвусмысленно указывают на местную переработку зерна, которое, по большей вероятности, было привозным (например, в обмен на рыбу). Но не исключено, что жители поселка сами могли распахивать некоторые участки верхних террас и выращивать свой хлеб.

Гораздо более представительны, в виде костных остатков животных, материалы по придомному скотоводству. Хотя квалифицированные определения по видовому составу еще не проводились, визуально здесь заметно преобладание мелкого рогатого скота (порядка 65%), на втором месте – крупный рогатый скот (примерно 30%), остальные доли остеологического материала принадлежат птице, лошади и диким животным.

Мясной рацион питания в значительной мере пополнялся за счет охоты, поскольку окрестные леса изобиловали зверем. В средневековых отложениях Мартышкино зафиксированы отдельные кости лося, косули, благородного оленя, дикого кабана, клыки бурого медведя. Некоторые предметы инвентаря (рукояти, стержни) изготовлены из рогов диких копытных.

На широкую основу был поставлен рыбный промысел, который вели масштабно, возможно, не только для внутреннего потребления, но и для поставок рыбы в города, что предполагало один из редких вариантов включенности местного хозяйства в рыночные отношения. Некоторые артефакты (каменные грузила) подтверждают активный летний сетевой лов, требовав-

ший наличия плавсредств и участия коллективной артели. Другие находки (железный крюк-темляк, зуб остроги) указывают на индивидуальный порядок рыболовства в межсезонье и по льду из лунок. Активный рыбный промысел в Мартышкино косвенно подтверждается также огромным количеством костей речных рыб, которыми насыщены золистые отложения культурного слоя и которых особенно много в ямах-мусоросборниках. Визуально выделяются многочисленные кости частичковых, щуки, судака, сазана, сома, а также ценных осетровых пород в виде позвонков очень крупных экземпляров рыб и накожных бляшек.

В систему жизнеобеспечения средневекового поселка были органично инкорпорированы различные ремесла, дававшие населению все необходимые орудия, инструменты, возможно, некоторые виды вооружения, домашнюю утварь, одежду и обувь.

Вероятно, совершенно самостоятельными, выделившимися из домашнего комплекса были металлообработка и гончарство. В примитивных домницах, сыродутным способом, мастера добивались получения низкосортной кричной массы, которую методом многократной проковки доводили до состояния мягкой стали. Железные изделия выполнялись на заказ, они отковывались по традиционным образцам, с последующим закаливанием.

Большие объемы массового керамического материала, полученные в Мартышкино, подтверждают также самостоятельный характер гончарства. В раскопах не были зафиксированы печи для обжига керамики, но они обычно располагались вдали от жилой застройки, возможно, у берега реки того периода, и в настоящее время не сохранились. В керамическом комплексе выделяется привозная (красноглиняная) продукция и сосуды собственного производства (по древнерусским образцам).

Очевидно, домашний характер продолжали сохранять такие традиционные занятия, как обработка кости и рога, шерстопрядение, ткачество, шитье одежды, деревообработка, кожевенное дело, изготовление обуви. Косвенно это подтверждается находками глиняных пряслиц, костяными и роговыми заготовками, плотницкими расходными материалами (гвозди, скобы, пробои), фурнитурой верхней одежды, многочисленными абразивами. Продукция этих ремесел производилась в небольших количествах, для собственного потребления.

Средневековые материалы Мартышкино не обеспечены достаточным количеством надежно датирующих находок. Идеальным репером мог бы стать представительный набор монет, чеканы которых ограничили бы интервал жизни нашего памятника нижним и верхним *terminus*. К сожалению, эти возможности невелики, два дирхема, найденные в разное время у подножия горы Мартышки, маркируют очень небольшой отрезок истории поселка периодами правления Токты и Узбека (конец XIII – начало XIV вв.). Монеты были здесь либо утеряны заезжими лицами, либо продажа местной продукции осуществлялась спорадически, от случая к случаю. Это может означать, что хозяйственная система Мартышкино практически не участвовала в товарно-денежных отношениях Золотой Орды, а население предпочитало развивать, в большей степени, натуральный вариант экономики и преднамеренно склонялось к самоизоляции.

Безусловно, существование средневекового поселка было довольно продолжительным, что подтверждается мощностью культурного слоя – до 1,5 м. Некоторые типы керамики, например, коротковенчиковые древнерусские горшки и кувшины болгарского облика XI – начала XIII вв. могут свидетельствовать об относительно ранней начальной дате нашего памятника. Конечный рубеж отсекается верхним слоем пожарища, и здесь очень пригодилась бы монета, фиксирующая время погрома. Не исключено, что она будет обнаружена будущими раскопками. Определенно то, что в результате этих событий средневековый поселок прекратил свое существование, и жизнь в Мартышкином урочище более никогда не возобновлялась.

Литература:

- Археология. Древняя Русь. Быт и культура // Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах. М., 1997.
- Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
- Арциховский А.В. Русское оружие X–XIII вв. // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М., 1946.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
- Баринов Д.Г. Средневековое поселение и могильник у с. Калмантай // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4.
- Васильева И.Н. К вопросу о технологии керамики Новинковского могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Веретюшкин Р.С. Об одной группе керамики Древнего Курска // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.
- Воронцов И.А. Организация военного дела Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья) // Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Волгоград, 2006.
- Генинг В.Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
- Горелик М.В. Ранний монгольский доспех // Археология, этнография и антропология Монголии. М., 1987.
- Гусева Т. В. Золотоордынский город Сарай-ал-Джедид. Горький, 1985.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Евразии в эпоху позднего средневековья. Донецк, 2000.
- Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959–1965 гг.) // Поволжье в средние века. М., 1970.
- Ерзакович Л.В. Некоторые типы жилищ Золотой Орды // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007.
- Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 43, 53, 74.

Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988.

Касанкин Г.И. Жилище XIV в. на золотоордынском поселении у с. Подгорное // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. Казань, 2002.

Лопатин В.А. Исследования Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище «Мартышкино» // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Лопатин В.А. Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище «Мартышкино» (материалы эпохи бронзы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Лопатин В.А. Отчет об археологических исследованиях поселения «Мартышкино» в 1992 году. Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Отчет об археологических исследованиях поселения «Мартышкино» в 1993 году. Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Отчет об археологических раскопках кургана на р. Мокрая Песковатка и поселения в урочище «Мартышкино» в Саратовской области в 2005 году. Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Отчет об охранных археологических исследованиях поселения в урочище «Мартышкино» у с. Садовое Красноармейского района Саратовской области в 2002 году. Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Охранные исследования в Саратовском правобережье в 1994 году. Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Позднесарматское захоронение из степного Заволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001.

Малевская М.В. Некоторые исторические связи Новогрудка в XI в. (по материалам керамики) // КСИА. М., 1972. № 129.

Малевская М.В. Некоторые исторические связи Новогрудка в XI в. (по материалам керамики) // КСИА. № 129. М., 1972.

Мальшев А.Б. Исследования Алексеевского городища в 2006 году // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Моржерин К.Ю. Раскопки грунтового могильника XIV в. в урочище Мартышкино // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

- Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М.* Древний Козельск и его округа. Материалы исследований Деснинской экспедиции Института Археологии РАН. Труды Отдела Охранных раскопок. Москва, 2005.
- Онезорге В.И.* Археологические разведки и раскопки в урочище «Мартышкино» Камышинского уезда // Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33.
- Пейн-Голлуэй Р.* Книга арбалетов. История средневекового метательного оружия. М., 2006.
- Плетнева С.А.* Кочевники южно-русских степей в эпоху средневековья IV–XIII вв. Воронеж, 2003.
- Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрука.* М., 1957.
- Пшеничнюк А.Х.* Курганы средневековых кочевников на Южном Урале // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.
- Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище // САИ. Вып. Е 1–32. М., 1975. СМК, № АО 133, 142, 144–149, 440–441, 844, 1382, 2658.
- Спицын А.А.* Саратовские стоянки медного века // Труды ИстАрхЭт. Саратов, 1923. Т. 31., Вып. 1.
- Степи Евразии в эпоху средневековья* // Археология СССР. М., 1981.
- Тропин Н.А.* Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004.
- Тропин Н.А.* Сельские поселения XII–XV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Хлебникова Т.А.* Неполивная керамика Болгар // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Хлебникова Т.В.* Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. М., 1956. № 62.
- Худяков Ю.С.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.
- Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. / МИА. Т. I. М., 1959. № 60.
- Юдин А.И.* Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4.

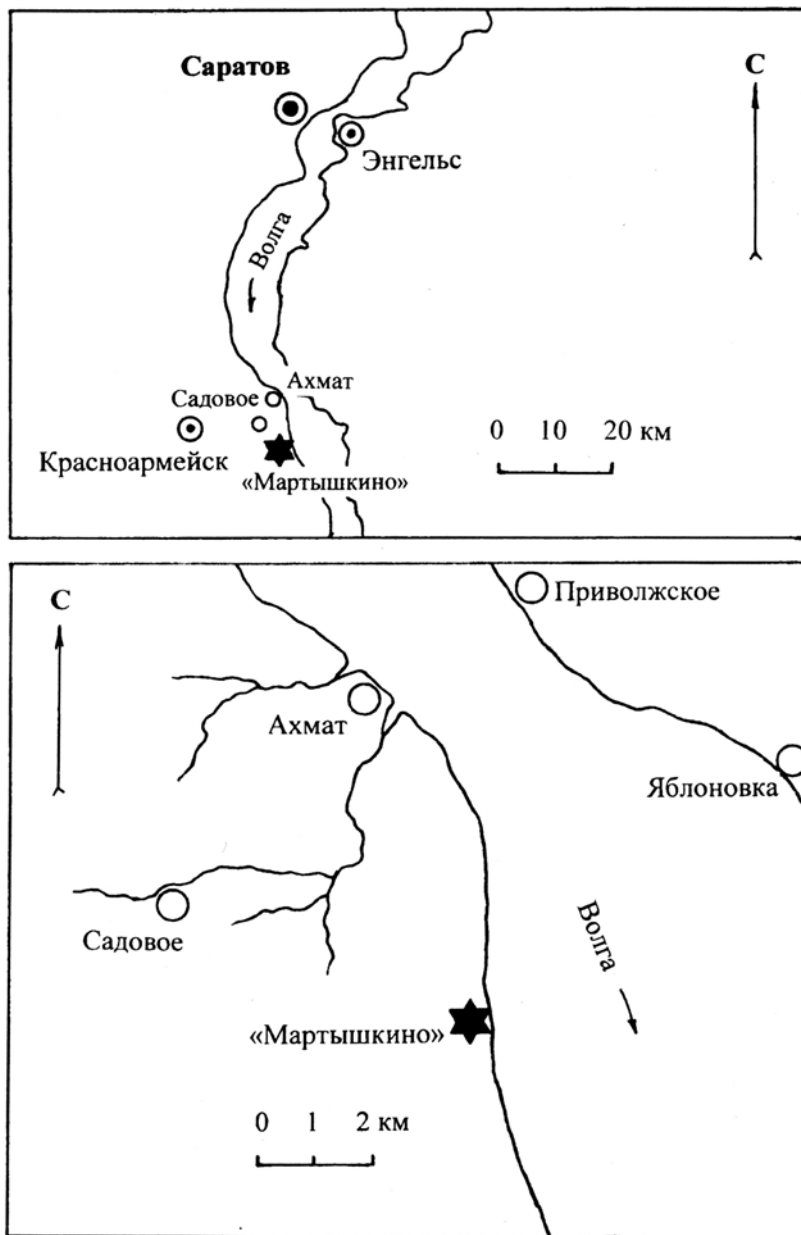

Рис. 1. Поселение «Мартышкино» на карте Саратовской области

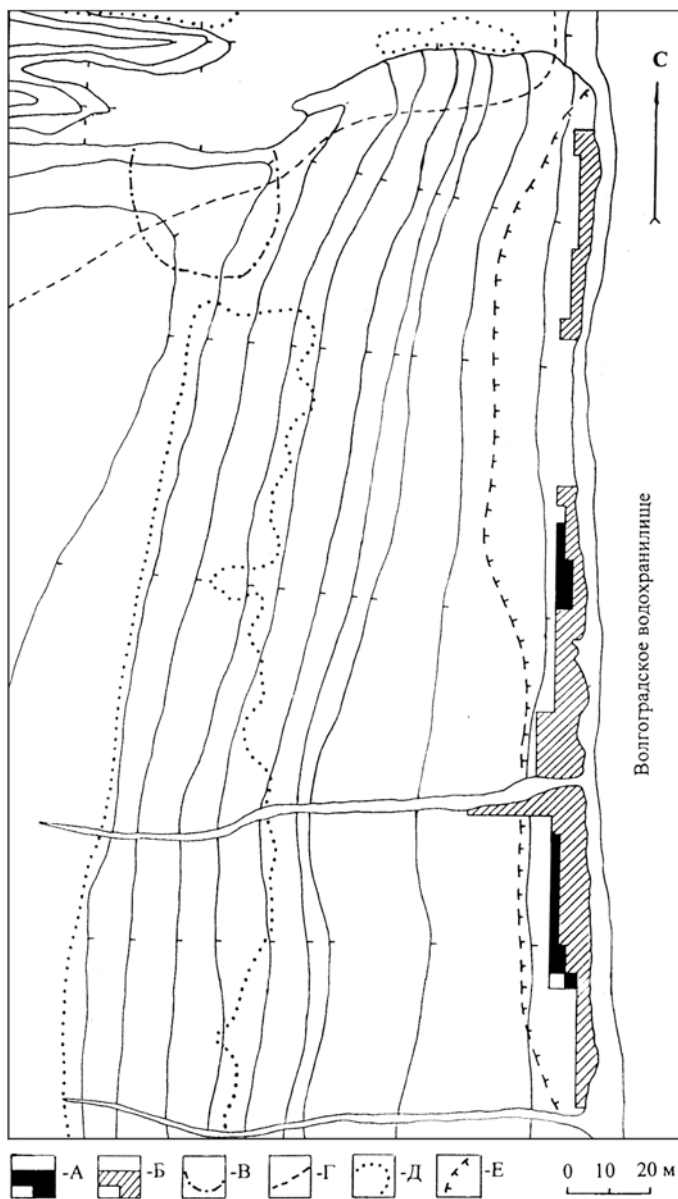

Рис. 2. План поселения в урочище «Мартышкино». А-раскоп 2005 г; Б-раскопы 1992-1994, 2002 гг; В-предполагаемые границы средневекового грунтового могильника; Г-дорога; Д-граница лесных участков; Е-предполагаемые границы поселения

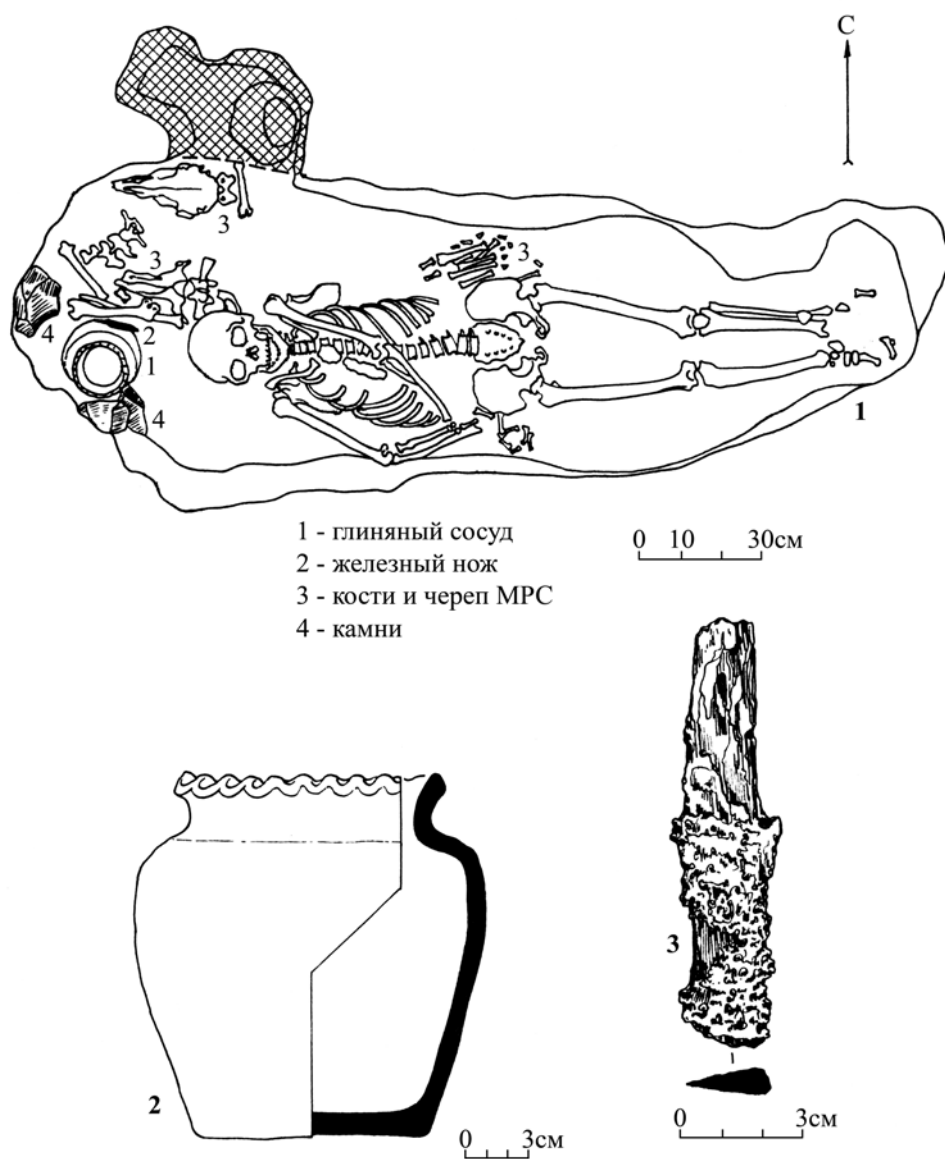

Рис. 3. Погребение раннеболгарского типа на поселении «Маргышкино»: 1 - погребение, 2 - сосуд, 3 - нож

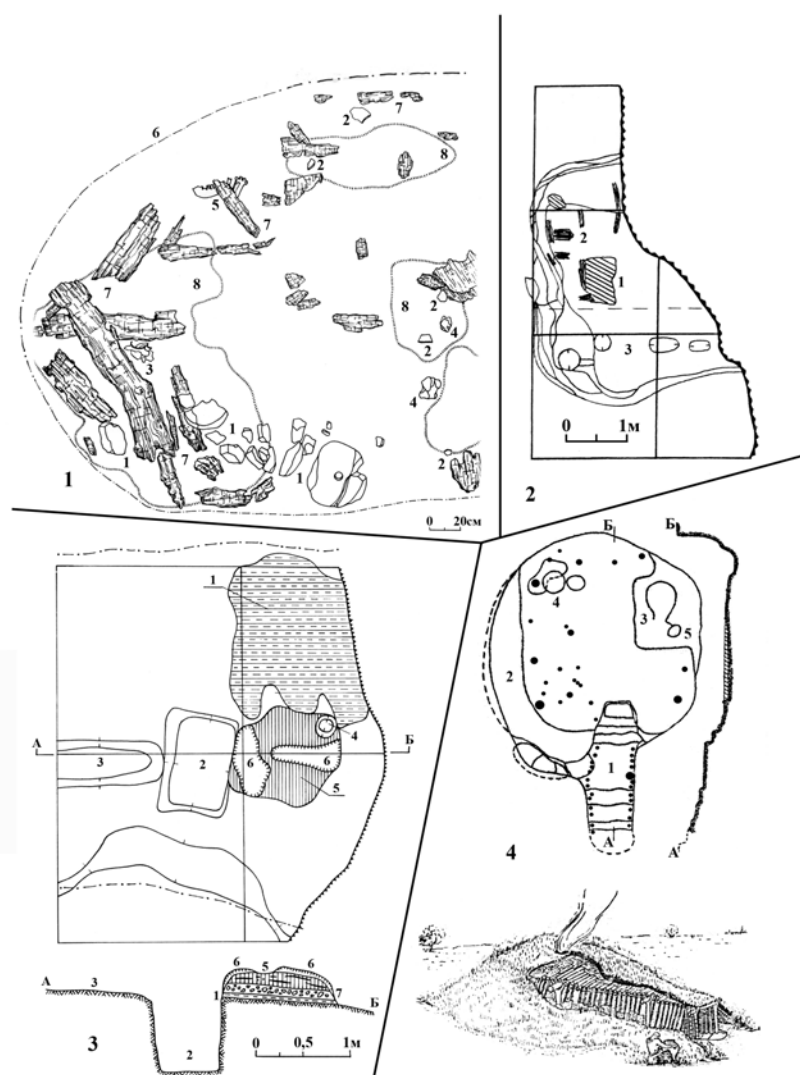

Рис. 4. Постройки. 1 - постройка № 1 на поселении «Мартышкино»: 1 - жернова, 2 - керамика, 3 - развал сосуда, 4 - камни, 5 - кости животных, 6 - предполагаемая граница постройки, 7 - фрагменты деревянных конструкций, 8 - пятна прокала; 2 - постройка № 3 (скальная): 1 - очаг, 2 - фрагменты деревянных конструкций, 3-столбовые ямы; 3 - постройка № 4: 1 - обмазка пола, 2 - яма-коллектор, 3 - суфа, 4 - столбовая ямка, 5 - завал печи, 6 - пятна прокала, 7 - гравийная подушка; 4 - землянка и ее реконструкция на поселении Подгорное: 1 - тамбур входа, 2 - суфа, 3 - глинобитная печь, 4 - глиняная крышка, 5 - очажок.

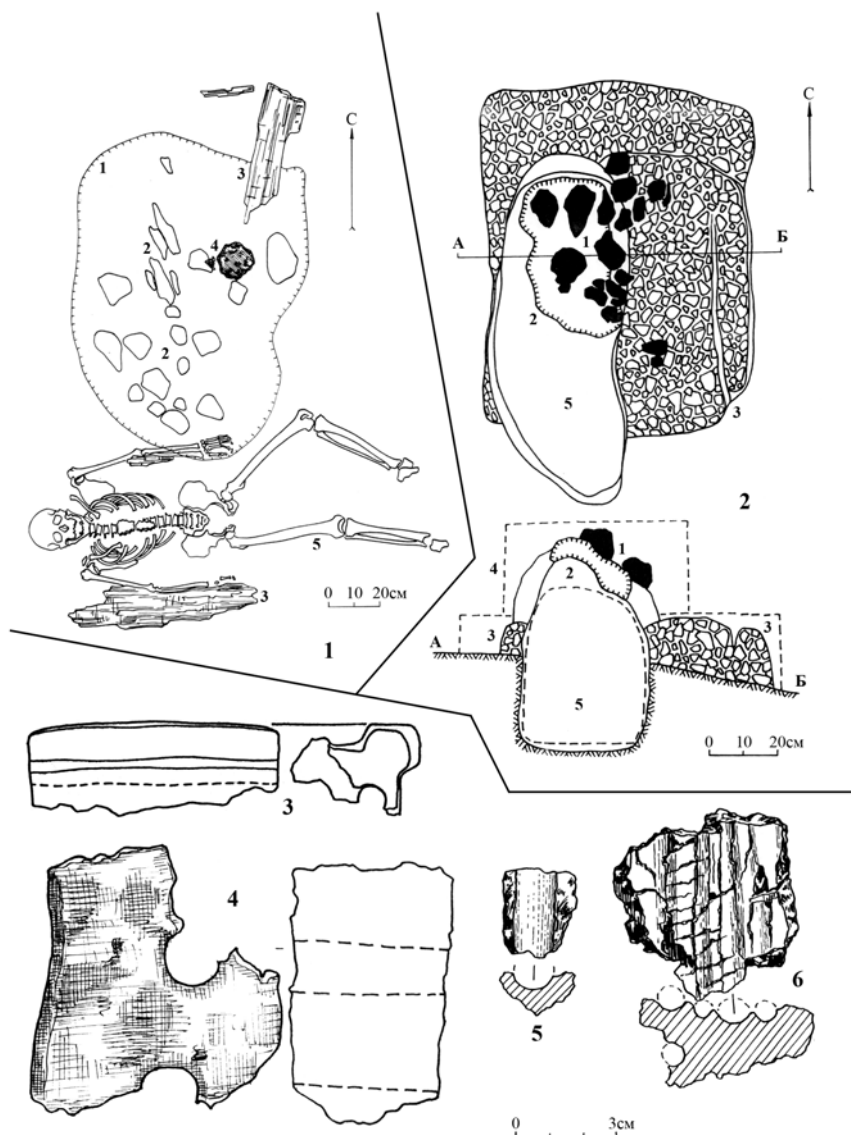

Рис. 5. Теплотехнические сооружения. 1 - ситуация в наземной постройке (кузница?): 1 - граница завала горна, 2 - куски печины, 3 - фрагменты деревянных конструкций, 4 - крица, 5 - скелет убитого человека (кузнеца?); 2 - глинобитная печь из межземляночного пространства: 1 - куски печины, 2 - провал, 3 - гравийная подушка, 4 - предполагаемая высота печи, 5 - топочная камера; 3-6 - фрагменты печины со следами плетеного каркаса

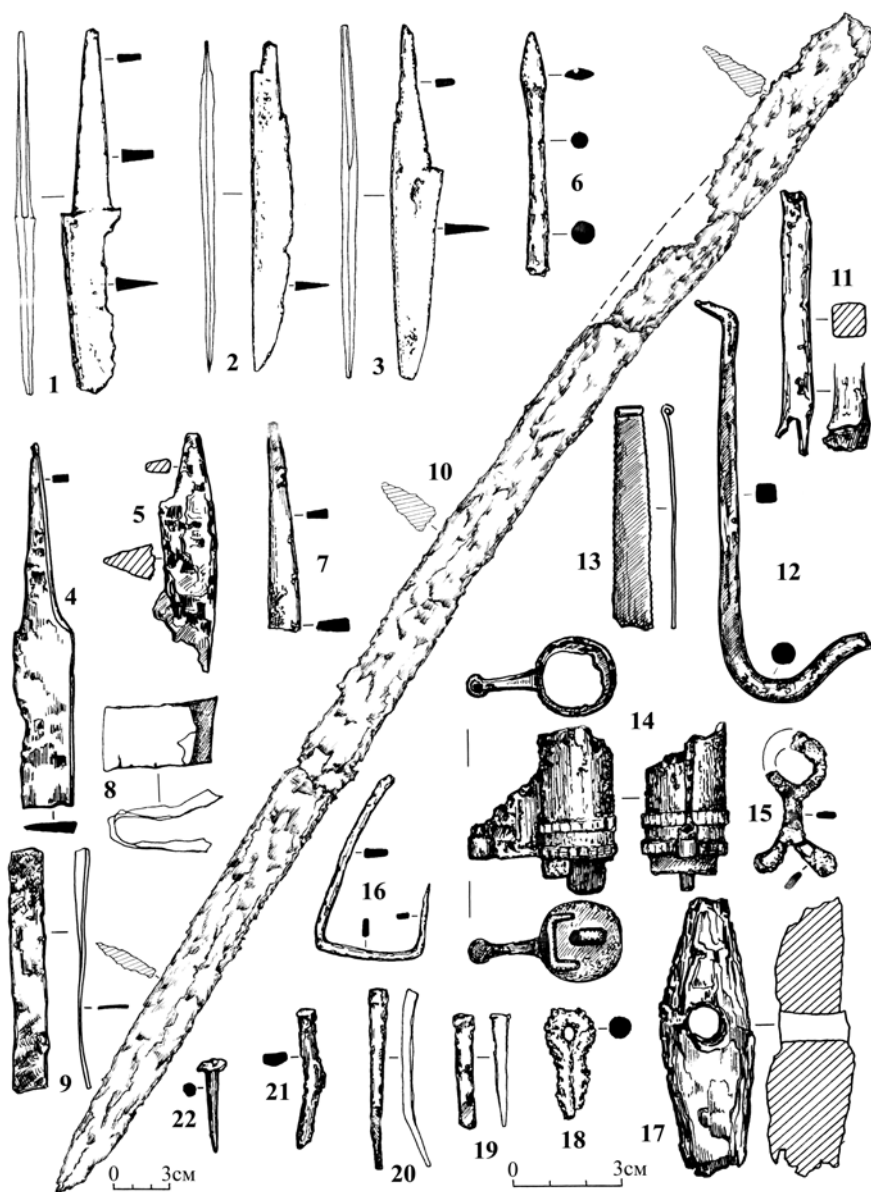

Рис. 6. Металлические изделия (8 - бронза, остальное - железо):
 1-5 - ножи, 6 - зуб от остроги, 7 - черешок ножа, 8, 9 - пластинки,
 10 - сабля, 11 - стержень, 12 - крюк-вешало, 13 - пила, 14 - дверной замок,
 15 - элемент ременной фурнитуры, 16 - скоба, 17 - молоток,
 18 - шпилька, 19-22 - гвозди

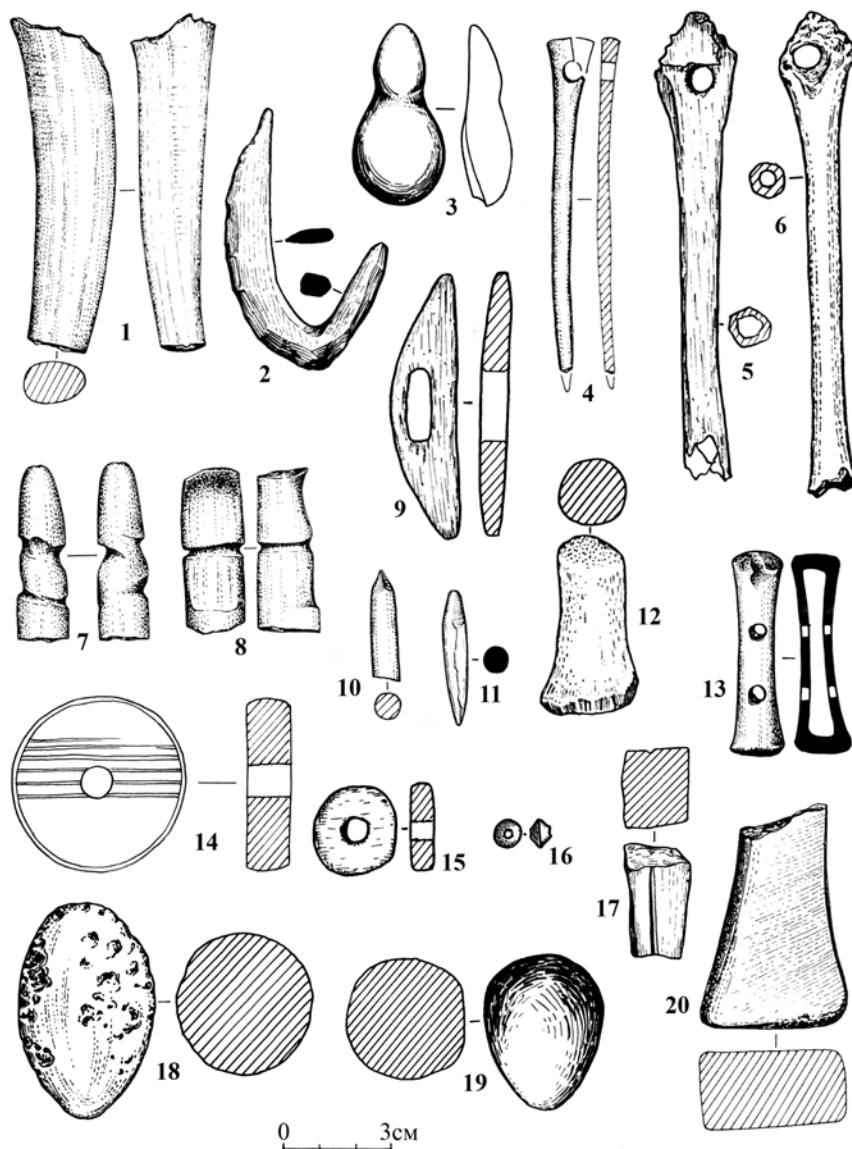

Рис. 7. Изделия из кости, белемнитов, глины, стекла и камня:
 1 – роговая заготовка для рукояти; 2 – крюк; 3, 7, 8, 13 – застежки; 4 – булавка;
 9 – путовая пряжка; 10, 11 – конусы; 12 – роговый пестик; 14, 15 – пряслица;
 16 – бусина; 17 – выпрямитель для тонких острий; 18, 19 – пращевые пули;
 20 – абразив. Материалы: 1, 12 – рог; 2-6, 9, 13 – кость; 7, 8, 10, 11 – белемнит;
 14 – глина; 15 – шифер, 16 – стекло; 17-20 – камень

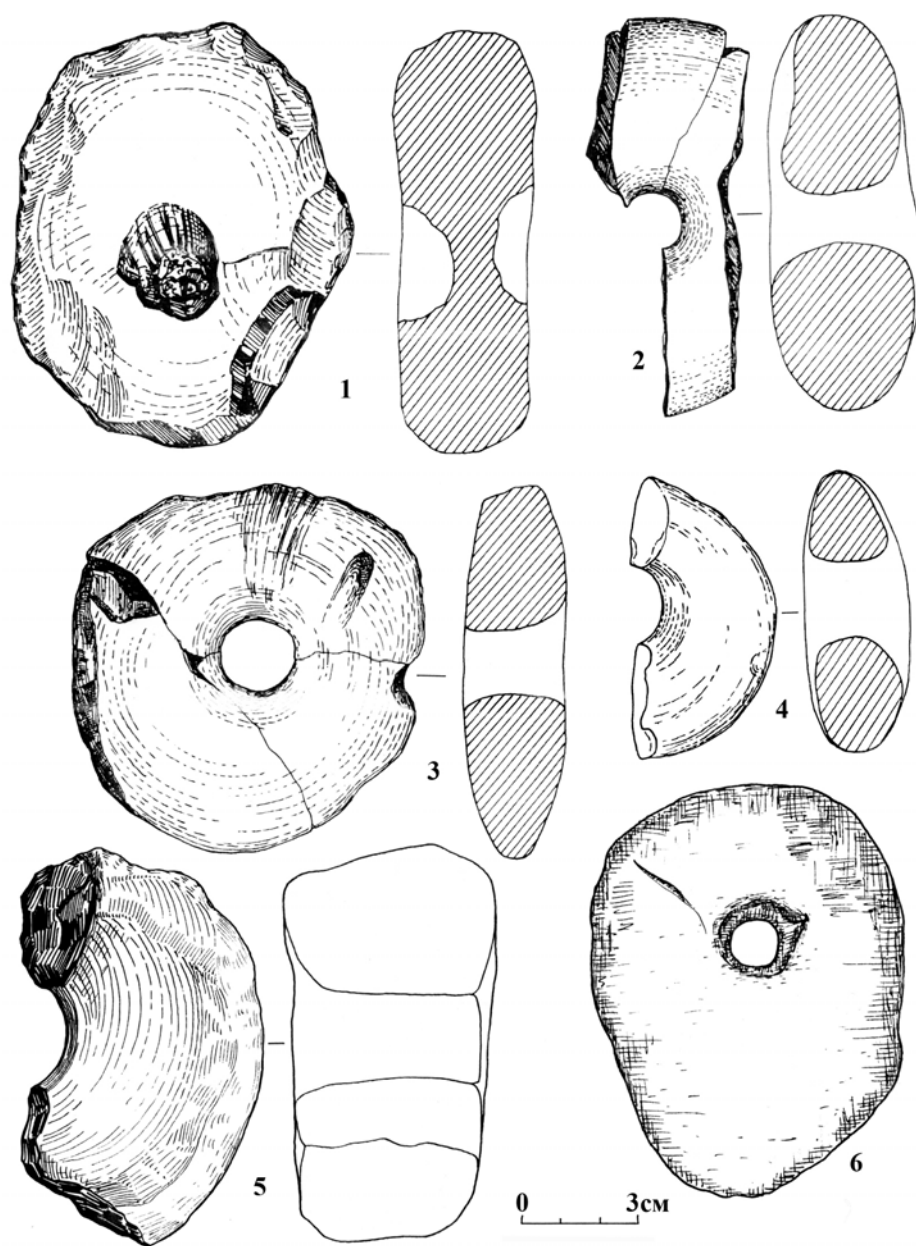

Рис. 8. Каменные сетевые грузила

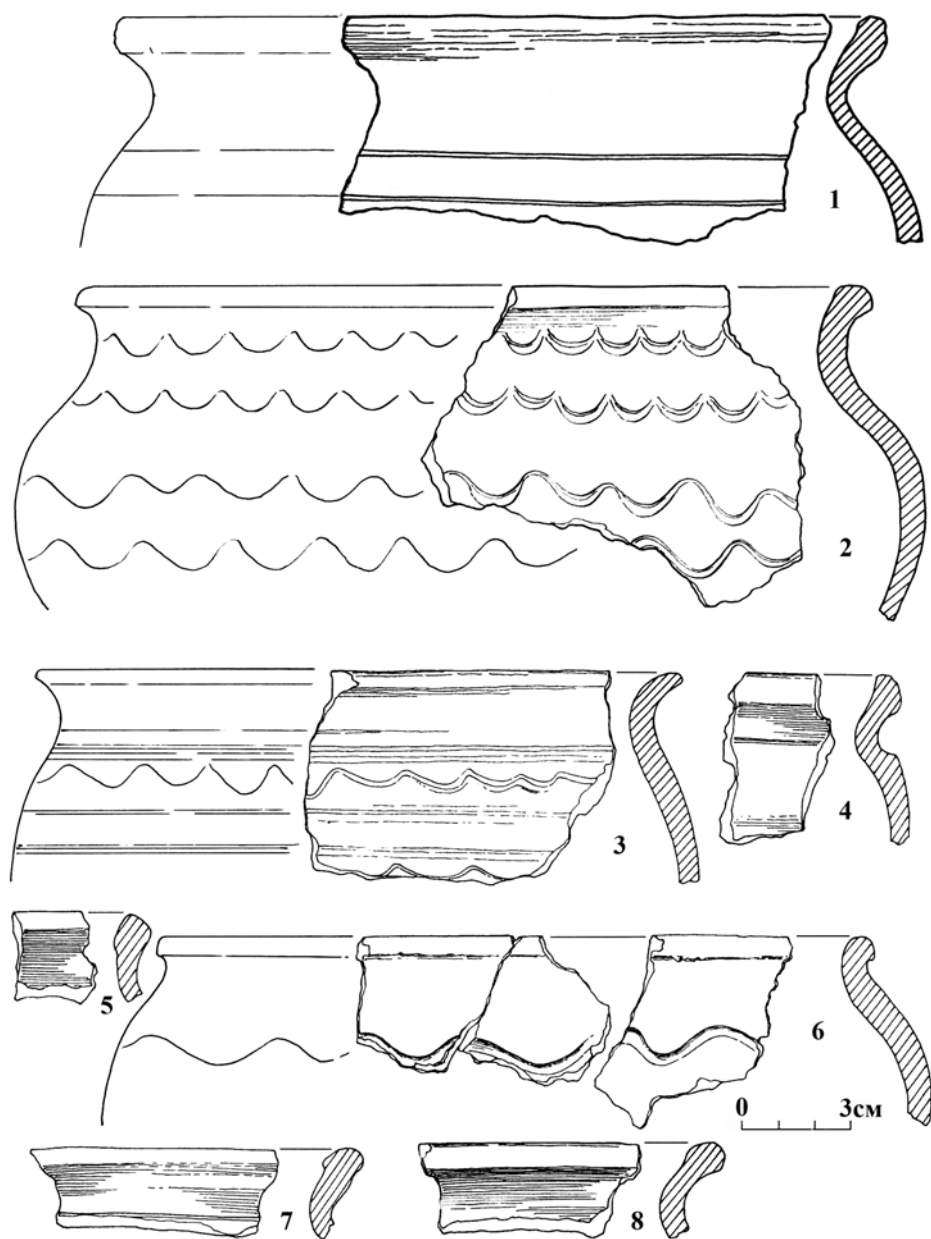

Рис. 9. Древнерусская керамика

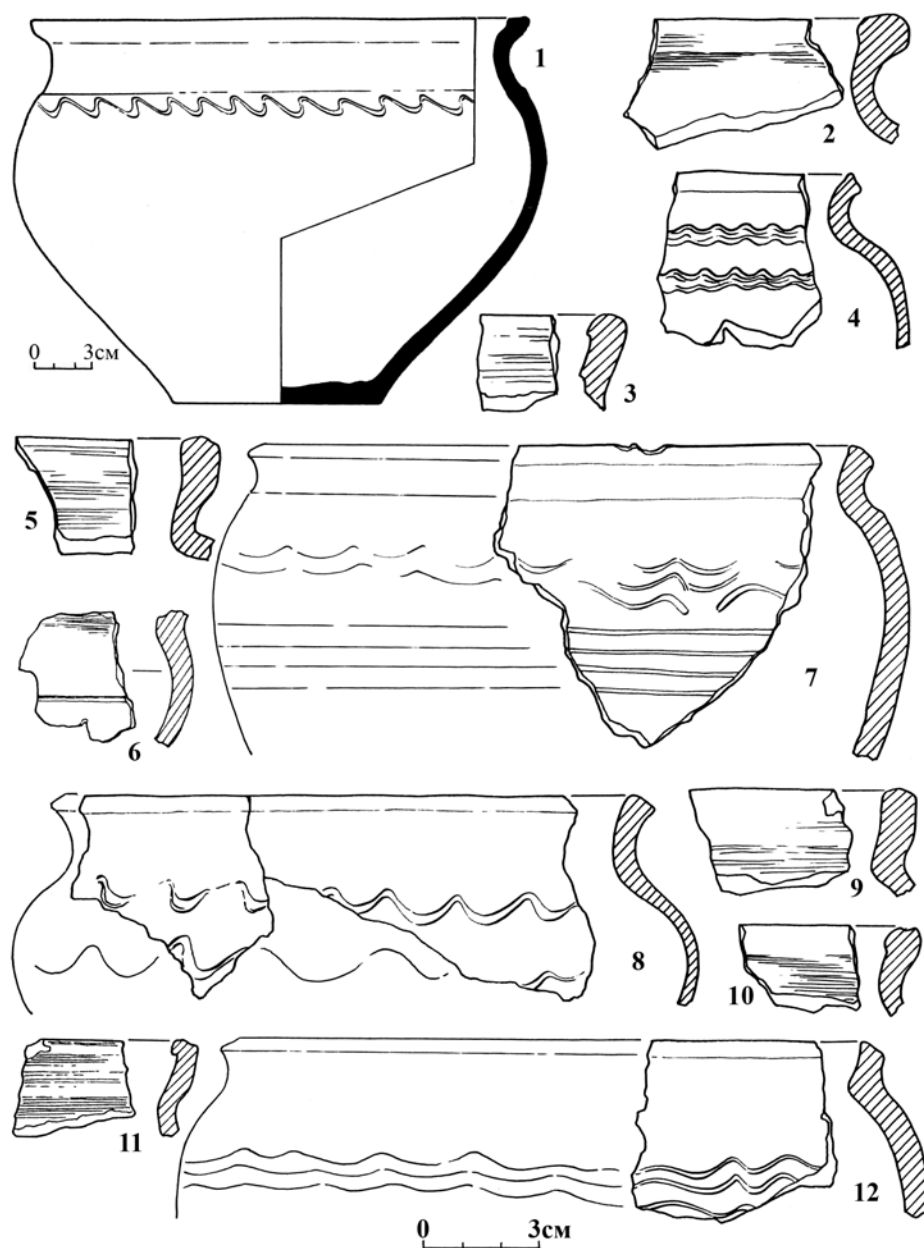

Рис. 10. Древнерусская керамика

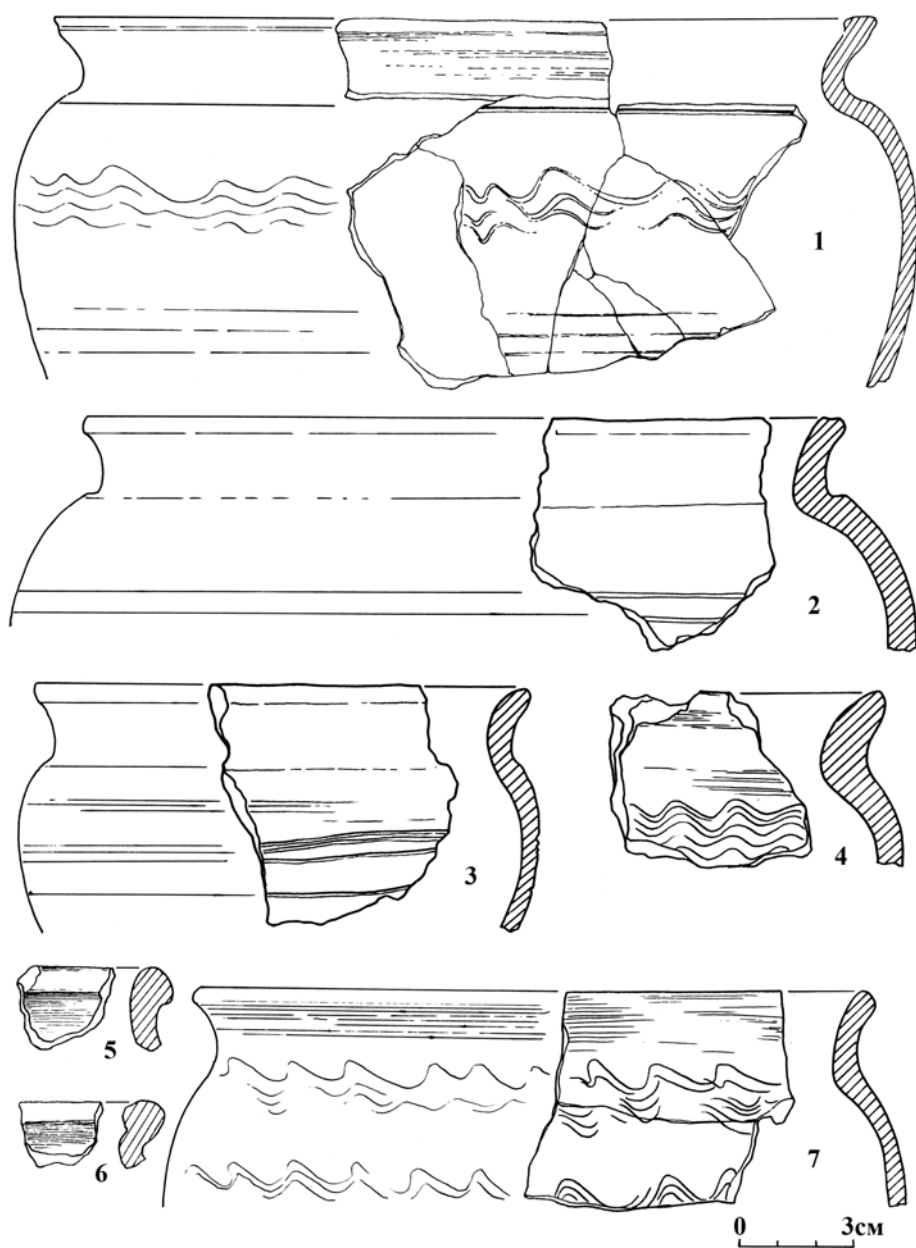

Рис. 11. Древнерусская керамика

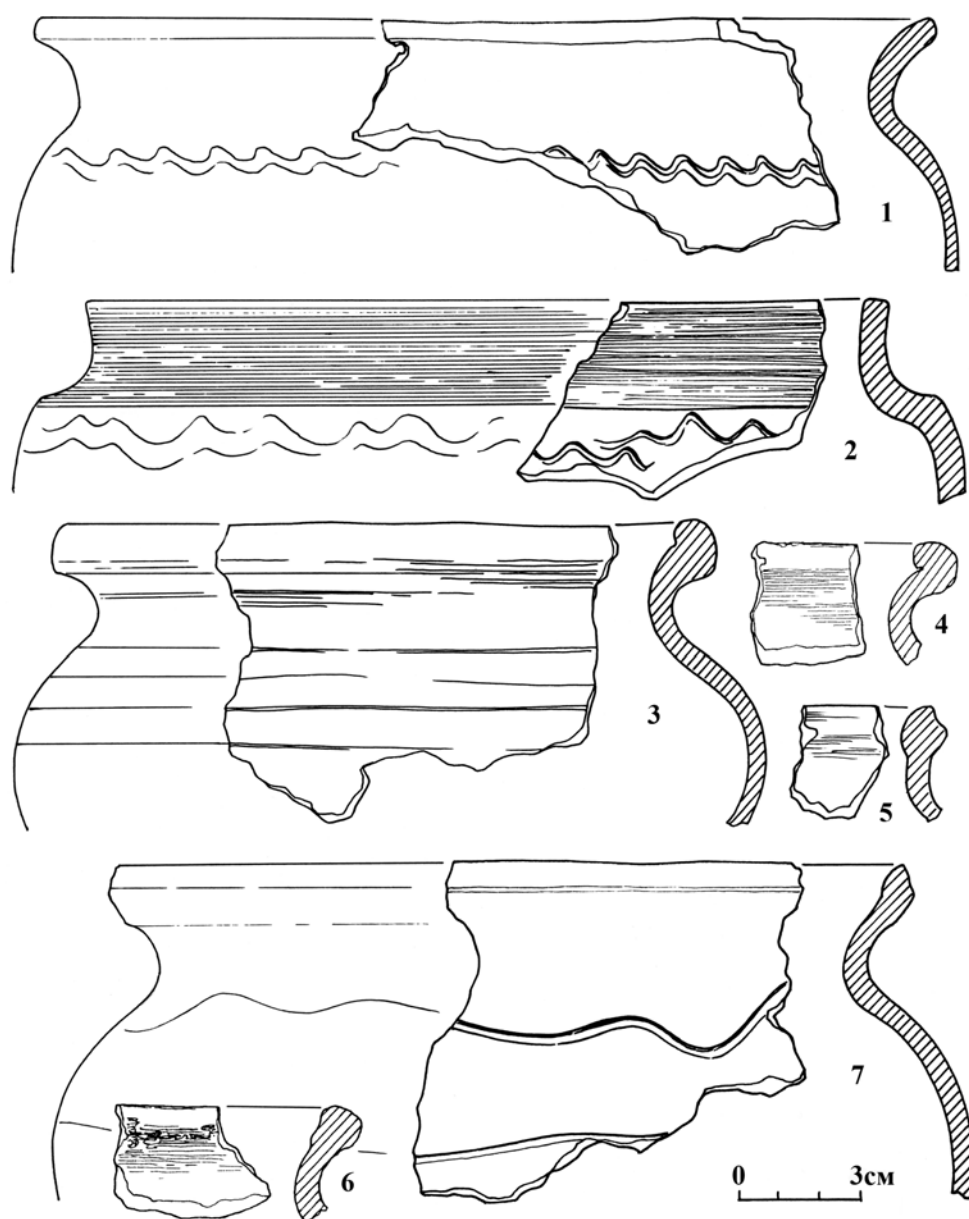

Рис. 12. Древнерусская керамика

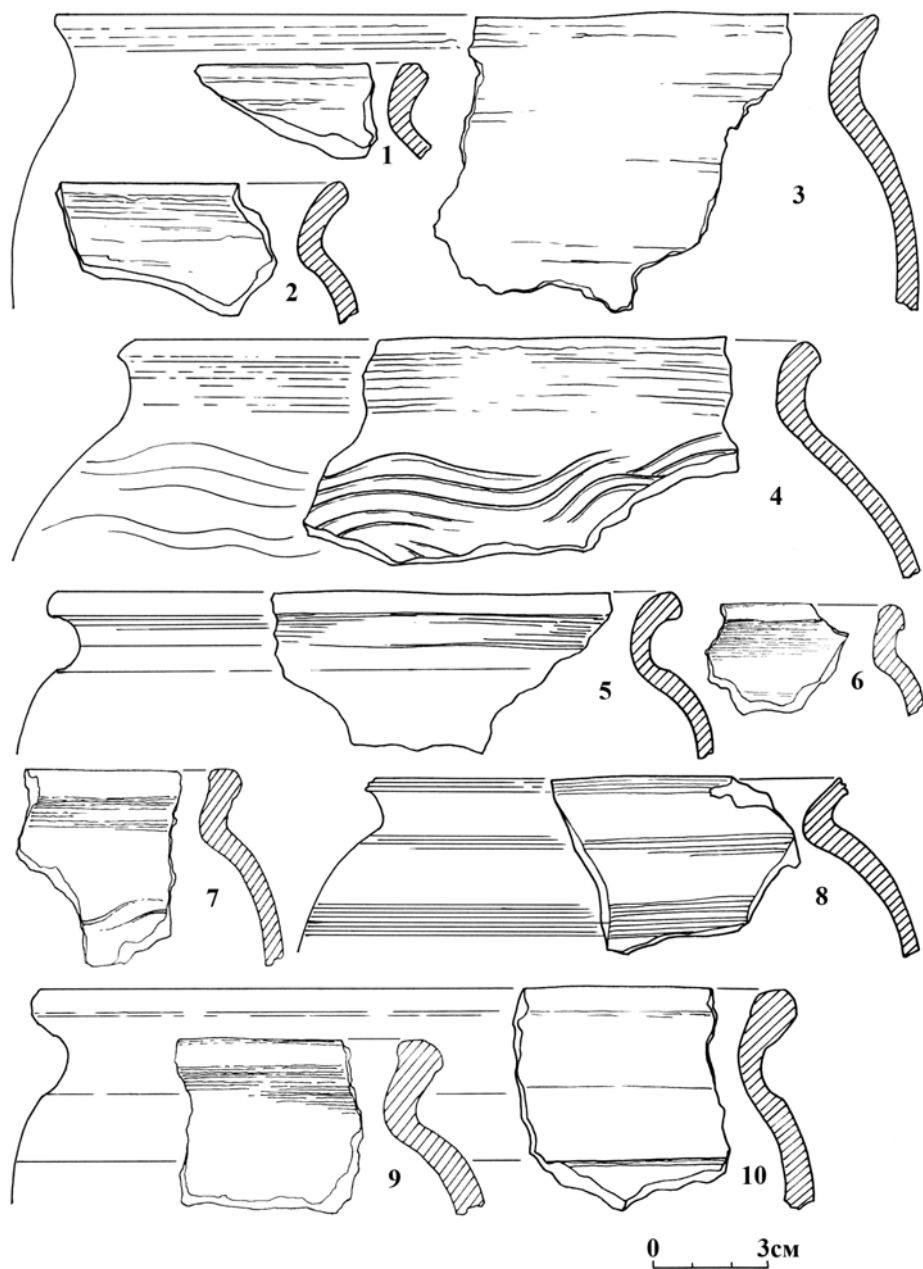

Рис. 13. Древнерусская керамика

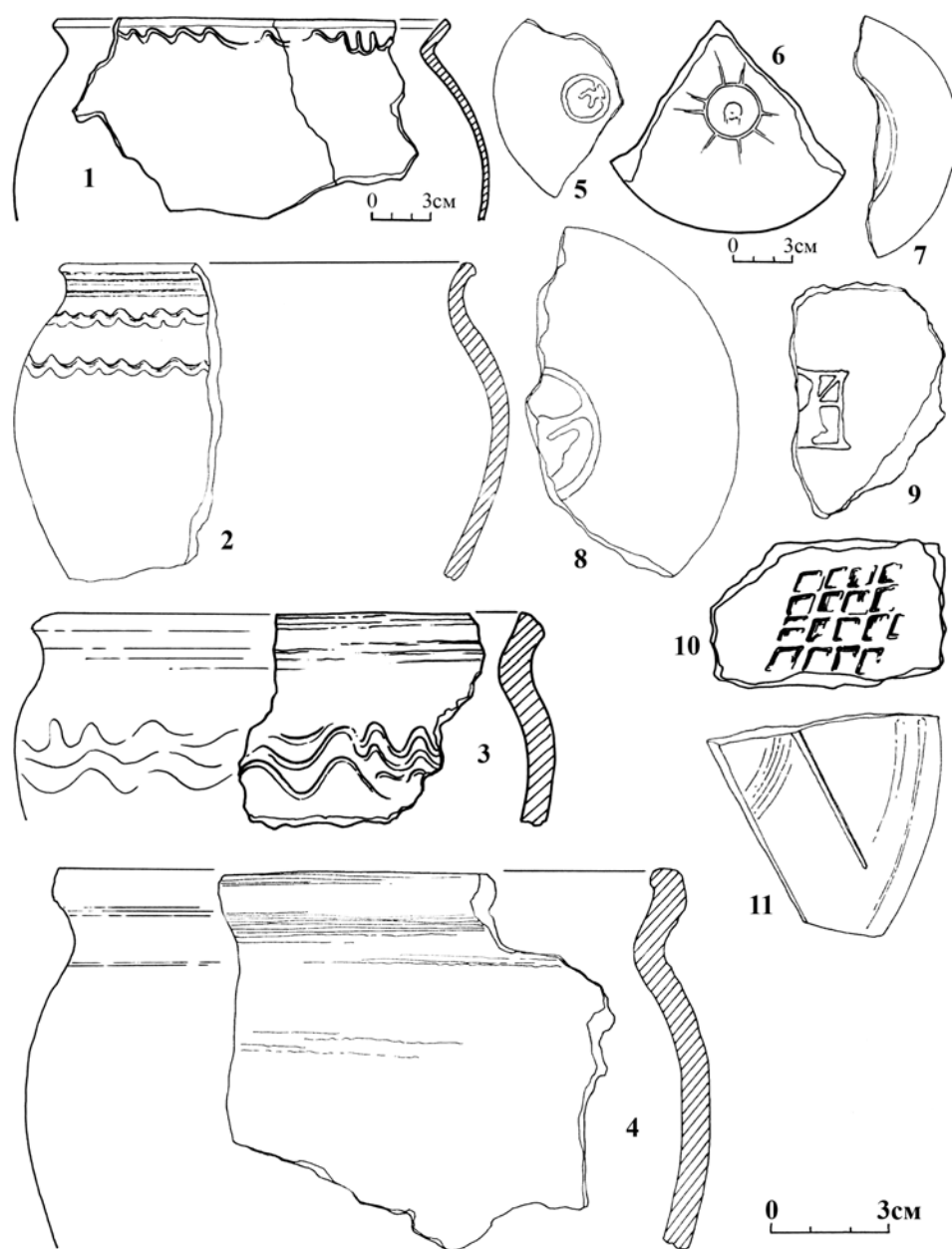

Рис. 14. Древнерусская керамика. 8-11 - фрагменты дниц с клеймами

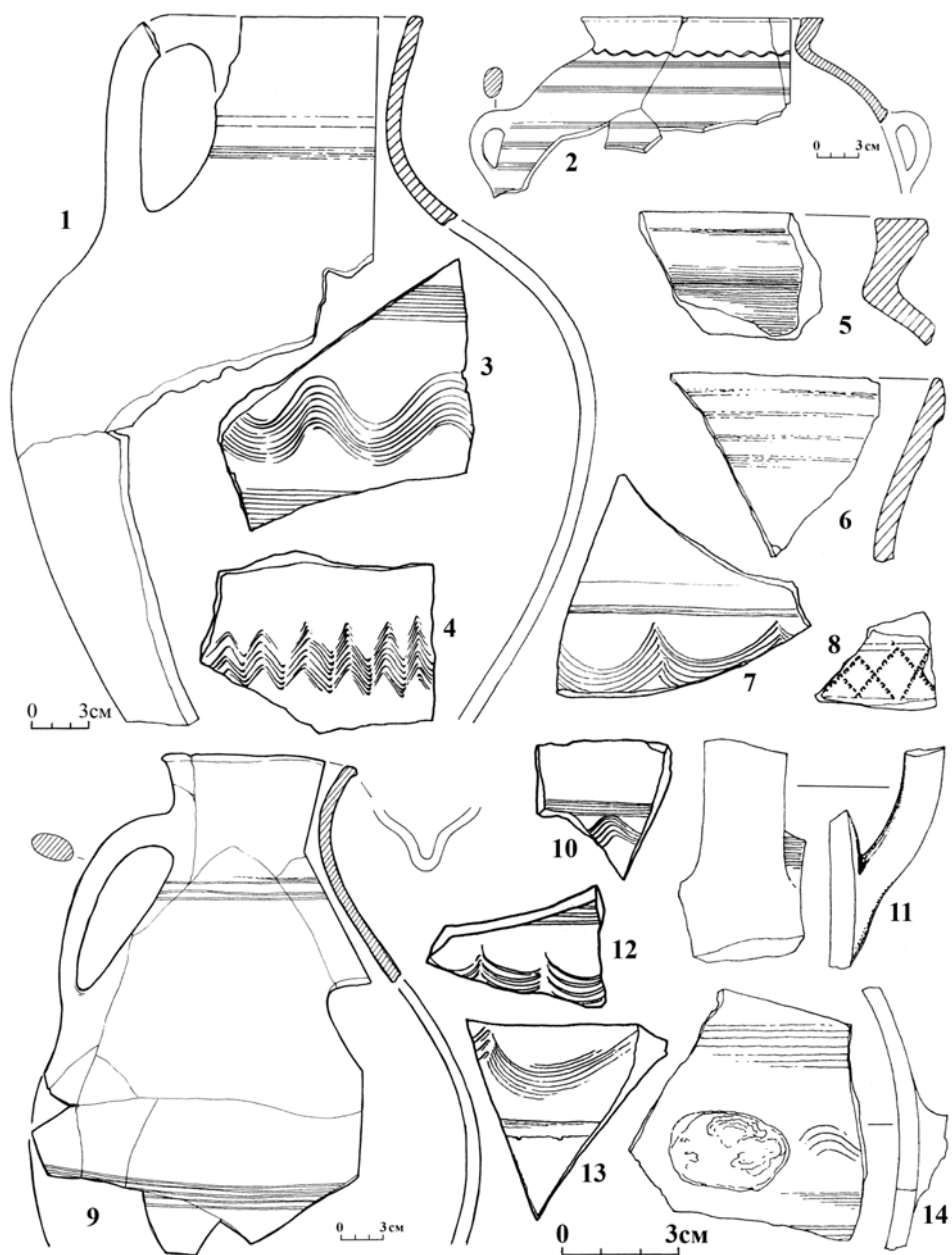

Рис. 15. Золотоордынская керамика

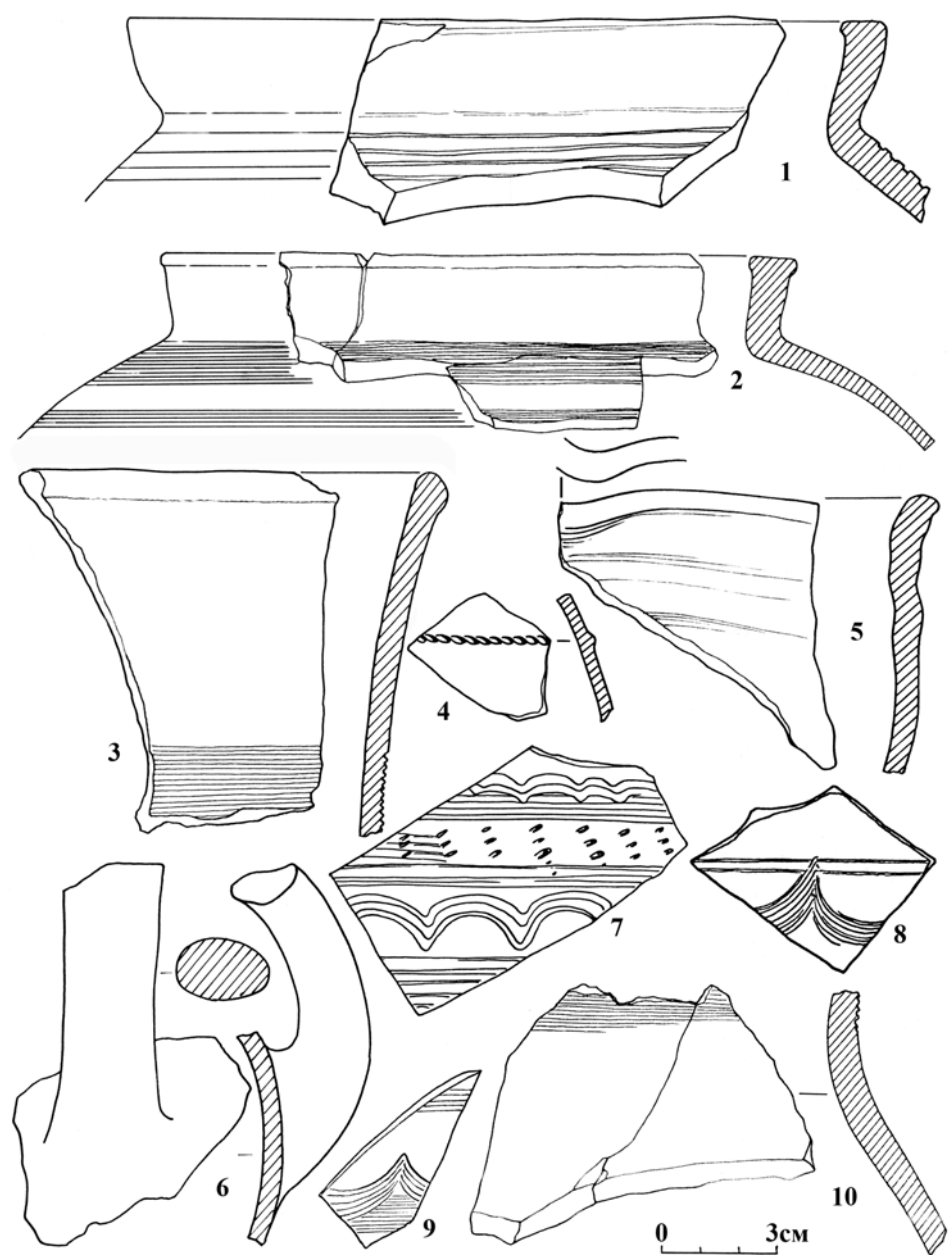

Рис. 16. Золотоордынская керамика

Малышев А.Б., Шереметьев А.Г.

**МОНГОЛЬСКИЕ И ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ПАЙЦЗЫ,
КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

В современной науке термином «пайцза» (пай-цзэ, байса, басма) обычно называются верительные дощечки (пластинки), выдававшиеся китайскими императорами, монгольскими и золотоордынскими ханами различным должностным лицам, послам, военачальникам, и заключавшие в себе распоряжения о каких-либо особых правах данного лица. Изучение пайцз имеет длительную историю, начиная с середины XIX в., а различные аспекты их исследования нельзя считать полностью исчерпанными.

В 1846 г. купцом третьей гильдии Г.М. Ананьиным в Минусинском округе Енисейской губернии были обнаружены несколько предметов посуды, вместе с которыми находилась, серебряная продолговатая дощечка с вертикальной надписью, поступившая в Кабинет Его Императорского Величества (рис. 1, 1). Император Николай I передал ее на хранение в Азиатский музей Императорской Академии Наук. Первоначально исследователей поставил в тупик характер надписи на дощечке, а осуществить перевод не удавалось. Через некоторое время, копия надписи была послана служащему Азиатского Департамента МИДа архимандриту Аввакуму Честному, который уже на следующий день предоставил ее перевод. Известный историк и востоковед В.В. Григорьев был чрезвычайно удивлен данным обстоятельством: «Мало того представил, да и забыл о нем, точно, как будто сделал самое простое и обыкновенное дело! Еще образчик смирения и даровитости русского человека, каких не мало знаем. От этого смирения, а иногда и беспечности, мы много потеряли, теряем и долго еще будем терять в ученном мире. Но придет же, наконец, время, когда русская беспечность – признак внутреннего могущества – будет понята и оценена по достоинству» [Григорьев, 1846, С. 129-130].

Перевод, выполненный Аввакумом Честным, был опубликован В.В. Григорьевым: «Силою Неба, имя Мункэ-хана да будет свято! Кто не уважит (тот) погибнет, умрет». Надпись на ободке: «Объявление (публикация) № 42» [Григорьев, 1846, С. 127, 130].

Однако, практически сразу у данного перевода появились противники и возникла оживленная дискуссия. Академик Я.И. Шмидт опубликовал свой

перевод надписи, который, по его мнению, был более верным: «По силе (силою) вечного божества! Имя (наименование) Хагана (да) будет свято! Кто (ему) веруя не поклонится, (того должно) убить, (тот должен) умереть» [Шмидт, 1846, С. 3–4].

На первый взгляд, казалось что, разница в переводах не велика. Однако, по справедливому мнению, Я.И. Шмидта в надписи отсутствует само имя монгольского хана, что, существенно затрудняет датировку пайцзы. Дело в том, что слово «мөнкэ» (совр. монг. «мөнх» – «вечно, вечный, вечность» [Кручкин, 2006. С. 38]) в надписи вынесено в отдельную строку, что создает проблемы при ее прочтении и трактовке.

В первой части инициальной формулы монгольских писем, пайцз, указов и других официальных документов обычно писались, примерно, такие слова:

«Möngke tngri-yin kücün-dür
Yeke suu Jali-yin ibegen-dür».

Большинством исследователей они переводятся, как «силой Вечного Неба» [Скрынникова, 1997. С. 103]. Слово «Möngke» («вечный») – это обычный эпитет, употреблявшийся относительно неперсонифицированного божества – Неба («Тенгри»). Однако в то же время это имя четвертого великого монгольского хана (Монкэ, Мунке, Мункэ, Менгу), правившего в 1251–1259 гг. Следует отметить, что несмотря на более правдоподобную анонимную трактовку надписи, данная пайцза фигурировала в некоторых последующих исследованиях как «пайцза Мункэ».

Суть спора не исчерпывалась только определением значения слова «Möngke», а включала много аспектов, среди которых важное место занимает интерпретация алфавита надписи. Автором этого алфавита ранее было принято считать Пагба Ламу, который изобрел новое квадратное письмо в 1269 г. по приказу монгольского императора Хубилая. Как В.В. Григорьев, так и Я.И. Шмидт сходились во мнении, что Пагба Лама нового алфавита не изобретал, а лишь усовершенствовал старый, уже существовавший до него. В.В. Григорьев, исследуя этот вопрос, пришел к выводу, что надпись выполнена тангутским, то есть тибетским алфавитом, изобретенным Юань Хао в первой половине XI в. [Григорьев, 1846. С. 147–148]. Я.И. Шмидт возражал на это: «...письмена, введенные Пагба Ламой, ни в каком случае не должно смешивать с тибетскими квадратными письменами, которые идут горизонтальными строками, между тем как монгольские пишутся перпендикулярно» [Шмидт, 1846. С. 4].

На стороне В.В. Григорьева выступил Н.Я. Бичурин (о. Иоакимф), который негативно отозвался о работе Я.И. Шмидта: «Привычка руководствоваться чужими готовыми мнениями, неумение смотреть на вещи своими глазами, неохота справляться с источниками, особенно изданными на отечественном языке... То ли дело сослаться на какой-то авторитет, на какого-нибудь иноземного писателя, хотя тот также не имел понятия о деле» [Бичурин, 1847, С. 3].

Не успел спор затихнуть, как весной 1848 г. в д. Грушевка Екатеринославской губернии, в имении барона фон Штиглица, местным крестьянином

была обнаружена вторая пайцца (рис. 1, 2). На ее лицевой и обратной сторонах имеются изображения, которые А.А. Спицын интерпретировал как «одинаковые изображения головы тигра» [Спицын, 1909. С. 137]. Однако, тип такого изображения обычно приписывается монстру «тяо-те». Специалисты связывают «тяо-те» с первопрередком иньцев Шаньди, луной и различными божествами. Принято считать, что использование этого изображения прекращается в начале нашей эры, а потому его вариант на пайцзе трудно объяснить [Крамаровский, 2002. С. 218]. Пайцца поступила на хранение в Азиатский музей Императорской АН. Перевод надписи, выполненной на этот раз уйгурским алфавитом, сделал Д. Банзаров: «Силою вечного неба, Милостью величества и могущества, Кто указу Абдуллы не покорится, Тот будет виновен, умрет» [Банзаров, 1955б. С. 127]. Немного иной вариант перевода этой надписи был опубликован в монографии Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского: «Силою вечного неба. Покровительством великого могущества. Если кто не будет относиться с благоговением к указу Абдулла-хана, тот подвергнется [материальному] ущербу и умрет» [Греков, Якубовский, 1950. С. 139].

Исследование Д. Банзарова заключалось не только в переводе надписи, но и ее подробном анализе. Он произвел сравнение текста екатеринославской пайцзы с надписью предыдущей, используя переводы Я.И. Шмидта и О. Аввакума, дополнив тем самым их научные выводы. После выхода в свет данной работы о Екатеринославской пайцзе Д. Банзаров выяснил, что европейские исследователи «...Катрмер, Д'Оссон и Гаммер... приводили... известия венецианского путешественника... (Марко Поло – А. М., А. Ш.), говоря о так называемых “пайзе”, о которых упоминают персидские историки эпохи гулагидов» [Банзаров, 1955а, С. 153].

Следует отметить, что Абдулла-хан, упоминаемый на данной пайцзе, может быть идентифицирован с одним из правителей Золотой Орды периода смутного времени – Абдуллах-ханом (правил с перерывами 1361–1370 гг.)

В 1850 г. Д. Банзаров опубликовал другую работу [Банзаров, 1850], в первой части которой охарактеризовал достижения проведенных ранее исследований, а далее подробно рассмотрел функциональное назначение пайцз, впервые в России, приведя выдержки из словаря Бурхани-кати и Книги Марко Поло. Таким образом, Д. Банзарову принадлежит заслуга введения в научный оборот в российской исторической науке термина «пайзе» (то есть «пайцца»), этимологию которого он также разобрал в указанной статье.

В 1853 г. при раскопках кургана около с. Нюкское в Верхнеудинском округе Забайкальской области был обнаружен клад серебряной посуды в котором была найдена очередная пайцца [Савельев, 1855], схожая по своему виду с минусинской находкой 1846 г. (рис. 1, 3). Данная находка поступила в Эрмитаж, а позже ей была посвящена отдельная публикация П.С. Савельева, вышедшая в 1856 г. Автор выявил основные различия между двумя почти идентичными пайцзами: на нюкской пайцзе, в отличие от минусинской, буквы не были позолочены, последний слог слова «Möngke» был написан несколько иначе, а надпись на ободке имела другую формулировку: «Почетный знак № 34». Перевод надписи был осуществлен З.Ф. Леонтьевским. То обстоятельство, что пайцца была найдена вместе с кладом серебряной посуды, позволило автору считать это прямым доказательством слов Марко Поло, писавшего,

что вместе с пайцзами ханы жаловали своим подданным много серебряных вещей [Савельев, 1856. С. 161–165]. А.А. Спицын в своей работе, описывая нюкскую пайцзу, опубликовал ее перевод, указав, что его выполнил П.С. Савельев в указанной статье: «Вечного неба силою, имя хана да будет свято. Кто не послушает, должен быть убитым, умрет» [Спицын, 1909. С. 134–135]. Однако, никакого перевода, за исключением надписи на ободке, в данной статье П.С. Савельева не приводилось. Более того, перевод, использованный А.А. Спицыным, был практически полностью идентичен переводу надписи минусинской пайцзы (найденной в 1846 г.), сделанному Я.И. Шмидтом.

После этого, на несколько десятилетий изучение пайцз приостановилось, пока в руки исследователей не попал новый экземпляр. В феврале 1881 г. инспектор Тюменско-Ачинского ссыльного тракта подполковник Винокуров прислал в Императорскую Академию Наук круглую чугунную пайцзу с серебряной надписью, найденную местным крестьянином при разработке земли в Томской губернии (рис. 2, 2). Она была опубликована А.М. Позднеевым, который датировал пайцзу временем династии Юань (1271–1368 гг.). Перевод надписи, сделанный автором, гласит: «Вечного неба силою, ханского повеления кто не послушает (не будет почитать) если, пусть будет убит» [Позднеев, 1881. С. 31–43]. В верхней части лицевой стороны пайцзы имелся рисунок, который А.М. Позднеев интерпретировал как изображение дракона. Однако, по мнению М.Г. Крамаровского, это изображение лвиной маски со сдвоенным туловищем, образ, пришедший к монголам и в Китай из Тибета или Средней Азии, где был распространен еще в XII–XIII вв. [Крамаровский, 2002. С. 217]. Впрочем, такая трактовка символики вряд ли может считаться окончательной и бесспорной. Данный образ можно сравнить, например, с уже упомянутым мифическим монстром «тяо-те».

В 1885 г., 10 апреля, член Императорской Академии Наук В.Г. Тизенгаузен на заседании Восточного Отделения Императорской Археологической Комиссии представил бронзовую пайцзу, найденную крестьянином на пашне в Минусинском округе в 1884 г. (рис. 2, 1). Ее изучение было предоставлено А.М. Позднееву, статья которого вышла в 1886 г. Он установил, что подобная пайцза, представленная генерал-губернатором В.Я. Рупертом, происходившая из Восточной Сибири, уже публиковалась З.Ф. Леонтьевским в 1850 г., после чего бесследно исчезла. Перевод надписи, сделанный А.М. Позднеевым, гласит: «Высочайше дарованный знак. Номер 891-й иероглифа тяо. Вне столицы не употребляется. От императорского конюшенного приказа. Следующий (за императором) телохранитель привешивает этот знак к поясу; беззначный, по законам подлежит суду за преступление. Взятый взаймы и давший взаймы (этот знак) одинаково преступны». Что касается датировки этих пайцз, то между З.Ф. Леонтьевским и А.М. Позднеевым возникли разногласия. Первый считал, что она была выдана императором Дайцинской династии (1644–1911 гг.). Однако А.М. Позднеев отверг это предположение, так как «конюшенный приказ» при Дайцинской династии назывался «шан-сы-юань», а на пайцзах он именовался «юй-ма-цзянь», а это название бытовало в период династии Юань (1271–1368 гг.) [Позднеев, 1886. С. 1–8].

В 1890-х гг. в Нижнем Поволжье, недалеко от г. Камышина была найдена на пашне еще одна пайцза, попавшая сначала к местному ювелиру, снявшему с нее ободок и отрезавшему нижнюю часть, а затем – в коллекцию Тянькова (рис. 1, 5). Она была опубликована А.М. Позднеевым в 1897 г. Надпись на пайцзе содержала имя хана Тохты (1290–1312 гг.) [Позднеев, 1897. С. 124–127, 178].

В том же 1897 г. вышел 22-й том Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, где в статье «Пайцза» был приведен перечень всех найденных на тот момент монгольских пайцз, за исключением круглой бронзовой, обнаруженной в 1884 г. в минусинском округе, которую А.М. Позднеев относил ко времени династии Юань [Энциклопедический словарь «Брокгауза и Ефрона», 1897. С. 596–597].

В 1909 г., к пятидесятилетию деятельности Императорской Археологической Комиссии, был издан «Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи». Здесь с краткими пояснениями были опубликованы черно-белые фотографии пайцзы Абдуллы, двух пайцз «Мункэ», а также пайцза Узбека [Смирнов, 1909. Табл. ХСІІІ, ХСІV, СХХVІІІ], которая была куплена коллекционером П.И. Шукиным на нижегородской ярмарке (рис. 1, 4) и впервые опубликована А.А. Спицыным в 1909 г. [Спицын, 1909, С. 135–136]. Кроме новой пайцзы Узбека, А.А. Спицын рассмотрел целый ряд уже известных науке пайцз, а также привел письменные свидетельства о них.

На пайцзах золотоордынских ханов Тохты и Узбека сохранились одинаковые изображения: солнце с восемью лучами на лицевой стороне и копьевидный знак (в виде стрелки) на фоне полной луны на обороте. Этот знак привлек внимание А.А. Спицына, который, однако, ни как его не интерпретировал [Спицын, 1909. С. 135–136, 140]. Н.И. Веселовский посчитал его изображением стрелы, в виду того, что стрелы с древних времен использовались для передачи информации, как и пайцзы в более позднее время [Веселовский, 1909. С. 159]. Более близкую к монгольской картине мира интерпретацию данных символов дают современные исследователи. М.Г. Крамаровский, определил «копьевидный знак» как обозначение древка знамени (бунчука), которое наряду с солярной символикой является иконографическим обозначением могущества и власти (харизмы, сульдэ) Чингисхана. Используя данные символы, монгольские и золотоордынские ханы придавали легитимность своей власти [Крамаровский, 2002. С. 220]. С подобной трактовкой данных эмблем согласен и А.Г. Юрченко, рассматривавший монгольские и золотоордынские пайцзы в качестве символа ханского могущества [Юрченко, 2006. С. 266]. Продолжая эту мысль, можно предположить, что наличие именно восьми лучей у солнца является схематичным изображением девятибунчужного знамени Чингисхана, учитывая, что солнечный диск – это центральное знамя, а его лучи – периферийные бунчуки. Мы имеем многочисленные письменные свидетельства и этнографические данные о сакрализации монголами и другими народами копья, бунчука и знамени. Также часто прослеживаются представления о знамени, украшенном лентами и волосами, как вместилище сульдэ или харизмы обожествленного правителя. Поэтому данная трактовка символики на пайцзе нам представляется преимущественной.

На волне всеобщего интереса к монгольским пайцзам бурятский ученый и общественный деятель Ц.Ж. Жамцарано во время командировки в Южную Монголию в 1910 г. собрал сведения о пайцзах, употреблявшихся у монголов еще в начале XX в., и опубликовал их в 1915 г. Согласно его исследованию, значение пайцз в Монголии XX в. сохранилось прежним: «пайцза дает своему обладателю право пользоваться для быстрого передвижения подводами, содействием и покровительством местных властей и населения». Ц.Ж. Жамцарано предоставил рисунок одной из таких пайцз и перевод ее надписи: «От даруги Улан-цабского сейма, дурбэн-хухэтского джасака Цзюнь-вана в пределах подведомственного сейма по службе едущего гонца знак на пользование подводой» [Жамцарано, 1915. С. 155–159].

Первой работой по пайцзам, изданной в СССР в 1926 г., стала статья А.Н. Самойловича, который подверг этимологическому анализу целый комплекс золотоордынских терминов официальной культуры: тамга, нишан, мухур, байса (басма, пайза) и другие, используя преимущественно восточные источники позднего средневековья [Самойлович, 1926. С. 1107–1120].

Через год на русском языке была опубликована работа Б. Лауфера под редакцией Б.Я. Владимирцова и в переводе В.А. Казакевича, впервые публиковавшаяся в немецком издании 1907 г. В качестве источников по монгольской литературе и письменности автором использовались пайцзы Абдуллы, «Мункэ» и Томская пайцза, переданная в Императорскую Академию Наук подполковником Винокуровым [Лауфер, 1927. С. 29–32].

Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский в своей монографии также уделили некоторое внимание пайцзам, как объектам монгольской и золотоордынской официальной культуры, привели объяснение данного термина, а также выдержки из европейских и азиатских источников о них [Греков, Якубовский, 1950. С. 138–140].

В 1967 г. в Государственный Исторический Музей поступили предметы Симферопольского клада, среди которых находилась золотоордынская пайцза (предположительно датированная XIV в.) Она была опубликована В.А. Мальмом в 1976 г. (рис. 1, б), а перевод надписи был сделан Ф.С. Цаплиным: «Да выдана Великим ханом от имени Вечного неба. Лишаются жизни люди неверные монголам». Кроме надписи в верхней части пайцзы были изображения: на одной стороне среди «кудрявых» облаков представлено солнце в виде круга, внутри которого помещалась шестилепестковая розетка (звезда – *А.М.*, *А.Ш.*), символизирующая расходящиеся солнечные лучи; на другой стороне, среди облаков, неполная луна [Мальм, 1976. С. 71–74].

На современном этапе исследований новый подход к изучению пайцз продемонстрировал М.Г. Крамаровский, рассмотрев их, в первую очередь, в образно-символическом аспекте власти и могущества, являвшихся универсальным языком, более понятным населению Монгольской империи, чем сухой язык письменных юридических актов [Крамаровский, 2002. С. 216–221].

Отметим, что сфера интересов отечественных исследователей не ограничивалась только монгольскими пайцзами. Отдельные публикации посвящались пайцзам китайского круга. В 1856 г. З.Ф. Леонтьевский опубликовал заметку по поводу одной китайской пайцзы XVIII в. (рис. 2, 3) из частной коллекции [Леонтьевский, 1856. С. 165–167]. Еще одна пайцза была обнаружена

на территории СССР в Приморье, на Шайгинском городище средневековых чжурчженей [Шавкунов, 1977. С. 253–254; Шавкунов, 1982]. Ее исследование с привлечением письменных свидетельств произвел А.Л. Ивлиев [Ивлиев, 2000. С. 181–184]. Ряд тангутских пайцз, хранящихся в музеях и коллекциях Китая, опубликовал Е.И. Кычанов [Кычанов, 1974. С. 266–261].

Необходимо заметить, что известные современной науке монгольские пайцзы лишь частично совпадают с их описанием и классификацией в письменных средневековых источниках. Так, согласно китайским источникам (Мэн-да Бэй-лу) монголы выдавали пайцзы в зависимости от особых полномочий адресата: 1) Золотые, с изображением двух дерущихся тигров и надписью «Указ пожалованного небом императора Чингиса. Должен вести дела по усмотрению»; 2) Золотые, с надписью: «Указ пожалованного небом императора Чингиса. Спешно!»; 3) Серебряные с такой же надписью [Мэн-да Бэй-лу, 1975. С. 74]. Марко Поло подробно описывал пайцзы, которые получали от императора Хубилая его военачальники: 1) серебряная давалась сотнику; 2) золотая или серебряная с позолотой – тысячнику; 3) золотая с львиной головой (весьшая в два раза больше чем у сотника или тысячника) – темнику. На ней писали приказ: «По воле великого Бога и по великой его милости к нашему государю, да будет благословенно имя хана и да помрут и исчезнут все ослушники»; 4) золотая со львом, солнцем и луной (весьшая в четыре раза больше, чем у сотника или тысячника) – начальнику стотысячного (или более) соединения. С ней декламировался аналогичный предыдущему приказ, а также право на «великую власть» и на «важные дела». Над его головой принято было возить «теремец» (изображение юрты, шатра, или дворца? – А. М., А. Ш.), и сажать его на «серебряном стуле»; 5) серебряная с кречетом – князю, правителю, с властью, подобной хану (улусному правителю?). 6) гонцам пайцза выдавалась в основном на проезд – беспрепятственное получение лошадей: «... а когда гонцов посылают, то копь пожелают, лошадей забирают у царей... У всех других людей могут также забирать лошадей...» [Путешествия в восточные страны, 1997. С. 248–249]. Хроника монгольской династии в Китае «Юань ши» (1369 г.) также сообщает о пайцзах: «... Темник носил золотую пайцзу с [изображением] головы тигра. Верх пайцзы был в виде припавшего к земле тигра, голова которого была украшена жемчужинами, при этом было или 3 жемчужины, или 2 жемчужины и 1 жемчужина – [соответственно] степени ранжирования [темников: высшего, среднего или низшего]. Тысячник [носил простую] золотую пайцзу, а сотник – серебряную пайцзу» [Золотая Орда, 2009. С. 211]. Как сообщал Рашид-ад-Дин, выдавались следующие пайцзы: 1) золотые, с головой тигра – правителям областей, 2) «с особым узором» (золотые или серебряные? – А. М., А. Ш.) – чиновникам среднего звена; 3) серебряные, круглые или овальные, с изображением луны – гонцам [Рашид ад-Дин, 1946. С. 277–278].

В источниках для обозначения пайцз часто использовались разные термины: «байса» или «басма». Словом «байса» тюрки обычно передавали монголо-китайский термин «пайцза». Другой, также тюркский, термин «басма» привлек внимание исследователей благодаря записи в Казанском Летописце (XVI в.) о приеме золотоордынских послов Иваном III в 1478 г.: «Царь Ахмат... посла к великому князю Московскому послы своя, по старому обычаю отец

своих, просити дани и оброки за прошлые лета... Великий же князь, ни мало убоясь страха царева и, приим басму лица его и плевав на ню, низлома ея и на землю поверже, и потопта ногама своима...» [ПСРЛ, 1903. С. 6–7].

Н.М. Карамзин описывал, каким образом проходил прием ханских послов на Руси: «София убедила Иоанна не встречать послов ордынских, которые обыкновенно привозили с собою басму, образ или болван Хана, что древние Князья Московские всегда выходили пешие из города, кланялись им, подносили кубок с молоком кобыльим и, для слушания Царских грамот подстилая мех соболий под ноги чтецу, преклоняли колена». По поводу определения этого термина он пишет: «Басма собственно значит тиснение, изображение, снимок, от глагола басмак» [Карамзин, 1830. С. 23. Прим. 180, С. 105].

В словаре «Брокгауза и Ефрона» в статье «Басма» говорится, что Н.М. Карамзин был не прав, отождествляя басму с идолом, болваном хана, так как это противоречит мусульманским обычаям, запрещавшим изображение человека и тому факту, что Иван III разломал басму руками. В данной статье было высказано мнение, что басма – это портрет хана, рисунок [Энциклопедический словарь «Брокгауза и Ефрона», 1897. С. 148], этой же точки зрения придерживался В.В. Григорьев, что в принципе также противоречит мусульманским обычаям. Здесь же отмечается, что в русском искусстве оттиски изображений, оклады икон, евангелий и др. назывались «басменными» или «басменными», то есть печатными, тисненными. Само же слово «басма» этимологически возводится к тюркскому глаголу «*basmak*» – бить, чеканить [Григорьев, 1876. С. 182].

Согласно П.М. Мелиоранскому ханские грамоты выглядели следующим образом: вверху в качестве заголовка писалась золотом или киноварью «ту-гра» (монограмма из имени и титула правителя с какой-нибудь благопожелательной формулой), далее следовал текст грамоты, где под каждой строчкой оставлялось место для печати (тамга, нишан, мухур). Затем документ сворачивался и помещался в специальный футляр, который обвязывался шнуром, концы которого скреплялись особой печатью в виде шара или диска, т. е. буллы. Именно эта булла, по мнению П.М. Мелиоранского, и есть басма Казанского летописца, которую разломал Иван III. Однако он не исключает, что под словом «басма» подразумевался и сам ярлык [Мелиоранский, 1907. С. 138–140]. Во время заседания Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества в 1905 г. Я.И. Смирнов высказал мнение, что появление ханского изображения на печати могло быть вызвано влиянием христианства и европеизацией ордынского правителя. Далее же он предполагает, что басмой мог быть назван бронзовый литой медальон с изображением хана Ахмата изготовленный в Орде заезжим итальянцем. Но в целом, вопрос относительно «басмы» Я.И. Смирнов считал не решенным [Смирнов, 1907. С. XVII–XVIII]. На одном из заседаний Археологического Общества Н.И. Веселовский в дополнение к докладу П.М. Мелиоранского привел свидетельство Бенедикта Поляка о статуе императора в ставке Бату, которой необходимо было поклоняться [Веселовский, 1907. С. XXV]. Таким образом, он, вероятно, продолжил мысль о басме как статуе.

Впервые между «басмой» и «пайцзой» провел аналогию К.А. Иностранцев. Он предположил, что послы были снабжены деревянной

пайцзой, которую сломал в порыве гнева Иван III. Кроме того, слова летописца «басма лица его», К.А. Иностранцев весьма резонно объясняет тем, что «посланная дощечка равносильна личному приходу хана» [Иностранцев, 1908. С. 178–179]. Спицын А.А. также придерживался мнения, что «басма» тождественна «пайцзам», которые он называет термином «байса» [Спицын, 1909. С. 130–141].

Интересны на этот счет выводы А.Н. Самойловича, который пришел к выводу о слиянии печати (тамга) и рукописного шифра (нишан, заголовок) на официальных документах в «вислую печать» («алтун бајса» – «золотая пайза»). Выглядела она следующим образом: «И у этой грамоты привешена печать золотая на серебряном снурке; в печати на одной стороне вырезано словами татарскими, а по переводу «Нет Господа токмо Бог, Магомет послан от Бога». На другой стороне той же печати «Адиль-Гиреево цареве величество Девлет-Гиреев царевичев сын», – говорится в документах Московского Посольского Приказа. По мнению А.Н. Самойловича: «Слово «бајса», обозначавшее первоначально в Золотой Орде «верительную дощечку»... стало обозначать в Крыму к XVII в... словесную формулу на квадратной печати, а также вислую государственную печать». Исходя из этого он считал, что относительно времени описываемых событий в Казанском летописце, то есть приход послов к Ивану III от Ахмата, термин «басма» был аналогичен понятию «пайцза». Только потом он трансформировался в «вислую печать», что противоречит выводам П.М. Мелиоранского о том, что «басма» – это «булла» [Самойлович, 1926. С. 1117, 1118, 1120].

Мнения К.А. Иностранцева и А.А. Спицына, считавших тождественными понятия «басма» и «пайцза», приводятся в труде Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского [Греков, Якубовский, 1950. С. 140]. Причем, авторы вообще не упоминают о других точках зрения. Видимо, для них вопрос о «басме» послов хана Ахмата кажется решенным.

Известно, что золотоордынские ханские грамоты русскому духовенству обычно сопровождалась нишаном (именной печатью хана) [Григорьев, 2004. С. 51–53, 64–66, 70–71], а ярлыки – пайцзой («байсой») и алотамговой печатью (символ родовой собственности джучидов) [Григорьев, 2004. С. 108–114; 200–202], хотя четкой системы в этом не наблюдается. К ханским грамотам венецианским купцам также обычно прилагалась пайцза («baisa»), в том числе золотая, а так же одна или три красных (алотамговых) печати («bullis rubeis»), или золотая печать (нишан) [Григорьев, Григорьев, 2002. С. 24, 27–28, 61–64, 72–74, 119–121, 160–161; 164–166, 188, 199–200; Иштван, 2002. С. 202]. Чаще всего алотамговая печать, содержащая тамгу джучидов, являлась атрибутом высшей власти золотоордынского хана и ставилась на правовых актах, обладавших высшей юридической силой. Ярлыки с алой тамгой выдавались иностранным государям, либо высокопоставленным подданным хана. На посланиях и распорядительных документах обычно ставились печати с именем хана – нишаны, обладать которыми позволялось и другим джучидам [Почекаев, 2009. С. 53–54].

Исследователями высказывалось мнение, что рассказ о приеме послов Иваном III и поругании «басмы» в Казанском Летописце является поздней вставкой исключительно фольклорного характера, которая к действительно-

сти никакого отношения не имеет [Борисов, 2000. С. 429-430; Горский, 2003. С. 98-101]. Так это или нет, но летописный рассказ не мог появиться на пустом месте, даже если это исторический памфлет. Даже если «басма» послов вымышлена, она должна иметь реальный прототип.

Установлено, что термин «байса» является тюркским искажением (передачей) монголо-китайского слова «пайцза». Именно в этом виде он и попал в золотоордынские официальные документы, переданные по-русски и по-латыни. Термин же «басма» имеет другое происхождение. Он происходит от заимствованного в тюркских языках глагола «*basmak*» – бить, чеканить. Таким образом, слово «басма» по-русски обозначает печать, тиснение. Вероятно, когда в XVI–XVII вв. традиция использовать пайцзы сошла на нет, термины «байса» и «басма» слились и стали обозначать печать или буллу, в том числе двустороннюю – на шнурке. Именно в этом формате слово «басма» и попало в Казанскую Летопись, написанную в 1564–1566 гг. Однако, не все так однозначно. Нам не известно точное время прекращения использования пайцз в Золотой Орде. Поэтому не исключено, что «басма» оплеванная, изломанная и потоптанная Иваном III, является пайцзой. Косвенным подтверждением этому является не вполне понятное словосочетание из Казанского Летописца «басма лица его». По справедливому мнению К.А. Иностранцева «посланная дощечка равносильна личному приходу хана» [Иностранцев, 1908. С. 178–179], что легко объясняется отношением к пайцзе, как к вместилищу «сульдэ» («харизмы») самого хана или его предков. В данном случае понятие «сульдэ» («харизма»), известное в каком-то смысле автору легенды или летописцу, было переведено (передано) по-русски как «басма лица его» («знак/печать духа/харизмы его»? – А.М., А.Ш.), понятное русскому восприятию. Таким образом, сообщение Казанского летописца свидетельствует о сохранении в поздний период существования Золотой Орды почитания культа и «сульдэ» («харизмы») Чингисхана и сакрализации монгольских властных символов.

Таким образом, в изучении пайцз в настоящее время существует несколько аспектов, которые подлежат дальнейшим исследованиям.

Датировка и атрибуция значительной части пайцз существенно затруднена, так как большинство из них являются анонимными и не содержат имени правителя. В этом случае даже относительная датировка и атрибуция возможны лишь по косвенным признакам (лексика, тип письма, символика).

Описание и социальное ранжирование пайцз в отдельных средневековых источниках существенно различаются между собой, видимо эта градация была различной в отдельных монгольских государствах. Также лишь частично совпадают средневековые описания с внешним видом находок пайцз. Например, нам известны пайцзы с изображениями солнца, луны, прямоугольные, круглые или овальные по форме, что совпадает со средневековыми описаниями. Однако до сих пор не найдены пайцзы с изображениями льва, тигра, кречета, или с инкрустацией жемчужинами. Трактовку как «драконьей» или «львиной» символики на Юаньской пайцзе из Томской губернии, пока можно считать лишь предварительной. С другой стороны в источниках нет упоминаний о пайцзах, на которых изображены шести- или восьмиконечная звезда, копьевидный знак, или мифический монстр «тяо-те», хотя та-

кая символика встречена на опубликованных пайцзах. Это свидетельствует о том, что нам полностью не известно соответствие найденных разновидностей пайцз с социальным статусом их носителей. Добавим, что отдельные пайцзы имеют порядковые номера, смысловое значение которых не понятно нам с точки зрения средневековой монгольской иерархии.

Весьма интересным направлением является изучение символики и образов, встречаемых на пайцзах, с точки зрения традиционной монгольской картины мира, имперской мифологии и идеологии монгольских династий.

Обычно пайцзы делят на два вида: 1) наградные, присваивавшие ее носителю определенный титул, звание или должность и 2) подорожные – выдаваемые чиновникам для выполнения различных поручений [Банзаров, 1850. С. 19; Крамаровский, 2002. С. 215; Почекаев, 2009. С. 56]. Те и другие служили своеобразным удостоверением для их обладателя [Самойлович, 2005. С. 222–223; Мальм, 1976. С. 71].

Специальные знаки, дающие право передвижения в Монгольской империи, в последующих монгольских государствах, в том числе и Золотой Орде, имели весьма важное значение. Известно, что во всех улусах империи в XIII в. была создана сеть дорог и станций для быстрого и беспрепятственного передвижения посольств, гонцов и иной дипломатической корреспонденции. Это потребовало немало властных усилий и финансовых средств. В Золотой Орде также функционировала подобная служба. В русских княжествах даже была введена повинность содержать послов и поставлять лошадей для передвижения золотоордынских посольств, которая была весьма обременительной для сельского населения, проживавшего на «южных» дорогах.

Современные исследователи считают, что пайцзы не всегда выдавались каждым новым ханом вместе с ярлыком. Выданная при первичном пожаловании пайцза, сохраняла свою юридическую силу и в том случае, если последующий хан выдавал новый ярлык, вместо выданного его предшественником, или если он выдавал ярлык новому лицу – преемнику старого, в случае сохранения условий пожалования. Таким образом, пайцзы приближаются по значению к современному пропуску или служебному удостоверению [Григорьев, 2004. С. 200–201; Григорьев, Григорьев, 2002. С. 113; Почекаев, 2009. С. 56].

Добавим, что, на наш взгляд, пайцзы выполняли важнейшую функцию в системах социального этикета монгольских государств и служили также своеобразными знаками отличия для военачальников, гражданских чиновников и послов при исполнении ими своих обязанностей и передвижении по дорогам государства. Возможно, иногда пайцзы могли играть роль статусных наград по типу средневековых рыцарских почетных орденов.

Литература:

Банзаров Д. Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов // Собрание сочинений, М., 1955.

Банзаров Д. Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. Вып. II. СПб., 1850.

- Банзаров Д.* Разъяснение одной монгольской надписи на серебряной дощечке, найденной в Екатеринославской губернии в имении барона А. фон-Штиглиц // Собрание сочинений. М., 1955.
- Бичурин Н.Я.* Замечания по поводу спора о монгольской надписи времен Монкэ-хана // Финский Вестник, 1847. № 5.
- Борисов Н.С.* Иван III. М., 2000.
- Веселовский Н.И.* Дополнение к докладу П.М. Мелиоранского «Что такое басма золотоордынских послов?» // Записки Восточного Отделения Русского Археологического общества. СПб., 1907. Т. XVII.
- Веселовский Н.И.* Свистящие стрелы // Известия Археологической комиссии. СПб., 1909. Вып. 30.
- Горский А.* «Здесь конец нашему рабству» (когда Москва освободилась от власти Орды?) // Родина. 2003. № 11.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М-Л., 1950.
- Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Историко-лингвистический анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.
- Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV в. из Венеции. СПб., 2002.
- Григорьев В.В.* Монгольская надпись времени Монкэ-хана // Журнал Министерства Внутренних Дел. Ч. 16. Кн. 11, М., 1846.
- Григорьев В.В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Россия и Азия. СПб., 1876.
- Жамцарано Ц.Ж.* Пайцзы у монголов в настоящее время // Записки Восточного отделения Русского Археологического общества. Т. XXII. 1915.
- Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. Т. III.* М., 2009.
- Ивлиев А.Л.* Шайгинская пайцза в свете данных японской летописи // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток, 2000.
- Иностранцев К.* К вопросу о «басме» // Записки Восточного отделения Русского Археологического общества. СПб., 1908. Т. XVIII.
- Иштван Ваиари.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2002.
- Карамзин Н.М.* История государства российского. СПб., 1830. Т. VI.
- Крамаровский М.Г.* Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Кручкин Ю.Н.* Большой современный русско-монгольский – монгольско-русский словарь. М., 2006.
- Кычанов Е.И.* Тангутские пайцзы // Бронзовый и Железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы. Л., 1927.
- Леонтьевский З.Ф.* Китайское пайце // Труды Восточного отделения Русского Археологического общества. Ч. 2. СПб., 1856.
- Мальм В.А.* Пайцза из Симферопольского клада // Средневековая Русь. М., 1976.

Мелиоранский П.М. Что такое «басма» золотоордынских послов хана Ахмата // Записки Восточного Отделения Русского Археологического общества. СПб., 1907. Т. XVII.

Мэн-да Бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). М., 1975.

Позднеев А.М. Китайская пайцза, найденная в Минусинском округе в 1884 году // Записки Восточного отделения Русского Археологического общества. СПб., 1886. Т. 1.

Позднеев А.М. Лекции по истории монгольской литературы. СПб., 1897.

Позднеев А.М. Объяснение древней монгольской надписи на чугунной дощечке, доставленной в императорскую академию наук г. Винокуровым // Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1881. Т. 39. Кн. 2.

Почкаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.

ПСРЛ. Т. XIX. Казанский Летописец. СПб., 1903.

Путешествия в восточные страны. М., 1997.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.; Л., 1946.

Савельев П.С. Извлечение из Всеподданнейшего отчета об археологических розысканиях в 1853 году. СПб., 1855.

Савельев П.С. Монгольское пайзе, найденное в Забайкальской области // Труды Восточного отделения Русского Археологического Общества. Ч. 2. СПб., 1856.

Самойлович А.Н. Китайская «пай-дзы» в старотурецком толковании на арабский Коран // Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005.

Самойлович А.Н. О «пайза» - «байса» в Джучиевом улусе (к вопросу о басме хана Ахмата) // Известия АН СССР. VI серия. Л., 1926. Т. 20. № 12.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.

Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденного преимущественно в пределах Российской Империи. СПб., 1909.

Смирнов Я.И. По поводу сообщения П.М. Мелиоранского о басме золотоордынских послов // Записки Восточного Отделения Русского Археологического общества. СПб., 1907. Т. XVII.

Спицын А.А. Татарские байсы // Известия императорской археологической комиссии. СПб., 1909. Вып. 29.

Шавкунов Э.В. Работа Шайгинского отряда // Археологические открытия 1976 года, М., 1977.

Шавкунов Э.В. Шайгинская пайцза // Вопросы Истории. 1982. № 8.

Шмидт Я.И. Монгольская квадратная надпись, из монгольского владычества // Библиотека для чтения (журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод). СПб., 1846. Т. 79.

Энциклопедический словарь «Брокгауза и Ефрона» в 82 т. СПб., 1897. Т. 4.

Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII-XV вв. СПб., 2006.

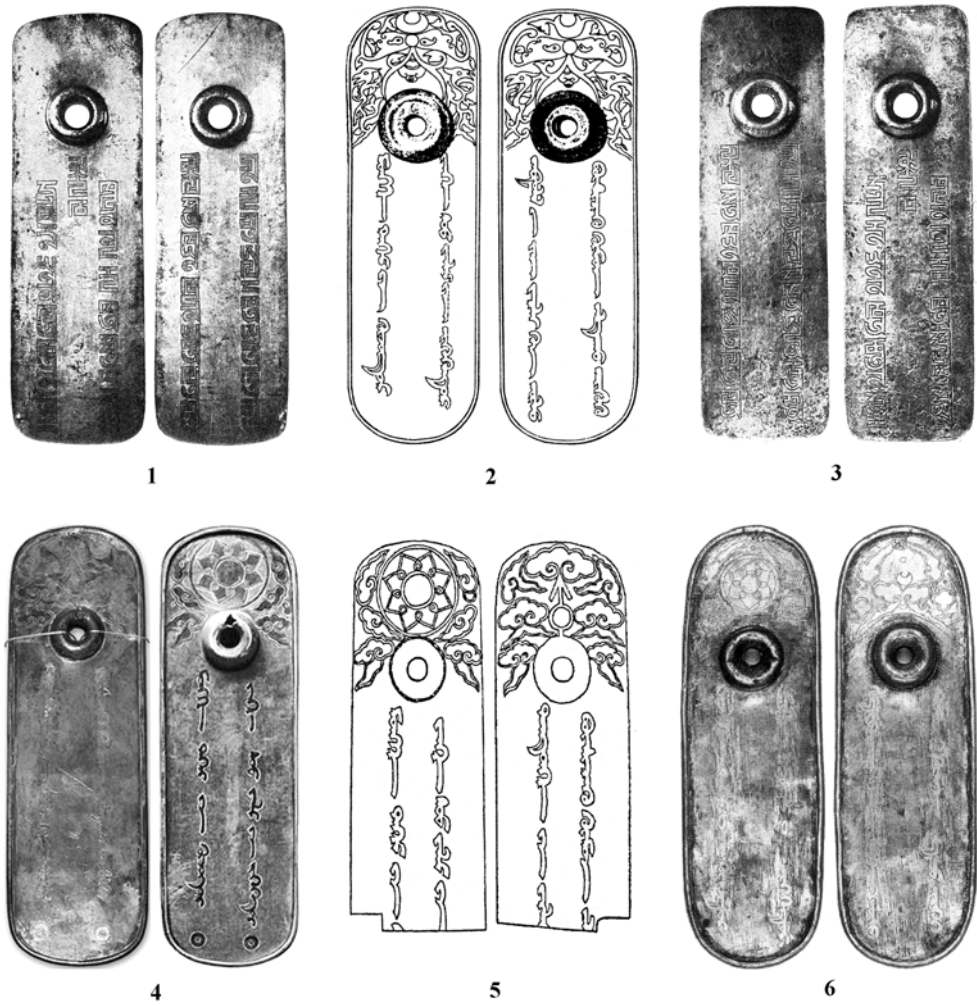

Рис. 1. Монгольские и золотоордынские пайцзы:
1 - Минусинский округ, Енисейская губерния; 2 - «пайцза Абдуллы» д. Грушевка
Екатеринославской губернии; 3 - с. Ньюское Верхнеудинского округа Забайкальской области;
4 - «пайцза Узбека»; 5 - «пайцза Токты» г. Камышин; 6 - Симферопольский клад

Рис. 2. Монгольские и китайские пайцзы:
1 - «династия Юань» Минусинский округ, Енисейская губерния; 2 - «династии Юань»,
Томская губерния; 3 - «Дайцинская династия» (Китай, 1793 г.)

Список сокращений:

АВЕС – Археология Восточно - Европейской степи
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АН – Академия наук
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВАК – Всероссийская аттестационная комиссия
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА – Институт археологии
ИА РАН – Институт археологии
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИНВИК – Известия Нижне-Волжского института краеведения
ИСТАРХЭТ – Общество истории, археологии и этнографии при СГУ
КалмИОН – Калмыцкий институт общественных наук
КалмНИИ ИФЭ – Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики
КалмНИИЯЛИ – Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
КалмРКМ – Калмыцкий республиканский краеведческий музей им. Н.Н. Пальмова
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК – Ленинградское отделение института истории и материальной культуры
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НВИК – Нижневолжский институт краеведения
НЕ СГУ – Научный ежегодник СГУ
НИАЛ – Научно-исследовательская археологическая лаборатория
НИЧ – Научно-исследовательская часть
ОЛ – Открытый лист
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология
СППИ – Саратовский государственный педагогический институт
СГСЭУ – Саратовский государственный социально-экономический университет
СГУ – Саратовский государственный университет
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СУАК – Саратовская губернская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
Труды ОИАИЭ – Труды Общества истории, археологии и этнографии при
Саратовском университете
УЗ СГУ – Ученые записки СГУ
ЭКМ – Энгельсский краеведческий музей

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Каргин Ю.Ю.</i> Полевые археологические исследования <i>И.В. Синицына</i> (к 110-летию со дня рождения).....	7
ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА	
<i>Малов Н.М., Сергеева О.В.</i> Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья	30
<i>Захариков А.П.</i> Спасательные раскопки курганного могильника Вязовка в Саратовской области в 2009 году.....	62
<i>Малов Н.М., Косинцев П.А.</i> Селище Волго-Донской катакомбной культуры Сосновка-I из Саратовского Поволжья.....	78
<i>Мергалиев Р.С., Сингатулин Р.А., Юдин А.И.</i> Исследования на курганной группе Кырык-оба в 2008–2009 гг.	95
<i>Лифанов Н.А.</i> Исследования курганного могильника Богородское-I в 2008 году	108
<i>Лопатин В.А.</i> Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007–2009 годов)	126
<i>Хреков А.А.</i> Постзарубинецкий культовый комплекс Рассказань-III в Прихоперье	157
<i>Бабинцев Р.В., Шереметьев А.Г., Шмелев Д.Д.</i> Археологические разведки молодых исследователей СГУ в 2009 г.....	208

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>Ляхов С.В., Мячин С.В.</i> Кочевническое погребение «постгуннского» времени у села Тугулулук Ставропольского края (предварительная публикация).....	225
<i>Шевченко Ю.Ю.</i> Христианские пещерные храмы Восточной Европы в эпоху великого переселения народов	231
<i>Вязов Л.А., Нерушин И.А.</i> Стiletовидные предметы с волотообразным навершием с территории Среднего Поволжья.	255
<i>Лопатин В.А., Малышев А.Б.</i> Культурно-хронологические комплексы поселения Мартышкино (материалы эпохи средневековья).....	274
<i>Малышев А.Б. Шереметьев А.Г.</i> Монгольские и золотоордынские пайцзы, как предмет исследования в отечественной исторической науке.....	323
Список сокращений	338
Содержание	340
Сведения об авторах.....	342

Сведения об авторах:

Бабинцев Роман Владимирович – студент ИИМО СГУ (Саратов).

Вязов Леонид Александрович – ассистент СамГУ (Самара).

Захариков Андрей Петрович – председатель Саратовской региональной общественной организации «Нижеволжское археологическое общество» (Саратов).

Каргин Юрий Юрьевич – кандидат исторических наук (Саратов).

Косинцев Павел Андреевич – кандидат биологических наук, зав. Лаборатории исторической экологии Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

Лифанов Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент СамГУ (Самара).

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Ляхов Сергей Витальевич – главный специалист ГУП «Наследие» при Министерстве культуры Ставропольского края (Ставрополь).

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Мальшев Алексей Борисович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Мергалиев Руслан Серикович – старший научный сотрудник Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии (Уральск, респ. Казахстан)

Мячин Сергей Владимирович – старший научный сотрудник ГУП «Наследие» при Министерстве культуры Ставропольского края (Ставрополь)

Нерушин Иван Александрович – аспирант СамГУ (Самара).

Сергеева Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, зав. экспозиционным отделом Энгельского краеведческого музея (Энгельс).

Сингатулин Рустам Адыгамович – кандидат исторических наук, доцент ПИСГУ, зав. Лабораторией информационных технологий (Саратов).

Хреков Анатолий Анатольевич – старший преподаватель Балашовского педагогического института СГУ (Балашов).

Шевченко Юрий Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Санкт-Петербург).

Шереметьев Александр Григорьевич – аспирант СГУ (Саратов).

Шмелев Даниил Дмитриевич – сотрудник НПЦ Комитета по охране культурного наследия Саратовской области (Саратов).

Юдин Александр Иванович – доктор исторических наук, зам. начальника отдела Комитета по охране культурного наследия Саратовской области (Саратов).

**КАФЕДРА ИСТОРИОГРАФИИ, РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
И АРХЕОЛОГИИ
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Уважаемые коллеги!

На кафедре историографии, региональной истории и археологии Саратовского госуниверситета продолжается издание сборника «Археология восточно-европейской степи». Приглашаем Вас принять участие в этом издании. Редакционная коллегия принимает материалы для публикации по следующим темам:

- Новейшие исследования в археологии региона и проблемы охраны памятников
- Культуры каменного века и палеоэкология
- Культурогенетические процессы в эпоху энеолита – бронзы
- Варварская периферия античного мира
- Археология и история средневековья
- Этноархеологические исследования памятников российской колонизации Нижнего Поволжья

- Памятники первобытного искусства
- История и историография археологии
- Новейшие методы в полевой археологии и междисциплинарных исследованиях

В сборник также принимаются оригинальные переводы исторических источников, касающиеся древней и средневековой истории восточно-европейских степей.

Комплектование выпуска сборника завершается 1 июня 2011 г.

Требования к оформлению статей

- Объем: до 1–1,5 п. л.
- Обязателен печатный и электронный варианты (по электронной почте) – в текстовом редакторе WORD, формат Word или RTF, шрифт – Times New Roman, кегль 14, полуторный интервал.

- Поля: верхнее 2 см, левое 3 см, нижнее 2 см, правое 1,5 см. Абзацный отступ 1,25.

- Инициалы и фамилия автора печатаются в правом верхнем углу.

• Иллюстрации входят в общий объем статьи и выполняются в отдельных файлах любого формата, поддерживаемого редактором Photoshop, (разрешением не менее 300 dpi), размещаются на листе формата А4 (до 7 экземпляров), с соответствующими подписями, номерами рисунков и ссылками на рисунки в тексте.

• Название статьи набирается заглавными буквами, выделяется жирным шрифтом и печатается по центру.

- Оформление ссылок – по правилам журнала «Российская Археология».

• В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (кафедра, факультет, ВУЗ, учреждение, лаборатория, отдел и т. п.), контактный телефон, e-mail.

- Печатный экземпляр должен быть подписан автором.

Статьи можно направить по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, СГУ, Институт истории и международных отношений (Корп. 11), Кафедра историографии, региональной истории и археологии.

Ответственный редактор сборника: Лопатин Владимир Анатольевич, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии СГУ (моб. тел.:89172148709). Ответственный секретарь сборника: Малышев Алексей Борисович, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии СГУ (моб. тел.: 89271036920 e-mail: ordynez @yandex.ru).

Телефон кафедры: 8(8452)210656.